

Иван Рак

Мифы Древнего Ирана

bibliotheca mythologica

Екатеринбург
У-Фактория
2006

Серия «Bibliotheca mythologica»

Составитель *В. Харитонов*

Рак И. В.

P19 Мифы Древнего Ирана. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 400 с.
(Серия «Bibliotheca mythologica»).

В книге представлен литературно-художественный пересказ зороастрийских мифов и преданий, снабженный авторским комментарием, где приводятся варианты мифов, в частности их отражение в средневековом эпосе «Шахнаме». В качестве дополнения прилагаются сведения о древнеперсидской и «зороастрийской» календарных системах. В конце книги помещен предметно-именной справочник-указатель.

ISBN 5-9709-0192-X

ББК 82.3(0)

ISBN 5-9709-0192-X

© Рак И. В., 2006

© Прокофьев К., художник, 2006

© Прокофьев К., Иванов К., Касьяненко А.,
обложка, макет, 2006

© ООО «Агентство прав «У-Фактория», 2006

Индоиранская общность

Подобно тому как мусульманскую религию принесли в средневековый Иран иноземцы арабы, однако чужая вера постепенно прижилась в завоеванной стране и с какого-то момента стала для иранцев уже не насажденной, а исконной, — так и за три тысячелетия до того древнеиранская культура начиналась и складывалась вдали от Ирана, а потом вторглась в Иран извне. Арийцы — предки иранцев и индоариев — были пришлым народом.

О ранней их истории почти ничего не известно. Еще до 2-го тысячелетия до н. э. арийцы разделились на восточных и западных и населяли, по разным гипотезам, Европу, южнорусские степи, южное Приуралье, междуречье Амударьи и Сырдарьи, восточный Казахстан, Прикаспийскую низменность или земли северней по Уралу и Волге; некоторые исследователи считают их прародиной Алтайский край, а на заре иранистики всерьез обсуждалась возможность прихода арийцев из Заполярья и даже с Северного полюса — с теплого, цветущего материка Арктида, который, подобно Атлантиде, якобы затонул где-то перед наступлением ледникового периода. Но, как бы то ни было, само Иранское нагорье в то время было заселено совсем другими народами, жившими там исстари. В основном это были скотоводческие племена.

К рубежу 3—2-го тысячелетий до н. э. арийцы сосредоточились в Средней Азии и частью по южному Приуралью. Они не были монолитным сообществом, как, например, более поздние гунны или монголы Золотой Орды, тоже кочевники, — арийские племена жили обособленно

и чаще враждовали между собой, чем объединялись в кланы и союзы. Какие-то племена уже тогда тяготели к оседлости, однако большинство их оставались кочевыми, почти что скифскими по укладу жизни, полной разбойными набегами друг на друга, грабежами и угонами скота.

И все же арийцы были единым народом, хоть и разбросанным по степям и раздробленным на племена; единым не только этнически — они обладали *общей культурой*, которую понесли затем в Индию и в Иран.

Все другие великие переселения народов шли с юга на север и с востока на запад; арийцы — единственные, кто продвигался на восток и на юг. О времени их вторжения в Индию и на Иранское нагорье мнения исследователей тоже расходятся. Упомянув, что самая ранняя из предлагаемых дат — начало 3-го тысячелетия до н. э., мы будем впредь придерживаться хронологии, принятой отечественной наукой, и выберем в качестве исходной точки приблизительно XV век до н. э. В целом вторжение не носило завоевательного характера и поэтому растянулось надолго. До X века арийцы расселялись по просторам будущей Персидской державы, от Западного Ирана до Гандхары, постепенно смешиваясь с коренными народами; другая волна через Гиндукуш хлынула в Индию и покатила по полуострову на юг.

Этот период принято называть *эпохой индоиранской общности*. До X и даже до IX века до н. э. культура индийских и иранских племен оставалась, как и прежде, *общей*, — хотя в течение всей «эпохи общности» шло постепенное разделение индоиранцев на два народа, говорящих на разных языках, и складывались две разные религии — начатки индийских Вед и иранской Авесты, брахманизма и зороастризма.

* * *

Человек Древнего мира не делил духовную деятельность на *разновидности*. Нужно было пройти столетиям, чтобы религия, философия, искусство, мораль и познание природы стали самостоятельными направлениями творческого поиска, мало зависимыми друг от друга¹.

¹ В живописи этого разделения не было еще в Средние века. Если о леопардовой «Мадонне Литта» мы хоть и не слишком уверенно, но все-таки можем сказать, что это скорей живописное произведение, чем культовое, и место ему в музее, а не в храме, — то относительно фресок Джотто просто бессмысленно задаваться вопросом, «живопись» это или «религия»: и то и другое, разграничить еще невозможно. «Исповедь» Блаженного Августина — это «богословие», «философия» или «литература»? — всё вместе. Ригведа, авестийские гимны — «поэзия» или «религия»? Изваяния фараонов — «скульптура» или «культ»?.. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Такое целостное — или, как принято его называть, *мифологическое* — мышление основывалось прежде всего на религии. Поэтому у древних народов, объединенных общей религией, складывались и общие эстетические воззрения, и общая мораль, и схожее мировидение — то есть в конечном счете *общая культура*. Такие народы (племена, княжества, города) могли жить обособленно, враждовать, воевать — но все равно они оставались едиными в культурном отношении. Достаточно вспомнить, что нет такого политического понятия «Древняя Греция» — только историко-культурное.

В общую религию могли сливаться разнородные местные культы, каждый со своим собственным религиозным учением, со своими божествами, духами, легендарными героями и мифами о них. Бог, чтимый одним племенем как творец мира, по верованиям соседей мог быть подателем дождей, владыкой загробного царства, покровителем воинов или, напротив, воплощать в своем образе зло, а в иных племенах имени этого бога не знали вовсе.

Такой была общая религия индоиранцев. Ее обрядность и мифология воссоздаются по позднейшим письменным источникам (индийским и зороастрийским), по данным археологии и по этнографии современных среднеазиатских народов.

Старые индоиранские божества

Одно из основополагающих понятий зороастрийской религии, понятие *Аша* (или *Арта*), которому в индийских Ведах соответствует *Рта*, у индоиранцев уже существовало.

В буквальном переводе Аша значит «правда», «истина», но индоиранцы вкладывали в это слово иной смысл, нежели вкладываем мы. «Истиной» для них был прежде всего глобальный закон мироздания, регулирующий движение небесных светил, смену времен года и вечное «воскресение» природы весной; в согласии с Истиной-Аша рождаются и умирают люди, в надлежащую пору льют дожди, произрастают травы на пастбищах, плодятся скот. Мифологическое мышление индоиранцев не противопоставляло природу и человека, поэтому понятие Аша имело также и социальное содержание: существующий иерархический уклад в племенах, деление на три сословия — жрецов, воинов и скотоводов-пастухов —

было для индоиранцев столь же естественным природным законом, как чередование дня и ночи.

Аша индоиранцев довольно близко соответствует древнеегипетскому понятию Правды — Маат. Но, в отличие от миропорядка-Маат, миропорядок-Аша не мыслился как неизменный и навечно нерушимый. Злые силы, волею которых на землю обрушивались бедствия — засухи, например, или падёж скота, — стремились низвергнуть мир в хаос и небытие, и возможность такого исхода, во всяком случае, не отрицалась априори, как в религии древних египтян. Победа Добра не считалась изначально предопределенной; бесспорно, индоиранцы не сомневались в ней, но это была не догма, а предмет веры — подобный вере солдат на войне в победу. Ашу хранили благие силы, противостоящие вселенскому Злу.

И те и другие силы вначале представлялись явлениями природы (засуха) или чистыми абстракциями (счастье). Кроме того, у индоиранцев еще жило древнее поверье, что в мире нет ничего «нейтрального»: растения, камни, воды, воздух, горы — все сущее надделено «духом» *манью*, который может быть добрым или злым, — а стало быть, все творения причастны к борьбе Добра и Зла, Истины и Лжи. Со временем индоиранцы стали олицетворять явления и понятия в образах божеств (демон засухи Апаоша, богиня счастья и благополучия Паренди). По словам исследовательницы зороастризма Мери Бойс, «вместо того чтобы определять божественную персону изречением типа “Бог — это любовь”, индоиранцы начинали свою веру с того, что “Любовь — это бог”, и постепенно создавали на основе этого представления божество». Этот процесс шел долго, у каждого племени по-своему. Когда образ того или иного бога окончательно складывался, он, как правило, все равно не вытеснял из религии соответствующее природное явление или абстрактное понятие: богиня реки и сама река, богиня счастья Паренди и счастье как таковое оставались едиными, точнее — двуедиными объектами культа, немислимыми один без другого.

Точно так же персонифицировались и злые силы. Постепенно у индоиранцев сложилось верование в два враждующих клана богов — *ахуров* и *дэвов*, причем в разных племенах благими божествами, хранителями Истины, выступали как ахуры, так и дэвы. Обычно они считались двумя поколениями богов, старшим и младшим, противоборство которых — это вселенское противоборство Добра и Зла.

Уместно было бы добавить, что древним политеистическим религиям были не свойственны ни догмы, ни понятие «ереси». С точки зрения языч-

ника, вера другого народа может быть враждебной, несправедливой, даже нелепой, — но она не может быть «ошибочной»: чужой бог для язычника столь же реален, как и свой, каким бы вопиющим надругательством над моралью и здравым смыслом ни казались ему ритуалы, связанные с почитанием этого бога. Война между двумя народами мыслилась и как война их богов, однако боги побежденного народа уничтожались лишь в том случае, если их жречество не было лояльно к завоевателям и сохранялась опасность, что в будущем вера станет знаменем мятежей и восстаний; если же повода для таких опасений не было, завоеватели не только сохраняли святыни побежденных, но сами поклонялись им, покровительствовали служителям их культа, и нередко вслед за слиянием земель и кровей объединялись и пантеоны. Однако отнести это все к иранцам, у которых язычество сменилось монотеизмом и снова язычеством, можно лишь со множеством оговорок.

К концу индоиранской эпохи стала развиваться идея, что во вселенской непримиримой борьбе двух начал участвует человек, укрепляя твердыню Истины-Аша своими праведными поступками или, наоборот, грехами усиливая стан Зла. Триада «благие мысли, благие речи, благие дела», ставшая главной заповедью зороастрийской этики и мерилем людских дел, была провозглашена еще древними жрецами. Разумелось под ней прежде всего внешнее соблюдение моральных предписаний: «благими словами» было чтение молитв; «благими делами» — жертвоприношения богам, боевые подвиги воинов, усердный труд пастухов; молитвы, обращенные к небожителям, состояли из просьб воздать наградой за хвалебные песнопения и жертвы; посмертную судьбу человека определяла его принадлежность к тому или иному сословию — воину загодя была уготована лучшая участь в загробном мире, чем пастуху, вне зависимости от их «мыслей, слов и дел» при жизни. Вместе с тем под «благими мыслями» подразумевались и личностные качества, необходимые для совершения «благих дел», — то есть не только почтение к жрецам и приверженность племенному культу, но и доблесть, усердие, правдивость.

Главным жрецом — посредником между богами и людьми — первое время был вождь племени. Нет никаких свидетельств, что у индоиранцев он считался «земным воплощением» божества или «проводником» небесной Истины-Аша в земной мир, который самим своим существованием поддерживает миропорядок (как египетский фараон). Благополучие племени — урожай и плодovitость скота — не связывалось с телесным

здоровьем вождя и его половой потенцией: у степных народов, для которых земледелие — занятие побочное, такие воззрения отмирали на очень ранней стадии.

По-видимому, вождь племени, он же главный жрец и толкователь волеизъявления богов, первоначально назывался *кави*. Позднее роли первослужителя культа и вождя разделились; главным жрецом у иранских арийцев сделался *заотар*, у индоариев — *хотар*, а кавиями стали называть особое сословие стихотворцев-прорицателей. Во время богослужений *заотар/хотар* приносил жертву и совершал возлияния. Жрецам рангом ниже вменялось поддерживать алтарный огонь, подносить культовые предметы и готовить *хаому* — ритуальный опьяняющий напиток.

Хаома — триединый образ: напиток, растение, из которого его готовили, и бог — персонификация растения и напитка. В Ведах хаоме соответствует *сома*. И у иранцев и у индусов ритуальное питье противопоставляется всем другим хмельным зельям, «притупляющим разум», будящим в человеке «гнев и неистовство». Воздействие хаомы/сомы, по-видимому, было одновременно и тонизирующим, и раскрепощающим сознание — стимулирующим ассоциативно-образное восприятие действительности. В Ведах говорится, что «как наездник погоняет лошадь, так сома возбуждает песню» — то есть вдохновляет на декламацию гимнов-молитв.

Канонических, предписанных ритуалом молитв не существовало. Всякий раз на богослужениях *кави* заново их импровизировал в состоянии опьянения хаомой/сомой. Бог и человек создавали гимн вместе: бог общал *кави* некую истину (само слово «кави» происходит от глагола, этимологически родственного русскому «чуть»), *кави* же облакал ниспосланное духовное откровение в слова. Таким образом, заклинания и молитвы, произносимые *кави*, представляли собой то, что Авеста называет *Мантра Спента* — Святое Слово, — воздействующее слово, которое сам бог наделил силой.

Служба обыкновенно посвящалась какому-то одному богу. Этот бог, призванный молитвой *кави*, спускался с небес и незримо восседал на *барсмаче* — соломе, расстеленной по земле. На *барсмаче* же перед алтарным огнем совершалось заклинание жертвенного животного — быка или овцы. Считалось, что души убитых животных отлетали на небо и воссоединялись с божеством *Геуш Урван* («душа быка»), покровительницей скота и скотоводства.

В разных племенах почитались верховными разные боги. У индоариев главой пантеона выступал, как правило, Индра — воинственный бог победы, метатель громов и молний. В посвященном ему цикле мифов главным событием было убийство Индрой гигантского змея Виртры. Индра носил эпитет Виртрахан — «поражающий Виртру». У иранских арийцев верховным богом чаще был Митра. Это имя было сперва нарицательным и означало клятву о соблюдении договора: например, между двумя соплеменниками или между двумя племенами — о мире и о границах пастбищ. Скотоводам приходилось постоянно перегонять стада на новые пастбищные угодья, по многу дней находиться вдали от племенного поселения, беззащитного перед набегами и грабежами, — такое хозяйство невозможно было бы вести при постоянной вражде с соседями. Клятва митра почиталась священной¹. Со временем она персонифицировалась в бога договора, который карает клятвопреступников. Возможно, Ложь, авестийская Друг (среднеперс. Друдж), противопоставлявшаяся у зороастрийцев Истине-Аша, первоначально фигурировала в пантеоне как антипод Митры. Постепенно Митра обрел функции солнечного бога и стал связываться с огнем.

Огонь индоиранцы чтили особо. По их представлениям, он воплощал Аша-Истину — был ее зримым проявлением в земном мире. Видимо, уже тогда различали несколько ипостасей священной огненной стихии: «небесный огонь», то есть молнию, «огонь Солнца», «огни», которые пребывают в растениях и в телах живых существ («жизненная сила»; труп коченеет, потому что огонь покидает мертвую плоть), и, наконец, обычное пламя — то, что на алтаре и в очаге. Возлияние алтарному огню было одним из главных ритуалов в ежедневных богослужениях. Молитва *нарья санха* — «хвала мужей [огню?]', позднее олицетворившаяся у иранцев в образе одноименного бога-вестника, вместе с запахом возлитой хаомы и жареного жертвенного мяса возносила на небо слова людей, обращенные к богам. Таким образом, через посредство огня осуществлялась связь между миром людей и миром Истины.

Священную стихию земли почитали в двух ипостасях: землю как таковую (почву) и Землю-богиню — Мать Зам, в паре с Отцом-Небом Асманом. Они выступали как прародители всего сущего.

¹ На протяжении всей своей истории иранцы свято соблюдали договоры; и даже когда их обманывали, а после предлагали заключить новый договор, — они если шли на него, то и в этот раз, и во все последующие первыми не нарушали клятвы. Римляне в войнах с парфянским Ираном не раз этим пользовались.

Третья мировая стихия — животворная стихия воды тоже была священна сама по себе (как сами по себе священными были пламя любого огня и любая почва). Индоиранцы обожествляли реки, озера, ручьи и, по-видимому, вообще все источники и водоемы, иногда олицетворяя их в образах богинь. Возлияния воде совершались каждый день вместе с возлияниями огню; и ритуальный напиток хаома, изготовлявшийся из сока хаомы, коровьего молока и воды, очевидно, символизировал триединство животного мира, растений и влаги, без которой сила Зла, в частности демон засухи Апаоша, уничтожили бы на земле всякую жизнь.

Среди божеств, покровительствующих вселенским водам, в религии авестийских иранцев главная роль отводилась Ардвисуре Анахите (букв.: «влага могучая, чистая») — богине в облике юной прекрасной девы (единственное иранское благое божество, которому приписывалось человекоподобное обличье). Считалось, что Анахита живет на вершине мировой горы Хукарья у источника Ардви. Вершина Хукарья достигает небесной обители богов, и оттуда, с высоты неба, пречистый поток по склону горы низвергается в мировой океан Ворукашу — далеко-далеко на востоке. Каждый год в надлежащий срок с небосвода к океану спускается бог Тиштрия (Сириус) в виде белого златоухого коня. На берегу его неизменно встречает Апаоша — конь черный, облезлый, безобразный. Три дня и три ночи противники бьются без отдыха; потом Апаоша временно берет верх над блистательным богом и гонит его прочь от воды. Но благодаря хвалебным гимнам, молитвам и возлияниям хаомы в его честь Тиштрия набирается сил, возвращается к океану Ворукаше и одолевает демона засухи. Черный конь бежит с поля битвы, освободив путь белому коню. Тогда Тиштрия погружается в пучину и пьет студеную влагу — день за днем, много дней и ночей пьет; а потом, напитавшись ею, снова взмывает на небо и по всей Земле-Зам разливает обильные дожди на благо пастбищным травам и колосющимся злакам.

Этот миф подробно изложен в Авесте, но, вероятно, его трактовка в древности была несколько иной: если люди много грешили и недостаточно воздавали Тиштрии почестей, богу не хватало сил для победы и предстоял засушливый год. Не совсем понятно, как разыгрывалось это мифологическое действие на звездном небе: что, к примеру, означает отступление Тиштрии? И что означают облики, которые он последовательно меняет, сперва представляя юношей, затем быком и, наконец, белым скакуном? А демон Апаоша, кажется, и вовсе не имеет небесного соответствия. Но в любом случае миф о Тиштрии, во-первых, редкий для иран-

ской традиции пример астрального мифа, а во-вторых — единственный в ней циклический миф (действие которого не свершилось однажды и навсегда ушло в прошлое, а повторяется вновь и вновь, из года в год).

...Нравственность, мораль, Бог, справедливость, эстетика — это, с точки зрения историка, относительные категории: разные народы и разные эпохи понимали их по-своему, и, например, геройство Ахилла, воспевавшееся в Греции, древний египтянин посчитал бы злом — угрозой существующему миропорядку. Относительна даже красота природы: бескрайнее степное скифское раздолье — для лесных и горских народов уродство, проклятые земли. Но есть, кажется, одно исключение: звездное небо. Все народы восхищались этим зрелищем, и у всех представления о Боге так или иначе связывались с небесами.

Поэтому на первый взгляд может показаться странным, что у индоиранцев, почитавших звезды, астрономические явления почти не отражались в мифологии.

Здесь опять уместно сравнить индоиранскую религию с египетской. У египтян все события мировой легендарной истории повторялись каждый год — в годовом цикле мистерий, «театрализованных представлений» на мифологические сюжеты, — каждое в определенный день года, и каждому соответствовала одна и та же картина звездного неба, повторяющаяся в этот день. Семьдесят дней Сириус не виден: ушел на запад, за горизонт, в царство мертвых, — мертв бог плодородия Осирис, убитый братом Сетом, мертва природа, боги в трауре, в Египте немилосердный иссушающий зной. А перед тем злодей Сет изрубил труп Осириса на куски и разбросал их по берегам Нила — это египтяне срезали и молотили колосья. Семьдесят дней Исида собирает останки мужа и вместе с Анубисом бальзамирует тело. И вот мумию оплакивают. Сириус, осиянная «слеза Исиды», падает в Небесный Нил (первый утренний восход звезды на востоке, для 2-го тысячелетия до н. э. — ок. 20 июля) и растворяется в небесных водах («тает» в лучах зари) — от этого разливается Нил земной. В начале времен мир был водной пустыней, но однажды среди первозданных вод возник Холм-остров, сотворенный богом, — и теперь боги вновь сотворили мир: вода отступила, обнажилась плодородная почва. Мумию Осириса хоронят — бросают в почву зерно, и бог воскресает вместе с первыми всходами. Это было, это свершилось опять, и так будет повторяться вечно — как вечно повторяются одни и те же звездные действия на небесах. Для мифологического сознания мистерии и обряды — это не изображения неких событий, а сами события:

жрец-бальзамировщик в маске Анубиса — сам Анубис, плакальщицы — Исида и Нефтида, покойный — сам Осирис, и всякий умерший воскресает для вечной жизни в загробном царстве, как некогда воскрес великий бог.

Для египетской религии такое мироощущение естественно. В этом *собственно и заключается ее суть: культ стабильности, неизменности, извечности существующего порядка.* Бог Солнца и его свита каждую ночь сражаются с ишчадием Тьмы, гигантским змеем Апопом, повергают его, пронзают копьями; утром солнечная Ладья выплывает из подземелья на небосвод, — но к следующей ночи Апоп излечивает раны и опять нападает на Ладью. Убить его нельзя, как нельзя не убить Осириса — не срѣзать и не обмолотить колосья. Мир зиждется на гармоническом равновесии: силы Зла всегда терпят поражение, но они никогда не будут истреблены до конца, ибо если в мире не останется Зла, то зачем тогда будут нужны боги?

А для издревле кочевавших арийцев окружающий мир постоянно менялся: новые земли — и новая природа, и другой климат, и иное небо над головой. Их религия была устремлена как раз к противоположному: сделать мир таким, чтобы в нем не осталось места Злу, а для этого — помочь богам в их борьбе за полное торжество Истины. Все исторические события уникальны; воскресение змея для индоиранца и зороастрийца — такая же бессмыслица, как для египтянина — его убийство. Змей убит раз навсегда, схватка предстоит уже с новым змеем. Повторяются только природные процессы, из года в год бьется с Апаошей Тиштрия — но и засуха когда-нибудь будет уничтожена и навеки сгинет. «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку» — между повторяющимися звездными картинками на небесной тверди и мировой историей связи нет.

Поэтому не было и мистерий *на сюжеты легендарной истории.* Видимо, еще в ту пору, когда арийцы шли с севера на юг, мистерии превратились сначала в ритуалы, изначальный смысл которых был напрочь забыт или переименован. Так, обряд выжимания хаомы/сомы явно восходит к древнейшей мистерии мифа о том, как боги убили одного из своих братьев, расчленили труп и приготовили из него напиток бессмертия.

По той же причине у иранцев, при их тесном общении с Вавилоном, так долго не приживалась блистательная вавилонская астрология. В досасанидском Иране толковали небесные знамения (так, пятилетняя война Лидии и Мидии закончилась в один день: солнечное затмение 28 мая 585 года до н. э. было истолковано обеими сторонами как гнев богов),

а по зодиаку предсказывали погоду и урожай на несколько лет, но не предсказывали событий — судьбу царя, исходы битв и пр. Лишь с утверждением в зороастризме догмы о predeterminedности конечной победы Добра была воспринята и гороскопная астрология. Космологические мифы и некоторые эпизоды легендарной истории сасанидские богословы стали постепенно приводить «в соответствие» с астрономическими явлениями (подчас это делалось очень неуклюже), но ни одного циклического мифа все равно не появилось. Иранские астрологи, по-видимому, первыми начали предсказывать по звездам не только отдельные события, но также ход истории страны, общую тенденцию. Тем не менее по уровню астрологических знаний зороастрийский Иран не идет ни в какое сравнение с такими цитаделями астрологии, как Вавилония и эллинский мир. И вообще сасанидская астрология имеет весьма отдаленное отношение к религии, поэтому ее не принято называть «зороастрийской». (Зато чуть не центральное место астрология занимала в неортодоксальном ответвлении зороастризма — в учении *зерванитов*.)

* * *

Помимо Ардвисуры Анахиты и Тиштрии подателями влаги были *фраваши* — души умерших предков. Перед весенним равноденствием они в виде крылатых существ, облаченных в доспехи, прилетали из загробной обители (очевидно, с неба) и несли воду — каждая для своей семьи и для своей общины.

Мифы о сотворении мира и людей у каждого племени были свои. Надо полагать, что верховный племенной бог, как правило, почитался и главным демиургом. Общая же картина примерно следующая. Сначала боги сотворили из камня скорлупу небесной тверди и возожгли на ней звезды, а нижнюю часть скорлупы заполнили водой, в результате чего возник мировой океан Ворукаша, окруживший Землю: Земля утвердилась в лоне океана, покоясь в середине каменной сферы «как яичный желток в середине яйца». После этого были сотворены Первый Бык, первый человек по имени Гайомарт («жизнь смертная») и первое растение. Наконец, боги вдохнули в сотворенный мир жизненную силу — огонь; в небе загорелось Солнце, и стало светло. Всю троицу первозданных живых существ боги принесли в жертву: истолкли растение, заклали Быка, убили человека — и из их плоти возникли семена, твари и род людской. Мир пришел в движение в соответствии с Истиной-Аша, регулирующей природные процессы: смену времен года, рождения и смерти.

Верования индоиранцев, касающиеся загробной судьбы, восстанавливаются лишь в самых общих чертах. Существовал миф о Йиме, первом умершем, который проложил человечеству путь в потусторонний мир, сделался богом загробного царства и обустроил преисполненную счастья обитель, где мертвые наслаждаются благостным покоем. Но это представление не было единственным: пантеоны отличались, и в других племенах Йима считался либо богом Солнца, либо богом плодородия, либо вождем человечества в эпоху «золотого века», который был утрачен, когда злые силы обрушились на мир и временно взяли верх — из-за людских грехов или по какой-то другой причине. Все эти сказания переплетались, и впоследствии зороастрийская традиция выработала на их основе цельный миф, вошедший в канон Авесты.

Райская обитель помещалась на небо или на «край света», но хотя души-фраваши пребывали там осененные божьей милостью, они нуждались в регулярных жертвоприношениях и молитвах со стороны потомков. В признательность за радение о себе фраваши носили воду своим живым родственникам и охраняли их от злых духов. Здесь мотив двуединства богов и людей: боги сильны благодаря людям — их молитвам и жертвам, а люди, в свою очередь, сильны благодаря заботе богов, — но не только это: двойственность, логическое (с нашей точки зрения) несоответствие верований и обычаев происходили в конечном счете из-за смутности представлений о том, что же все-таки уготовано человеку в потустороннем мире (полной «ясности» в этом вопросе не было, кажется, ни в одной религии); религиозное «обоснование» иных ритуалов давно было забыто, но они исполнялись — по традиции. Рай, как уже говорилось, мыслился таким же иерархическим, как земное общество: загробная участь — мера благ, которых удостоивался покойный, то, насколько он становился приближен к богам, — зависела от сословия, к которому он принадлежал на этом свете, а уже внутри сословия — от «благих мыслей, слов и дел». Идея наказания за грехи и награды за праведность была еще на довольно примитивном уровне: ад, мрачная безжизненная пустыня, предназначался главным образом изгнанникам и людям из враждебных племен.

Установлено, что арийцы и ранние индоиранцы хоронили своих покойников в земле. Но потом погребальный обряд сменился: у индоариев — кремацией, у иранских арийцев — обычаем выставлять труп в пустынном месте на съедение птицам и зверью. Этот обычай впоследствии ревностно соблюдался зороастрийцами; они считали, что, едва тело по-

кидает жизненная сила-огонь, в мертвую плоть сразу вселяется скверна и всякий прикоснувшийся к трупу или даже только побывавший близ него должен очиститься. Весьма вероятно, что такое поверье — отголосок стародавнего бедствия, чумной или какой-нибудь другой эпидемии, косившей индоиранцев: было замечено, что те, кто обнимал мертвеца, оплакивая его, заболели и уходили следом (ср.: зороастризм запрещает оплакивание трупа — только «заочные» рыдания и не более трех дней). Развивая гипотезу дальше, можно догадаться, почему очистительные омовения совершались коровьей мочой: мочевина не только удобрение, но и хорошее обеззараживающее средство при некоторых воспалительных процессах.

Новое представление о том, что мертвая плоть заключает в себе зло, не могло не повлиять на загробные верования. Умерший должен был предстать перед богами чистым, поэтому скверну надо было уничтожить: «душа» еще не мыслилась чем-то совершенно отделенным от телесной оболочки. Индоарии избрали огонь; иранцы же слишком чтит огонь, чтоб использовать его для уничтожения скверны. Обычай выставления трупов скорей всего подсказала им сама природа: неглубокие захоронения в каменистой земле раскапывали хищники... После уничтожения плоти огнем или зверьем собирали и погребали кости; но хотя считалось, что душа на том свете может облечься в новую (неземную) плоть только при сохранности костей, религиозное сознание индоиранцев вскоре окончательно «отделило» душу от ее телесного мирского вместилища, в которое проникает зло. Логично полагать, что из-за этого «не получили» земных тел-идолов и бессмертные небожители: иранцы не изображали своих богов. Силы Зла (дэвы), напротив, очень часто описываются в зороастрийских текстах имеющими телесное обличье.

По мере территориального и этнического разделения индоиранцев происходило и их религиозное размежевание. Племенные культы, до этого сливавшиеся в общую религию, постепенно обособлялись; божества других племен стали мыслиться как враждебные и противопоставляться богам своего племени. Очевидно, примерно в это время в пантеоне иранцев появился бог войны и победы Вертрагна, заменивший отвергнутого индийского Индру и получивший имя по его эпитету Виртрахан. Прямо противоположно расходились иной раз представления о благостном и злом: например, у авестийских иранцев ад находится далеко на севере — у ведийских ариев там рай. В иранской традиции ахуры — однозначно благие силы мироздания, а их противоборцы дэвы — порождения Лжи;

в Ригведе наоборот: дэвы — боги, асуры — демоны, выступающие против богов.

У иранцев, по-видимому, религиозные представления менялись медленней, чем у индоариев. Во многих иранских областях дэвы продолжали почитаться наряду с ахурами вплоть до V века до н. э., когда культ дэвов был насильственно искоренен царем Ксерксом. Однако резкое противопоставление ахуров и дэвов началось раньше — с реформой Заратуштры.

Заратуштра

Имя «Заратуштра» (среднеперс. Заратушт; в поздних источниках и в «Шахнаме» Зардушт, в грецизированной передаче Зороастр) буквально означает «староверблюдый», «обладающий старым верблюдом» — простое крестьянское имя, типичное, в частности, для Ирана времен Ахеменидов. Подобные непривлекательные имена имели целью отвратить от ребенка злых духов. Такие имена до сих пор встречаются у некоторых народов Средней Азии.

Он был сыном Порушаспы из рода Спитамы. Разные источники относят время его жизни самое раннее — к XV, самое позднее — к VI веку до н. э. (Сообщения некоторых античных авторов, согласно которым Заратуштра жил «за 6 000 лет до Платона», объясняются элементарной ошибкой: эти авторы принимали легендарную зороастрийскую хронологию за историческую и согласовывали ее, каждый на свой лад, с историческим летосчислением греков.) В этих же пределах: XV—VI века до н. э. — колеблются и датировки, предлагавшиеся исследователями. Большинство объективных данных в настоящее время позволяют с достаточной уверенностью ограничить хронологические рамки серединой IX — началом VII века до н. э.

Уже при Дарии I (V в. до н. э.) точного представления о родине Заратуштры не было, и всю последующую историю Ирана многие города и области претендовали на то, чтоб считать его своим уроженцем, — так в Древней Греции семь городов оспаривали право называться родиной Гомера. Из обрывочных, разноречивых и только косвенных сведений, которые дает на этот счет Авеста, все же удастся выстроить версию, что пророк родился в Гаве (греч. Согдиана).

Происходил Заратуштра из жреческого сословия, и по достижении пятнадцати лет — возраста совершеннолетия — он был посвящен в млад-

ший жреческий сан. Стихотворные проповеди Заратуштры — семнадцать авестийских *гата* (гимнов) свидетельствуют о его незаурядном поэтическом мастерстве; несомненно, он обучался сложению молитвенных гимнов и декламировал их во время служб. К тридцати годам он уже стал заотаром — полностью правомочным жрецом, допущенным к знанию сокровенных религиозных таинств.

По преданию, в тридцать лет он был озарен «истиной праведной Веры». Ему явился Господь Мудрый (авест. Ахура Мазда, среднеперс. Ормазд) и призвал на служение себе. В откровениях, ниспосланных Заратуштре, Ахура Мазда разъяснил ему сущность новой религии, которая одна причастна Аше и которая должна прийти в мир, полный Зла, через него — смертного наследника рода Спитамы. Так Заратуштра сделался пророком.

* * *

Учение Заратуштры (гати́ческий, или «чистый», зороастризм) проповедовало *дуалистический монотеизм* — особую разновидность единогобожия, отрицающую существование иных богов, кроме одного, но вместе с тем признающую существование сверхъестественной силы, антагонистичной богу.

Единый благой бог — Ахура Мазда, «Господь мудрый». Зороастрийские источники называют его обычно Духом, но как чистая абстракция он выступает только в Гатах, а в Младшей Авесте и в среднеперсидской ортодоксии он наделяется чертами, характерными для языческого божества (хотя, как и другие боги зороастрийского пантеона, не имеет телесного воплощения). Возможно, образ Ахура Мазды — это результат творческого переосмысления Заратуштрой культа ахуров: его слияние в монотеистический культ.

Ахура Мазде противостоит Злой Дух Анхра Манью, или Ахриман (в Гатах он не называется по имени и фигурирует нарицательно). Оба Духа никем не сотворены и существуют от начала времен.

Природа Ахура Мазды — Добро, Истина-Аша, разлитая в мире, вселенский живительный Огонь — Атар. Сонм бога — шесть Амеша Спента, Бессмертных Святых: Воху Мана («благая мысль»), Аша Вахишта («лучшая истина»), Хшатра Варья («наилучший распорядок», «власть желанная»), Спента Армайти («святое благочестие»), Харватат («целостность», «здоровье») и Амертат («бессмертие»). В Младшей Авесте и позднейших источниках это высшие божества зороастрийского пантеона, наделенные функциями покровителей человека, скота и стихий

(седьмым Амеша Спента обычно считается сам Ахура Мазда), но в учении Заратуштры они еще не самостоятельные боги, а, скорее, аллегории благих качеств бога единого.

Из двух изначальных Духов-близнецов

...избрал себе Лживый — злодеяние,
Праведность — избрал для себя Дух Священный,
Чье облачение — небесная твердь¹ —

оба сделали свободный выбор между Добром и Злом. Точно так же выбор должен сделать и человек:

Внимай, о человек, с напряжением слуха
Превосходному смыслу моего слова:
Оно укажет тебе, что избрать лучше —
Каждому укажет оно,
Выбор касается твоей плоти и тебя².

Идея об участии человека в борьбе двух начал существовала и в индоиранской религии. Но она не была еще ни сформулирована жрецами, ни даже осознана, — Заратуштра же впервые провозглашает ее как один из постулатов веры. Кроме того, помощь, которую человек оказывает богам в деле поддержания миропорядка-Истины, сводилась в индоиранской религии главным образом к внешнему соблюдению обрядов и чтению молитв, а Заратуштра под «благими мыслями, словами и делами» понимает прежде всего морально-нравственные качества человека. Истина-Аша — персонификация праведности, справедливости и благочестивой приверженности «ахуровскому учению»; вместе с тем за ней сохраняются все функции по поддержанию миропорядка. Ей противостоит Друдж — Ложь, первопричина всех людских грехов и пороков, источник Зла. Два Духа-близнеца сделали некогда изначальный выбор, и с тех пор

...оба Духа и поныне пребывают
Во всех мыслях, словах и делах,
Суть Добро и Зло³.

¹ Перевод И. С. Брагинского.

² Перевод К. А. Коссовича.

³ Перевод И. С. Брагинского.

Приверженцы Лжи — *друджванты* усилили стан Злого Духа. *Ашаваны*, избравшие Истину, пополнили воинство Добра и крепят его своими благими мыслями, словами и делами. Эта морально-этическая триада неразделима: мысли и слова без дел — ничто. Идеал пассивной праведности, созерцательного самоуглубления был чужд зороастризму на протяжении всей его истории.

Загробная судьба человека зависит только от его добрых и злых мыслей-слов-дел, к какому бы сословию он ни принадлежал в этом мире. С каждого спросится. Праведного пастуха ждет счастливая участь в небесной райской обители, а воину, жрецу и даже правителю общины, если они много грешили, уготован ад.

Ахуры в гатическом зороастризме — положительные силы мироздания. Это не божества: Заратуштра в своих молитвах-проповедях называет некоторых, например Паренди (счастье), Митру (соблюдение клятвы, верность договору), Аши (удача, богатство), но упоминаются они нарицательно; в индоиранской религии это собственные имена богов, для Заратуштры же — абстрактные категории, проявления Истины, благодати, которые заключены в праведной вере. Дэвы — силы Зла, порожденные Тьмой, им поклоняются и приносят жертвы печестивцы. Все старые индоиранские боги — Индра, Митра, Вертрагна, Ардвисура Анахита и др. — были пророком отвергнуты и причислены к дэвам: бог только один, он сотворил мир и все, что есть благого в мире. Резко и гневно осуждается «омерзительное зелье» — хаома.

Во времена Заратуштры иранские племена в большинстве своем уже переходили к оседлой жизни, и у таких племен все чаще вспыхивали междоусобицы с теми, кто продолжал кочевье. В основном кочевники сосредотачивались на окраинах Иранского нагорья и жили набегами. Исторический фон многих гат — кровавые столкновения, грабежи, угоны скота. Очевидно, родное племя Заратуштры тоже было оседлым и тяжело страдало от буйной азиатской скифщины. В Гатах превозносится «мирная пастьба», плодovitый тучный скот; «кто ревностно заботится о скоте, — наставляет пророк, — тот и сам окажется на горних пастбищах Аша Вахишты и Воху Маны».

Поэтическая аллегория и персонификация скота — Геуш Урван, Душа Быка. Она страдает от Айшмы — духа разнузданности и богоборческого своеволия, чья «ложь» толкает людей на преступный путь (в позднейшем зороастризме это — один из верховных дэвов, в Гатах — главным образом олицетворение набегов):

Молит вас Душа Быка:
«Кто создал меня и для чего?
Айшма злой гнетет меня,
Угоняют воры и грабители...»
<...>
Простирая руки ввысь,
О Ахура, умоляю я —
И коровы стельной Дух —
Мазду просим о двояком мы:
«Чистый скот чтоб не погиб,
Скотовод — чтоб Друджу не служил»¹.

Все сущее вовлечено в битву двух начал, Истины и Лжи, Ахура Мазды и Злого Духа. С окончательной победой Ахура Мазды завершится история. Вселенная будет очищена огнем, который испепелит друджавантов и дэвов, но праведники пройдут сквозь него невредимыми; мертвые восстанут, облекутся в новую плоть — и все истинное, ахуровское, отныне и вовеки будет пребывать в светлом царстве Ахура Мазды, а Злой Дух навсегда сгинет в небытие.

Такова в общих чертах религиозная концепция гатического зороастризма.

* * *

Учение, которое стал проповедовать Заратуштра, было совершенно неприемлемо для жречества, знати и воинов, поскольку оно уравнивало всех перед богом и не связывало посмертную участь человека с его принадлежностью к привилегированному сословию, — но именно этим оно должно было привлекать тех, кто в племенной иерархии был низшим, — хлебопашцев и пастухов. Однако монотеизм, отвлеченные богословские рассуждения, отрицание старых богов, которых издревле чтит община, представление о свободе воли и требование нравственных усилий вместо внешнего соблюдения ритуалов и регулярных жертвоприношений богам — это было непонятно и чуждо всем. В родном племени Заратуштра последователей не обрел (сумел обратить только своего двоюродного брата) и был изгнан из общины как богохульник и смутьян.

¹ Перевод И. С. Брагинского.

Около десяти лет он провел в скитаниях. Гаты упоминают *карапанов* и *кавиев* («нечестивых жрецов и правителей»), отнесшихся к пророку враждебно и отказавших ему в крове: по-видимому, Заратуштра пытался излагать людям свою духовную истину во всех землях, через которые проходил, и всюду был гоним. Наконец он пришел в страну, где правил царь Виштаспа из династии Кавиев. Виштаспа выслушал Заратуштру и принял его учение. Заратуштре к этому времени исполнилось сорок два года.

Вслед за царем в «истинную веру» обратились царица Хутаоса, приближенный Виштаспы Фрашаоштра и советник Джамаспа — оба из знатного рода Хвова, царский брат «конник» Заривари. У пророка появились могущественные последователи. Зороастризм начинал утверждаться.

По легенде, все, что проповедовал Заратуштра, было записано «золотом на 12 000 бычьих кож», и список — Авесту — поместили в сокровищницу.

Сохранилось эпическое предание о религиозной войне между зороастрийцами и арийскими племенами *хионитов*, разразившейся после обращения Виштаспы. Некоторые фрагменты Гат как будто подтверждают, что война действительно была: богословские размышления, сомнения, смиренные мольбы к Ахура Мазде и просьбы о помощи в деле постижения сущности веры, хвалы «мирной жизни и пастьбе» вдруг сменяются призывами насаждать религию силой и оружием, а истребление «нечестивцев» объявляется одним из самых благих, угодных богу дел; звучат слова в оправдание завоевательной войны, если ее ведут чтущие Мазду ради утверждения «истины». Очевидно, ход войны первое время складывался неудачно для Виштаспы: Заратуштра убеждает последователей, что, как бы ни было тяжело отстаивать веру поначалу, конечное торжество все равно будет за праведными.

Но в целом о жизни Заратуштры после обращения Виштаспы сведений практически нет. Известно только, что он два или три раза был женат, имел трех сыновей и трех дочерей, одну из которых выдал замуж, по-видимому, за Джамаспу и на свадьбе произнес свою последнюю (из дошедших) проповедь. Погиб Заратуштра в семьдесят семь лет во время молитвы: его поразила ударом меча в спину туранец Братарвахш, ярый противник зороастризма. Согласно персидской легенде, его убил в Бактрии некий Балатнарсе.

Уже в Младшей Авесте, при Ахеменидах, образ Заратуштры мифологизируется и становится объектом культа. В эпоху Селевкидов предания о Заратуштре усваивает греческая культура. В результате возникает

множество легенд: в эллинистической традиции Зороастр — мудрец, философ, поэт, ученый, автор медицинских, философских и религиозных трактатов (существовала легенда, что он написал два миллиона стихов, в которых изложил свое учение); под его именем ходили сочинения разного толка, в действительности не имевшие отношения ни к самому Заратуштре, ни к зороастризму вообще. Видимо, из-за созвучия грецизированной формы «Зороастр» с греческим «астрон» — «звезда» — Заратуштру считали астрологом и чародеем.

Что же касается Западного Ирана, где зороастризм стал государственной религией с воцарением Дария I, — Заратуштра в западном зороастризме отсутствует. То, что о нем не упоминает ни одна из ахеменидских надписей, само по себе еще не показательно: Заратуштру в своих надписях не упоминают и Сасаниды, обожествлявшие его. Здесь можно предположить какую-то традицию. Но о зороастрийском пророке ни слова нет в сочинениях греческих историков, писавших об ахеменидском Иране. Объяснения этому предлагались самые разные (например: Заратуштра не существовал; персы о нем не знали; в глазах жречества и знати он был слишком малозначительной фигурой, недостойной упоминания; он впал в немилость и подлежал забвению; он был отвергнут, поскольку социальная сторона его учения, особенно провозглашение равенства всех сословий перед богом и осуждение захватнических, нерелигиозных войн, была неприемлема и т. п.), однако наиболее логичным представляется самое естественное объяснение: до Дария I предания о Заратуштре были на западе Ирана известны и даже почитались знатью (отец Дария — Вишгаспа — наречен таким именем явно в честь Кави Вишгаспы; царица носит имя Хутауса, соответствующее авестийской Хутаосе), но с воцарением Дария личность пророка уже не популяризировалась, потому что он стал просто не нужен богословской системе, где все функции посредника между смертными и богом отошли к царю.

Семиглав и «религия магов»

Существуют две теории происхождения Авесты — «мидийская» и «восточная». Сторонники «мидийской» теории считают родиной Заратуштры обычно долину Аракса или мидийский город Рага; но даже независимо от того, где родился пророк и где он проповедовал свое учение, зоро-

астризм, по «мидийской» теории, впервые был воспринят в Западном Иране — мидийским племенем *магов*. Однако Авеста совершенно «не знает» Западного Ирана: ни топонимов, ни имен царей, ни слов из западных диалектов, в том числе слова «маг», тогда как восточноиранские реалии упоминаются повсеместно. Поэтому в современной науке господствующей является «восточная» теория, согласно которой родиной Авесты и зороастризма были северо-восточный Иран, Хорезм и Бактрия — нынешние Афганистан и Таджикистан.

Древнейшие после Гат Заратуштры авестийские тексты — *Ясна семи глав*, или просто *Семиглав* (Ясна 35—41) — семь коротких литургических молитв, прославляющих Ахура Мазду, Амеша Спента и благие творения, в том числе огонь и стихии, едва ли составлены самим Заратуштрой. Религиозные взгляды, лежащие в основе этих молитв, внешне как будто бы соответствуют учению Гат: этика, мораль, образ единого бога, противоборство двух сил и свободный выбор между Добром и Злом — все это прямо или косвенно провозглашается и Семиглавом. Но сочинителей вдохновляет уже не только это. Если Заратуштра, воздавая должный почет стихиям и благим творениям материального мира, ни на мгновение не забывал, что первопричиной всего благого является сам Ахура Мазда, то Семиглав временами воспеваает стихии и творения как самодостаточные ценности, делая в сторону бога лишь формальный поклон. Мотив Гат: «Хвала *Ахура Мазде*, создавшему воды, в которых источник жизни»; мотив иных фрагментов Семиглава: «Хвала *водам*, созданным Ахура Маздой, ибо воды несут жизнь земле и нам» — и молитва порой звучит с такой samozабвенной страстью, что невольно вспоминается культ природы у язычников.

Семиглав и Гаты не сравнимы также по художественному мастерству. Гаты рядом с Семиглавом — это как религиозное полотно кисти гения, предназначенное для храма, рядом со светской картиной на тот же сюжет, написанной одаренным учеником, который проникся заветами учителя, но не до конца понял их, а что недопонял, то механически, как догму, перенял, поэтому стать преемником и довершить дело учителя не смог, стал подражателем, а затем начал отходить от собственных исканий к избитым трафаретным решениям, и только талант не дал ему пасть безнадежно и позволил удержаться на достойной высоте. Зороастризм Семиглава еще не многобожие. Но уже сделано несколько шагов обратно.

Вероятнее всего, Семиглав был создан сподвижниками Заратуштры вскоре после его смерти. «Первоапостолы веры» до встречи с пророком

были язычниками и, совершенно искренне приняв учение Гат, не смогли до конца избавиться от представлений, которыми их сознание было питано с детства. Они восприняли заветы, но не могли изменить образ мышления.

В Семиглаве Амеша Спента (Бессмертные Святые) уже не аллегории благих качеств единого бога Ахура Мазды, а божества мужского и женского пола, добрые покровители: Спента Манью (Святой Дух, в Гатах тождественный Ахура Мазде) — покровитель рода людского, Воху Мана — скота, Аша Вахишта — огня, Хшатра Варья — металлов, небес (созданных из металла) и сильной праведной власти, Спента Армай-ти — земли, оседлой жизни и «мирной пастьбы», Харватат — растений и Амертат — воды. Сам Ахура Мазда именуется *язатом* — «достойным почитания»; именно этим словом будут названы старые индоиранские боги, когда восстановится их культ и они войдут в зороастрийский пантеон как «созданные Ахурой».

Чуть позднее Семиглава (может быть, с перерывом не более чем в десять — двадцать лет) складывается новый текст Старшей Авесты — молитва из четырех прозаических строк (Ясна 52), где, наряду с Ахура Маздой, воспевается Хаома — бог, растение и напиток — то, что Заратуштра напрочь отвергал: «омерзительное зелье». Эту молитву иногда называют *Вторым Семиглавом*.

* * *

«Мидийская» и «восточная» теории в общем сходятся в том, что из западноиранских народов и племен учение Заратуштры первыми приняли маги — независимо от того, где Заратуштра родился и где он проповедовал.

Совершенно непонятно, какими путями маздаяснийское¹ учение достигло Западного Ирана и почему именно у магов оно прижилось. Естественное предположение, что благословленные Заратуштрой войны за веру докатились до Мидии, письменными источниками не подтверждается: и эпос, и фрагменты легендарно-исторического характера в трудах сасанидских богословов — молчат о магах. К тому же с конца VIII века до н. э. мидийские области находились под владычеством Ассирии, и вой-

¹ Маздаяснизм — в Авесте стилистически возвышенное название религии, букв.: «да-эна мазда-ясна» — «вера чтущих Мазду». В научной литературе, как правило, — один из собирательных терминов для обозначения досасанидских разновидностей культа Ахура Мазды, кроме «религии Ахеменидов».

ску Виштаспы (либо продолжателям его миссии) пришлось бы иметь дело не с местными князьками, а с профессионально обученной опытной армией сильнейшей державы. В фундаменте будущей теории пока лежит один-единственный камешек: тогда же, с конца VIII века до н. э., мидийцы стали подвергаться опустошительным набегам скифов — оттого в оседлых племенах должна была царить психологическая атмосфера, благоприятствующая принятию религии, которая воспекает мирное скотоводство и обрекает проклятию кочевье и разбой.

Маги усвоили Гаты и два Семиглава — то есть зороастризм уже не совсем «чистый»; сохранили культ хаомы и связанные с ней ритуалы, но старых индоиранских богов отвергли. Это практически все, что известно о религии магов на ранней стадии; никакими данными, позволяющими сделать более определенные утверждения, современная иранистика не располагает.

Можно только строить догадки, какая роль отводилась в этой религии самому Заратуштре: считался ли он богоизбранным посредником между Ахура Маздой и человечеством или, наоборот, был исключен из богословской системы (как впоследствии у Ахеменидов)? Похоронный обряд магов был зороастрийским; обряды же, связанные с ритуальными очищениями от скверны, восходят к индоиранским временам. (По-видимому, индоиранского происхождения и зафиксированный в V веке до н. э. обычай уничтожать храфстра — насекомых, лягушек, змей и «вредных» животных.)

В отличие от зороастрийцев на востоке, маги держались единобожия твердо и долго. Но это единобожие было верой не целого народа, а узкой замкнутой касты. С образованием независимого Мидийского царства (ок. 671 г. до н. э.) из племени магов выделилось особое *сословие магов* — проповедников и жрецов зороастрийской религии. К концу VI века до н. э. эти маги становятся служителями культа при дворе мидийских царей в Экбатанах. Идеи Гат о равенстве всех сословий перед богом, о благословенности сильного единого царствования, осуждение «дэвовских» богов и их жречества — все это как нельзя лучше отвечало интересам центральной власти в ее борьбе с сепаратизмом племенной знати. Религия магов была поддержана мидийскими царями и, возможно, даже насаждалась насильственно.

После покорения Мидии Персией (550 г. до н. э.) маги оставались очень влиятельным сословием. Но несмотря на это зороастризм в годы правления Кира II (ок. 559—530 гг. до н. э.) и Камбиза II (530—522 гг.

до н. э.) не был признан государственной религией, и распространение его на западе Ирана если не остановилось, то, во всяком случае, резко замедлилось. Кир и Камбиз придерживались верований хоть и со значительной «примесью» зороастризма, но все же еще старых, языческих; главным божеством у них был, по-видимому, Митра; их религиозная политика как внутри страны, так и на покоренных территориях отличалась исключительной (правда, во многом вынужденной) веротерпимостью, — и учение магов, при всей его влиятельности, лишь сосуществовало с другими религиями. Как бы сами маги ни были враждебны старым племенным культам, но объективно их вера сливалась с ними в общую религию.

Младшая Авеста и возврат к многобожию

На востоке Ирана «чистый» зороастризм тоже, по всей видимости, оставался верой замкнутого жреческого сословия. Но просуществовал он совсем недолго. В народе из новой религии восприняли только представление об Ахура Мазде как о высшем божестве, дуализм, идею об участии человека в мировой борьбе Добра со Злом, идею о посмертном воздаянии за грехи и, возможно, представление о том, что исторический процесс имеет конечную цель и ограничен во времени. Сама же богословская система, оперирующая абстрактными идеями и сложными этическими категориями, не могла снискать популярность и вытеснить привычное и понятное язычество. Культы старых богов, отвергнутых Заратуштрой, в народе никогда не прерывались и вскоре были приняты самими зороастрийцами, которые для этого ввели в теологию специальное понятие — *язаты* — «достойные почитания». Оно встречается уже в Семиглаве, но только применительно к Ахура Мазде, теперь же язатами именуются все старые отвергнутые боги, кроме Индры и еще нескольких. Авестийские тексты, составленные после Семиглава (то есть вся Авеста за исключением двух Семиглавов и Гат) приписывают язатам положение более низкое по сравнению с божествами Амеша Спента и выделяют среди язатов наиболее почитаемых — собственно Ахуров: Митру и водного бога Апама Напата; к Ахурам часто причисляется и сам Ахура Мазда (в среднеперсидских источниках понятия «ахуры» и «язаты» — уже фактически синонимы).

Таким образом, младоавестийский зороастризм становится языческой религией почти «классического» типа, — с той, однако, существенной разницей, что божества (кроме Ардвисуры Анахиты) не имеют антропоморфного облика (но инкарнируются — воплощаются в животных и птиц). Соответственно мифологизируется и личность пророка: в Младшей Авесте Заратуштра получает от Ахура Мазды наставления, какими молитвами и жертвами следует почитать язатов, ревностно молится им, а у некоторых язатов просит поддержки и сам Ахура Мазда. В ходе формирования этого «языческого зороастризма» быстро увеличивается легион дэвов — прежде всего за счет олицетворения различных бедствий, представлений о ритуальной нечистоте, людских пороков: засуха — дэв Апаоша, «трупная скверна» — дэв Насу, лень — Бушьяста и т. п. Образы дэвов слабо индивидуализированы, но, в отличие от ахуров и язатов, они почти всегда имеют телесное воплощение и зримо представимы: Апаоша — черный конь, Насу — трупная муха, Бушьяста — «длиннорукая» женщина. Ко времени составления Видевдата (не позднее II—III вв. н. э.) — жреческого свода ритуалов, направленных на предотвращение пагубного влияния и козней дэвов, к дэвовскому воинству причислялись также храфстра — насекомые, земноводные, пресмыкающиеся и некоторые «вредные» млекопитающие (например, волк) — порождения Анхра Манью; *паурика* — особый класс женских дэвовских существ; кавии и карапаны — правители и жрецы иноверческих религий, враждебные зороастризму; и даже обыкновенные люди, виновные в наиболее мерзостных, по зороастрийским представлениям, неискупаемых грехах: гомосексуалисты, разбойники, осквернители священных стихий — огня и земли (те, кто сжигает или закапывает трупы).

Культы Митры, Анахиты, Вертрагны надлежащим образом отправляются, им приносятся жертвы, — но обращаются к ним лишь с просьбами быть милостивыми и помочь в конкретных мирских делах. Постепенно складываются канонические гимны язатам — *яшты*, уже на новом диалекте, существенно отличающемся от языка Гат и Семиглавов; но по мифологическому содержанию и, главное, по мировосприятию многие *яшты* восходят к обрядовой поэзии индоиранских кавиев. Тексты, вероятнее всего, не записывались и существовали только в изустной передаче — и Гаты Заратуштры, и Семиглавы, и все, что складывалось после.

Завоевания

Александра Македонского, Селевкиды
и «парфянский пробел»

Александр Македонский, разбивший в 331 году до н. э. в сражении при Гвагамелах армию Дария III, а спустя пять лет покоривший весь Иран, в зороастрийской легендарной истории упоминается как «проклятый Искандар», один из трех «наизлейших дэвовских дэвов», созданных Ахриманом (Анхра Манью): ради изничтожения праведной веры Дух Зла обрушил на арийские земли Искандаровы полчища. Годы македонского владычества — безраздельное владычество Тьмы. В текстах сасанидского времени говорится, что Искандар «убил много вероучителей и магов», «погасил» множество алтарных огней, люто преследовал почитавших Ормазда (Ахура Мазду), сжег Авесту, грабил храмы.

По преданию, царский список Авесты, выполненный «золотом на 12 000 бычьих кож», сгорел при пожаре, когда Александр во время пьяной оргии, устроенной в честь победы над персами, велел, исполняя каприз своей любовницы, поджечь дворец для торжественных приемов в Персеполе. Археологические данные подтверждают, что дворец действительно горел, однако возможность существования доалександровской Авесты оспаривается почти всеми исследователями. Но если даже список действительно хранился в царской сокровищнице, для македонцев он не представлял никакого интереса, и его уничтожение не было сознательной религиозно-политической акцией завоевателей: просто когда разграбляли дворец, похватали и вынесли ценное, а все ненужное оставили, и оно поггло в огне. Александру нужны были только победы и воинская слава, никаких религиозных целей он не преследовал.

После смерти Александра Македонского (323 г. до н. э.) его империя сразу стала разваливаться на самостоятельные области, княжества, вольные города, и десять лет до воцарения Селевкидов не прекращались междоусобные стычки, в которых, как это неизбежно бывает, больше всего страдали мирные жители. Селевкидам, пришедшим к власти в 311 году до н. э., на первых порах удалось собрать обломки империи снова под единой властью, но долго удерживать завоеванное они не смогли. Около 250 года до н. э. от Селевкии отделились Бактрия и Парфия. В безуспешных попытках вернуть эти земли прошли все оставшиеся годы царствования этой династии (до 129 г. до н. э.).

За эти годы, век с четвертью, Иран наполнился греко-македонскими колонистами. Греческая культура распространилась по всей стране, греческая письменность стала смешиваться с арамейской, — и естественным результатом всего этого было слияние зороастрийских мифов, преданий и культов с античными. Возник «синкретический религиозный язык»: иранские и греческие божества стали отождествляться (Аполлон и Гелиос с Митрой, Геракл с Вертрагной, Деметра и Кибела с Анахитой и т. д.), зороастрийцы начали изображать авестийских богов, охотно перенимая канон греческой иконографии.

Падение Ахеменидов привело зороастрийские общины к полному религиозному размежеванию. Централизованной духовной власти над ними больше не было, а из-за этнической и культурной раздробленности в Селевкии стало трудно, живя в разных областях, поддерживать друг с другом контакты; многие общины оказались обособленными островками — чем-то вроде монастырей, и вскоре чуть не каждая из них стала почитать богов на свой лад и выработать собственный цикл священных преданий.

В таком же хаосе и разброде зороастрийская вера пережила правление парфянской династии Аршакидов — без малого четыре столетия.

Эту эпоху — со 129 года до н. э., когда Парфия завоевала Селевкию, и до воцарения Сасанидов ок. 224 года н. э. — часто называют «парфянским пробелом»: сведений о ней очень мало, а те, что есть, сплошь противоречивы и обрывочны и не позволяют воссоздать целостную картину. Нельзя, например, с уверенностью датировать создание многих храмов даже по надписям, высеченным на каменных блоках: в строительстве нередко использовали камень из развалин другого храма, более древнего, разрушенного в очередной тогдашней смуте, — так что надписи вполне могли остаться от более ранних времен. Парфянский престол расшатывали дворцовые интриги и заговоры; случалось, что у власти оказывались сразу три царя, каждый из которых не жалел сил, чтобы свергнуть двух других, каждый чеканил свою монету, — а тем временем провинции и города объявляли о своей независимости, и окраины страдали от набегов кочевников, и одна за другой разгорались войны с Римом и переносились вглубь страны, опустошая ее.

Тем не менее Аршакиды в последние века своего царствования начали осуществлять государственную программу, целью которой было, по-видимому, разработать и установить единый религиозный канон. Премниками этой миссии стали уже сасанидские богословы.

Авеста

Авеста (среднеперс. Апастák) — главная священная книга зороастрийской религии, «библия зороастризма». По традиции она считается сводом откровений, ниспосланных Ахура Маздой Заратуштре и записанных первопоследователями пророка с его слов. Точное значение термина «Авеста» не установлено; вероятнее всего, оно восходит к тому же индоиранскому корню, что и древнеиндийские Веда — «знания». Толкований предлагалось много: «святые тексты», «предписание», «религиозное установление», «почитание», «поклонение», «наставление», «основа» и др.

Как уже говорилось, существуют две основные теории происхождения Авесты — «мидийская» и «восточная»; последняя является господствующей в современной иранистике.

Текст Авесты написан на так называемом «авестийском» языке. Этот язык не известен по другим письменным памятникам. Он является одним из диалектов древнеиранского языка. Уже в первой половине 1-го тысячелетия до н. э. «авестийский» язык был мертвым; им пользовались только в культовых целях — как в наши дни католическое духовенство использует для богослужений латынь; «авестийский» же алфавит был придуман жрецами специально для записи священных текстов (не ранее IV и не позднее VI в. до н. э.).

Большинство исследователей датируют первую письменную фиксацию Авесты I—II веками н. э. До этого Авеста сохранялась только в устной передаче. Когда авестийские тексты начинали складываться, мидяне и восточные иранцы письма не знали, когда же они стали перенимать его у западных иранцев, оказалось, что ни одним алфавитом нельзя передать все авестийские звуки — а жрецы придавали очень большое значение правильному произношению священных слов, и потому «мирскую» письменность отвергли.

Зороастрийское предание гласит, что один из аршакидских царей разослал по всей стране приказ: «Сохранить в том виде, в каком это осталось в каждой области, все, что дошло до нас в неприкосновенности из Авесты... и все, что, рассеянное из-за разорения и разрушения Искандара и из-за грабежа и разбоя македонцев, осталось заслуживающим доверия и в письменной, и в устной передаче». Это была не канонизация и на первых порах даже не кодификация (отбор и систематизирование) текстов, а лишь собиране: поиски сохранившегося — всего, что так или иначе связывалось с именем Заратуштры. Можно представить, как по

стране разъезжали первые, наверное, в истории человечества «фольклорные экспедиции»: высочайше назначенный эмиссар, при нем писцы и вооруженный отряд для охраны. Собирали не только религиозные тексты, но и героические сказания, и медицинские сочинения, и многое другое, видимо, тоже; а отбор и редактирование велись бессистемно.

То же самое предание, из которого известно о поисках священных текстов при Аршакидах, окончательное воссоздание Авесты связывает с именем Тансара — верховного жреца при Арташире I Папакане, первом шаханшахе¹ из династии Сасанидов.

Впоследствии тексты Авесты несколько раз пересматривались и заново канонизировались. Последняя канонизация была осуществлена верховным жрецом Вех-Шапуром при царе Хосрове I Аноширване (531—579). О ее результатах мы располагаем детальными сведениями благодаря богословскому сочинению IX века Денкарт («деяние веры»), где, помимо прочего, содержится конспективный пересказ почти всей Авесты.

Авестийские тексты были распределены по *на́скам* (книгам, частям) — в зависимости от содержания. Количество насков соответствовало количеству слов главной зороастрийской молитвы Ахуна Варья — священному числу 21. Автор Денкарта подразделяет все наски на три группы: 1) тексты для жреческого сословия: рассуждения о «праведности», морально-нравственные наставления и регламентация ритуалов; 2) тексты для «мудрецов» и 3) тексты для мирян: законы и предписания, регулирующие мирскую жизнь. Общий объем Авесты Вех-Шапура составил 348 глав, около 350 000 слов.

Практически заново были переписаны судебно-правовые разделы священной книги, и уже на их основе стали затем составляться кодексы для гражданского судопроизводства — «Судебники».

Расцвет юридической мысли и правовой деятельности при Вех-Шапуре был реакцией на массовые восстания крестьян и городской бедноты против феодальной знати, аристократов и богачей, потрясшие страну в царствование Кавада — предшественника Хосрова I. По имени вдохновителя и вождя повстанцев Маздака это движение традиционно называют маздакитским.

¹ Шаханшах (среднеперс.) — «царь царей»; официальный царский титул, при Сасанидах входивший составной частью в их полную титулатуру: «Поклоняющийся Ормазду, бог, царь царей, происходящий от язатов, ниярек».

Маздак был верховным жрецом при Каваде. По-видимому, он имел большое влияние на царя. Постепенно он узурпировал религиозную власть и провозгласил новый, «единственно истинный» толк зороастризма. Источком учения Маздака обычно считают манихейство, но, в отличие от Мани, Маздак не отвергал центральную зороастрийскую идею об активном участии человека в борьбе Добра и Зла. Главной причиной, порождающей зло в земном мире, Маздак объявил общественное и имущественное неравенство, а первопричиной, главным «носителем Зла» — собственность как таковую (в том числе «собственность» на женщин, то есть моногамный брак), ибо «обладание собственностью порождает зависть и вражду». Согласно многим поздним источникам, он причислял к «носителям Зла» также и государственную власть.

В учении Маздака провозглашалось, что Зло может быть изгнано из мира только через революционное социальное переустройство общества. Пользуясь своим влиянием на царя, Маздак стал предпринимать и конкретные шаги для такого переустройства. В начале царствования Кавада (488—496) страна переживала глубокий экономический кризис, усугублявшийся к тому же частыми неурожаями. Маздак (или Кавад по его совету) приказал раздать неимущему населению государственные зерновые запасы — мера необходимая, но искренние, по-видимому, попытки правительства облегчить положение лишь усилили недовольство и вызвали раздоры при дележе. Царский же двор снова увяз в борьбе соперничающих политических группировок, и у Кавада была очень сильная оппозиция. Ситуация накалилась почти до социального взрыва, — и в такой обстановке Маздак объявил об обобществлении собственности: «всем поровну!» (непонятно, каким образом он популяризировал этот клич в низах. Вероятнее всего, Кавад недальновидно поощрял Маздака, рассчитывая, что бунт будет управляемым и погромы легко удастся локализовать и направить на столичных аристократов — политических противников царя). Призыв был подхвачен, начались грабежи, убийства, разорения имений, — и почти сразу же события вышли из-под контроля. Восстание охватило всю страну, крестьяне вооружались, создавались армии; в сущности, это была гражданская война. Маздак был казнен, и по империи началось избиение маздакитов, которое Хосров I вынужден был остановить, «дабы крестьяне не были истреблены поголовно». Тогда же стали пересматривать и менять всю систему судопроизводства.

В дальнейшем религиозный канон, установленный Вех-Шапуром, постепенно превращается в застывшую религиозную догму со строго

регламентированными правилами отправления культа и с незыблемыми предписаниями, регулирующими повседневную жизнь мирян.

После завоевания Ирана арабами (VII в.) зороастрийское духовенство возлагает на себя миссию хранителей веры и обычаев. Жрецы были искренне убеждены, что, как некогда (в легендарной истории) «праведная религия» помогла их предкам выстоять в тысячелетнее царство Зла, сбросить иго и снова выйти к Свету, как благодаря ей Иран пережил ненавистного Искандара и восстал из руин, — так и на этот раз под гнетом иноземцев вера сплотит их, а их духовный труд не даст родной культуре смешаться с дэвовской ересью завоевателей, и они должны трудиться без усталы, покуда Зло не падет.

И начинается небывалый расцвет зороастрийской богословской мысли. В главном теологическом центре страны — Фарсе (Персиде) с конца VIII и в IX веке появляется множество новых религиозных сочинений — так называемых *пехлевийских* — и переводов зороастрийской литературы на арабский язык. В результате иранская культура не только быстро проникла в арабскую, но стала буквально подавлять ее — настолько, что ученые называли это явление «зороастрийским завоеванием ислама». В качестве ответной меры началось насильственное обращение иранцев в ислам. Приверженцев зороастризма стали преследовать, и самые стойкие в своих религиозных убеждениях были вынуждены покинуть страну. Большинство эмигрантов переселились в западную Индию, где из них постепенно сложился новый этнос — современные *парсы*. Парсы исповедуют зороастризм (естественно, уже в очень измененном виде) и в настоящее время. Отсюда одно из названий зороастризма — *парсизм*. Численность парсов на 1990 год составляла ок. 140 000 человек. Зороастризм исповедуют также *гэбры* (букв.: «неверные») в Иране; их на тот же год было ок. 25 000 человек.

* * *

В XVIII веке рукопись Авесты привез из Индии в Европу молодой французский востоковед Анкетиль Дюперрон, и в 1771 году в Париже был издан первый французский перевод.

Ученый мир почти единодушно счел опубликованный текст подделкой. На Дюперрона обрушился шквал насмешек: как мог он принять столь грубо сфабрикованную фальшивку за подлинник? Аргументация противников Дюперрона основывалась главным образом на том расхожем представлении о «древнем мудреце» Зороастре, какое сложилось в просвещенной

Европе по сочинениям античных авторов, где пророк предстает в легендарном ореоле как поэт, философ, ученый, теолог и т. п. В «сочинениях Зороастра» ожидали найти нечто сверхъестественное по глубине мысли, ответы на все вопросы, мудрость «всех времен и народов», Абсолютную Истину, — и те, кто этого ждал, были просто обескуражены, прочитав три тома непонятных ритуальных предписаний, шаблонных литургий и ярких художественно, но вполне обыкновенных по содержанию языческих гимнов. «Хотя бы, — писал английский востоковед Уильям Джонс, — за достоверность написанного ручался весь синклит гебров [то есть парсов], мы никогда не поверим, чтобы даже самый самоуверенный из шарлатанов понес такую околесицу, какую наполнены Ваши последние два тома <...> либо Зороастр был полным идиотом, либо он никогда не писал книги, которую Вы изволили приписать ему». «В такой Авесте просвещенная Европа не нуждается», — заявил другой критик. Но, разумеется, противники Дюперрона, отказываясь признать его открытие, руководствовались не только эмоциями и пристрастиями. Лингвистический анализ текста, к примеру, показал (как выяснилось впоследствии, ошибочно) наличие в нем арабских корней, что давало лишний и достаточно серьезный при тогдашнем уровне знаний повод говорить о фальсификации. Подлинность Авесты оспаривалась более полувека и только в 1826 году была признана окончательно.

* * *

Старейший из сохранившихся списков Авесты датируется 1278 годом. От общего объема Авесты Вех-Шапура, канонизированной в 21 наске, дошла примерно четверть: ок. 83 000 слов. Из этого объема почти половина (48%) приходится на повторения. Дословно или почти дословно совпадают описания торжественных шествий богов, характеристики различных персонажей-праведников, описания сражений благого ахуровского божества или героя с силами Зла; в гимнах-яштах рефреном (наподобие песенного припева) повторяются одни и те же славословия и молитвы и т. п.; цитируют и даже иногда полностью повторяют друг друга некоторые главы литургического характера.

Известны две редакции Авесты, отличающиеся друг от друга порядком расположения глав. Один из вариантов предназначался для чтения вслух при богослужениях, другой — для систематического изучения; этот текст разделен на книги, главы и строфы (пассажи) и сопровождается комментированным среднеперсидским переводом, который, по преданию,

написал сам Вех-Шапур. Перевод-комментарий называется «Зенд» — отсюда традиционное неточное название всего текста «Зенд-Авеста» и долго употреблявшееся неправильное название «авестийского» языка — зендский.

Состав Авесты в редакции, предназначенной для изучения, следующий.

1. *Видевдат*. Букв.: «[закон,] против дэвов данный». Жреческий кодекс, содержащий главным образом установления и предписания, имеющие целью оградить человека от козней дэвов. Парсы считают Видевдат единственным авестийским наском, сохранившимся полностью, что, однако, очень сомнительно. Видевдат состоит из 22 глав, называемых *фрагáрдами*. Большинство фрагардов содержат описания очистительных ритуалов и различных обрядов; перечни наказаний, которым мирянин должен быть подвергнут за те или иные прегрешения; таксы штрафов и таксы вознаграждений священнослужителям за совершение обрядов и т. п. Изложение построено в форме «вопросов-ответов»: бесед пророка Заратуштры с верховным богом Ахура Маздой.

2. *Висперед*. Букв.: «все владыки [то есть благие божества]». Свод литургических молитвенных песнопений. Состоит из глав, называемых *кардэ*; их число в разных рукописях разное — 23, 24 или 27.

3. *Ясна*. Букв.: «поклонение», «почитание». Свод молитв, читавшихся на богослужениях и при отправлении различных ритуалов. Состоит из 72 глав — *ха* (или *хáити*, *хáтай*).

Семнадцать глав Ясны (28—34, 43—51 и 53) называются *гáтами* (букв.: «песни», «гимны»). Их авторство принадлежит Заратуштре. Гаты написаны от первого лица и по содержанию представляют собой назидательные проповеди, молитвенные прославления Ахура Мазды и Амеша Спента (само это понятие — «Бессмертные Святые» — Заратуштра не упоминает) и богословские размышления в поэтической форме. Тексты Гат полностью метризованы. Диалект Гат отличается от языка остальной Авесты и очень близок к древнеиндийскому языку Ригведы — самой ранней из священных книг брахманизма. С точки зрения языка Гаты составляют древнейшую часть Авесты — в отличие от некоторых гимнов-яштов, являющихся древнейшими по содержанию.

Гаты — самый священный, наиболее почитаемый зороастрийцами раздел Авесты. Все остальные авестийские тексты неоднократно подвергались переработке, а Гаты дошли в своем первоизданном виде — при том, что «гатский» диалект был мертвым уже тогда, когда «авестийский»

язык еще оставался разговорным. Однако, несмотря на их сохранность, именно тексты Гат представляют наибольшую трудность для изучения. При современном уровне знаний речь может идти только о их предположительном истолковании. Смысловую туманность гат пытались объяснять разными причинами: тем, что они были произнесены по конкретным поводам; тем, что Заратуштра декламировал их во время прозаических проповедей, в связи с чем мы располагаем лишь поэтическими вставками, вырванными из контекста; тем, что многие пассажи Гат, веками передаваясь изустно на мертвом языке, утратили для верующих смысл — их повторяли просто как набор священных, но совершенно ничего не значащих слов, как заклинания, и постепенно такие фрагменты подверглись фонетическим искажениям и в таком искаженном виде были потом записаны. Но это только гипотезы.

По языку к Гатам близки еще восемь глав Ясны: Ясна семи глав, или Семиглав (35—41), и Ясна 52, называемая иногда Вторым Семиглавом. Гаты, оба Семиглава и еще несколько фрагментов из разных глав Ясны принято называть Старшей Авестой, а все остальные тексты соответственно — Младшей Авестой. Религиозное учение, изложенное Заратуштрой в Гатах, как уже говорилось, существенно отличается от религиозной системы Семиглавов и языческого многобожия Младшей Авесты. Когда это различие хотят подчеркнуть, говорят о *гатическом* зороастризме, противопоставляя его *младоавестийскому*.

4. *Яшт*. Букв.: «почитание», «восхваление». Хвалебные гимны, посвященные отдельным божествам. Количество яштов — 22, но 21-й и 22-й яшты к книге Яшт причисляются условно: это не гимны, а фрагменты совсем другого (утраченного) наска; в них восхваляется праведность и рассказывается о посмертной судьбе праведной и грешной душ. Обычно эти яшты именуют *Хадóхт-наск-1* и *Хадохт-наск-2*.

5. *Малая Авеста*. Сборник молитв и гимнов, предназначенных для каждодневного религиозного обихода зороастрийцев-мирян; своеобразный «краткий молитвослов», составленный из конспективных извлечений и выдержек из Авесты. Сюда входят пять гимнов *гах*, посвященных пяти божествам-гах — покровителям времени суток; два тридцатидневника *сихрочák* — перечни почитаемых богов на каждый день месяца и молитвенные славословия им; пять молитв *нйайшн* (Солнцу, Митре, Луне, Ардвисуре Анахите и одному из трех сакральных огней зороастрийской религии); и четыре благословения *афренакán*. Текст Малой Авесты записан «авестийским» алфавитом, но уже на отличном от «авестийско-

го» языке и со множеством вставок на среднеперсидском. Этот раздел не имеет строгого канона: в разных рукописях порядок расположения глав и фрагментов и сами тексты различаются.

* * *

Для религиозных, правовых, светских, научных, назидательно-моралистических и всех других (в том числе переводных) сочинений на среднеперсидском языке принято общее наименование — пехлевийская литература. Понятие религиозной пехлевийской литературы охватывает среднеперсидские переводы Авесты, толкования и комментарии к авестийским текстам (Зенд), богословские труды сасанидского времени и произведения, созданные (либо воссозданные) в VIII—IX веках — в период «зороастрийского завоевания ислама». Почти все теологические пехлевийские сочинения датируются IX веком, однако их содержание в большинстве случаев восходит к религиозно-мифологическим представлениям III—IV веков. Поэтому, когда требуется уточнить, какого времени верования отражает тот или иной пехлевийский текст, пользуются чаще всего терминами: ранняя/поздняя традиция, ранний/поздний источник и т. п.

Принципы изложения мифов и условные обозначения

Сохранившиеся зороастрийские тексты почти не содержат цельных, детально изложенных мифов. Подробных сюжетов известно лишь несколько. Остальные мифы и легенды обрывками разбросаны по гимнам, сводам ритуальных предписаний, богословским трактатам — и в подавляющем большинстве это даже не обрывки сюжетов, а только туманные намеки на разрозненные сюжетные эпизоды: «Гора Бакуир — та самая гора, которую Фрасияк Тур использовал как крепость, сделав себе обиталище внутри нее; а в дни [царствования] Йима мириады сел и городов были воздвигнуты в долине ее <...> [А близ] горы Кумиш, которую еще называют “Спасительницей” и возле которой Виштасп разбил [войско] Арджаспа, находится гора Средьравнинная, отколовшаяся от [горы Кумиш]. Говорят, что в сражении за Веру, когда иранское войско дрогнуло, она откололась от той горы и рухнула вниз, в середину равнины; это спасло иранцев от разгрома, и [потому гора Кумиш] была наречена “Спасительницей”». Примеры взяты

из пехлевийского сочинения «Бундахишн» — жреческих комментариев к различным космологическим догматам. Эти догматы были общеизвестны, и автору «Бундахишна» не было необходимости пересказывать фабулы мифов в деталях: для современников достаточно было беглого упоминания, чтобы в сознании возник сам миф с его идейно-философским подтекстом. Однако во многих случаях подобные сокращения делались и совершенно намеренно — особенно при канонизации литургических гимнов и молитв: пространные описания заменялись художественными образами, прочно вошедшими в народный менталитет.

К счастью, зороастрийские тексты дошли до нас в большом объеме, поэтому из обрывочных намеков сравнительно легко восстанавливаются многие фабулы. Но поскольку образы иранской религиозной литературы утратили для нас свои ассоциативные связи, и ни у академических исследователей, ни у современных зороастрийцев они в принципе не могут вызвать той эмоциональной реакции, какую вызывали у древних иранцев, — мы в состоянии воссоздать лишь *фабулу*, внешнюю событийную оболочку мифов, а об их духовном и философском содержании остается только строить гипотезы. Иными словами: мы не вправе говорить о *понимании*, а только об *интерпретации* в меру наших знаний (что, впрочем, справедливо и в отношении любой другой ушедшей культуры).

Следует помнить, что мифы, которые в этой книге объединены неким логически и хронологически последовательным общим сюжетом, складывались в разное время; иными словами, мифы изложены в порядке их «смысловой хронологии», никак не отражающей датировку источников.

Персонажи и реалии даны в их авестийском или среднеперсидском варианте в зависимости от того, какое из них является традиционным в русской научно-популярной литературе либо какое благозвучнее в русской передаче. В конце книги приведена таблица соответствий авестийских и среднеперсидских имен.

Слова «Истина», «Ложь», «Добро», «Зло», «Тьма» пишутся с прописной буквы в тех случаях, когда подразумеваются соответствующие религиозно-философские категории, и со строчной, когда речь идет об их конкретных проявлениях («причинить зло», «сказать ложь» и т. п.).

В изложении использованы переводы И. С. Брагинского, В. Ю. Крюковой, И. М. Стеблин-Каменского и др. «Шахнаме» везде цитируется в переводе Ц. Б. Бану-Лахути.

**Сказания о сотворении мира
и представления
о мироустройстве**

В начале во Вселенной не было ни Земли, ни Солнца, ни планет, ни звезд. Было только бесконечное время — *зerván akarána*. В нем пребывали благой бог Ахура Мазда (среднеперс. Ормазд) и Дух Зла Ахриман (авест. Анхра Манью) — прародитель Лжи, грехов и пороков.

Ахриман находился в глубинах Тьмы, в преисподней, один. О существовании Ахура Мазды он не знал. Их разделяла Пустота, и Ахура Мазда пребывал — наверху, над Пустотой, озаренный горним Светом мудрости, всеведения, добродетели, благодати и Добра. Он знал, что Дух Разрушения будет оставаться в неведении еще три тысячи лет и за это время не предпримет ничего против бога; но потом он наконец узрит горний Свет, прознает о существовании Ахура Мазды и нападет. Тогда Добро и Зло сойдутся в непримиримой битве. Эта битва затянется на тысячелетия, в нее будут вовлечены все творения, весь — покуда еще не созданный — мир: боги, звезды, планеты, стихии, животные. И главное, люди. Прежде всего именно люди будут отстаивать и крепить Добро праведными поступками или способствовать Злу — греховными.

И Ахура Мазда стал готовиться к грядущей битве — дабы уже в начале времен предрешить ее исход.

Прежде всего он создал духовные сущности всех благих творений, которым назначено было появиться в мире: богов, неба, воды, земли, огня, растений, животных, людей и пророка Заратуштры. Три тысячи лет творения Ахура Мазды пребывали в духовном, неземном состоянии. А Ахриман все это время находился в преисподней и ничего не знал об Ахура Мазде.

Но вот наступил назначенный срок. Дух Зла поднял свою мерзкую голову, посмотрел вверх — и над зияющим бездонным мраком, из которого он восстал, над Пустотой, тысячелетия разделявшей его и бога, увидел Свет. И понял, что в нем его погибель.

Погасить! Сокрушить! Уничтожить это невыносимое сияние божества! Охваченный яростью Дух Разрушения ринулся сквозь Пустоту вверх, в горную высь. Уничтожить!..

Злой Дух стремительно летел навстречу богу. Под ним, удаляясь, недвижно чернела бездна.

Он вторгся в царство сияния — и остановился, объятый страхом. Здесь, наверху, Свет Ахура Мазды горел в тысячи крат ярче, чем это казалось Злому Духу из глубины. Золотые лучи ослепляли его сиянием Добра, Истины и благодати.

И Дух Разрушения обратился в бегство.

Когда он покинул царство горнего Света, Ахура Мазда спустился к пределам бездны и предложил Ахриману отворотиться от Зла и служить Добру.

— Ахриман! — молвил он. — Воздай мне хвалу, добровольно признай мое господство во Вселенной и поклянись никогда не причинять вреда миру, который я сотворю. В награду за это ты избавишься от жажды зла, терзающей тебя, и обретешь бессмертие¹.

— Нет! Я никогда этого не сделаю! — проревел Ахриман. — Никогда! И знай, мой враг: в мире, который ты сотворишь, я стану царем, а всех, кто родится на свет, я заставлю поклоняться и служить мне. Даже боги будут почитать меня как своего господина! А тех, кто откажется, я уничтожу.

— Ты ошибаешься, Злой Дух, — сказал Ахура Мазда. — Этого не будет. Потому что свет сильнее тьмы и добро сильнее зла. Я могущественней тебя.

— Нет! Я одолею тебя и воцарюсь навечно! — ответил богу Злой Дух.

Ахура Мазда задумался. Наделенный всеведущей мудростью, он знал то, чего не знал медлительный разумом Злой Дух: в грядущей битве победа Добра над Злом не была предопределена изначально. Если бы сражение началось сейчас, то победителем мог выйти и Ахриман. Победа

¹ В сюжете воспроизводится ситуация свободного выбора между Добром и Злом, который в жизни делает человек.

Ахура Мазды становилась предрешенной только в том случае, если бы мировой исторический цикл был ограничен во времени. В бесконечном времени зерван акарана благому богу нужно было создать конечный временной промежуток *зерван даргахвадата* — девять тысяч лет, в течение которых свершится вся мировая история. Ахура Мазда знал, что тогда первые три тысячи лет пройдут целиком согласно его воле. Это будет Эра Творения. Пустота, разделяющая царство Света и преисподнюю, наполнится воздухом; там появятся светила, звезды, земля и земной мир. Затем наступит Эра Смешения Добра и Зла: два начала столкнутся в сотворенном мире, начнется сражение, и следующие три тысячи лет пройдут согласно воле Ахура Мазды и воле Ахримана. Битва будет продолжаться до тех пор, пока не родится Заратуштра. С приходом пророка в мир наступит Эра Разделения — последние три тысячи лет мировой истории. Благое воинство начнет одолевать злые силы, и в назначенный день Зло будет повержено и уничтожено навсегда.

Некоторые пехлевийские сочинения увеличивают продолжительность мирового исторического цикла до 12 000 лет; в этом случае в цикл включаются те 3 000 лет, в течение которых Ахриман не знал о существовании Ахура Мазды.

— Что ж, — сказал Ахура Мазда Ахриману, — у тебя был выбор, кому служить, Добру или Злу, и ты выбрал Зло. Когда я сотворю мир, такой же выбор будет у каждого человека. Те, кто выберет Добро, после смерти попадут в царство света, а тех, которые пойдут по пути Зла, ждет царство тьмы. Ты хочешь сражаться — так давай сражаться девять тысяч лет! Но знай: через девять тысяч лет и само Зло, и все злодеи будут уничтожены и сгинут с лица земли вместе с тобой.

И несведущий Ахриман принял вызов.

Эта договоренность между благим богом и Духом Зла и явилась актом творения конечного временного промежутка *зерван даргахвадата* в бесконечном времени. Победа Ахура Мазды отныне была предрешена. Но Ахриман так этого и не понял из-за своего скудоумия. Он думал, что Ахура Мазда вначале предлагал ему мир, боясь сразиться со Злом, ибо Зло сильнее; и только его отказ вынудил бога заключить договор о поединке. Он рвался в бой и был уверен, что сокрушит Добро.

Тогда Ахура Мазда явил Злому Духу откровение: показал, каков будет конец истории спустя девять тысячелетий. Разрушитель увидел

торжество Добра, уничтожение Зла и злых исчадий в огненном море и потоке расплавленного металла, очищение мира от Зла, воскресение праведников и их вечную блаженную жизнь. Ахриман содрогнулся. И тогда бог воспел Ахуна Варью — священную молитву, которую в далеком будущем суждено было принести в мир Заратуштре:

Как наилучший Господь,
 Как наилучший Глава,
 Давший по Истине дело
 Мазде благое и власть,
 Убогих поставив пасти¹.

Слово, переводимое как «убогий», предшественник персидского слова дервиш, означает набожного и смиренного зороастрийца.

Ахуна Варья (среднеперс. Ахунвар) — главная зороастрийская молитвенная формула, названная так по начальным словам «йата ахуна варья...» — «как Господь наилучший...». Ее авторство принадлежит Заратуштре — в этом сходятся зороастрийская религиозная традиция и современная наука. Значение Ахуна Варьи для зороастрийцев часто сравнивают со значением молитвы «Отче наш» для христиан. Ахуна Варья не содержит каких-либо конкретных просьб к богу со стороны верующего: верующий лишь заклинает бога, чтоб утвердилась его воля и наступило его царствие — в этом принципиальное отличие Ахуна Варьи от традиционных индоиранских молитв и литургических гимнов Ригvedы. О более точном истолковании смысла при современном уровне наших знаний говорить, к сожалению, не приходится. Предлагалось множество прочтений текста Ахуна Варьи. Помимо процитированного выше приведем также перевод В. Ю. Крюковой, в котором сохранено количество слов подлинника — 21, священное зороастрийское число:

Как избранный Владыка, —
 Так праведный Глава,
 Благой податель Мысли,
 Дел в мире ради Мазды,

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Что властью ради Господа
Пасти поставлен нищих.

Выстоять перед священными словами молитвы, преисполненными красоты и Истины, Разрушитель не мог. Когда Ахура Мазда воспел первые семь слов, Ахриман сжался всем телом от страха; когда прозвучали следующие семь, он пал на колени; когда же Ахуна Варья была воспета вся целиком, Дух Зла был охвачен смятением и низвергнулся обратно во Тьму. И он оставался в смятении три тысячи лет.

Война была объявлена, но еще не началась. Три тысячи лет Ахура Мазда готовился к ней и творил мир. Все вершилось в согласии с его волей.

Сначала Ахура Мазда создал главного противоборца Духа Зла — Святого Духа, Спента Манью, в котором воплотились творческая мощь и благодать Ахура Мазды.

Затем были созданы Амеша Спента — Бессмертные Святые.

Первым возник Воху Мана — Добрая Мысль; божество, которому было назначено стать покровителем домашнего скота и народов, ведущих оседлую жизнь и занимающихся самыми праведными делами — скотоводством и земледелием.

Затем появился Дух Аша Вахишта — Лучшая Истина, покровитель стихии огня. Ему предопределялось хранить, укреплять и поддерживать законы, праведность и мораль — везде: и в мире, и в скотоводческих общинах, и в семьях зороастрийцев.

Следом за Аша Вахиштой появилось божество Хшатра Варья — Благое Царствование, Власть Желанная; покровитель металлов и неба.

И наконец были созданы остальные Бессмертные Святые: Спента Армайти — Святое Благодетельство, покровительница земли; бог Харватат — Целостность, Здоровье, покровитель водной стихии; и Амертат — Бессмертие, покровитель растений.

Так возникли высшие божества Амеша Спента, о которых в Авесте поется:

Семеро единомысленных,
Семеро единоголосных,
Семеро единовластных,

Имеющих мысль, и слово,
И дело одно и то же,
И одного родителя,
И одного повелителя —
Ахура Мазду Творца.

Видящих душу друг друга
В думах о мысли благой,
В думах о слове благом
В думах о деле благом.
<...>
Творений Ахура Мазды
Они — творцы, созидатели,
Создатели и хранители,
И стражи, и покровители¹.

А тем временем Ахриман, укрывшись в черной преисподней Тьме, порождает свои мерзкие исчадия — дэвов, злых демонов, которые должны были противоборствовать благим божествам — ахурам.

Сначала царство Тьмы произвело Ака Ману — Злую Мысль. Всеведущий Ахура Мазда предвидел рождение этого исчадия; потому он и создал среди божеств Амеша Спента Добрую Мысль — Воху Ману.

Потом были порождены другие злейшие дэвы: дэв Индра, внушающий злые мысли и сбивающий с пути праведности, дэв анархии и развала власти Шару и дэвы Тарви и Заири — Голод и Жажда, которые стали врагами Амертат и Харватат.

Одновременно с Ака Маной Злой Дух создал Друджа — Ложь², первопричину всех грехов, преступлений и зла. Этой отвратительной твари было назначено сделаться главным врагом Аша Вахишты и Хшатра Варьи, главным супротивцем их миссии по поддержанию Истины, справедливости и праведности.

И наконец в мир явился последний верховный дэв — Айшма — Буйство, Ярость; воплощение разнузданности и недисциплинированности,

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

² Ложь-Друдж мыслится как абстрактное начало и в то же время персонифицируется как дэвовское существо женского пола: людские грехи оплодотворяют ее, и она рождает новые грехи, преступления и пороки. Однако из-за фонетического совпадения с грамматической формой мужского рода в русском языке имя Друдж обычно склоняют как мужское.

подлый вдохновитель грабежей, насилий, убийств, покровитель разбойных набегов кочевников, угоняющих у праведных оседлых скотоводов скот и приносящих его в жертву дэвам.

Сколь же мудрым и прозорливым был Ахура Мазда! С самого начала творения он предвидел, что Ахриман породит триаду, воплощающую злое начало, и знал, почему должно случиться так. Ведь праведность каждого зороастрийца будет определяться тем, насколько он соблюдал завет бога, который откроет людям Заратуштра — священную триаду «хумата — хухта — хваршта» — «добрые помыслы, добрые речи, добрые дела». Этот завет Мазда и олицетворил в своей небесной триаде: Воху Мана — Аша Вахишта — Хшатра Варья. Дух Разрушения противопоставил триаду Ака Мана — Друдж — Айшма: злые мысли, ложь и преступления.

Потом благой бог стал творить материальный мир на месте бывшей Пустоты.

* * *

Сначала из раскаленного сверкающего металла было создано небо, светлое и ясное. Оно имело форму яйца и вершиной достигало до Бесконечного Света — обители Ахура Мазды. Все последующие творения бога появились уже внутри этого неба.

Вторым творением Ахура Мазды была вода.

Третьим творением была Земля. Бог поместил ее в середине неба, как яичный желток, окруженный скорлупою, находится в середине яйца. Земля предназначалась для скота и мирной пастьбы и была ровной, гладкой, без единого холмика. Со всех сторон Землю окружили вселенские воды, а в недра ее Ахура поместил минералы и руду. Земной шар на треть состоял из гранита, на треть из песчаника и на треть из плодородной почвы и глины.

В небе, между царством Бесконечного Света и Землей, Ахура Мазда поместил светила: ближе всего к земле — неподвижные звезды, над ними — Луну и еще выше — Солнце. Путь Солнцу был проложен с востока на запад; ни к югу, ни к северу оно отклониться не могло, так что круглый год день был равен ночи.

Звезды были размещены в двенадцати главных созвездиях: Ягненок, Бык, Два Портрета, Краб, Лев, Колос, Весы, Скорпион, Кентавр, Козел — вожак стада, Ковш, Рыба.

Во Введении говорилось о попытках зороастрийских богословов привести астрономо-астрологические знания в соответствие с космологическими мифами Авесты и легендарной историей Ирана. Миф о сотворении Солнца и зодиакальных созвездий — один из примеров, когда «увязка» делалась чисто механически. Эти созвездия Ахура Мазда, естественно, размещает на эклиптике (линии кажущегося годового движения Солнца по небесной сфере); и в то же время «день равен ночи» — Солнце постоянно находится в точке весеннего равноденствия (для начала нашей эры — примерно на границе созвездий Овна и Рыб¹); оно неподвижно закреплено на эклиптике — то есть, по фавле мифа, эклиптики еще не существует.

Астрологические знаки зодиака — отрезки эклиптики по 30° дуги — совпадали с одноименными зодиакальными созвездиями, от которых и получили названия. Явление прецессии (смещение равноденственной точки навстречу движению Солнца) было открыто Гиппархом во II веке до н. э., но в астрологии оно стало учитываться намного позднее. Еще Марк Манилий, автор компендиума астрологических знаний «Астрономика, наука о гороскопах» (I в. до н. э.) не различает понятий «созвездие» и «знак». Зороастрийские богословы, как явствует из других фрагментов, также не видели между ними различия.

Двенадцать главных созвездий были назначены воеводами ахуровского звездного воинства. Командовать же всем войском было назначено четырем божествам: Тиштрия (Сирнус, альфа Большого Пса) стал командиром на востоке, Сатаваэса (Антарес, альфа Скорпиона) — командиром на юге, Ванант (Вега, альфа Лиры) — командиром на западе и Хафтаринга («ковш» Большой Медведицы) — командиром на севере. А верховным начальником всех звезд Ахура назначил Полярную звезду и нарек ее почетным титулом: «Гвоздь в середине неба».

Сведения, подобные тому, что Полярная звезда находится «в середине неба», то есть близко к зениту — как она видна на широтах Крайнего Севера, — в зороастрийских текстах встречаются сравнительно редко. Гораздо больше такого рода сведений содержится в древнеиндийских священных книгах и эпосе: созвездия, которые в Индии

¹ К настоящему времени, как известно, точка весеннего равноденствия сместилась к границе созвездий Рыб и Водолея.

заходят за горизонт, названы «незаходящими»; о Полярной звезде говорится как о «сияющей над головой»; многократно упоминается далекая страна, где день и ночь длятся по полгода и т. п. Соответствующие фрагменты в древнеиндийских и зороастрийских памятниках письменности дали начало так называемой «полярной теории», возникшей в XIX веке и просуществовавшей до 1920-х годов. Приверженцы «полярной теории» считали, что все подобные сведения — это обрывочно сохранные фольклором, переосмысленные и уже на поздней стадии зафиксированные письменно свидетельства о древнейших местах обитания ариев на Крайнем Севере, за полярным кругом; высказывалось даже предположение, что прародина ариев находилась в Арктике, где до ледникового периода якобы был материк с теплым климатом. В настоящее время доказано, что сведения о природных и астрономических явлениях, характерных для Крайнего Севера, проникли в фольклор индоариев (а также скифов, среднеазиатских и южноевропейских кочевников) в результате их контактов с народами, жившими на севере.

Так Вселенная разделилась на три части. Наверху, над Солнцем, был Дом Хвалы Ахура Мазды — рай, царство Бесконечного Света и Добра. Внизу зияла Преисподняя — царство Тьмы и Зла, кишашее порождениями Ахримана. А посередине, где прежде была Пустота и где теперь волею Мазды находились небо и Земля, — там Добру и Злу предопределено было вскоре смешаться и начать битву.

Четвертым творением Ахура Мазды были растения.

Пятым он создал Первозданного Быка. Этот Бык был белым и сияющим, как Луна.

И последним, шестым телесным творением Ахура Мазды был Первый человек — Гайомарт, сияющий, как Солнце.

Согласно поздней версии мифа, Ахура Мазда сначала сотворил весь мир в своем теле, а затем, в течение второго 3 000-летнего периода, создал небо из головы, землю из ног, воду из слез, растения из волос, огонь из своего божественного разума и Первозбыка из правой руки.

И все три тысячи лет Ахриман не выходил из преисподней. Он готовился к схватке с богом и порождал себе на подмогу новых и новых исчадий.

В мире единовластвовало Добро. Но Эра Творения, когда все сущее вершилось согласно воле Ахуры, близилась к концу.

А Гайомарт жил на земле. Его величие и праведность составляли одну треть величия и праведности Заратуштры, грядущего в мире. Гайомарт проводил дни, занимаясь самым угодным и любезным Ахура Мазде и самым ненавистным Ахриману делом: пахал землю и ухаживал за Быком.

Мазда видел это, и сердце его преисполнялось болью и состраданием. Он знал, что благоденствие Первого человека недолговечно: скоро в мир ворвется Дух Зла, земля наполнится бедствиями, и людям, которые произойдут от Гайомарта, предстоит долгая мучительная борьба с Друджем и дэвами. Будут засухи и неурожай. Будут зимы с пронизывающими холодами. Будут опустошительные набеги кочевников, приверженцев Айшмы, угоняющих скот и убивающих его, дабы усладить своих покровителей-дэвов несправедливой кровавой жертвой. А Гайомарт даже не знал, что и сам он, и его Первобык — смертны; он вообще не знал, что такое смерть.

И однажды Ахура Мазда призвал к себе души-фраваши праведных и держал с ними совет:

— Бедствия и горести, дэвами порождаемые, обрушатся на мир в неисчислимом множестве и заполнят его, — возвестил он. — Грянет бой — шесть тысяч лет не будет ему конца. Против Друджа и Зла, за Добро и Истину-Аша придется встать вам. Я вложу в ваши руки оружие, которое наповал разит дэвовскую нечисть, — добрые помыслы, добрые речи и добрые дела. Но дэвы станут всячески совращать вас с пути праведности, строить козни, посылать лжеучителей, лжепророков — и многие не устоят. Это будет страшный бой. Слезами и страданиями будет устелен путь к конечному торжеству Добра. Готовы ли вы? Решайте и выбирайте сами, что для вас благодней: та ли стезя, если я, Ахура, дав вам телесное воплощение, пошлю вас в мир и буду там всячески оберегать от злокозней Ахримана, или же вы сами будете противостоять Друджу, много претерпите горя, но выстрадаете победу над Разрушителем — и тогда все праведники воскреснут и сделаются бессмертными на веки вечные?

Фраваши праведников внимали словам Творца.

— Мы выбираем битву с Друджем и друджвантами, приверженцами Лжи, — был их ответ.

И Ахриман, собравшийся уже вторгнуться в мир, застыл, оторопев. Дух Зла был поражен величием людей. Мерзкие его мысли смешались,

воля дрогнула. Он посмотрел на Гайомарта, и недоброе предчувствие охватило его.

Он боялся. Боялся человека и рабочего быка. В скотоводах и пахарях он предощутил свою гибель.

Шли годы, проходили десятилетия, — а Дух Зла все не решался напасть на мир, сотворенный Ахурой. Наконец дэвы, истомившись от безделья, приступили к своему повелителю и наперебой стали убеждать его, что пора начинать сражение.

— Пора начинать! — возопили они. — Взгляни, отец, какое нас несметное полчище, — а ведь мы породим разной погани еще тысячекратно больше! Восстань, отец наш! Мы изольем столь много отравы на праведного Человека и его Быка, что жизнь им не будет желанна; мы изничтожим их души, испортим воду, испортим растения, испортим Огонь Ахура Мазды!

И Злой Дух решился.

Так закончилась Эра Творения.

Начало следующего, третьего, 3 000-летия было страшным и пагубным для всего живого. Ахриман, разбив небесную сферу, ворвался в мир, а следом за ним в творение Ахура Мазды ринулись порождения Тьмы. От удара небо содрогнулось так, что звезды, Луна и Солнце пришли в движение. Солнце покинуло созвездие Ягненка и покатилося по зодиаку; его стало бросать то выше, то ниже, день и ночь сделались не равны.

Ахриман напал в первый день месяца Фравашей — Фравардин; с этого момента пошел отсчет времени новой Эры, Эры Смешения Добра и Зла; и оттого первый день месяца Фравардин — день весеннего равноденствия, когда Солнце возвращается в созвездие Ягненка, — считается у зороастрийцев началом года.

Дух Зла напал в облике змея и сразу наплодил ядовитых змееподобных. Мириады храфстра — крысы, мыши, землеройки, змеи, ящерицы, лягушки, муравьи и прочие жалящие и ядовитые твари — расплозились и заполонили все пастбища. На растениях появились насекомые-паразиты. Дэвы болезней, тлена, смерти, засухи — вся нечисть из воинства Ахримана разлетелась по миру — и мир погрузился во тьму. Пожухли сочные травы. Дух Зла испортил огонь, примешав к нему дым. А дэв смерти Насу в виде черной трупной мухи накинулась на Человека и Быка.

Но Первому Человеку и Первому Быку суждено было прожить тридцать лет; и сколько ни злобствовала Насу, сколько ни свирепствовала, никак не удавалось ей умертвить Гайомарта.

Между тем Дух Зла начал сражение с небом. Он создал планеты, кометы и метеоры, которые стали беспорядочно летать среди звезд и созвездий и тем внесли в небо беспорядок и путаницу.

На помощь кометам и метеорам пришли *паирика*.

Пайрика — особый класс дэвовских существ женского пола. Их образы подразделяются на три разновидности: 1) персонификации отрицательных явлений природы — неурожая, засухи, «падающих» (и тем нарушающих порядок мироздания) звезд, комет и т. п.; 2) «злые» пайрика без определенных функций, иногда в облике храфстра; 3) очень редко — обольстительницы людей, совращающие их с пути праведности, описываемые как блудницы или сладкоречивые женщины. К зороастрийским представлениям о пайрика восходят образы *пери* в средневековой классической персидской поэзии и в преданиях тюркоязычных народов: пери выступают как добрые или злые духи; добрые пери описываются в виде фей, милостивых девушек, птиц; злые — в виде змей, лягушек, хищных зверей; однако преобладают положительные образы пери.

Злая пайрика Муш в облике летучей мыши набросилась на Солнце, Луну и звезды, взмахами своих черных крыл стараясь затушить их свет. Но Солнце одолело дэвовскую злодейку.

В помощь Луне и Солнцу на бой с планетами и пайрика двинули свое воинство Тиштрия, Ванант, Сатаваэса и Хафтаринга.

Тиштрия вступил в сражение с небесными пайрика — и от его сокрушительных ударов убитые пайрика в виде падающих звезд посыпались с неба вниз. Тиштрия разил, не зная жалости, убивая злых исчадий

...сотню
 На пятьдесят ударов,
 На сто ударов — тыщу,
 На тыщу — мириад,
 На мириад — без счета¹.

Пайрика были уничтожены. Но планеты остались, и они продолжали двигаться, нарушая строгую упорядоченность звезд на небесной сфере и оказывая губительное влияние на земной мир.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Девяносто дней сражались звезды с планетами и покорили их. После этого ахуры взяли все планеты под стражу: к каждой было приставлено по одному благому божеству, которому отныне вменялось охранять Вселенную от Зла, причиняемого вверенной ему планетой.

В зороастрийской ортодоксии эпохи Сасанидов названия планет обычно и понимались не как названия самих планет, а как имена ахуровских богов, противостоящих им и нейтрализующих их вредоносное влияние: Меркурий — Тир (одно из названий Сириуса), Венера — Анахид (Анахита), Марс — Варахран (Вертрагна), Юпитер — Ормазд (Ахура Мазда) и т. д.

Ахурам — стражам планет пришли на помощь начальники звезд, дабы еще надежней оберегать мир от порождений Злого Духа, блуждающих в зодиаке на пути Солнца и жаждущих разрушения и зла. За планетой Тир стал отныне наблюдать Тиштрия, за Анахид — Сатаваэса, за Варахраном — Хафтаринга, за Ормаздом — звезда Ванант.

И Ахриман, осознав свое бессилие в борьбе с небом, позорно бросился наутек. Но путь к отступлению преградили звезды. Все небо, как волосы покрывают голову, покрылось душами-фравашами праведников. Могучее войско двинулось на Духа Зла.

А тем временем ахуры воздвигли крепостной вал вокруг зияющей в небе дыры, которую пробил Ахриман. Этот вал преградил Злому Духу путь к бегству обратно в Преисподнюю. Ловушка захлопнулась! Он остался в земном материальном мире, где ему суждено было сгинуть в надлежащий срок.

Эту небесную битву видел с земли умирающий Гайомарт. Звезды, Луна и Солнце кружились перед его глазами, а мир казался ему темным, как ночь. Дэв глена Насу наконец поразила его смертельной хворью. Тридцатью годами раньше, когда она набросилась на Первого Человека и Быка, у нее не хватило сил их погубить, теперь же она сделала свое черное дело.

Скончался от хвори, насланной дэвами, и Первый Бык. Умирая, он выринул семя, которое Ахура Мазда создал в нем. Это семя упало на лоно Земли, и Земля приняла его.

Из тела Быка произошли пятьдесят пять видов зерновых злаков и двенадцать видов лекарственных трав, из тела Гайомарта — золото и другие металлы.

Когда Первозданный Бык умер, Геуш Урван, Душа Быка, встала перед бездыханным телом и воззвала к Ахура Мазде так громко, как тысяча мужей, кричащих в один голос:

— Зачем ты создал меня, Ахура?! — слезно вопрошала она. — Почему ты допустил, что полевые травы испортились, вода сделалась непригодной для питья, а меня поразила недуг? О Мазда! Где же человек — тот человек, который будет пестовать меня и оберегать? Почему его нет?

Высказав жалобу богу, Душа Быка вознеслась на небеса и обратилась с такими же словами к звездам, Луне и Солнцу.

— Недуг твой наслал на тебя Ахриман, — сказал Ахура Мазда. — Если бы было возможно уничтожить Зло сейчас, тебя не постигла бы смерть, ты бы жила и благоденствовала. Но Зло будет побеждено еще не скоро.

Когда бог произнес эти слова, перед ним предстала фраваши Заратуштры. Мазда, обращаясь к грядущему пророку, возвестил:

— Минет три тысячи лет, и ты, получив телесное воплощение, придешь в мир, чтобы принести людям истинную Веру и дать им закон Истины. Ты откроешь людям слова священной молитвы Ахуна Варья. Спента Армайти дарует мир для пастьбы скота, и наступит вместе с Хшатрой Варья обильная пастьбой прекрасная жизнь. Боги обеспечат мир перед лицом кровожадных друджевцев благодаря тебе, Заратуштра, ибо это ты принесешь в мир мою праведную Веру и предашь проклятию все дэвовские религии. После того как ты свершишь эту великую миссию, Земле останется существовать последние три тысячи лет. Затем Добро победит Зло навсегда и мировая история завершится.

Услышав эти слова, Геуш Урван успокоилась и отлетела на небо.

А Ахриман неистовствовал и, как поганая муха, метался от творения к творению и везде мерзил. От небесных фраваши он спасся бегством, но сдаваться не собирался. Потерпев поражение в битве с небом, он набросился на Землю, пробил в ней дыру — насквозь, до Преисподней, а потом решил уничтожить другое творение Мазды — воду. Он унес ветром всю влагу с земли и послал в бой Апаошу, дэва засухи.

Тогда против дэвовских козней снова выступил Тиштрия. Тридцать дней он сверкал в небе: десять дней в облике пятнадцатилетнего юноши, десять дней в облике быка и десять — в облике коня; и все тридцать дней с небес низвергался небывалый дождь: каждая его капля была величиной с чашку. Вода залила землю в человеческий рост. Почти вся ползучая

нечисть-храфстра — гады, скорпионы, крысы, муравьи, лягушки — захлебнулись и передохли. Лишь немногие храфстра смогли добраться до незатопленных островков и спастись.

Когда дождь кончился, налетел небесный ветер, который согнал всю воду на край Земли. Вокруг Земли возник мировой океан Ворукаша, наполненный студеной пресной влагой, прозрачной как хрусталь. Этот океан занял треть земной поверхности.

Лучи Солнца рассеяли тьму, в мире потеплело. Храфстра, передохшие в норах и щелях, по которым они расплзлись во время потопа, начали разлагаться. Их яд и зловоние смешались с землей, отравив все поля и пастбища. Стали гибнуть растения. Но Амертат успел собрать семена всех трав и деревьев. Бог отнес их в океан Ворукаша и смешал с водой.

Очистить землю от яда храфстра должен был Тиштрия. В образе белого коня, прекрасного, златоухого, с золотой уздой, он спустился в океан, чтоб набрать воды и снова разлиться дождем. Против Тиштрии выступил дэв засухи Апаоша в образе черной лошади, облезлой, тощей и безобразной. И сверкающий звездный бог бежал прочь от океана, объятый страхом. Дэв был слишком могуч.

Скопище преисподней мерзости, терзавшее Землю и земной мир, возрадовалось победе Апаоши. Но торжествовали они рано.

Тиштрия вознес молитву Ахура Мазде, прося дать силы для поединка. Бог-Творец внял молитве Тиштрии и дал ему силу десяти могучих лошадей, десяти верблюдов, десяти быков, десяти гор и десяти рек. Издав воинственный клич, Тиштрия бросился на дэва засухи.

Грянул беспощадный бой. Небо сотрясал гром от ударов оружия, и огненные молнии, воплощения Огня, ярко вспыхивали среди туч. Ахуры и дэвы, замерев, ждали, чем кончится это единоборство.

К вечеру Тиштрия стал одолевать Апаошу. Бесславно покинув поле сражения, дэв обратился в бегство.

Когда он убежал от океана, Тиштрия напился воды, смешанной с семенами всех растений, взмыл ввысь — и хлынул дождь. Капли того дождя были величиной с бычьи и человеческие головы. Весь яд храфстра вымыло из почвы бурлящими потоками воды. Но чистая пресная влага испортилась от яда, сделалась соленой; и когда снова, как и в первый раз, небесный ветер осушил землю, согнав всю дождевую воду на край света, пресные заливы Ворукаши — море Путика (Персидский залив), море Камруд (Каспийское), море Шахи-бун (Средиземное или Черное) и залив Сатаваэсы (Аравийское море) — стали солеными.

Подобно тому как спицы, расходясь из середины колеса, от оси к ободу, делят круг-колесо на несколько равных частей, так и Земля после потопа разделилась на семь каршваров: восточный, западный, два северных, два южных и срединный, главный каршвар — Хванирату. Хванирата была предназначена для арийцев. Остальные шесть каршваров люди заселили тоже, но никто, ни один человек не может пройти из одного каршвара в другой, ибо моря — заливы океана Ворукаши — и две великие мировые реки: Ранха и Вахви Датия окружили Хванирату со всех сторон, и так же, кольцом, срединный каршвар охватили горы — горная цепь Хара Березайти.

Первая, самая высокая гора, Хукарья поднялась, когда Дух Зла вошел в мир и Земля вздрогнула. С того дня Хукарья росла восемьсот лет: двести лет до сферы неподвижных звезд, двести до сферы Луны, двести до Солнца и последние двести лет — до царства Бесконечного Света Ахуры. Остальные горы росли восемнадцать лет. Возникли они оттого, что Злой Дух пытался разорвать Землю на части. Всего же гор выросло на земле — две тысячи двести сорок четыре.

Ахура Мазда создал богов-язатов. Обителью их стала Гаронмана, Место Песнопений, на вершине Хукарьи. В Гаронмане бьет источник Ардви. Пречистая божественная влага по склону Хукарьи стекает в долину, от нее берут начало великие реки — Ранха, Вахви Датия и Ардви. Всего же в Хванирате восемнадцать великих рек.

Вдоль западного и восточного хребтов Хара Березайти, высоко над землей, зияют огромные сквозные пещеры. Через эти пещеры быстро-

конное Солнце по утрам вылетает на небо, а по вечерам уходит, опускаясь за горную цепь. Этих пещер — 180 на востоке и 180 на западе.

Год начинается в день весеннего равноденствия, — ибо изначально Солнце восходило всегда в одном и том же месте, и день с ночью были равны, но после нападения Ахримана светило пришло в движение. В день весеннего равноденствия Солнце через первую пещеру входит в созвездие Ягненка, и через эту же пещеру оно в последний день года уходит из созвездия Рыбы. А пещеру эту назвать нельзя ни в одной священной книге: ведь если назвать ее — тогда секрет прознают дэвы и обретут возможность учинить великое бедствие.

Это на западном и восточном хребтах Хара Березайти. Что же до хребта северного — он страшен: там, на вершине самой высокой горы севера, Эрезуры, всегда великое скопище дэвов. Там они собираются вместе из логовища Лжи, ибо там — врата преисподней. Около врат толпятся 99 999 дэвов и стараются остановить круговращение неба. На страже стоят Хафтаринга и 99 999 фраваша праведников в виде звезд.

Сутки делятся на пять частей — Гах: Хавани — от зари до позднего утра (с 6 до 10 часов), Рапитвина — до середины дня (с 10 до 15 часов), Узайерина — до сумерек (до 18 часов), Айвисрутрима — до полуночи и Ушахина — от полуночи до зари. Каждой части суток покровительствует одноименное ахуровское божество — страж времени.

Из творений Ахура Мазды небо, металлы, ветер и огонь имеют мужскую сущность; вода, земля, растения и рыбы имеют женскую сущность. Остальное, что есть в мире, заключает в себе и женское и мужское начало: например, у каждого вида животных бывают самцы и самки, — а вот рыб-самцов не бывает.

Все божества невидимы, но имеют зримые символы-инкарнации: птиц, зверей и цветы. Символы Ахура Мазды — мирт и белый жасмин, символы Воху Маны — белый и желтый жасмин, Аша Вахишты — мышинный горошек, Хшатра Варьи — королевский базилик, Спента Армайти — мускусная роза, Харватат — лилия.

Высшие творения Ахура Мазды — священные стихии: огонь, вода и земля. Огонь Ахура Мазды — Атар разлит по всему космосу и пребывает во всех живых существах, кроме, конечно, храфстра. Дух Атара — Истина-Аша, инкарнация — цветы ноготки. Атар существует в пяти разновидностях-ипостасях. Огонь Вохуфрйана пребывает в телах людей и животных, дает им жизненную силу, переваривает пищу. Видимое

его проявление — блеск в глазах; если Вохуфрйана покинет телесную оболочку, то глаза потускнеют и мертвое тело станет холодным. Урвазишта — огонь растений — греет зерна и семена в земле, благодаря ему растения цветут. Берсизава — огонь Солнца, полыхающий в небе перед ликом бога, и Вазишта-молния — это небесные проявления Атара. Земное его проявление — пламя, Спеништа. От него впоследствии были зажжены священные сакральные огни зороастрийской религии, горящие на алтарях. Этим огнем люди пользуются и в быту: готовят на нем пищу.

Шли годы. Ахриман и его дэвы больше не начинали великих баталий, сотрясающих мир. Злое воинство теперь вредило и пакостило исподтишка то здесь то там. Появились гниение и плесень; к священной стихии — Огню примешался горький чадающий дым, который отравлял воздух; стала протухать и цвести застоявшаяся вода; пересыхала и трескалась почва; возникли пустыни, и там, где некогда звенело щебетанье птиц и все благоухало, теперь безмолвствовали пески. А из северных каршваров, как разбойники на караван, налетали зимние вьюги.

С тех пор как Солнце одолело хвостатую чернокрылую паирику Муш, золотые лучи еще ярче засверкали в небесной выси. Его тепло согрело семя Гайомарта, которое он обронил перед смертью на лоно Земли. А семя Первого Быка согрело сияние Луны. Из семени Первобыка произошли бык, корова и 272 вида полезных животных. А из семени Гайомарта сорок лет спустя вырос ремень. Этот ремневый куст состоял из двух растений, сросшихся воедино. То была первая человеческая пара, мужчина и женщина — Машья и Машьюи¹.

Машья и Машьюи не знали, обладают ли они общей душой, или же у каждого из них есть своя собственная. И они спросили Ахура Мазду: что важнее — тело или душа и что было создано раньше?

— Душа существует для того, чтобы тело могло творить добрые дела в согласии с Истиной, — ответил бог, — а тело создано для добрых дел.

¹ По одному из поздних мифов, Машья и Машьюи родились из золота — металла, который появился из тела Гайомарта.

Душа управляет телом, как наездник — лошадью. Вот почему душа важнее тела и была создана прежде него. У вас две души. Отныне у вас да будут два тела!

После этих слов Творца Машья и Машьои обрели облик людей и разъединились.

— Вы — люди! — напутствовал Машья и Машьои Ахура Мазда. — Вы — мое самое совершенное творение, ибо с тех пор, как Дух Разрушения напал, ко всем моим благим творениям примешалось Зло, — а в ваших душах и телах Зла нет. Но берегитесь, чтобы оно не вселилось в вас! Живите согласно с Истиной и не поклоняйтесь дэвам.

Дэвы к этому времени совсем обессилели от поражений в битвах с ахурами, и поначалу Машья и Машьои беззаботно наслаждались жизнью, благодарили Ахуру и воздавали ему хвалу. Но постепенно они привыкли, что ничего им не грозит, решили, что их благоденствие будет вечным, мало-помалу забыли напутственное предостережение бога. И тогда в их души стало проникать Зло.

Однажды Машья сказал Машьои:

— Воду, свет и растения создал для нас Ахриман.

Едва только эта лживая мысль была произнесена вслух, у дэвов прибавилось сил, а Ахриман завладел душами первых людей: они сделались грешными и злыми.

Некоторое время после этого Машья и Машьои еще жили как прежде, без забот, не испытывая нужды ни в пище, ни в одежде. Потом они вдруг почувствовали голод — это ощущение было им прежде незнакомо. На исходе тридцатого дня муки голода стали невыносимыми. Тогда Машья и Машьои поймали белую козу и высосали у нее молоко из вымени. Машья воскликнул:

— Праведная жизнь, которой мы жили до сих пор, доставляла моей душе немалое наслаждение. Но несравненно большее наслаждение получило мое тело от нескольких глотков молока. Я думаю, что и все плотские радости доставляют больше удовольствия, чем духовные. Бог обманул нас, когда сказал, что душа превышает тело.

От этих лживых слов сила дэвов еще больше увеличилась.

Еще через тридцать дней Машья и Машьои поймали белую овцу, убили ее и изжарили мясо. В костер они бросали траву и сырую древесину, оскорбляя тем священные стихии — воду и огонь, ибо вода не должна соприкасаться с пламенем, и огонь можно поддерживать только сухими чистыми дровами. Кроме того, в огонь капал жир с жарящегося

куска. И от каждого несправедного деяния первых людей возрастала сила дэвов.

Машья и Машьюи сделали себе одежду из шкуры убитой овцы, добыли железо, выковали топор и соорудили деревянный дом. Лживые помыслы владели ими, поэтому они всякий раз делали что-нибудь вопреки Истине-Аша, нарушали какой-нибудь запрет или заповедь, тем усиливая дэвов. И пришел день, когда дэвы обрели достаточно сил, чтоб наброситься на Машья и Машьюи.

— Поклонитесь нам! — потребовали они.

Машья взял в руки кувшин с молоком, повернулся к северным каршварам, вылил молоко в сторону севера, где находится ад, и восславил дэвов. После этого лживого деяния дэвы полностью восстановили силы, растроченные в боях с ахурами, и преисполнились готовности к новому сражению.

Важнее всего для Ахримана было не допустить появления в мире праведных людей, чьи души-фравашы Ахура уже создал. Поэтому дэвы лишили Машья и Машьюи полового инстинкта. Но дэвовских сил хватило только на пятьдесят лет. Через пятьдесят лет Машья и Машьюи почувствовали влечение друг к другу и совокупились.

Своих первенцев, мальчика и девочку, они съели. Чтобы такого не повторилось впредь, Ахура Мазда вложил в их души родительскую любовь — и следующие семь пар своих детей Машья и Машьюи благополучно вырастили. От потомства первых людей произошло все человечество: четыре расы, пятнадцать народов. Ахриман же создал дэвовских людей-уродов, черных и ужасных: медведей, шимпанзе, чернокожих людей и людей с песьими головами.

Когда Машья и Машьюи умерли, Дух Зла унес их грешные души к себе, в преисподнюю Тьму. Там они и пребывают по сей день, ожидая конца света, суда над мертвыми и очищения мира от Зла.

Народы, оставшиеся жить на земле, вскоре заселили всю Хванирату, начали сеять, разводить скот, вести хозяйство, — и об этих людях были думы и заботы Ахура Мазды.

Маздой было так законоположено, что каждый арийский народ в Хванирате имеет свою страну, разделенную на племенные владения — племя, область. Племя состоит из родов, роды — из семей (домов).

В каждом из четырех подразделений есть свой Рату — духовный наставник и Судья, Глава, чье слово непреложно для всех и вся, отданных под его надзор. Пятый, верховный, Рату для арийских народов, чтущих Ахуру, — это Заратуштра, его фраваша.

Судьи-Рату поставлены также над всеми существами — живыми и неживыми: у морей, у гор, у скота, у птиц, у каршваров и у растений тоже есть свои Рату. Каждый Рату покровительствует тем, кто ему вверен, стережет их от дэвовских злокозней, как пастух и собака стерегут стадо от волков; наставляет жить в согласии с Истиной-Аша, соблюдая заповедь «хумата — хухта — хваршта» — «добрые мысли, добрые речи, добрые дела».

Над шестью окраинными каршварами были поставлены Рату-покровители из числа ахуров; потом к их союзу присоединились иранские цари и герои, обретшие бессмертие. Благоденствие же Арьяна Вэджа — Арийского Простора, лучшей из стран Хванираты, обеспечивает Гопатшах, получеловек-полубык. Он сидит на берегу моря, совершает возлияния Ахура Мазде и язатам и наблюдает за быком. Гопатшах льет священную воду в море, и бесчисленные мириады храфстра, речных и озерных,

подымают от этого. Если бы Гопатшах не лил в море воду, тогда, где бы ни шел дождь, храфстра бы падали на землю подобно дождевым каплям.

Всей же Хванирате покровительствует фраваша Заратуштры. Ахура Mazda поместил душу грядущего пророка в ствол священного дерева Хаомы, и она пребывала там до того дня, когда Заратуштра получил телесное воплощение и пришел в мир. Это ознаменовало конец Эры Смещения Добра и Зла и начало последнего этапа мировой истории — Эры Разделения.

Хаома, древо бессмертия, царь всех лекарственных растений, находится на острове в океане Ворукаша. Кто вкусит от плода Хаомы, над тем будут не властны старость и смерть. Поэтому десять тысяч дэвовских ящериц, порождений Ахримана, стремятся похитить священное древо. Но рыба Кара плавает вокруг острова и неусыпно стережет Хаому. В пречистом океане нет никакой пищи, ничего съедобного, — однако Каре пища и не нужна: жизненную силу в ее теле поддерживают Атар и Аша-Истина, чей дух разлит по всему миру.

Еще в Ворукаше обитает рыба Васим (среднеперс. Вас). Только благодаря ее опеке и заботе живы все водные твари. Эта рыба огромна: всаднику на лихом коне надо мчаться во весь опор целый день, от зари до заката, чтоб покрыть расстояние, равное длине туловища рыбы Вас.

Рядом с Хаомой растет Древо Всех Семян — Виспобиш. Когда земля была отравлена ядом храфстра, издохших во время потопа, бог Амертат собрал семена всех растений, отнес их в океан Ворукаша и высыпал в воду. Из тех семян и выросло древо Виспобиш, и плодоносит оно семенами и зернами всех полезных растений, какие есть в мире. На Древе живет Сенмурв, царь птиц, — крылатый пес, покрытый рыбьей чешуей: этот облик символизирует господство в трех стихиях — в воздухе, на земле и в воде. Каждый раз, когда Сенмурв поднимается на своих крыльях в воздух, у дерева вырастает тысяча ветвей; когда же он садится, он ломает эти ветви и рассеивает их семена. Семена осыпаются в океан, и Тиштрия, прилетев напиться, выпивает воду со всеми семенами и проливает ее дождем на весь мир.

Каждый год в четвертый месяц календаря Тиштрия появляется на небе в облике своих инкарнаций. Первые десять ночей Тиштрия появляется в образе прекрасного пятнадцатилетнего отрока, вторые десять ночей — в образе золоторогого быка и третьи десять — в образе прекрасного белого коня. Конь-Тиштрия направляется к океану Ворукаша. Там его встречает дэв Апаоша — безобразная черная лошадь, тощая и лысая.

Дэв засухи, снедаемый злобой, преграждает путь белому коню, чтобы тот не смог напиться воды и напоить иссушенную, истосковавшуюся по влаге землю.

В полдень между ними начинается битва. Тиштрия просит Ахура Мазду о помощи — и бог-Творец наливает его тело силой. Однако если в прошедшем году люди без достаточного усердия поклонялись Тиштрии и мало славили его, Апаоша все равно одолевает повелителя дождей и отгоняет его от океана. Тогда в наказание людям предстоит пережить засушливый неурожайный год. Но если люди чтити Тиштрию как должно, он обращает в бегство дышащего злобой дэва, гонит его от океана на расстояние в хатру¹; после этого погружается в океан, пьет воду, смешанную с семенами всех растений, потом снова взмывает ввысь и разливается дождем.

И поет хвалебную песнь
 Тиштрия блестящий, сверкающий:
 «Благо мне, Ахура Мазда,
 Благо, воды и растения,
 Благо вере поклонников Мазды,
 Благо вам, страны!
 Каналы вод ваших
 Да текут без помехи
 К посевам с крупным зерном,
 К травам с мелкими семенами,
 Ко всему миру!»²

Бог дождей торжественно шествует по небу. Его неизменно сопровождает стремительная Паренди — богиня изобилия, покровительница женщин и материнства, хранительница сокровищ и кладов. Паренди управляет тысячеконной небесной колесницей, быстрой, как ветер. В ней она сопровождает и других богов.

Дожди из мирового океана приносят также Сатаваэса и Хафтаринга. Хафтаринга орошает северные страны Хванираты и два северных необитаемых каршвара, Сатаваэса — южные каршвары и южные земли Хванираты.

¹ Хатра — около 1000 парных шагов.

² Перевод И. С. Брагинского.

Сатаваэса плывет по небосводу

Между землей и небом,
 Заставляющий течь воды, слышащий зов,
 Заставляющий течь воды, расти растения,
 Защищающий скот, человека,
 Защищающий арийские страны,
 Защищающий животных...

<...>

В помощь мужам праведным.

Между землей и небом

Сатаваэса спускается...

<...>

Прекрасный, блистающий, светящийся,

Защищающий скот, человека...

<...>

В помощь мужам праведным¹.

Вода, священная стихия Ахура Мазды, загрязняется, протекая по земле, а часто даже и оскверняется — от соприкосновения с утопленниками или трупами животных: ведь во всех мертвых телах живет дэв смерти и заразы Насу; или оттого, что друджванты, приверженцы Лжи, моются, не совершив перед этим очистительного обряда над своим телом, плюют в воду, ополаскивают ею грязную посуду; или собака обронит в лужу недогрызенную кость и она сгниет в воде. Поэтому вода должна быть очищена перед тем, как ее выпьет бог дождей.

Все земные воды стекают к южному хребту Хара Березайти, а оттуда по 100 000 каналов, русла которых из чистого золота — ибо золото предохраняет другую священную стихию, землю, от соприкосновения с оскверненной водой — по золотым каналам переливаются в океан Ворукаша.

В мировом океане живет пречистый осел Хара. Он весь белый, трехногий, у него шесть глаз, два уха и один золотой рог, на котором, как ветви на стволе дерева, растут тысяча рожек. Этим рогом Хара убивает дэвов. Как и рыба Кара, несущая стражу у острова, где растет Хаома, пречистый осел не нуждается в пище: жизненную силу в нем поддерживают Атар и Истина. Хара настолько велик, что под одним его копытом

¹ Перевод Э. Ф. Харебати.

могут поместиться тысяча человек и тысяча лошадей. Когда он погружается в глубины мирового океана, начинается буря; когда мочится, все воды, влившись в Ворукашу по золотым каналам, очищаются от скверны; когда кричит, у полезных животных начинается брачный период, и их самки зачинают детенышей.

Полезные животные противостоят храфстра так же, как ахуры — дэвам. Птицы поедают насекомых. Выдра уничтожает змей и крыс, — поэтому, когда в странах Хванираты восторжествовала вера Мазды, зороастрийцам было предписано оберегать выдр. В Авесте сказано, что, если кто убьет выдру, жилищем тому будет ад, род его угаснет и он не сможет искупить свой грех.

Конь и бык — истинные праведники, их вид приятен Ахура Мазде.

Сила быку, слава быку,
Слово быку, победа быку!
Пища быку, убор быку!
Работа быку,
Бык пищу дает нам¹.

Пасущиеся стада охраняет от убийц-волков собака. Бить ее — тяжкий грех. Еще непростительней давать ей горячую еду, обжигающую язык, или не дать ей еды, когда она скулит и просит. Во искупление этих грехов человек должен понести суровое наказание. Но и собаке полагается кара за нечестивые поступки. Если, например, она укусит человека, ей следует отрезать ухо, лапу или хвост.

Борются животные и с дэвами. С раннего утра люди должны работать по хозяйству, выгонять скот на поля, печь хлеб — все эти дела угодны Ахура Мазде, ибо укрепляют стан Добра, — но к людям на заре подкрадывается дэв лени, длиннорукая Бушьяста: она хочет обвить человека своими длинными руками и нагнать на него сон. И тогда в борьбу с дэвом вступает Пародарш — петух.

— Воспряньте, о люди! — кричит он. — Землепашец, разводящий скот, восстань, надень свои одежды!¹ Помой руки, достань дров, принеси их, чтобы снова запылал огонь! Проснитесь, зороастрийцы! Лени — великий грех!

Пародарш и фазан — птицы бога Сраоши, вестника Ахура Мазды, духа дисциплины и религиозного послушания, противостоящего дэву раз-

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

незданности и буйства Айшме. Дэв Нахатъя внушает человеку не противиться злым наущениям, поддаться искушению, соблазну, усыпляет его бдительность, нашептывает злые мысли, — Сраоша гонит дэва прочь, как собака зайца, и вновь возвращает человека на путь праведности, к добрым мыслям, словам и делам. По ночам он разит и бьет всю нечисть, какая ему встретится. Для этого у него есть булава и боевой топор.

Царствует над всем пернатым миром птица Каршипта. Каршипта все время славит Ахура Мазду, распевает яшты на языке птиц и излагает птицам заповеди Авесты.

Между тем на земле размножилось и полчище дэвов. Некоторых из них Ахриман создал сразу, придя в мир; остальные появились позже — их породил Друдж, а ему способствовали люди — своей недисциплинированностью, жадностью, завистью, любопытством и прочими грехами и пороками. Дэвовская нечисть летает, шатается и ползает везде, вертя башками¹ и выглядывая, где бы напакостить. Ака Мана внушает злые мысли. Айшма изничтожает стада, насылая на скотоводческие общины грабителей — кочевников-друджвантов. У Айшмы семь подручных: Шару, дэв пьянства, анархии и развала власти; Нахатъя, который усыпляет бдительность человека и с которым борется Сраоша; Тарви и Заири — дэвы голода и жажды, противники Амертат и Харватат, а Тарви еще подмешивает отраву в еду и срывает намеченные планы; Таромаити — дэв плохого поведения и неповиновения; Митохт — дэв лживого слова и Араска — дэв зависти, недоброжелательности, стяжательства и «дурного глаза».

Дэв зимы приносит холода с севера, которые губят посевы. Дэв мрака налетает в виде огромной сизой тучи и закрывает Солнце, чтобы лучи не прогрели землю и погибло брошенное в пашню зерно. Дэв Спенгагра вместе с Апаошей приносят засуху, и, пока Тиштрия и Апаоша сражаются у мирового океана, небесное воплощение Атара, Вазишта, мечет в Спенгагру молнии и изгоняет его из Хванираты. Грызуны-храфстра крадут зерно из закромов.

В виде дэвовских существ воплотились все людские пороки и нечестивые поступки: Акаташа — упрямство и упорство в грехе; Уда — словоблудие и болтливость; особенно вредоносен этот дэв Уда тем, что из-за него люди болтают во время еды — тяжелый грех по отношению к Харватат и Амертат; Пуш — скупость; Спазга — клевета; Бушьяста —

¹ В зороастрийских текстах по отношению к дэвам употребляются слова так называемого «дэвовского» лексикона: у них не «головы», а «башки», не «лица», а «морды», не «руки», а «лапы», не «рты», а «пасти», они не «ходят», а «шатаются» и т. п.

лень; Варена — похоть и прелюбодеяние. А дэв жадности и эгоизма Ази вовсе ужасен: из-за него люди больше чтут тех, кто богаче, а не тех, кто праведней.

Зло человеческому роду несут дэвы Фрифтар — обман и Буити — дэв мерзостных каменных идолов.

Дэв Заурва — старость — делает человека дряхлым и больным. Когда человек совсем ослабнет, к нему с севера прилетает отвратительная трупная муха — дэв смерти и трупной скверны Насу. Кому Насу посмотрит в глаза, тот сразу умрет. Дэв Визарш сражается за отлетевшую душу зороастрийца, тянет ее в преисподнюю.

К войску дэвов присоединилось и множество людей-друджвантов: *ашэмауги* — лжеучители, кавии и карапаны — племенные правители и жрецы, враждебные маздаяснийской вере, и йату — колдуны, покровителем которых стал дэв Кунда.

И создатель всех дэвов, Дух Зла Ахриман, строго-настрого повелел своим исчадиям:

— Никому из вас не дозволено видеть меня. Никогда не подходите ко мне ближе, чем на расстояние, с которого слышен крик петуха. Не спрашивайте обо мне и не пытайтесь проникнуть в мои помыслы, а только делайте то, что я прикажу. Ибо тот из вас, кто увидит меня или догадается о моих замыслах, — он уже не последует за мной.

Ахуры и язаты

Фраваши — души праведных зороастрийцев.

Их, окруженных лазурным сиянием, создал Ахура Мазда еще в начале творения, вместе с Амеша Спента, — раньше, чем появился Гайомарт, первый человек. И у самого Творца тоже есть своя фраваши.

Фраваши обитают в небесах, прекрасные, священные, благие. Их многие мириады — столько, что, когда Ахриман в начале времен напал на небо и фраваши праведных вместе со всем звездным воинством встали на защиту творения Ахуры, они покрыли небо, как волосы голову, — но с той поры не убавилась и не приумножилась их блистательная рать, ибо каждая из фраваши существует изначально, до рождения человека; потом она отлетает от трупа, оскверненного дэвом смерти Насу, и возвращается на небеса.

Фраваши — хранители миропорядка Истины. Если б их не было, если б они не помогали Ахура Мазде, то у Ахуры

...не было бы скота и людей,
Которые из разных видов лучшие;
Друджу — сила, Друджу — власть,
Друджу мир принадлежал бы.
Между землей и небом тогда
Лживый Дух сядет победителем,
Между землей и небом
Лживый Дух победит¹.

¹ Перевод Э. Ф. Харебати.

Фравашаи — творцы. Их могуществом, их праведностью и святостью Ахура Мазда поддерживает небо. Фравашаи вдохнули жизнь во всех пернатых и вскормленных молоком. Благодаря их великолепию и величию текут устремленные вперед воды из неиссякаемых источников, произрастают из земли растения, веют ветры, разгоняющие тучи. Вместе с Сатаваэсой, Хафтарингой и лучезарным Тиштрией фравашаи праведных поливают дождями изнывающую от жары землю.

Весь год благие фравашаи в железных шлемах, со щитами, вооруженные кинжалами, неусыпно охраняют от дэвов родную землю, родной дом — каждая свой, тот, где она жила некогда, — и если дэвовское полчище нагрянет, фравашаи прилетают на помощь подобно быстрокрылым птицам и бросаются в бой. А в последние десять дней года все фравашаи спускаются с небес на землю — к своим общинам, и благодарные люди устраивают празднество в их честь и поют им хвалебственные гимны.

И тот, кто встретит их щедро,
 С яствами и одежаниями в руках и восхвалением,
 Тот достоин за это высшего вознаграждения,
 Того человека могучие фравашаи праведных,
 Удовлетворенные и убогатворенные,
 Так благословляют:
 «Да будет в этом доме
 Обилие скота и множество людей!
 Да будет здесь резвый конь
 И прочная телега!
 Да пребудет здесь муж маститый и красноречивый!»¹

Особые почести воздаются фравашаи Заратуштры и Гайомарта.

¹ Перевод И. С. Брагинского.

Благая Аши, дочь Ахура Мазды и Спента Армайти, сестра Амеша Спента, — богиня изобилия и удачи.

Великая владычица, прекрасная, преславная,
Могучая и сильная, дающая здоровье,
Дающая добро¹.

Люди, любезные Аши, ни в чем не знают недостатка: у них богаты дома, тучны стада, а кладовые ломятся от золота и заморских дорогих одежд. Аши помогает одержать победу в схватке с врагом. Поэтому люди молят Аши быть к ним милостивой и ублажают богиню, радуя ее слух хвалебными песнопениями, почитая ее возлияниями священного напитка — хаомы.

Аши благосклонно принимает жертвенные дары от праведников и отвергает подношения друджвантов. Но даже от праведного маздаяснийца она не примет возлияний, если тот болен телесным недугом: сперва он должен излечиться, на молитву можно приходить только в полном здравии. Глуха Аши к просьбам тех, кто страдает бесплодием.

Не принимает она жертв и от несовершеннолетних отроков и от юных девиц — богиня сердита на них. Она не может забыть и простить, что юнцы с девицами предали ее однажды. Это случилось во время войны арийского племени с туранцами — злейшими из кочевников-друджвантов. Те и другие сражались за обладание Аши и преследовали ее, чтобы

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

захватить. Аши спряталась сперва под копытами быка, после — в шерсти густорунного барана, — но каждый раз ее находили юнцы с девицами и выдавали ее убежище преследователям.

Подробности мифа о борьбе за обладание Аши неизвестны, сохранились лишь ссылки на отдельные его эпизоды. Возможно, один из смыслов этого мифа, заключается в том, что богатство и процветание зависят от плодovitости скота, — «юнцы» же этого не понимали и выдали Аши.

Аши молились многие герои и цари, прося помощи в делах, угодных Ахура Мазде: кто искал ее поддержки в битве с дэвами, кто просил тучности стадам и плодородия нивам, — сердце Аши преисполнялось радости от таких праведных молений, и она охотно помогала каждый раз, сопутствовала благим делам. Но в Хванирате было и много грешников, огорчавших богиню. Особенно она расстраивалась, когда видела бездетные пары. И эти люди еще смели называть себя чтущими Мазду! Они пели гаты, молились, совершали возлияния — и бесстыдно грешили в жизни. Ведь маздаясниец живет для того, чтобы укреплять стан Добра; и вырастить детей, воспитанных в духе праведной веры — это одна из главных зороастрийских добродетелей. Богиня трижды горько жаловалась Ахура Мазде на бездетных людей и спрашивала:

— Что мне с ними поделаться? Они не внемлют уговорам праведно наставляющих жрецов. Бросить их, людей, на произвол судьбы, пусть борются с дэвами как хотят, а самой улететь на небо? Или все-таки остаться на земле?

— Не уходи на небо, Аши богоданная, — ответил ей отец, бог Ахура Мазда. — Но и не возвращайся на землю. Останься со мной и сопутствуй мне. Я сам почту тебя жертвами и воздам тебе хвалу, — а ты помогай мне вершить мои великие деяния, чтобы любое из них оканчивалось воистину победоносно!

С тех пор Аши пребывает с Ахура Маздой или сопровождает кого-нибудь из ахуровских божеств. Но хоть богиня и удалилась с земли, она не перестала помогать людям в их благих начинаниях, и благодарные люди, как и прежде, приносят ей жертвы и воспевают хвалебственные гимны в ее честь.

Сестра Аши — Даэна, Зороастрийская Вера. Она олицетворяет собой религиозное сознание человека, его духовный мир, нравственность и мораль, «мысли, речи и дела».

У каждого человека — и у праведного и у грешного — есть своя Даэна, и каждый после смерти встречает ее — прекрасную юную девушку, если покойный жил благочестиво, и отвратительную уродину старуху, если он грешил. Имеют свою Даэну также и племена, и общины, и целые народы.

Даэне и Аши сопутствует прославленная Чиста — богиня праведного выбора. Чиста облачена в белые жреческие одежды. Она наставляет зороастрийских священнослужителей и вероучителей, помогает им правильно истолковывать Авесту и покровительствует царям, чье правление угодно Ахура Мазде.

Вертрагна и птица Варагн

Вертрагна — бог войны и победы, прекрасный, могучий, стремительный, не знающий себе равных, защитник и хранитель,

Который сокрушает,
Кромсает войск ряды.

<...>

Он вдребезги сминает,
Сметает войск ряды;
Вертрагна побеждает
Врагов — людей и дэвов,
И ведьм, и колдунов,
И кавиев-тиранов,
И злобных карапанов.

<...>

Он силою — сильнейший,
Защитою — прочнейший,
Он — наибогодатный,
Он — милостивей всех,
Он — самый благодотворный,
Наицелебней всех¹.

Пока Вертрагне воздаются почести, достойные этого великого бога, пока ему несут жертвенные дары и поют хвалебствия, — арийским

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

странам не грозят никакие беды: ни набеги иноземцев, ни смуты, ни смертоносная чума. Вертрагна благосклонен к тем, кто обращается к нему с мольбой. Но, как и другие боги, он не примет возлияний от нечестивцев:

Пусть жертвы не приносят
 Ни негодяй, ни шлюха,
 Ни душегуб, ни верящий,
 Но не поющий Гат,
 Противник этой веры
 Ахуры с Заратуштрой.

Когда приносят жертвы
 Негодник или шлюха,
 Убийца или верящий,
 Но не поющий Гат,
 Противник этой веры
 Ахуры с Заратуштрой, —
 То отстранит спасенье
 Божественный Вертрагна.

Тогда в арийцев страны
 Придут войска набегом,
 Тогда в арийцев страны
 Придут войска врагов,
 И сто сразят арийцев
 На пятьдесят ударов,
 На сто ударов — тыщу,
 На тыщу — мириад,
 На мириад — без счета¹.

У Вертрагны десять обликов, десять воплощений-инкарнаций, в виде которых он является людям и богам. Вертрагна может налететь ураган-ным ветром, который пригибает к земле и с корнями выворачивает вековые стволы. Может воплотиться в прекрасного золоторого быка или же, подобно лучезарному Тиштрии, — в белого златоухого коня

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

с золотой уздой, в могучего двугорбого верблюда; может явиться расщепевшим пестромордым вепрем, напавал разящим врагов своими клыками. Кроме того, бог войны может принять обличье пятнадцатилетнего отрока, и зрелого мужа, и дикого горного барана, и дикого козла, и птицы Варагн.

На памятниках искусства Древнего Ирана засвидетельствованы многочисленные изображения медведей, однако дошедшие до нас тексты не содержат сведений, какому божеству соответствует эта инкарнация. Предполагается, что в облике медведя также изображался Вертрагна (хотя в «Бундахишне» медведь упоминается в числе монстров, фактически приравниваемых к храфстра).

Ширококрылая птица Варагн — ворон — стремительна в полете, а в ее перьях заключена чудодейственная сила. Если взять перо птицы и провести им по телу, этим снимется колдовское заклятие врага. Обладателя такого пера никто не сможет ни убить, ни повергнуть в бегство, ни околдовать злыми чарами. Перо священной птицы Варагн — это талисман, дарующий удачу и победу:

Когда войска сойдутся,
<...>
Стоят друг против друга,
Свои ряды ровняя —
Никто не побеждает,
Никто не побежден.
Возьми тогда четыре
Пера от птицы Варагн
И перед каждым войском
Те перья поддержи.
И первым, кто помолится,
Кто призовет Вертрагну
И всеблагую Силу,
Тому тогда и будет
Принадлежать победа¹.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Хварна — абстрактная божественная сущность, харизма, сакральная сила; олицетворение неземного высшего начала и сияющего священного Огня Ахура Мазды — Атара.

Мы чтим недостижимую,
Божественную Хварну —
Самое славное, превосходящее,
Наилюбезное, наиразящее,
Наилочайшее, неуловимое,
Высшее среди созданий.
<...>
Многоблаженное,
Многопрекрасное,
Многообразное,
Многополезное
И лучезарное¹.

Хварна приносит изобилие, удачу во всех делах, счастье, добрую судьбу, славу и торжество над врагами. Те же, кто несчастлив и неудачлив в жизни, имеют плохую Хварну.

Хварна — символ власти, богоизбранности и царственной принадлежности, воплощение героизма. Все иранские герои боролись за обладание

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Хварной и, заполучив ее, совершали блистательные подвиги или становились царями — могучими, смелыми, отважными, мудрыми и всесильными. Одним из таких царей был Кави Кавата: завладев Хварной, он стал родоначальником славной царственной династии Кавиев; его потомок Кави Хаосрава разгромил туров — извечных врагов иранских арийцев; а последний царь этой династии, праведный Кави Виштаспа, был первым правителем, который обратился в веру Заратуштры и взял гонимого пророка Ахура Мазды под свое покровительство. Со времен Кави Каваты Хварну как символ царственной принадлежности и праведного величия иранцы стали называть «Хварной Кавиев» или «кавианской Хварной».

Свою Хварну имеют каждое племя, каждая община, каждое селение, каждая семья. Вместе с фравашаи Хварна охраняет дом зороастрийца.

Как и все божества из окружения великого Ахура Мазды, Хварна является перед людьми в облике своих инкарнаций. Она может воплотиться в зрелого мужа-воина, в хищную стремительную птицу Варагн, в лучезарный нимб вокруг головы великого царя. Но чаще всего Хварна принимает облик прекрасного горного барана — одной из инкарнаций Вертрагны, потому что Хварна Кавиев родственна Вертрагне, дающему победу над врагами. Обладатели Хварны Кавиев — сасанидские цари и наследники престола часто украшали свои короны витыми рогами горного барана.

Когда Ахура Мазда создавал Митру, чьи пастбища просторны, он наделил его столь многими благими качествами, что Митра достоин такого же почитания и таких же восхвалений, как и сам бог-Творец.

Митра могуч, отвагою подобен рыкающему льву, великолепен, победоносен. Перед ним трепещут все мыслимые дэвы. Он всевидящий, все слышащий и многомудрый. Он неподвластен обману.

Митра — бог клятвы и верности заключенному договору, хранитель закона и порядка, установленного Ахура Маздой. А великий бог, Творец мира и всего, что есть Добро в нем, заповедал приверженцам Истины — ашаванам не нарушать договоров ни с единоверцами, ни с друджевцами. Ибо губит всю страну человек, нарушающий договор, нанося этим такой же вред всему, причастному Истине, как и сто лжеучителей, колдунов и всех прочих еретиков, богомерзких дэвопоклонников, соблазнившихся лживыми мыслями и лживыми речами.

Обитель Митры, чьи пастбища просторны, — на Хара Березайти, в поднебесной вышине. Ее создали Ахура Мазда и Амеша Спента. Там нет ни тьмы, ни холодов, ни палящего зноя, ни дэвов, ни болезней, ни скверны.

Золотую небесную колесницу Митры сотворил для него Спента Манью, Святой Дух. Она вся расписана звездами, лучащимися, как лик Тиштрии, и запряжена четверкой прекрасных белых пышногривых скакунов, у которых передние копыта позолочены, а задние покрыты серебром.

И впряжены все четверо
В одно ярмо с завязками
При палочках, а дышло
Прикреплено крюком¹.

По утрам, едва вострубят петухи, возвещая, что взошло солнце, Митра первым взлетает на своей колеснице ввысь. Возничая — благая Аши, дочь Ахура Мазды, настигает коней, устремляя их к лучезарному светилу; кони раздувают ноздри и несутся вперед, обгоняя ветер, искрясь в золотых лучах, купаясь в них, как в струях живительного дождя Тиштрии купаются полевые травы. Скакуны Митры не отбрасывают теней — тени не поспевают за ними, так стремителен их бег.

Достигнув Солнца, колесница разворачивается, и Митра со своей свитой шествует по небосводу впереди великого светила. Благая Аши правит колесницей, а прекрасная Даэна прокладывает путь: все мыслимые дэвы в страхе разбегаются прочь, едва завидев Даэну, воплощенную маздаяснийскую веру. Рядом с Даэной стоит дарительница изобилия Паренди.

Летит за Митрой следом
Божественный Вертрагна,
Рассвирепевшим вепрем,
Злым, острыми зубами
И острыми клыками
Разящим наповал,
Взбешенным, неподступным,
Сердитым, пестромордым,
Проворнейшим в полете...
Чьи ноги из металла,
Передние и задние,
Чьи жилы из металла
И из металла хвост,
Чьи челюсти — металл...
А спереди от Митры летит
Огонь горящий,
Который Хварна Кавиев².

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

² Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Боги Сраоша и Рашну, братья Митры, летят рядом с колесницей: Сраоша — справа; Рашну, бог справедливости, — слева, вместе с Чистой, а вокруг колесницы со всех сторон летят фраваша праведных. Все они — помощники Митры. Все они взирают с поднебесья на прекрасный каршвар Хванирату, где колосятся нивы, пасется ухоженный скот и приветственно раскрываются навстречу солнцу фиалки, красные хризантемы и «петушинные гребешки» — инкарнации Митры, Сраоши и фравашаши.

Митра ревностно следит, с достаточным ли усердием люди его славят и поклоняются ему, в должной ли мере воздают ему почести.

И первым кто восхвалит
Его со всею верой,
И помыслом, и силой,
К тому и обернется,
Тому поможет Митра,
Чьи пастбища просторны¹.

А мольбы к нему обращают все. Взывают к Митре конники и ратники: они просят наделить их силой для битвы с кочевниками, просят сделать их копья, стрелы и мечи разящими без промаха, а боевых лошадей — выносливыми, дабы они без усталости преследовали врагов, обращенных в бегство, — и Митра, вняв просьбе, ведет зороастрийцев в бой и дарует блистательную победу. С молитвами и возлияниями взывают к имени Митры скотоводы и пахары, прося защитить их от набегов и ниспослать благоденствие и процветание. Все чтущие Мазду просят Митру укрепить их в вере и такую дать удачу, чтобы все их помыслы, слова и дела стали благими, чтобы все добродетели, какие есть, — ученость, святость, превосходство в Истине, верное произнесение священных изречений и молитв — были им дарованы, — и Митра дает им это. Коровы, угоняемые кочевниками в угодыя Лжи, молят Митру о спасении.

Солнце продолжает свое царственное шествие по небу. А колесница Митры пронесется над всеми окраинными каршварами, пересекает небо над Хваниратой с востока на запад и с севера на юг, и боги во главе с Митрой зорко смотрят вниз. Они следят, соблюдаются ли законы и нет ли где клятвопреступников, нарушивших договор. Горе им, если Митра их

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

заметит! — а тысячеокий Митра непременно заметит их, и они не скроются от праведного божьего возмездия. Им не спастись, даже если они убегут к истокам Ранхи, — колесница нагонит их. А в той колеснице есть тысяча стрел с опереньем из перьев хищной птицы, тысяча острых копий, тысяча метательных топоров, тысяча острых ножей и тысяча победоносных булав. Все это предназначено для дэвов и клятвопреступников: первая же стрела, или копье, или удар булавы сразит лжеца наповал.

Их хижины сметает,
Жилища нежилые,
Где прежде обитали
Нарушившие слово.

<...>

А если будут живы
В дому — домохозяин,
В семействе — старший в роде,
И в племени — вожак,
Или в стране — владыка,
Погубит разом Митра,
Сердитый, разозленный,
И дом тот, и семейство,
И племя, и страну:
В домах убьет хозяев,
В семействах — старших в роде,
И в племенах — вождей,
И над страной — правителей,
Над странами — владык.

<...>

Везти не будет лошадь
Противящихся Митре.

<...>

Летит копье обратно,
Что лжец вперед бросает,
От заклинаний злобных
Нарушившего слово¹.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Камского.

Посреди океана Ворукаша, на благом острове, Ахура Mazda сотворил дерево бессмертия Хаому, царя и Рату всех лекарственных растений. В ствол Хаомы бог поместил фраваша Заратуштры, и она пребывала там под охраной Воху Маны и Аша Вахишты, покуда пророк не воплотился, ознаменовав своим приходом в мир наступление последнего периода истории — Эры Разделения Добра и Зла. Сторожить Хаому от дэвовских храфстра Творец назначил 99 999 фраваша праведных и священную рыбу Кара.

Птицы похитили семена целебного дерева и разнесли их по всей земле. С той поры хаома, желтая, золотистая, врачующая, прекраснейшая из всего, что есть в мире, растет повсюду в Хванирате на горных склонах. Может быть, и в остальных каршварах она тоже есть, но этого никто не знает: смертным закрыты туда пути.

Милостивый к людям Ахура Mazda открыл им чудесные свойства золотистого растения. Хаому нужно замочить в воде, потом истолочь в ступке, выжать сок, смешать его с молоком и ячменными зернами и оставить бродить на несколько дней¹. Все это нужно проделать под пение гимнов Ясны, восхваляющих растение хаому, напиток хаому и златоглазого Хаому — бога этого напитка:

Я славлю облако и дождь,
Которые дают расти твоему телу

¹ Ритуал приготовления хаомы, по-видимому, восходит к утраченному древнейшему мифу о том, как боги убили бога Хаому, расчленили его тело и из растертых останков приготовили напиток бессмертия.

На вершинах гор,
Я славлю высокие горы, где ты вырос,
О Хаома!

Я славлю широкую, обширную,
Неустанно производящую, благодатную землю,
Твою опору, о Хаома праведный!

Я славлю поле, где ты, благовонный, растешь,
Смелое и прекрасное растение Мазды,
О Хаома!

<...>

Размножайся силою [моей] молитвы
Всеми своими корнями,
Всеми побегами и всеми ветвями!¹

Божественный опьяняющий напиток хаома, посвященный Ахура Мазде, наливает тело силой, дает здоровье, исцеляет от недугов, продлевает жизнь, воодушевляет на борьбу с дэвами, укрепляет в праведности и вере. Испившему его откроются сокровенные тайны мироздания, он легко отличит Истину-Аша от Лжи, Добро от Зла, распознает злоумышления Ахримана и победит вражду всех дэвов. Зороастрийцы чтут ахуров и язатов молитвами и возлияниями хаомы.

Первым человеком на земле, выжавшим сок хаомы, был Вивахвант. За это богоугодное деяние на него снизошла благодать: у него родился сын Йима, который стал первым царем на земле; Йима блестящий, богатый стадами, сиятельнейший среди рожденных, солнцеподобный между людьми. И на всех, кто выжимал сок хаомы, снисходила великая благодать. Порушаспа, отец Заратуштры, тоже выжимал хаому.

Златоглазый бог Хаома, бог священного напитка, первым из всех ахуровских богов вознес молитву Митре:

Мы почитаем Митру,
Которому молился
Лучистый, властный Хаома,
Целебный, златоглазый,

¹ Перевод И. С. Брагинского.

На высочайшем пике
 Высоких гор Хараити,
 Зовуемся Хукарья¹.

Ахура Мазда в знак своего благоволения даровал Хаоме расписанный звездами пояс, и Хаома, опоясавшись им, как праведный зороастриец, выступил на защиту благих мыслей, благих слов и благих дел великого Творца. Он изгнал из Хванираты злого правителя Кересани², чтившего дэвов; стал преследовать лжецов, разбойников, убийц, сладострастников, кавиев и йату-колдунов.

Хвала Хаоме! Благ Хаома! Он отдаляет смерть, он побеждает Ложь. Он устремляет душу зороастрийца навстречу Слову божьему. Он дает силу упряжке лошадей; знания и чистоту тем, кто прилежно изучает священные тексты; мужей — девицам; твердых в вере детей — родителям. Он — недруг для всех приверженцев Лжи, прекрасный, златоглазый. Хвала Хаоме!

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

² Неизвестный персонаж. Ср. в ведийской мифологии Керияни — получеловек-полубог, хранитель сомы (хаомы).

С золотой вершины горы Хукаръи, с высоты ее, равной росту тысячи мужей, ниспадает Ардвисура Анахита, могучая река, и устремляется вперед, полная силы, широко разливающаяся, целительная, дэвам враждебная, преданная вере зороастрийской, — прекрасная богиня реки Ардви, повелительница воды, священной стихии Ахура Мазды.

Из края в край волнуется
Все море Ворукаша,
И волны в середине
Вздымаются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардви
Всей тысячью протоков
И тысячью озер,
Любое из которых
За сорок дней объехать
Успеет только всадник
На добром скакуне¹.

Ардвисура Анахита — богиня любви, покровительница стад и домашнего очага, защитница арийский стран. Она прекрасна. «Всякий может увидеть ее, Ардвисуру Анахиту, в образе прекрасной девушки, силь-

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

ной, стройной, прямой, высоко подпоясанной, знатного рода, именитого, в нарядном плаще с обильными складками, златопрядном. Барсман в руках у нее должной меры, красуется она серьгами четырехгранными, златокованными; ожерельем обвила благородная Ардвисура Анахита прекрасную шею. Стягивает она стан свой, чтобы дивные груди ее восстали, чтобы влеклись к ней людские взгляды. Чело увенчала свое Ардвисура Анахита прекрасным обручем, сотнями самоцветов украшенным, златокованным, осмичастным, словно бы колесница, перевитым лентами, чудесным, с кольцом посредине, искусно сделанным. В бобровой шубе она, Ардвисура Анахита, из трехсот бобров; меха ослепляют смотрящего блеском золотым и серебряным»¹.

Ардвисура Анахита — единственное иранское божество, которое в Авесте описывается антропоморфным. Такое необычайно подробное и красочное описание позволило некоторым исследователям предположить, что у автора была перед глазами статуя богини или же он ее себе мысленно представлял. Однако авестийское описание Анахиты не соответствует ни одному из сохранившихся изображений богини.

Богиня очень любит слушать молитвенные песнопения в свою честь. Разливается ли она полноводным потоком, несется ли над Хваниратой в колеснице, запряженной четверкой коней, — думы ее об одном: «Кто всех сладкоречивее восславит меня? Кто воспет самый лучший гимн? Клянусь, что за преданность и верность мне я воздам сторицей».

Не только все люди, но и боги — ахуры и язаты — преклоняются перед великолепием и величием Ардвисуры Анахиты. Сам Ахура Мазда приносил ей жертву в Арьяна Вэджа, у благой реки Вахви Датии, прося помощи в наставлении Заратуштры, дабы пророк мыслил, говорил и делал в согласии с праведной маздаяснийской верой. К Анахите обращались с молитвами все иранские герои; каждый жертвовал богине сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец, чтоб она умилилась и даровала удачу в угодном Ахура Мазде деле: возвела достойного на царство, или помогла одолеть полчище приверженцев Друджа, или даровала изобилие и благоденствие. Богиня принимала жертвы и исполняла благочестивые просьбы. Но, как и Аши, глуха она к мольбам тех, кто отмечен

¹ Перевод И. С. Брагинского.

знаком Ахримана: больные, прокаженные, слепые, глухие, слабоумные, припадочные, горбатые и карлики не смеют обращаться к богине.

Аналогичные запреты И. М. Стеблин-Каменский находит и в других священных книгах — ср. в Библии (Левит 21:16—20): «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи Аарону: никто из семени твоего во все роды их, у кого на теле будет недостаток, не должен приступать, чтобы приносить хлеб Богу своему. Никто, у кого на теле есть недостаток, не должен приступать, ни слепой, ни хромой, ни уродливый, ни такой, у которого переломлена нога или переломлена рука, ни горбатый, ни с сухим членом, ни с бельмом на глазу, ни коростовый, ни паршивый, ни с поврежденными ятрами».

И тем дерзким дэвам, карапанам и вождям кочевников, которые, замыслив злое дело, осмеливались просить у Анахиты помощи в нем, богиня всегда отказывала и не принимала жертв.

Геуш Урван — Душа Быка, женское божество, покровительница стад. Воздавая ей почести или прося поддержки, зороастрийцы именуют ее Дрваспа — «та, благодаря которой лошади пребывают в здравии»; и этот эпитет, преисполненный благодарности к богине, стал ее вторым именем.

Под опекой Дрваспы плодится и тучнеет домашний скот, столь любимый Ахура Мазде и столь ненавистный Духу Зла. Богиня с небес смотрит на пасущихся дойных коров, на густорунных овец, на рабочих волов, и ей сладостно созерцание сытого благоденствия арийских стран, а слух ее ласкают хвалебные гимны и молитвы. Но грозно нахмурится Дрваспа, если кто-нибудь нарушит священную заповедь, данную Маздой. Колесница ее тотчас свернет с пути, и кони помчат богиню туда, где совершается богомерзкое деяние и надо защитить праведную веру.

Бог ветра Вайю пребывает высоко в небесах. Там он восседает на золотом троне. Он превосходит в могуществе всех прочих богов. Он самый стремительный: он настигнет любого и сурово покарает за зло. Он — грозный воин. Золотой шлем на нем, золотая корона, и ожерелье, и обувь, и доспехи на нем золотые, и колесница у Вайю тоже вся из чистого золота.

Его, праведного воителя, создал Ахура Мазда и поручил ему великую миссию: воплощать божественную связь между бесконечным временем *зерван акарана* и Бескрайним Пространством. Высшим стражем миропорядка и мироздания стал Вайю по слову Мазды! Столь он велик, доблестный, верный Истине, что Мазда сам молился ему и сам приносил ему жертву, говоря так:

— Даруй мне такую удачу, о Вайю, пребывающий высоко, чтобы смог я сокрушить творения Злого Духа, и чтобы никто не смог сокрушить творения Святого Духа!

Находили у Вайю покровительство и все иранские герои, приносившие ему жертвы на Хара Березайти, как приносил свою жертву Мазда, и просившие помощи в праведных делах.

Благосклонен был Вайю к молениям юных дев, просивших его о муже.

— Даруй нам, о Вайю, пребывающий высоко, — пели девушки перед жертвенным огнем, — чтоб мы могли найти мужа, юного и прекрасного телом, который хорошо усладит нас; и дай нам потомство! Дай это каждой из нас, о великий Вайю!

Бог исполнил эту мольбу, ибо она была праведной: иметь детей, множить воинство Добра, воспитывая детей в ахуровской вере — в этом добродетель зороастрийца.

У Вайю много имен — священных, обладающих сакральной сущностью и чудодейственной силой. Тот-кто-идет-вперед и Тот-кто-идет-назад — его имена. Тот-кто-распознает-обман — его имя. Доблестный — его имя. Тот-чья-работа-против-дэвов, Тот-кто-с-длинным-копьем и Тот-кто-разрушает-норы-храфстра — его священные имена; и еще много, много имен у бога-воителя, преданного Мазде. Все эти имена — магические, чудодейственные; и к ним нужно взывать, если в арийские страны набегом придут друджванты-кочевники, или воцарятся злые кавии, гонители верящих в Мазду, или дэвы, или ашемауги придут в лучшие страны Хванираты, чтоб посеять зло, — Вайю защитит, Вайю избавит от бед, Вайю поможет. Надо только восславить его, и почтить жертвой, и призвать, произнеся его священные имена.

Вайю олицетворяет собой пространство между землей и небесами — воздух, стихию воздуха, где в начале творения Добро столкнулось со Злом. Создания Мазды бились с Ахриманом и его порождениями в воздухе, Добро и Зло смешались в этой стихии. Поэтому воздушная стихия принадлежит Доброму Духу и Злому, и поэтому про Вайю, воплощающего воздух и ветер, зороастрийцы говорят: «Он проходит сквозь два мира, один — который создал Святой Дух, и второй — который создал Злой Дух»; и, вознося молитвы славному богу-воину, так поют перед полыхающим огнем:

Мы почитаем праведного Вайю, мы приносим жертвы Вайю,
пребывающему высоко!
 В той части воздуха мы приносим тебе жертвы, о Вайю, которая
принадлежит Спента Манью!

<...>

Мы жертвуем тому Вайю, который принадлежит Доброму Духу —
светлому и величественному Вайю!

С того дня, как два изначальных Духа, Благой и Злой, сотворили мир и все сущее, великолепный Сраоша, бог набожного благочестивого послушания и дисциплины, ни на минуту не сомкнул глаз. Ему неизвестно, что такое сон: он бдительно и неусыпно сторожит создания Ахуры, праведный герой, могучий, сметающий Зло победоносным ударом. Славен юный Сраоша!

У него четыре белых густогривых сакуна с золочеными копытами, которые мчатся быстрее ветра и падающих дождевых капель, быстрее туч, стремительней поднебесных птиц, и даже пущенной из лука стреле не поспеть за гордыми конями Сраоши. От стран индийских до западных стран объезжает он Хванирату дозором, храня маздаяснийцев от грабежей и разбоев, творимых буйнояростным Айшмой. Зорким оком выглядывает Сраоша, где затаилось Зло, и разит его, и выходит победителем из всех битв: пред могуществом вредоноснейших дэвовских дэвов не дрогнет сердце героя-воителя, зато пред его могуществом вся нечисть бежит — обратно в преисподнюю Тьму дэвов сметает с земли. Они ждут ночи. Но и после захода солнца, когда Хванирату окутывает ночной мрак и порождения мрака вновь сползаются отовсюду и рыщут по маздаяснийским селениям, — Сраоша и тогда на покой не уходит. Он — бдительный неусыпный страж, который всегда на посту, всегда начеку во благо людям и божьим тварям. Он и ночью своей дубиной и боевым топором наносит Айшме кровавые раны, повергает его как богатырь, благословенный герой Сраоша!

А топор у Сраоши не простой — чудесный топор: им не надо размахивать, он сам летает и сам бьет, сам разит исчадий вражеского воинства.

Даже повелителя Зла, прародителя Зла Ахримана настигал тот топор и нещадно бил.

Когда же солнце вновь появляется из-за гор, птица Сраоши, бдительная Пародарш, гонит последнего ночного дэва — длиннорукую лентяйку Бушьясту, которая обволакивает зороастрийцев дурманом сладкого сна и неги, дабы они спали как можно дольше, и не развели вовремя огонь, и не выгнали скот на пастбища.

Сраоша — сын Ахура Мазды и Спента Армайти. Аши и Даэна — родные сестры ему; широкопастбищный Митра — родной брат, и бог справедливости Рашну тоже брат Сраоши, ибо справедливость сродни набожному послушанию от века. А главные враги его — Айшма и Нахатя, которые искушают людей, толкая их на путь греха. Сраоша гонит прочь мерзопакостных дэвов, и маздаясниец, уже было павший безвозвратно, вновь ступает на путь праведности и обретает ее.

Воплощения Сраоши — красные хризантемы и фазан. Тело его — Мантра Спента, Святое Слово. Он первым из богов воспел Гаты и разъяснил язатам их сокровенный смысл. К нему первому в его тысячеколонный, украшенный звездами дом, что стоит на Хара Березайти, торжественно пришли Ахуна Варья, Ясна семи глав и все остальные молитвы Ясны. Мудростью и всезнанием Сраоши Бессмертные Святые низошли на эту землю, на семь каршваров, чтобы окрепла повсюду Даэна — Вера зороастрийская, чтоб преисполнилось праведное учение ахуровское святости Духа Святого и всех благих качеств Амеша Спента: и истинности Лучшей Истины, и благочестия Спента Армайти, и целостности Харватат, и бессмертия Амертат. А сам Сраоша явился в мир как законоучитель.

Поздняя традиция приписывает Сраоше функции загробного судьи.

Но кто же хранитель справедливости в мире? Кто — сама мудрость? Кто отделяет Добро от Зла и Ложь от Истины, когда Ложь проникает в людские сердца под маской Добра? Кто в сокрушении Лжи удачливей и победоносней всех прочих созданий Мазды?

Это Рашну Разишта, «Правда Правдивейшая», — Рашну, который летит справа от Митры, сопровождая его в шествии по небу, а следом за Митрой летит Вертрагна

И спрашивает вместе
Он с Митрою и Рашну:
«Кто нарушает слово,
Обманывая Митру?
Кто забывает Рашну?
Кому тогда воздам я
Болезнию и смертью
При власти, данной мне?»¹

Праведный Рашну! Правдивейший, великолепнейший, благословенный, знающий все и все предвидящий, Рашну Разишта, который самый зоркий из язатов; он — наилучший вершитель правосудия. Во всех судах он присутствует и по справедливости разрешает все тяжбы. Если перед судом предстанет лжец клеветующий — горе лжецу. Сколько бы хитрых

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

словес он ни наплел, пытаясь выдать вранье за истину, Рашну и Митру он не обманет. Тяжба разрешится по закону, а греховному клеветнику нанесут семьсот ударов конской плетью *сраоша-чарана* — «делающей послушными».

Ахура Mazda заповедал миру, говоря:

— Читите Рашну Разишту, где б ни был он, вездесущий! Читите так: встав лицом к небесной дороге, по которой проделывает Солнце свой путь, свяжите барсман из трех прутьев и восславте меня, Ахуру. Всем моим благим качествам воздайте хвалу. Тогда Рашну Разишта придет и поможет вам.

И праведники славят Рашну Разишту, как заповедал Ахура. Славят его везде — ибо он везде и всюду, блистательный вездесущий бог. Он в каршваре Хванирата и в шести окраинных землях; он — над океаном Ворукаша; он — на острове среди пречистых вод, где растет царь лекарственных трав Хаома и живет священная птица Саэна; он — на звезде Тиштрии; он — на Ванант и на Хафтаринге; на Луне и Солнце; и в царстве Бесконечного Света — в обители величайшего бога Ахура Мазды, Творца мира.

Мир до Заратуштры

Когда Машья и Машьон, первая человеческая пара, умерли, их потомки — пятнадцать народов — вскоре заселили Хванирату, все шестнадцать стран, созданных Ахура Маздой. Но как убийца сыплет щепоть ядовитого зелья в котел — и отравляет всю еду, так Ахриман, когда Ахура сотворил Арьяна Вэджа и остальные пятнадцать лучших стран, в каждой из стран расплодил Зло, пороки и грехи, дабы везде и навсегда отравить жизнь людям.

Но несмотря на это шестнадцать лучших стран Хванираты остались и после этого лучшими. Всякое племя занималось своим промыслом, и каждый человек, как мог, пытался выстоять против дэвовских злокозней. Но если с дэвом зимы еще удавалось справиться, вовремя заготовив сухих дров для огня и утеплив жилище, а Апаоша хоть и мог насладиться страшной засухой, однако не по силам ему было сделать, чтобы пересохли великие реки, так что вода оставалась у людей, только приходилось в надрыв трудиться от рассвета до заката, возя ее в кувшинах на поля, — то дэвы зависти, зломыслия, жадности и других пороков легко брали над арийцами верх и подчиняли их себе. Ведь им, людям, еще не сиял свет божественной Истины — праведной зороастрийской веры. Многие племена вели кочевой образ жизни, и Айшма злорадствовал, видя это; многие поклонялись дэвам — Индре, Шару, Бунти, Нахатъя, считая их истинными богами.

Вот почему они поклонялись этим лжебогам: Ахриман скрыл от них, что в потустороннем мире за благодеяние полагается награда, а за грехи — тяжкое наказание. И еще он скрыл, что грядет конец мировой истории, когда Дух Зла и его приспешники будут уничтожены навсегда. Тлетворный Ахриман замутил людские умы: он распространил по миру много религий и греховных верований — и люди, забыв о праведности, разучились отличать Добро от Зла.

Но уже в те времена, за много столетий до прихода Заратуштры, люди стали осознавать, что поклонение дэвам и идолам влечет неминуемую беду.

Видя, как сперва один клан, потом несколько, а потом уже целые племена и народы отвращаются от степного кочевничества и, не услаждая больше Айшму кровавыми набегами, ведут праведную оседлую жизнь, занимаются скотоводством и земледелием, и как от этого преобразуется, расцветает и осеняется благодатью сотворенный Ахура Маздой мир, многопагубный Ахриман исходил злобой. Он должен был воспрепятствовать Творцу — намерзнуть, сокрушить, испортить его творение, — и Дух Зла мучительно раздумывал над этим дено и ношно.

И наконец он придумал, какой он найдет на землю лютый бич: 99 999 смертельных недугов и болезней! — да! — чуму, моровую язву, проказу, лихорадку, бесплодие и... не перечить — 99 999 неисцелимых болезней, сеющих горе и смерть.

Столь много было их, порождений Зла, столь неисчислимо множество их создал Ахриман на погибель земле, что сам Творец Ахура Мазда не мог справиться с ними.

И он воззвал к Мантра Спента:

— Помоги мне, праведная Мантра Спента! Исцели мой мир, изгони прочь порождения Друджа.

— Но как я сделаю это? — сказала в ответ Творцу Мантра Спента. — Как мне выполнить твоё веление, скажи, Мазда, ибо это неведомо мне.

Мантра Спента одна была не в силах изгнать Зло. Нужен был праведник, который бы произнес благочестивое исцеляющее Слово.

И Ахура Мазда воззвал о помощи к Арьяману, благому язату, сотворенному им, Ахурой, духу телесного и душевного здравия, религиозного послушания и благочестия, покровителю оседлых племен, противостоящему — вместе со Сраошей — буйному Айшме.

Он совершил возлияние в честь Арьямана, принес ему в жертву коней, верблюдов, тысячу бурых быков и мелкий скот. Потом призвал пред свой лик Нарья Санху — божественного вестника — и молвил ему:

— Лети, Нарья Санха, мой посланник и глашатай, к Арьяману праведному, и вот какие слова обрати к нему: «Так говорит Ахура Мазда тебе, праведному Арьяману: “Смертоносный Ахриман создал своим черным колдовством 99 999 неисцелимых недугов! Так принеси же мне и миру телесному исцеление, Арьяман! Тебя я почтил возлиянием и молитвой, тебе принес жертвы щедрые: коней, крутогорбых верблюдов, бурых быков, мелкий скот — все тебе! Оказал я должные почести тебе, Арьяман!”»

Мазда умолк — и тотчас же Нарья Санха направился прямо в обитель Арьямана и объявил ему волю Творца. Все, что сказал Мазда, верный Нарья Санха передал Арьяману слово в слово — и о почестях, которые были возданы ему, и о щедрых жертвах.

Арьяман воспылал праведным рвением. Уничтожить зло, исцелить мир — великую и почетную миссию возложил на него Ахура! Не теряя времени, он отправился на Гору праведных вопросов¹. Там он произнес молитвы и заклинания, отвращающие всяческую хворь, — и так, праведным ахуровским Словом, он изгнал Друджа и исцелил мир, как были на то воля и приказание Мазды.

¹ Гора, где, по другому мифу, Заратуштра беседовал с Ахура Маздой и расспрашивал его о сущности и заповедях «истинной веры».

Потомство Машья и Машьои было многочисленно: семь пар детей. Одного из них звали Сиямак, а его сестру и жену — Нашак. Сиямаку передано божье благословение, ниспосланное еще Гайомарту. От его сына Фравака и его жены Фравакиен произошло пятнадцать народов.

Те пятнадцать народов расселились по Хванирате и зажили каждый сам по себе, каждый своим промыслом, — воды, угодий и пастбищ поначалу хватало на всех в лучшем каршваре. Но рождались дети, род людской множился числом, народам стало тесно. Тогда девять народов покинули Хванирату. На спине быка Сарсаока они переплыли заливы океана Ворукаша, что отделяют срединный каршвар от шести окраинных, и расселились там — в шести окраинных каршварах. А шесть народов остались жить в Хванирате.

И везде, во всех семи каршварах, людям сопутствовало благословение Гайомарта, которое они унаследовали через Сиямака.

Три тысячи лет люди прожили с этим благословением. Благодаря ему в мир, полный Зла, приходили герои и праведники, и люди отвращались от Лжи и пороков, становились на путь Истины — три тысячи лет, тридцать веков, — покуда в мир не был послан новый благословенный — Заратуштра.

В «Шахнаме» Гайомарт — Каюмарс, первый царь, создатель цивилизации. В эпоху его правления, длившуюся тридцать лет, на земле был «золотой век»: *стали люди умнеть и умнеть / И все обновилось — одежда и снесь. <...> Животные, хищники, с разных дорог / Сбе-*

гаясь, ложились у царственных ног. / И люди склонялись пред шахом, чей трон / Звездою счастливою был озарен. Ахриман и его сын, словно волк молодой, / Свершавший набег с голодной ордой, которым Добро и справедливость, установившиеся на земле, не дают покоя, собирают войско и идут войной на Каюмарса. В сражении гибнет сын Каюмарса Сиямак — его убивает черный див. Затянувшееся на целый год оплакивание царевича прерывает посланник небес Суруш (авест. Сраоша): он велит немедленно снарядить войско против злых исчадий и уничтожить их. Сын Сиямака Хушанг (авест. Хаошьянха) убивает черного дива. Когда месть свершается, век Каюмарса подходит к концу, и он умирает.

По версии, изложенной аль-Бируни (973 — ок. 1050 гг.), Гайомарт / Горшах («Горный царь») три тысячи лет пребывал на небесах, потом спустился на землю и следующие три тысячи лет жил и правил там. Против него выступил сын Ахримана Хазура. Горшах убивает его. Ахриман мстит за сына и убивает Горшаха. Из крови Горшаха, упавшей на землю, произошла первая человеческая пара.

По другому мифу (также переданному аль-Бируни), Каюмарс родился из каплей пота Ормазда, вспотевшего во время сражения с Ахриманом. Впоследствии Каюмарс одолел Ахримана, оседлал, стал разъезжать на нем, как на коне, — и верхом на Ахримане достиг пределов ада. Увидев преисподнюю, он испугался, — и тут Ахриман сбросил его и сожрал. Перед смертью Каюмарс изверг семя, из которого произошла первая человеческая пара.

В зороастрийской литературе и эпосе цари первой династии — Парадата («первозаконники»; букв.: «данные первыми», «впереди поставленные»; среднеперс. и фарси Пишдадиды) являются персонажами чисто мифическими. Однако легенды о Парадата в Авесте, в пехлевийской литературе и у арабских авторов сохранили следы реального исторического фона индоиранской эпохи. К роду Парадата (парлатов) возводили свою генеалогию скифы.

Сказания о первых царях — цивилизаторах и основателях социума, по-видимому, долгое время существовали раздельно, полностью мифологизировались и были собраны и объединены в цикл между I и III веком н. э. Число царей Парадата/Пишдадидов и последовательность их на престоле варьируются в зависимости от источника. Поздние сочинения зороастрийского богословия систематизируют эпические циклы о легендарных властителях Ирана: устанавливается последовательность их царствований (уже очень близкая к версии «Шахнаме»), сглаживается разноречивость в их нравственных оценках, при этом Пишдадиды наделяются качествами правоверных зороастрийцев, изображаются «верящими в Ормазда» и ревностно блюдущими его «закон», — хотя, согласно тому же религиозному учению, «веру» и «закон» Ормазда людям принес Зардушт, живший значительно позднее.

Первым властителем, ниспосланным миру, был правнук Машья и Машьои, внук Сиямака, сын Фравака и Фравакиен — Хаошьянха.

Мудрый Хаошьянха со своей сестрой-женой Гузак остались в Хванирате, не покинули лучший каршвар, когда девять народов верхом на быке Сарсаоке удалялись в неведомые земли. От Хаошьянхи и Гузак впоследствии произошли иранцы. А от другой пары, тоже оставшейся в Хванирате, — от Таза и Тазак — произошли злые арабы, враги зороастрийской веры.

В мире царили Амеша Спента, и вся земля пребывала под сенью закона Ахура Мазды, открытого Гайомарту: потомки Гайомарта унесли его благословение и закон Ахуры с собой, когда уходили жить в окраинные каршвары. Каждый человек нес в душе частицу божественного благословения роду людскому. Но не каждый хранил и берег этот великий дар. Многие арийцы, как и раньше, поклонялись дэвам — Индре, Буити, Нахатъя, услаждали друждевское отродье кровавыми жертвоприношениями, устраивали грабительские набеги на соседей. Да и оседлые племена еще пребывали в дикости и варварстве.

Но главным скопищем Зла были Мазанские земли и Варна. Зло кишело там, как кишат храфстра-муравьи в своем гадком муравейнике.

Хаошьянхе предстояло выйти на бой против исчадий Друджа и истребить Ложь, заповолившую лучший каршвар.

Он был отважен и могуч, благословенный потомок Гайомарта, но все равно не по силам ему было совершить такой подвиг, не заручившись покровительством богов. И он отправился в путь, на край Хванираты,

к горам, чтоб подняться на Хара Березайти и там, в поднебесной вышине, воззвать к ахурам о помощи.

На вершине Хары он принес жертву Ардвисуре Анахите — сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец. И молил он прекрасную богиню:

Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я наивысшим властителем
Над всеми каршварами,
Над дэвами и людьми,
Над колдунами и паирика.
Чтобы две трети мазанских дэвов
И служителей Друджа в Варне я в прах поверг!¹

И богиня приняла его благочестивые жертвы и вняла ему.

Затем с такой же молитвой Хаошьянха обратился к Геуш Урван, праведной покровительнице стад, — и тоже снискал ее помощь и благоволение.

Потом Хаошьянха воззвал к праведной дочери Ахура Мазды, доброй богине Аши.

Когда молился Аши
Хаошьянха Парадата
Под Харою высокой,
Прекрасной, данной Маздой,
Вот так просил он Аши:
«Такую дай удачу
Ты мне, благая Аши,
Чтобы сумел осилить
Я всех мазанских дэвов,
Не отступил бы в страхе
От ужаса пред ними,
Но чтобы предо мною
Склонились дэвы в страхе,
Удрали в страхе в Тьму».

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

И подступила Аши,
 Приблизилась к нему,
 Обрел такую милость
 Хаошьянха Парадата¹.

И еще он молился Вайю, богу ветра, на вершине горы. Просил он Вайю о том же, о чем прежде просил Ардвисуру Анахиту, Аши и Геуш Урван: ниспослать ему такую удачу, чтоб он, Хаошьянха, смог уничтожить две трети мазанских дэвов и изгнать друждевскую нечисть из Варны. И Вайю, который пребывает высоко в поднебесье, тоже даровал ему удачу.

* * *

Хварна сопутствовала Хаошьянхе, божественная, сияющая пламенем, благословение Гайомарта было с ним, и боги отныне покровительствовали ему в праведном деянии. Спустившись с гор в долину, Хаошьянха направился в Варну, где царствовали злодеи, возведенные на престол пагубным Ахриманом, и истребил их всех до единого, а после убил две трети мазанских дэвов.

Так начиналось славное правление Хаошьянхи.

Волею Мазды и под покровительством ахуров он стал царем — первым на земле, во всех семи каршварах, единодержавным властелином племен арийских. Хаошьянха первым установил законы для людей.

Их, людей, доселе живших почти что в дикости, он обучил хлебопашеству, показал им, как орошать поля в засушливое время, как выпекать хлеб на огне — ведь люди прежде питались лесными плодами, собирая их и запасая на зиму, сами же не умели выращивать ничего и не умели готовить на огне; построил города с каменными домами и дворцами.

И еще много благ принес он людскому роду. Но главной его заслугой было то, что он первым научился добывать огонь. Однажды на охоте Хаошьянха увидел огромную змею, швырнул в нее камнем и промахнулся; камень ударился о скалу и рассыпал искры вокруг. Сухой мох подле камня задымился и занялся пламенем... С тех пор арийцы стали добывать огонь с помощью кремня.

В царствование Хаошьянхи Парадата на земле зажглись три священных огня — три пламени Атара, от которых впоследствии были зажжены и вспыхнули в Иране три сакральных огня маздаяснийской религии.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

То свершилось волею божьей: при Хаошьянхе люди продолжали расселяться из Хванираты по другим каршварам. Бык Сарсаок перевозил их на своей спине через мировой океан. Те, кто покидал Хванирату, забирали с собой все ценности и реликвии, и в первую очередь — огонь из очага. А жрецы забирали алтарные огни. Когда Сарсаок переплывал океан, вся его могучая спина была озарена светом пламени. Но однажды ночью началась буря, алтари опрокинулись и упали в океан. Люди пришли в ужас. Но упав в воду, огонь не погас, а ко всеобщему изумлению вспыхнул и запылал еще ярче. Потом один большой огонь превратился в три, которые вознеслись над водной пучиной.

Тем, кто был на спине божественного быка, удалось догнать эти огни. Их торжественно поместили на трех алтарях, и бык поплыл обратно в Хванирату. Огни перенесли в храмы — и с тех пор они там горят. Это три главных, самых священных зороастрийских огня: огонь жрецов Фарнбаг, огонь царя и воинов Гушнасп и огонь скотоводов Бурзин-Михр, которому покровительствует бог Митра.

При Хаошьянхе на землю низошла правда истинной Веры маздаенской и восторжествовал закон земледельческий. И второй великий закон установился при нем — закон, по которому не должно быть отныне в племенах и народах безвластия, но надлежит владычествовать над всем и вся царю, — и так тому и быть до скончания времен. Блистательная династия царей Парадата началась с Хаошьянхи. Царствовал он соток лет.

В «Шахнаме» Хаошьянха/Хушанг после смерти Каюмарса становится царем — родоначальником династии Пишдадидов. Венчаясь на царство, он объявляет народу, что отныне он *склоняет душу к правде и милости*. На земле наступает *небывалый расцвет*, / *Сиянием правды наполнился свет*. Хушанг добыл из руды железо, *создал мотыгу, топор и пилу*, / *Начало кузнечному дал ремеслу*, оросил пустыни, научил людей охотиться на пушного зверя, шить одежду из выделанных шкур, выращивать зерновые культуры — *и каждый свой хлеб стал выращивать сам*, / *Не стал кочевать по степям и лесам*, — прежде же люди питались земными плодами, а одеждою [им] *листья служили одни*. Главным же благодеянием Хушанга было то, что он дал людям огонь: сражаясь с чудовищным змеем, Хушанг метнул в него камень и промахнулся; камень ударился о скалу и рассыпал огненные искры вокруг. *Дракона могучий Хушанг не достиг*, / *Но*

*тайну огня разгадал он в тот миг. / Железом в кремень ударяют
с тех пор, / Чтоб искра, сверкнув, разгоралась в костер. Хушанг
учредил культ огня и праздник Садэ в память о его открытии. (Зоро-
астрийцы отмечали этот праздник в десятый день месяца Воху Маны.)
Благополучно процарствовав сорок лет, Хушанг умер, и престол уна-
следовал его сын Тахмурас (авест. Тахма Урупи).*

Постепенно люди узнавали, что дэвы и Зло не безраздельно царят на земле, но есть в мире и ахуры — истинные боги, благие, добрые, праведные.

Так, узнали они про Хаому.

Чудесные свойства напитка хаомы арийцам открыл внук Хаошьянхи, добродетельный муж по имени Вивахвант. Он был первым из смертных, кто выжал сок золотистого растения и стал жрецом бога Хаомы.

У Вивахванта было четыре сына: Йима, Спитьюра и Тахма Урупи.

Отважному Тахма Урупи судьба ниспослала огнесияющую Хварну. А от его великого прадеда, Хаошьянхи Парадата, ему передалось благословение Гайомарта. Теперь благословенным был он, не знающий страха воин, вооруженный победоносным оружием и облаченный в богатые одежды из лисьего меха.

В полном блеске величия он почтил жертвоприношениями богов — Анахиту, Аши и Вайю; почтил богатыми жертвами и праведными молитвами, в точности как делал это его великий предок Хаошьянха и как впоследствии делали все цари и герои. Боги вняли ему, и Тахма Урупи стал вторым царем династии Парадата. Он воссиял воистину на престоле! И на тридцать лет воссияла вся Хванирата под его мудрым правлением.

Он везде и всюду славил Творца Ахура Маазду и учредил его культ. Он объявил войну дэвам, друджвантам и колдунам и из раза в раз наносил им сокрушительные поражения. Он по всей земле истребил идолопоклонников.

Вскоре обессиленное, обескровленное, сломленное воинство Зла уже не могло продолжать войну с Тахма Урупи. Дэвы в ужасе разбежались по земле, попрятались кто где — в пещерах, в норах, в горах — и сидели в своих укрытиях затаясь. При каждом звуке — зашелестит ли листва, простучит ли камешек, скатываясь по горному склону, или прожужжит шмель — они вздрагивали от страха.

А род людской — все племена — зажили спокойно и счастливо. Никто теперь не чинил им зла.

Тогда против Тахма Урупи вышел на смертный бой сам Дух Эла, многопагубный Ахриман.

Доблестный царь смело принял вызов — ведь он был осенен благословением бога, и огненная Хварна сопутствовала ему. В назначенный срок противники сошлись. И Тахма Урупи победил!

Он заставил поверженного противника принять облик черной лошади, оседлал его и тридцать лет разъезжал верхом на нем из края в край земли.

На целых тридцать лет был усмирен Дух Эла отважным всадником! Он покорно возил Тахма Урупи по Хванирате, не брыкался, не вставал на дыбы и не бил землю копытами — только в бессильной злобе грыз удила да временами жалобно ныл, умоляя дать ему свободу. Тахма Урупи оставался непоколебим. Наконец, отчаявшись, Ахриман поведал царю тайну, которую он до сих пор тщательней всего берег и скрывал от людей, — тайну письменности: он открыл Тахма Урупи семь видов письма. Он надеялся, что теперь царь смилостивится и отпустит его. Но Тахма Урупи взмахнул рукой — и просвистела в воздухе плеть, настигая черного коня.

Тайну письменности и все другие секреты, которые доблестный властитель вырвал у друджей, он сразу передал людям — бесценный дар праведного владыки, благословленного Маздой! Искусства, науки и ремесла расцвели по всем семи каршварам. В племенах появились первые жрецы — пастыри своих народов, справедливые судьи, наставники в деле постижения Истины — той единственной сущей в мире Истины-Аша, что дана Творцом и коей имя — закон Ахуры.

Этот благостный, преисполненный добродетели закон люди разнесли во все края земли. Ведь в царствование Тахма Урупи они, род за родом и племя за племенем, продолжали переселяться в окраинные каршвары на спине быка Сарсаока, и во всех неведомых землях, куда они приходили, чтоб поселиться там навсегда, — всюду утверждался благой закон. Дэвы покидали свои обиталища и бежали прочь — дальше, в непролазные дебри, в леса, куда еще не дошли люди и где закон Ахуры пока не мог их настичь и покарать. Мир упокоился в благоденствии.

А Дух Эла тем временем все возил и возил на себе доблестного Тахма Урупи. Дэвы провожали своего повелителя обреченными взглядами из-под коряг и камней. Добро победило, и они горевали, что отныне уже — навсегда, и рвали на себе волосы в отчаянии, и скрипели зубами.

По вечерам Тахма Урупи загонял Ахримана в стойло и привязывал за узду. И все ночи напролет Дух Зла думал о том, как ему вырваться на свободу.

Минуло тридцать лет.

Однажды поутру Тахта Урупи, как всегда, запряг Ахримана и поскакал на нем по Хванирате. За тридцать лет царь уже привык не остерегаться дэвовских козней и совсем потерял бдительность. Он любовался арийскими просторами и, залюбовавшись, не услышал, как Ахриман на скаку прорычал одному из своих приспешников, дэву любопытства:

— Эй, ты, хитрющее порождение! Проберись тайком во дворец Тахма Урупи. Мне нужно, чтобы царица заболела праздным любопытством.

И вот на закате дня, когда Тахма Урупи вернулся домой и царица вышла встречать мужа, Ахриман шепнул ей:

— Ты думаешь, если царь разъезжает верхом на повелителе злодеев, значит, он вообще ничего не боится? Ха! Какая ты наивная...

— Ты лжешь! Он не знает страха! — воскликнула царица, но Ахриман лишь усмехнулся и молча прошел в стойло, ведомый за узды.

Весь вечер царица не находила себе покоя. Что имел в виду Ахриман? Как понимать его намек? Любопытство все сильнее и сильнее разгоралось в ее душе. Наконец она не могла больше сдерживать себя и пристала к мужу с расспросами.

Тахма Урупи долго и упорно отмалчивался. И все-таки ночью, во время любовных утех, он признался жене:

— Только ты никому не должна говорить этого, — предупредил он. — Ни перед чем я не ведаю страха, кроме одного: я очень боюсь высоты. От высоты у меня кружится голова и становится дурно. Вот почему я объезжаю Хванирату только по долинам и никогда не поднимаюсь в горы, чтобы полюбоваться на свои владения сверху.

Эти слова услышал дэв любопытства и передал их Ахриману.

На другой день, едва Тахма Урупи вскочил в седло, Ахриман захохотал преисподним хохотом, взвился на дыбы и во весь опор помчался к горам так быстро, что ветер засвистел у царя в ушах. Безуспешно пытался царь сдержать его бег. Вот остались позади селения, реки и пастбища. Перед ними простиралось каменистое предгорье Хара Березайти. Потом из-под копыт Ахримана посыпались искры и полетели камни — это они поднимались по склону. Тахма Урупи вцепился в конскую гриву, стараясь удержаться из последних сил. Но когда уже и облака остались внизу, силы его покинули. Он закачался в седле, выпустил поводья и рухнул.

Дух Зла заревел, превратился в страшного дракона, разинул пасть и проглотил бездыханного царя.

В «Шахнаме» Тахма Урупи — Тахмурас, сын Хушанга, второй царь династии Пишдадидов. Принимая трон, он торжественно клянется изгнать с земли <...> *насилье и страх*, / *Свой век [провести] в служебных, в трудах*, везде *отрезать пути Ахриману*. Как и его отец Хушанг, Тахмурас становится царем-цивилизатором. За тридцать лет своего правления он научил людей стричь овец и вязать шерстяную одежду, ткать ковры, пасти скот; приручил собаку, кошку, кур, ловчих птиц. Во всем ему сопутствовала удача, и он денно и ночью благодарил за это Творца, постился, молился, являя подданным пример религиозного благочестия. *И вот благодать на него снизошла*. / *Герой, Ахримана в борьбе полоня*, / *Вскочил на него и погнал, как коня*. Силы Тьмы, видя это, ополчились против Тахмураса. В битве с ними Тахмурас истребил треть их войска, остальных взял в плен, *и пленники, в путях влекомы в пыли*, / *Взмолились о пощаде*. Царь смилился над ними и даровал всем жизнь, а бесы за это научили Тахмураса писать на тридцати языках. Процарствовав тридцать лет, Тахмурас умер своей смертью, и престол Ирана унаследовал его сын Джамшид.

После гибели Тахма Урупы на царство в арийских землях был венчан его брат Йима.

Йима был первым из смертных, кому Ахура Мазда явился с небес. Ахура Мазда предложил ему стать пророком и хранителем религии. Он сказал:

— О Йима прекрасный, сын Вивахванта! Сделайся моим пророком в мире, который я сотворил. Открой людям свет истинной религии!

Но Йима не был готов стать пророком. Эта великая миссия предназначалась Заратуштре. Поэтому Йима ответил Ахура Мазде:

— Не создан я и не обучен хранить и нести Веру!

— Что ж, — сказал на это Ахура. — Раз ты не готов быть пророком, тогда принеси благодать в мой мир! И зорко наблюдай за ним. И властвуй в согласии с Истиной.

— Да! — воодушевленно отозвался на это Йима. — Я буду мир твой хранить, защищать и вести его к процветанию! Под моим господством не будет ни холодного ветра, ни жаркого, ни болезней, ни смерти!

Тогда Ахура Мазда торжественно вручил Йиме золотой рог и кнут, украшенный золотом. И в тот же миг с небес слетела божественная сияющая Хварна, дабы сопутствовать Йиме.

Озаренный светом Хварны, Йима первым делом исполнил свой долг перед ахурами. Он поднялся на вершину Хукарьи, принес жертву Анахите, Геуш Урван — праведной покровительнице стад, воинственному Вайю и Аши. И был услышан ими.

Так Йима, Вивахвантов сын, был венчан на царство и стал третьим царем Парадата.

До воцарения Йимы в арийских племенах достойнейшие мужи объединялись только для войны — собирали дружину и вместе отражали набег кочевников, подвигнутых злым Айшмой на путь греха; все же остальное время люди хоть и жили племенем на одной земле, но вели свое хозяйство порознь: каждый сам для себя выращивал хлеб, лепил из глины и обжигал посуду, глава семьи совершал возлияния богам и служил им лишь ради себя и своих домочадцев — только о собственном доме, о собственной жене и о собственных детях он радел, молясь ахурам, почитая их жертвами и за это прося их покровительства и помощи.

Боги были милостивы к добродетельно молящимся, помогали. Но людям все равно жилось нелегко. Слишком уж много забот и трудов несли они из-за такой неслаженной жизни: всяк должен был поспевать и в доме, и в поле, и на подворье, и в ратном деле, и в кузнечном, и в ремесле. Люди выбивались из сил, к заходу солнца валились с ног от усталости, так за целый день и не успев починить конскую упряжь и сплести корзины — ибо ради починки пришлось бы отложить на завтра вспашку земли, а с пахотой нельзя промедлить и дня, — но теперь, без корзин, не в чем завтра везти зерно для сева. А погода жаркая, завтра к полудню землю высушит — завтра уже черед сеять и орошать. И за всем этим еще не забыть о благочестивой молитве, иначе ахуры и язаты прогневаются. Поэтому нужно сплести корзины за ночь, сидя у огня, без сна...

Вести такое хозяйство было тяжело всем — но разве был способ вести его как-нибудь иначе? Сколько ни хитри, ни крутись — но земля все равно должна быть вспахана, зерно посеяно, оросительные каналы вычищены и укреплены; почести богам подобает воздавать ежедневно; а оружие, боевой конь и сам воин всегда должны быть наготове.

Таким несовершенным достался мир Йиме, сыну Вивахванта, и таким поначалу оставался при нем, покуда Йима не догадался, что нет никакой надобности всем метаться и разрываться на части, дабы везде поспеть, а надо просто-напросто каждому дать свою работу, чтобы он выполнял только ее одну — но уже для всех.

Для этого нужно было разделить род людской на сословия.

Столь великое дело не по силам было бы выполнить простому смертному, хоть и облеченному в царский сан, хоть и благословленному и озаренному Хварной, — это было деяние, посильное лишь богам. Но на земле уже пылали и утверждали в мире закон Мазды три пламени Атира, которые зажглись некогда от огня, упавшего в Ворукашу со спины

быка Сарсаока. Йима призвал на помощь эти великие огни — и они пришли ему на помощь. Род людской разделился на четыре сословия: жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников. У каждого заспорилась работа — и только теперь наконец все люди зажили счастливо.

И были в царстве Йимы
 Равно неистошумы
 И пища, и питье,
 Бессмертны скот и люди,
 Не вянули растенья,
 Не иссякали воды;
 И не было в том царстве
 Ни холода, ни зноя,
 Ни старости, ни смерти,
 Ни зависти зловредной¹.

Никто не умирал в царстве блестящего Йимы, Вивахвантова сына, в царстве Йимы правили только рождение и приплод. Скот плодился, рождались дети — а смерти не было. И через триста лет на земле стало тесно.

Тогда Ахура Мазда призвал Йиму к себе и повелел ему расширить землю.

Йима взял золотой рог и кнут, которые ему вручил Ахура Мазда, в полдень встал посреди земли и повернулся на юг. Он дунул в золотой рог, ударил землю кнутом и произнес заклинание:

— Милая земля, Спента Армайти, расступись и растянься вширь! Сделайся просторней, чтобы людям и тварям живым стало просторно на тебе!

И земля расширилась по его слову. Ровно на треть больше стала она.

Минули еще триста зим — и вновь земля переполнилась скотом и людьми. Ахура Мазда опять призвал к себе Йиму, и Йима по велению Творца сделал землю на две трети больше, чем она была вначале.

А еще через триста зим царствования Йимы все повторилось в третий раз; и когда Йима в третий раз расширил землю орудиями, данными Творцом, земля стала на три трети больше, чем ее создал Ахура Мазда в начале творения.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Но не суждено было людям вечно вкушать блаженство. Злодейский Ахриман измыслил новое зло. На мир, где царствовал Йима, наступали лютые зимы с севера, и все живое должно было погибнуть.

Всеведущий Ахура Мазда знал об этом. В Арьяна Вэджа, на берегу благой реки Вахви Датиин, он созвал совет небожителей — ахуров и язатов.

На тот совет был приглашен и праведный Йима-царь, Вивахвантов сын. Вместе со своей свитой — фравашаи праведников — он предстал перед богами, и Творец Ахура Мазда сказал ему так:

— О незапятнанный Йима, сын Вивахванта! На мир наступают зимы со свирепыми морозами и ветрами. Снежные тучи будут огромны, снег покроет все сплошь, даже вершины гор и бурные реки, бегущие вниз, будут погребены под снегами. Неисчислимыми страданиями наполнится царство твое. Все твари живые будут страдать: и те, что обитают в долинах, и те, что бродят в горах, и те, что обрели приют в хлебах и конюшнях... Посмотри на эту землю, Йима, окинь ее взором от края до края, насколько видит глаз! Вот оно, твое царство, полное сочных трав для скота и студеных чистых источников. Спаси же эту счастливую землю! Ибо затопит ее водой, когда кончится зима и снега растают. Построй ограду, обнеси оградой эту землю. И пусть та ограда назовется Вара. Отгородись Варой от зимы лютой, от дэвов, от Зла, — продолжал Ахура Мазда. — И там, за оградой, в безопасной обители собери всех самцов и самок по паре и снеси туда семена всех растений. Проведи туда воду, устрой там зеленеющие луга, построй дома, навесы и ограды для скота, и все прочее... Но учти, Йима, — наказал Ахура Мазда, — внутри Вары не должно быть ни горбатых, ни увечных, ни помешанных, ни с родимыми пятнами, ни порочных, ни больных, ни кривых — никого из тех, кто отмечен печатью Ахримана.

Йима внимал Творцу в полной растерянности. Дело, которое поручал Ахура Мазда, было не по силам ему.

«Но как же, как же я смогу построить Вару?!» — спрашивал он себя в отчаянии.

Всеведущий Ахура услышал его мысли.

— О чистый Йима, сын Вивахванта, — рек он. — Мни землю руками, как гончар глину, и лепи ограду.

И праведный Йима, воспряв духом и уверовав в себя, сделал все согласно велению Ахура Мазды. Он возвел ограду Вару, провел туда воду, устроил луга и воздвиг обиталища — дома для людей и загоны для скота.

На земле, отгороженной Варой, защищенной от злых северных ветров и снегопадов, Йима выстроил восемнадцать улиц. Там разместились люди и звери — самцы и самки, по паре всех видов; а в амбары он отнес семена всех растений, дабы сохранить их там до лучших времен, когда отступит лютая зима.

И вот великий труд был завершен. Йима воспел молитву Ахуре — и вся земля осветилась светом от Солнца и от огней, возожженных людьми. Обитателям Вары казались только один раз [в году] заходящими и восходящими <...> звезды, Луна и Солнце. И одним днем казался год (Авеста).

Нагрянул со своими полчищами Ахриман, задул северный ветер, ударили трескучие морозы, повалил снег — а в царстве Йимы зеленела трава и как ни в чем не бывало щебетали птицы. Люди в Варе жили счастливой жизнью.

Потом пришла весна. Снега растаяли. Начался потоп. Но высокие стены Вары защитили ее обитателей от гибели в пучине холодных вод.

А потом все вернулось на круги своя. Ахриман отступил, ушли дэвы, и на земле потекли золотые дни без забот и горестей. Люди жили по 150 лет, а некоторые и вообще не умирали.

Так было, покуда Йима, сын жреца Хаомы Вивахванта, не совершил греха и не пал.

Однажды Йима, оглядев созданное им, ощутил в сердце незнакомое приятное чувство. Это было самодовольство. Дэвы поразили его самодовольством и спесью, как некогда любопытством они поразили жену Тахма Урупы и погубили бесстрашного царя.

— Воистину то, что я совершил, может совершить только великий бог, — сказал Йима. — Так оно и есть. Я и есть бог.

Вечером он созвал своих приближенных на пир в свою честь и объявил им, что он бог и творец мира.

После этих чудовищных лживых слов Ахура отвернулся от Йимы. Хварна, подобно нимбу сиявшая над его головой, отлетела от него в образе птицы Варагн и, взмахнув крылами, исчезла навсегда. Йима в ужасе пал на колени и стал молить о прощении. Но поздно. Зло проникло в мир. И близок уже был день, когда Злу суждено было воцариться и восторжествовать на долгие годы.

Приближенные покинули Йиму. В арийских племенах началась смута. Остаток своего царствования Йима провел в постоянном предчувствии беды.

Вскоре престол царей Парадата захватил самый могущественный и страшный из друджевских дэвов.

В «Шахнаме» Йима/Джамшид, унаследовав после Тахмураса престол, становится третьим царем династии Пишдадидов. Его царствование — «золотой век» — длится семьсот лет. *Земля отдохнула, раздоры забыв; / Джамшиду и зверь покорился, и див. / И славной людей одарил он судьбой.* Первое столетие своего правления Джамшид посвятил тому, что изготавливал воинские доспехи и обучал людей ткачеству, портняжному и скорняжному ремеслу, — с тех пор люди вместо звериных шкур носят одежду. *Затем он к другим обратился делам: поделил народ на сословия, по занятиям: <...> священников <...> / Кто в мире избрал благочестья стези, / Джамшид отделил от сословий других, / Обителью горы назначил для них;* вторым по рангу сословием стали воины, третьим — земледельцы и четвертым — ремесленники. *При Джамшиде мир зодчества тайну впервые постиг. / Воздвигнулись бани, громады дворцов, / Дома — человеку спасительный кров.* Джамшид открыл месторождения самоцветов и драгоценных металлов, научил людей изготавливать из трав благовония и лекарственные снадобья, построил суда, положив тем начало мореходству, — *кто в мире столь щедро людей одарил?* Но, оглядев созданное им, Джамшид возгордился и решил вознестись над величием земным: сделал себе трон из драгоценностей, высотой достигавший небес, и, созвав подданных на пир в свою честь, упоенно взирал на них сверху. Однако Йездан (верховный бог; от авест. язат) и после этого еще оставался милостив к Джамшиду. Через некоторое время, *свое осознав торжество, / Он [Джамшид] стал признавать лишь себя одного* и во всеуслышание объявил себя богом, творцом мира. *Собой пред всевышним Творцом возгордясь, / Навлек на себя он погибель тотчас:* вельможи покинули его, рать разбежалась, в народе началась смута. Джамшид раскаялся и стал молить бога о прощении, но напрасно: *его разлучил с благодатью Изед [Йездан]. / И царь содрогался в предчувствии бед.* Вскоре его сверг иноземный царь Заххак (авест. Ажи Дахака).

Его тело о трех головах было сплошь покрыто омерзительной скользкой чешуей, как у ползучих храфстра, три зубастые пасти изрыгали смрад, а в глазах холодно поблескивала злоба. Едва он появился на свет и огласил Хванирату утробным рычанием, от которого содрогнулось все живое, даже гады и насекомые, Ахриман возликовал, сразу признал в чудовище своего любимого потомка, который наконец низвергнет мир, творение Ахуры, во тьму, и дал ему имя Ажи Дахака, что означает «змея-разрушитель».

Змееныш быстро подрастал и скоро превратился в гигантского змея.

Трехпастый, шестиглазый,
Коварный, криводушный,
Исчадь дэвов, злой,
Могущественный, сильный,
Он сделан Ахриманом
Сильнейшим быть во Лжи
На гибель всего мира,
Всех праведных существ¹.

Но еще быстрее, чем рос он сам, росла в нем ненависть к творениям Мазды. Прослышав, что Ардвисура Анахита помогала всем царям Парадата, он тоже решил принести ей жертвы и молился ей так:

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Даруй мне такую удачу,
 О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
 Чтоб обезлюдил я все семь каршваров!¹

Конечно, богиня отказала ему в помощи. Не мог мерзостный змей снискать — и не снискал ее покровительства. Но Ахриман, Дух Зла, — вот кто давал силу трехглавому змею, рожденному на погибель миру. С его помощью он сверг Йиму, захватил престол Ирана и стал четвертым царем в династии Парадата. Сестер Йимы, красавиц Арнавак и Сахнавак, он сделал своими наложницами.

Степень родства Йимы и Арнавак и Сахнавак неясна. По «Шахнаме», Эрнаваз (Арнавак) и Шехрназ (Сахнавак) — сестры Джамшида (Йимы), и, поскольку «Шахнаме» восходит непосредственно к «Хвадай намак» — тексту, отражающему позднюю ортодоксию, можно предполагать, что в среднеперсидской традиции Арнавак и Сахнавак считались сестрами-женами Йима/Джама/Джамшеда (кровнородственный брак, поощрявшийся зороастризмом). Однако среднеперсидские генеалогии легендарных царей называют сестрой-женой Йима Йимак, а потомки Арнавак и Сахнавак именуется и «потомками Йимы», — исходя из этого с не меньшим основанием можно предполагать, что Арнавак и Сахнавак — дочери Йимы.

Спитьюра подло предал своего брата и стал служить узурпатору.

А несчастный Йима скитался по земле в изгнании. Не было с ним Хварны — он утратил ее, не уберег; в виде птицы Варагн отлетело огненное божество к грядущим преемникам династии. И престол утратил он, сын Вивахванта, впавший в грех и свергнутый исчадием-змеем.

Сто лет он еще прожил в изгнании вдали от родины, прячась от врагов, повсюду искавших его, чтобы убить, — от Дахаки и предателя Спитьюры. Но злодеи выследили его, схватили и — живого! молящего о пощаде! — распилили пополам острозубой пилой.

Миф об убийстве Йимы братом восходит, очевидно, либо к древнейшему индоевропейскому мифу о братоубийстве («близнечный миф»), либо к мифу об убийстве божества с ритуальной целью. Сюжет «близ-

¹ Перевод И. С. Брагинского.

нечного мифа» является бродячим, и, поскольку в мифологиях многих народов он связывается с представлениями об «умирающем и воскресающем» боге (с воскресением которого связывается весеннее «обновление» природы — ср., например, в древнеегипетской мифологии миф об Осирисе и Сете), есть основания предполагать, что у некоторых индоиранских племен Йима почитался как божество плодородия (или имел эту функцию наряду с другими функциями). Однако в зооастрийской традиции всякая связь с этими мифами уже стирается, и сюжет об убийстве Йимы Спитьюрой становится самодостаточным в легендарной истории.

Так бесславно окончил свою жизнь некогда блистательный Йима.

В «Шахнаме» Дахака — Заххак, злой, безрассудный и беспутный сын Мердаса, доброго и богобоязненного арабского царя. Юный Заххак имел множество коней, за что получил прозвище Бивересп (соответствующее эпитету Дахака в пехлевийских текстах Беварасп — «владелец десяти тысяч коней», то есть владеющий несметным богатством). Один из Ахримановых дивов, видя гордыню Заххака, явился к нему под обличем проповедника, постепенно внушил молодому царевичу мысль, что он более достоин трона и славы, нежели его отец Мердас, что Мердасу давно время в могилу сойти, а он медлит и что, стало быть, его нужно умертвить. После недолгих душевных колебаний Заххак решается на отцеубийство. С его согласия див вырыл в дворцовом саду, где царь по утрам молился, западную — глубокую яму — и замаскировал ее цветами. Мердас упал в эту яму и разбился насмерть. Заххак унаследовал трон, стал царем. Тогда див, распалив в его сердце жажду мирового господства, явился к нему опять — теперь уже в облике юноши. Назвавшись непревзойденным искусником в стряпне, «юноша»-див поступил на службу к Заххаку придворным поваром и стал кормить царя мясом убитых животных — а люди в еде изобилья в те дни / Не ведали, мяса не ели они. / Лишь злаки да овощи в пищу им шли <...> / Впервые животных вести на убой / Задумал нечистый. (В Гатах этот грех ставится в вину Йиме.) От мясной пищи Заххак сделался еще более свирепым, чем был.

Однажды, наслаждаясь очередным мясным блюдом, царь решил вознаградить умельца повара и спросил его, какую тот желает себе

награду. «Дозволь мне поцеловать тебя в плечи, хоть я и недостойн этой милости», — верноподданно ответствовал див. От его поцелуев из плеч Заххака выросли две змеи (переосмысление авестийского образа «трехглавого змея» Ажи Дахаки). После многих тщетных попыток врачей исцелить царя Заххак, потеряв надежду избавиться от змей, внял совету Ахримана, явившегося к нему под видом лекаря: больше не трогать змей и каждый день кормить их человеческим мозгом.

Тем временем в Иране разгоралась смута, начавшаяся из-за грехопадения Джамшида. *Меж знатными распри кровавые шли, / Над краем зловеющая тьма разлилась, / С Джамшидом расторглась народная связь*, — и наконец иранская знать, дабы положить конец междоусобицам, позвала на царство Заххака, о котором шла молва как о грозном решительном властителе. Заххак пришел с войском в Иран, легко сломил беспомощное сопротивление Джамшида, разбив остатки его рати, и занял иранский престол. Сестер Джамшида, Эрнаваз и Шехрназ, он взял себе в наложницы. Джамшид бежал из страны и сто лет проскитался в изгнании, покуда воины Заххака не разыскали его у моря Чин. По приказу Заххака Джамшид был распилен.

Царственная Хварна, утерянная Йимой, не спустилась с небес к Ажи Дахаке, когда он захватил престол. Впервые в Арьяна Вэджа правил царь Парадата, не благословенный свыше Творцом.

Хварна пребывала в небесах, сопутствуя Митре, богу договора. Ведь Траэтаона и Керсаспа, грядущие наследники огненного диска, еще не родились на свет.

Хварна пребывала в небесах — и мерзопакостный Ахриман замыслил заполучить ее для себя и для своего трехглавого исчадия, царствовавшего на погибель земле. По велению прародителя Зла за Хварной отправились Ака Мана, Айшма, сам Ажи Дахака и его сообщник — братоубийца Спитьюра.

Нужно было немедленно воспрепятствовать злодеям, опередить их, не дать свершиться кощунственному умыслу. И Господь Ахура Мазда послал за Хварной свое воинство — Спента Манью, Дазну и Огонь-Атар.

Атар первым из всех увидел в небе лучащийся диск и сразу устремился к нему, чтобы схватить. Уже на лету он сообразил, что он ведь не знает, не представляет, как же это сделать — взять руками раскаленное пламя. И Атар, первым достигший Хварны, остановился перед ней в раздумье. Потом нерешительно протянул к ней руки. И вдруг позади раздалось:

— Прочь, Атар, Огонь Ахура Мазды, не тронь Хварну! Если ты посмеешь хотя бы прикоснуться к ней, я уничтожу тебя, ты сгинешь из этого мира навсегда!

Это ревел подоспевший следом Ажи Дахака.

Атар отступил. Теперь был черед Змея попытаться схватить Хварну, и он ринулся на нее с протянутыми лапами. Но Атар уже подавил в себе страх перед трехглавым зубастым чудищем и закричал ему вслед, преисполненный решимости, грозно:

— Назад, змей Ажи Дахака! Не тронь божественную Хварну, не посягай на нее! Не то я запольхаю и превращу тебя в пепел, чтоб ты больше никогда не чинил зла! Прочь!

И Дахака отдернул лапы. Очень уж был грозен ахуровский Огонь.

Так соперники стращали друг друга, угрожали — и не заметили, как Хварна улетела на край земли и опустилась в океан Ворукаша, на самое дно.

Это были владения благого духа воды Апама Напата. Он и укрыл Хварну в водной пучине, откуда ни Дахака, ни сам Ахриман уже не смогли бы ее достать, сколько бы ни старались. Так и остался злодей Ажи Дахака властителем без Хварны.

Трехглавый змей правил всеми странами, сотворенными Ахура Маздой в Хванирате. От истоков Ранхи до середины земли, от восточных гор Хара Березайти до западных, где по вечерам уходит с небосклона солнце и над всеми шестью окраинными каршварами, заселенными при первых царях Парадата, простерлось Зло, Зло и Зло. Зло и несправедливость восторжествовали в мире — и торжествовал в своем дворце победу мерзостный трехпастый змей.

Но его торжество не было полным. Сколько ни творил он зла — но не мог извести на земле весь людской род, правоверных маздаяснийцев. А люди — Дахака это знал, он запомнил это накрепко! — люди были главным воинством Мазды, которое Творец послал в мир и которому было назначено низвергнуть создания Злого Духа в небытие навсегда.

Он помнил и то, что Ардвисура Анахита отказала ему в помощи, когда он приносил ей жертвы на вершине горы, рассчитывая заручиться ее покровительством, которого не снискал и не мог снискать. Теперь он решил воззвать о помощи к Ахриману и дэвам. И, конечно, его призыв был услышан всей дэвовской нечистью и каждым из дэвов.

И Дахака, отродье Друджа, стал плодить мерзкие исчадия на земле, чтоб увеличить воинство Зла. Вот что он придумал: он стал спаривать людей с дэвами! От этих противоестественных соитий на земле расплодились человекообразные хурафстра: медведи, шимпанзе и чернокожие люди.

И еще много, много зла учинил в мире Дахака за тысячу лет, которые он пробыл на престоле. Неисчислимые бедствия претерпевала земля. Стенания и плач раздавались в домах, ревели дойные коровы, угоняемые

в полон кочевниками, предсмертно хрипели волю на окровавленных жертвенных алтарях — их убивали друджванты, поклоняющиеся дэвам. Геуш Урван, Душа Быка, в отчаянии взывала к Мазде:

Молит вас Душа Быка:
«Кто создал меня и для чего?
Айшма злой гнетет меня,
Угоняют воры и грабители»¹.

И праведные скотоводы вторили мольбе богини:

Мазду просим о двояком мы:
«Чистый скот чтоб не погиб,
Скотовод — чтоб Друджу не служил»².

Они не знали, праведные скотоводы, и не знала Геуш Урван, что зло вершится на земле — во ее спасение. Да! Эта тайна была известна одному только Мазде: если бы Дахака не заполучил власть над Хваниратой, тогда власть досталась бы Айшме, а если б только Айшма ее заполучил, было бы уже невозможно отобрать ее у него — по той причине, что он бестелесен и неуязвим для оружия, — и он властвовал бы на земле до скончания времен.

А Дахака был из плоти и крови. Его можно было убить. И герой, предназначенный на великий подвиг, уже родился.

За сорок лет до конца своего царствования Дахака увидел сон: какой-то воин повергает его ударом булавы, сдирает с него кожу, этой кожей, как ремнем, связывает ему руки и, накинув на шею веревку, волочит его за конем по земле к горе Демавенд.

Испугавшись, что в этом сне пророчество, Дахака созвал звездочетов, чтобы они истолковали сновидение.

В страхе перед злодеем мудрецы долго не решались сказать ему правду, и только когда разъяренный Дахака пригрозил их всех повесить, они открыли тайну грядущего:

— Сегодня ночью на свет появился герой. Он свергнет тебя и станет царем. Он сын жреца Хаомы по имени Атвия.

¹ Перевод И. С. Брагинского.

² Перевод И. С. Брагинского.

Выслушав такое пророчество, Дахака без чувств упал с трона. Когда же сознание вернулось к нему, он решил победить рок, уйти от судьбы — и разослал по всей стране гонцов на поиски младенца.

В «Шахнаме» Заххак, убив Джамшида и став царем Ирана, установил тысячелетнее царство Зла: *обычай правдивых и чистых исчез; / Везде побеждал омерзительный бес. <...> / Лжи всюду дорога, нет Правде пути. / Насилья и злобы настала пора, / Лишь втайне чуть слышался голос Добра.*

Сестер Джамшида, Эрнаваз и Шехрназ, Заххак взял в наложницы и *воспитал их в обычае злом, / С дурными делами сдружил, с колдовством.* Змей, что росли из его плеч, он, следуя совету «лекаря» Ахримана, кормил человеческим мозгом — для этого стража каждый день хватала и обезглавливала на дворцовой кухне двух юношей. Злодейские убийства продолжались много лет и повергли в горе весь Иран.

Наконец два мудреца, Армаил и Кармаил, представившись искусными поварами, были приняты на царскую кухню, — и с тех пор они каждый день спасали одного из двух юношей, обреченных на убой, а в кушанье для змей вместо человеческого мозга добавляли мозг овцы. *По тридцать юнцов каждый месяц они / Спасали от смерти в те черные дни.* Спасенных тайком выводили из дворца, все они по совету Армаила и Кармаила уходили жить в горы, занимались там скотоводством, и от них пошло племя курдов. (Вся легенда об Армаиле и Кармаиле — не зороастрийского происхождения.)

За сорок лет до конца своего царствования Заххак увидел сон: *три брата-бойца, / Из рода властителей три храбреца,* и младший из братьев повергает Заххака ударом булавы, сдирает с него кожу, этой кожей, как ремнем, связывает ему руки, *и, путы на шею надев, за конем / Плененного он волочит по земле к горе Демавенд.*

Испугавшись, что в этом сне — пророчество, и вняв совету Эрнаваз: *«Сном пренебречь / Не должно: ищи, как себя оберечь»*, Заххак созвал звездочетов, чтобы они истолковали сновидение. В страхе перед царем мудрецы долго не решались сказать ему правду, и только когда разъяренный Заххак пригрозил их всех повесить, они открыли тайну грядущего: скоро родится герой Фаридун. Ему, Заххаку, суждено

убить отца Фаридуна — Атибина и кормилицу Фаридуна — коро-
ву Бермае. Фаридун выступит мстителем за них, сразит Заххака —
это свершится так, как царь видел в вещем сне — и станет царем
Ирана. Выслушав пророчество, Заххак без чувств упал с трона; ко-
гда же сознание вернулось к нему, он решил победить рок, уйти
от судьбы и разослал по всей стране гонцов на поиски младенца
Фаридуна.

В ту ночь, когда Ажи Дахака увидел пророческий сон, предвещавший ему гибель, у жреца Хаомы Атвии и его жены Френи родился сын. Мальчика назвали Траэтоной.

Атвия жил в Варне, далеко от Арьяна Вэджа, и потому посланники Дахаки еще не успели сюда, чтоб убить малыша. А на следующую ночь Атвии явился во сне посланец Ахура Мазды Сраоша и передал наказ бога:

— Немедленно уходите из Варны. Злодей ищет вас. Ты должен убедить своего сына, ибо он избран судьбою для великого подвига.

Атвия разбудил жену. Рассвет еще только-только начинал выбеливать ночь. Стараясь не шуметь, они запрягли лошадей и тронулись в путь, сами не зная куда.

Долго скитались они из страны в страну, пока не приютило их какое-то племя.

Траэтона рос в царствование змея Дахаки и ничего, кроме зла, не видел вокруг. Бедствовал и страдал народ, священные стихии осквернились, скот гнали на убой; и ликовали мазанские дэвы, и злорадствовали все прочие исчадия Тьмы. Тому было уже скоро тысячелетие, как они процветали во всех семи каршварах. Их прислужники — колдуны и кавии — всеми своими помыслами, речами и делами поддерживали угнетение и приумножали Ложь.

О своем великом предназначении Траэтона узнал, когда ему было девять лет. Однажды отец рассказал мальчику, как Ажи Дахака злодейски убил их предка, Йиму, владыку Парадата, блистательного и грешного. Потрясенный Траэтона поклялся отомстить змею за смерть прародителя.

Шли годы. Траэтона вырослел, мужал. Сердце его и разум его, устремленные к праведной вере маздаяснийской, были заняты одной думой: как свергнуть и убить царствующее чудовище, как изгнать из Хванираты дэвов и как исцелить людей от болезней, насланных проклятым Ахриманом.

И вот исполнилось ему пятнадцать лет, прекрасному юноше, наследнику рода Йимы.

Прежде чем идти на смертный бой, он должен был воззвать к ахурам с молитвой и щедрыми жертвами, дабы заручиться их покровительством в добрых делах, как прежде заручались их покровительством все цари Парадата, кроме змея.

На родине, в Варне, созданной Ахура Маздой в начале времен вместе с другими пятнадцатью лучшими странами Хванираты, в той самой Варне, где могучий Хаошьянха истреблял служителей Зла, Траэтона почтил молитвой дочь Мазды, благую Аши.

Вот так просил он Аши:
 «Такую дай удачу
 Ты мне, благая Аши,
 Чтоб одолел я змея
 Трехглавого Дахаку —
 Трехпастый, шестиглазый,
 Коварный, криводушный,
 Исчадь дэвов, злой,
 Могущественный, сильный,
 Он сделан Ахриманом
 Сильнейшим быть во Лжи
 На гибель всего мира,
 Всех праведных существ;
 И чтобы у Дахаки
 Я двух его любимиц,
 Сахнавак и Арнавак
 Увел, прекрасных телом,
 Пригоднейших для родов
 И лучших среди жен».

И подступила Аши,
 Приблизилась к нему,

Обрел такую милость
 Наследник рода Атвийи
 Траэаона могучий¹.

Заручился он поддержкой и других богов из свиты Творца. Ахуры были с наследником царственного рода — а змею не сопровождал ни единый из них. Близился, близился конец тысячелетнего царствования Зла! В сердцах маздаяснийцев уже много веков не теплилось никакой надежды на справедливость и правду; теперь же она вспыхнула, подобно Атару, озарив тьму. Звездочеты знали и всем поведали: Дахака будет править земным миром, покуда делами земными правит с небес созвездие Скорпиона — тысячу лет; и тысячелетие это уже почти минуло, а значит, почти отцарствовал свое мерзостный змей. Грядет время созвездия Кентавра.

...Ахуры были с ним, с юным прекрасным Траэаоной. Он снискал их благоволение. Осталось только, чтобы Вертрагна благословил его на смертный бой.

И это свершилось. Сначала к Траэаоне с небес слетела Хварна, чтобы сопровождать его, как сопровождала эта огненная благодать всем бывшим царям Парадата. Покинув Йиму из-за его греха, она устремилась к Траэаоне в облике чернокрылой птицы Варагн — той быстролетной птицы, которая воплощает в себе Хварну и Победу.

Так был благословлен на царство Траэаона. Вместе с пламенным символом царской принадлежности птица Варагн принесла ему благословение бога Вертрагны. Теперь Траэаона

... из всех смертных
 наипобедоносным
 был после Заратуштры².

Он знал, праведный наследник царственной Хварны, какая чудодейственная сила заключена в перьях птицы Варагн:

Дают нам благо перья
 и кости сильной птицы,

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

² Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Могучей птицы Варагн.
 Никто того не может
 сразить, повергнуть в бегство,
 Кому дает удачу
 перо той птицы птиц.
 Его убить не может
 тиран или убийца,
 Никто убить не может
 владельца пера —
 Один он всех сразит!¹

Траэаона могучий владел такою силой — у него было волшебное перо. И еще у него было победное оружие. Теперь Траэаона мог бросить вызов Ажи Дахаке.

Грянул бой, беспощадный, кровавый, смертный бой Истины с Друджем. Траэаона победил. Он поверг и связал Ажи Дахаку.

Но, пленив трехпастое мерзкое исчадие, связав его, Траэаона, благословенный воин, убить его не смог и приковал его цепями к скале Демавенд. Там, в огнедышащем вулканическом жерле, злодей томится и сейчас: извивается, грызет цепи, мечется в бессильной ярости. Временами от рева Ажи Дахаки Земля-Спандармат содрогается так, что разваливаются дома, отламываются каменные глыбы от скал и с грохотом обрушиваются вниз, и, как кровь из раны, хлещут из чрева земли раскаленные потоки лавы. Когда мировая история завершится и настанет Судный день, Дахака вырвется из оков и снова набросится на творение Ахуры — и будет убит, уйдет из мира уже навсегда, безвозвратно.

Змей Ажи Дахака был низвергнут, созвездие Скорпиона, правившее землей тысячу лет, уступило власть созвездию Кентавра, и Траэаона венчался на царство. Он стал пятым царем в династии Парадата. Пятьсот лет было суждено ему править во всех семи каршварах.

В жены он получил Арнавак и Сахнавак. Когда-то Траэаона молил благих ахуров об этом, и это сбылось, боги даровали ему такую награду за подвиг.

Но земля, доставшаяся ему!.. Многие века она изнывала под гнетом змея-разрушителя и была разорена и разграблена. Брошенные селения; поля, заросшие сорняками; пепелища на месте деревень; одичалый скот

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

в горах — вот какое наследство досталось Траэтаоне Ативяну. И по всей Хванирате свирепствовала чума, кося людей, ежедён забирая сотни и сотни жизней. Ведь друджванты-кочевники во времена Дахаки, грабя деревни и села, всех жителей убивали — земля Хванираты была осквернена трупами, и Насу, дэв заразы и смерти, каждый день в облике отвратительной трупной мухи прилетала с севера на места побоищ, чтоб разнести чумную заразу от мертвых тел по всем каршварам.

Траэтаона знал целебные травы. Секреты приготовления снадобий он тоже знал. С ним было благословение Гайомарта, ему сопутствовали ахуры, — и все болезни, даже чуму, он изгнал из всех семи каршваров.

И много еще благ он принес роду людскому: построил дома, изгнал дэвов и очистил лучший каршвар от чернокожих людей, что наплодились во времена Дахаки. Чернокожие потомки дэвов в страхе бежали на юг и поселились на морском побережье.

Так праведный Траэтаона, наследник рода Йимы, сохранил и уберег Хванирату для трех своих сыновей.

В «Шахнаме» Траэтаона/Фаридун появился на свет при добрых знамениях неба. Заххак, как то и предсказали ему мудрецы, стал преследовать отца Фаридуна, Атибина. *Скитался гонимый в степи, без дорог, / Но пасти драконьей избегнуть не смог. <...> Был схвачен Атибин и на смерть обречен. Феранек (авест. Френи), мать Фаридуна, бежала с младенцем, долго скиталась по стране, нигде не найдя приюта, и, встретив однажды на лугу корову Бермайе и ее пастуха, отдала малыша Фаридуна пастуху на воспитание. Пастух прозорливый дитя приютил, / Три года его по-отцовски растил. / Меж тем все искал их владыка-дракон, / О дивной корове молвой утрашен.* Через три года Феранек, следуя наставлению Изеда, забрала мальчика обратно и укрылась с ним на горе Эльбурс у отшельника-богомольца. Спустя некоторое время исполняется второе предсказание мудрецов: Заххак находит и убивает корову Бермайе.

О своем отце, Атибине, и обо всех злодействах Заххака Фаридун узнает от матери только в пятнадцатилетнем возрасте и, не внимая отговорам Феранек, торжественно клянется отомстить дракону.

Между тем к Заххаку пришел кузнец Кава, моля сжалиться над ним: у него было восемнадцать молодцев-сыновей, и уже семнадцать из них схвачены и убиты для прокорма змей, растущих из плеч Заххака, — пусть же царь явит милость и оставит отцу последнего сына.

Заххак согласился, но в качестве ответной любезности потребовал у кузнеца, чтоб тот подписал его, Заххака, «послание к народу», восхваляющее дракона и его правление: *Владыка <...> сеет лишь благо в стране, / Исполнены правдой владыки слова, / И в царстве его справедливость жива.* Прочитав такое, возмущенный ложью и лицемерием Кава бросился вон из дворца, собрал вокруг себя толпу и стал призывать народ к восстанию. Знаменем восстания становится кузнечный фартук Кавы, прикрепленный к древку копья — будущий «стяг Кейев». Под этим знаменем Кава привел повстанцев к Фаридуноу. *И кожу, что поднял кузнец на копье, / Царь знаменем сделал, украсив ее парчой и драгоценностями; и каждый, на трон восходивший потом, / Все множил каменья на знамени том.*

Издэд наделяет Фаридуна великой силой и во всем покровительствует ему. Фаридун великодушно прощает своих старших братьев, Пормайе (среднеперс. Бармийун) и Кеянуша (среднеперс. Катайун), пытавшихся его убить, и вместе с ними, заручившись благословением матери, выступает в поход против Заххака, который на время покинул Иран и *разбил дьявольский стан* в Индии. Фаридун захватил дворец Заххака, взял себе в жены Эрнаваз и Шехрназ, отвратив их предвзвременно от «языческой жи» и наставив на путь правды, и в ознаменование победы устроил пир. Покуда он при всеобщем ликовании предавался пирам и любовным утехам, обо всем случившемся Заххаку донес казначей, сохранивший ему верность. *Ревности жгучим огнем обуян <...> жажда крови красавиц,* Заххак тайком проник во дворец, но был схвачен и пленен Фаридуном. Посланник Изеда Суруш, однако, сообщает Фаридуноу божье повеление: злодея не казнить, ибо *не настал его час,* а заковать его в цепи и закованным повесить в вулканическом жерле горы Демавенд. *С позором Заххака помчали, кляня, / Привязанным накрепко к шее коня.*

Наступила 500-летняя эпоха правления Фаридуна. Он венчается на царство в первый день месяца Михра и в память о победе над Заххаком учреждает праздник Мехрган: с тех пор *в тот праздник — повсюду веселье, пиры. / Хранит его в память владыки народ. / В Мехрган избегай и трудов и забот.*

Пять светлых столетий [Фаридун] мудр, справедлив, / Царил, ни единожды зла не свершив. <...> Избавился мир от насилья и зла, / Стезею Изедовой жизнь потекла.

У Траэаоны было три сына; Арья, сын Арнавак, был младшим из них. Его и избрал Ахура Мазда как преемника благословения Гайомарта и царственной Хварны, потому что старшие братья Арьи, сыновья Сахнавак Сайрима и Тура, оба были завистливы, злобны, греховны и оба таили богомерзкие помыслы в сердце; Арья же был душой и мыслями в своего отца: праведен, предан Истине — его чистый разум, открытый Небу, был неприступной крепостью для дэвов и Лжи. Только вот характером он не походил на доблестного Траэаону: не боец, не богатырь был Арья, жизнь вел тихую, дни проводил в молитвах и проповедовал смирение.

Когда всем троиm из дальних стран привезли невест и были сыграны три свадьбы, Траэаона разделил свое царство между сыновьями: Запад достался Сайриму, Китай и Туранские земли — Туре, а Арьяна Вэджа и вся Хванирата — Арье. На многие годы во всех землях утвердилось спокойствие.

Но воистину под стать Дахаке были Сайрима и Тура, завистливые злодеи! — родиться бы им столетиями двумя раньше, когда царствовал трехголовый змей, они оба очень пригодились бы дружелюбному воинству, не на последнем счету были бы в том стане Лжи. Когда Траэаона состарился, они исполнились завистью к младшему брату. Отец, считали они, не по справедливости разделил между ними наследство, ибо Арье достались лучшие земли, да и вообще он возвышен над ними, старшими. И они решили заключить против Траэаоны и Арьи союз.

— Отправим к отцу посланника, — предложил Тура. — Или он лишит Арья царского венца и даст ему во владение далекие окраинные

земли, а Хванирату поделит между нами, или Туран и Китай пойдут на него войной. Пусть выбирает.

Долго ждать ответа Траэтаоны им не пришлось. В своем послании он стыдил сыновей и призывал их обратиться на путь Истины.

Узнав о притязаниях братьев, Арья попросил у Траэтаоны дозволения поехать навстречу их войску одному, без дружины, — с тем, чтобы постараться убедить Сайриму и Туру в их неправоте. Скрепя сердце, Траэтаона согласился. Арья прибыл в воинский стан братьев и смиренно сказал:

— Я готов сложить с себя венец. Пусть будет по-вашему.

Но Тура, терзаемый злобой и ненавистью к брату, все равно убил его, обезглавил труп и отрезанную голову послал Траэтаоне. Лишь двенадцать лет успел поцарствовать Арья на благо Арьяна Вэджа и всем семи каршварам.

Это убийство стало причиной многовековой вражды арийцев и туранцев.

Убитый горем Траэтаона скрашивал остаток своих дней тем, что воспитывал внуку. Девочка жила под присмотром пастухов на горе Мануш: старый царь не хотел держать ее во дворце, опасаясь, что ее убьет кто-нибудь из подкупленных слуг. Так и прожила она всю свою жизнь на далекой горе; и там же родились, выросли и жили десять поколений ее потомков — род Траэтаоны и Арьи. Всех мальчиков в том роду нарекали именем в честь благословенной горы, послужившей их роду укрытием от злодеев. Из десятого поколения был Мануш-и Хуршед-виник — «солнечный нос»; его потому прозвали так, что, когда он родился, на нос ему упал солнечный зайчик и сверкнул золотисто. От Мануш-и Хуршед-виника и его сестры был рожден Мануш-хурнар, а от Мануш-хурнара — Манушчихр, мститель за Арию, наследник престола Парадата.

По сюжету «Шахнаме», через пятьдесят лет после царствования Фаридуна у него родились трое сыновей: старшие, Сельм и Тур, — от Шехрназ, и младший, Иредж, — от Эрнаваз. Посланец Фаридуна нашел им достойных невест — трех йеменских царевен, и, несмотря на хитрокозни и колдовство царя Йемена, не желавшего выдавать дочерей замуж, вскорости были сыграны три свадьбы. После этого Фаридун разделил свое царство между сыновьями: Запад достался Сельму, Чин (Китай) и Туран — Туру, а Иран — Иреджу. *В странах своих*

воцарились они. / Настали счастливые, мирные дни, на многие годы во всех землях утвердилось спокойствие.

Когда Фаридун одряхлел, старшие его сыновья, Сельм и Тур, возгорелись завистью к младшему брату: отец, считали они, не по справедливости разделил между ними наследство, ибо Иреджу достались лучшие земли, да и вообще он возвышен над ними, старшими: *«Нам враг — позабывший Йездана отец <...> Три сына, венца мы достойны равно, / Но младшему старшими править дано, — и, заключив союз, они отправили к Фаридуну гонца с посланием: или он, Фаридун, лишит Иреджа царского венца и даст ему во владение далекие окраинные земли, или Туран и Чин — Тур и Сельм — вместе пойдут войной на Иран. Разгневанный Фаридун в ответном послании устыдил сыновей, призвал их обратиться на путь Добра и объявил, что не выполнит их требования.*

Узнав о притязаниях братьев, Иредж попросил у Фаридуна дозволения поехать навстречу их войску одному, без дружины, — с тем, что он, Иредж, постарается убедить Сельма и Тура в их неправоте. Скрепя сердце, Фаридун согласился. Иредж прибыл в воинский стан братьев, смиренно сказал, что готов сложить с себя венец; но Тур, терзаемый злобой и ненавистью к брату, все равно убил его, обезглавил труп и отрезанную голову послал Фаридуну. Это убийство стало причиной многовековой вражды Ирана и Турана (войнам иранцев с туранцами посвящена значительная часть «Шахнаме»).

Уже после гибели Иреджа у него родилась дочь — будущая мать Менучехра (среднеперс. Манушчихр).

Пока Манушчихр рос, его прославленный предок, герой Траэаона, обучал его всем искусствам, которые пристали героям и царям: владению мечом, конной езде и стрельбе из лука. В назначенный срок при всеобщем торжестве, в присутствии вельмож и прославленных героев, он объявил юного Манушчихра своим соправителем. Вестник Ахура Мазды Нарья Санха принес юноше огненную Хварну с небес: бог благословил юношу, как благословлял он прежде всех царей-первозаконников.

Весть об этом достигла Сайримы и Туры и привела их в ужас. Предчувствуя, что воссиявший на троне молодой властелин будет мстить за Арью и возмездие неминуемо их настигнет, братоубийцы решили заманить Манушчихра к себе и убить его. Они отправляют к Траэаоне гонца с покаянным посланием.

«Оба мы проливаем слезы перед тобой и горько раскаиваемся, — писали они. — Мы молим у тебя прощения, если только возможно простить то, что сделали мы. И Китай, и Туран отныне признают власть молодого царя Манушчихра и готовы засвидетельствовать это. Но сами мы не смеем предстать перед его тронem. Пусть же он приедет к нам со своей свитой как любезный гость и примет наши уверения в верноподданности!»

Но Траэаона разгадал обман и в гневном ответном послании объявил войну Сайриму и Туре.

Заручившись поддержкой Творца, Манушчихр выступил в поход против туранских земель, где царствовали братоубийцы. Неисполненный родовой долг был отныне на нем, на его совести, не ведающей грехов

перед богом и Верой. Наследник Траэаоны шел с войском вершить праведную месть.

И час божьей справедливости настал. Разгромленное туранское войско позорно бежало с поля боя, а плененные братоубийцы тут же, на глазах у всех воинов, казнены.

Смерть Сайримы и Туры была для дэвов великим уроном. Но силы разрушения, вдохновляемые многопагубным Духом Зла, продолжали неистовствовать. Теперь возопил о кровавом мщении злейший из туранцев — колдун Франграсьян.

В «Шахнаме» Фаридун, ко времени рождения Менучехра уже ослепший от старости, при известии, что у его внуки, дочери убитого Иреджа, родился сын, возликовал и обратился к Изеду с мольбой вернуть ему зрение, чтоб он мог увидеть внука. Бог внял молитве, и Фаридун прозрел.

Пока Менучехр рос, *искусствам таким, что пригодны царям, / Прославленный дед обучил его сам,* — и в назначенный день при всеобщем торжестве, в присутствии двух сыновей кузнеца Кавы и других прославленных иранских героев, объявил юного Менучехра своим соправителем.

Весть об этом достигла Сельма и Тура и привела их в ужас. Предчувствуя, что воссиявший на троне молодой властелин будет мстить за Иреджа и возмездие неминуемо их настигнет, Сельм и Тур решают обманом завлечь Менучехра к себе и убить его. Они отправляют к Фаридуну гонца с покаянным посланием: оба, мол, они *льют слезы теперь от стыда пред отцом, <...> готовы прощения молить у царя,* — / *Но сами явиться [к нему] не смеют* и потому просят прислать Менучехра: «*навски мы станем рабами его*». Но Фаридун разгадывает обман и в гневном ответном послании объявляет войну Сельму и Туру.

После отъезда гонца он снаряжает Менучехра в бой. Началась многовековая война Ирана и Турана.

Под кавианское знамя становятся Сам и Гаршасп (Сама и Керсаспа). В первом сражении Менучехр разбивает туранское войско, убивает сначала Тура, а чуть позже и Сельма, и отправляет их головы Фаридуну. Насладившись созерцанием праведного возмездия, Фаридун передает престол Менучехру и умирает. Тем завершается 500-летняя эпоха его царствования.

120-летняя эпоха царствования Менучехра с самого начала была ознаменована клятвой царя защищать справедливость и истреблять Зло оружием. *Край счастливо зажил под царской рукой.*

Зороастрийская легендарная хронология относит к царствованию Манушчихра нападение на Иран Фрасияка Тура. В «Шахнаме» это событие отнесено ко времени правления преемника Менучехра — Новзера (авест. Наотара); основное же содержание главы, посвященной царствованию Менучехра, составляет сказание о Зале и Рудабе, восходящее к фольклорной традиции. Заль (именуемый в поэме также Заль-Зер — букв.: «седой старец» и Дестан — букв.: «хитрость, находчивость»), сын Сама, родился седым, и отец, сочтя это недобрым знаком, отнес младенца в горы и бросил там. Заль нашел, унес в свое гнездо и воспитал Симуург — вещая птица («бродячий» сюжет в мировом фольклоре). Впоследствии Сам раскаялся в своем поступке, и Заль, уже взрослый юноша, с благословения Симурга возвратился в отцовский дом.

Заль влюбляется в Рудабе, дочь кабулистанского царя Мехраба, потомка Заххака. Из-за нежелания Мехраба отдать дочь Залю, а еще больше из-за противодействия их браку со стороны Менучехра едва не начинается война Ирана с Кабулистаном, однако все приходит к развязке, благополучной и для влюбленных и для царей. У Залья и Рудабе рождается сын — богатырь Рустам (или Ростем), один из центральных персонажей «Шахнаме». Чтобы богатырский младенец смог появиться на свет, Рудабе приходится делать кесарево сечение; эту операцию проделывает жрец, наученный Симургом, которого позвал на помощь Заль (Заль призывает Симурга, сжигая его перо. В годы царствования Менучехра Рустам совершает два подвига: убивает взбесившегося боевого слона («белого слона») и захватывает неприступную крепость, отомстив тем самым за смерть своего прадеда Неремана, некогда, еще во времена Фаридуна, погибшего при осаде этой крепости.

Тем временем состарившийся Менучехр наставляет перед смертью своего сына и престолонаследника Новзера: «...царский престол — суета из сует; жить надо по Правде; наследие добрых — благие дела»; предсказывает пришествие Зардушта («Последуй за ним — знай, Издов тот путь, / К ученью тому должно сердцем прильнуть») и нападение туранца Афрасиаба, от которого Ирану будут неисчислимые бедствия.

Франграсьян, как и Манушчихр, происходил из рода Траэаоны: он был сыном Пашанга — потомка Туры в пятом поколении. Таким же злодеем и дэвопоклонником, как Франграсьян, был его воинственный брат Керсевазда. Зато третий из братьев — Аграэрата был праведен, мудр, благочестив — и тем любезен Ахура Мазде.

После гибели Сайримы и Туры от руки Манушчихра Франграсьян и Керсевазда стали собирать войска для набега на Арьяна Вэджа. Вскоре у дворца царя Пашанга выстроились несметные полчища туранцев. Со всех концов страны съехались на кровавый клич всадники, сошлись ратники, и каждому не терпелось поскорее в сечу. Франграсьян, возглавивший эту дэвовскую армаду, столь был вдохновлен пылом и рвением воинов, что уже не сомневался в легкой победе над Манушчихром. Он дал команду — и войско двинулось на запад, в Арьяна Вэджа.

Удача действительно на первых порах сопутствовала Франграсьяну; но то была не богодарованная удача, ниспосылаемая благой Аши, дочерью Ахуры, — злому туранцу помогал Ахриман. Армия Франграсьяна окружила армию Манушчихра в горах Падашвар. Воины Манушчихра не выдержали яростного натиска, дрогнули и стали отступать, — туранец уже торжествовал, предвкушая, как он казнит пленников и обезглавит царя Манушчихра. И так бы тому и быть, и пала бы великая держава! — но, на горе злодею Франграсьяну, кровожадному Керсевазде и их вдохновителю Ахриману, Аграэрата был не таков, как его братья. В разгар боя он пал на колени и обратил к небесным язатам молитву, прося спасти Манушчихра. И боги вняли. Задул ветер, налетел ураган, ряды

смешались, и во всеобщей неразберихе и сумятице дружине Манушчих-ра удалось оторваться от преследования и отойти под защиту гор.

Разгневанный Франграсьян немедленно казнил своего несчастного брата. Кровь богомерзкого Туры текла в его жилах — и он оказался достоин своего предка: тот был братоубийцей, и таким же братоубийцей стал Франграсьян.

* * *

Манушчихр и его воины были спасены от неминуемой смерти. Однако Франграсьян победил — и, торжествующий победитель, он воцарился в Арьяна Вэджа. Манушчихру было суждено править державой сто двадцать лет, — но из тех ста двадцати лет двенадцать пришлось на правление туранского захватчика.

Однако сам захватчик не ведал, что его царствование в лучшей из стран будет столь коротким: он-то думал, что царить ему до конца жизни, а верховенство туранцев над иранцами утвердилось навеки. И он решил заполучить Хварну — ту самую Хварну, которая воплощала божье благословение Гайомарту, которая передавалась всем царям Парадата, которую утратил сияющий Йима и за обладание которой бились Атар и змей Ажи Дахака.

С тех пор как Хварной завладел повелитель водной стихии Апам Напат, огненное божество пребывало в пучине океана Ворукаша. Но Франграсьян не сразу отправился к океанскому берегу: перед тем он принес жертву благой Ардвисуре Анахите у края пропасти — сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец. Просил он ее, как водится, об удаче.

Вот так просил он Ардви:
 «Такую дай удачу,
 Благая Ардвисура,
 В середине Ворукаши
 Чтобы обрел я Хварну,
 Которой завладели
 Грядущие и бывшие
 Цари арийских стран,
 Обрел то, чем владеет
 Спитама Заратуштра».

И лишь воспев эту молитву богине, злодей отправился к океану.

Достать пытался Хварну
Тур, негодяй Франграсьян
Из моря Ворукаша.
Нагой, одежды сбросив,
Поплыл Франграсьян к Хварне
<...>
Но Хварна отступила,
Но Хварна отошла.
<...>
И выскочил Франграсьян,
Из туров самый бойкий,
Из моря Ворукаши,
Ругательства крича:
«Нельзя достать мне Хварну,
Которой завладели
Грядущие и бывшие
Цари арийских стран,
Достать то, чем владеет
Спитама Заратуштра.
А то смешал бы вместе
Все твердое и жидкое,
Великое и доброе,
Чтоб огорчился порче
Творец Ахура Mazda!»¹

Еще дважды он нырял в морскую пучину, пытаясь достать огнеблещущий диск, — и еще дважды Хварна отступала и Франграсьян с пустыми руками плыл к берегу, выкрикивая ругательства. Того, что пристало бывшим и грядущим царям, он не смог заполучить на этот раз. Не дала ему удачи Ардвисура Анахита. И после тоже не было удачи Франграсьяну, когда он по всем семи каршварам искал божественную Хварну:

...оба отвернулись,
и Хварна, и Спитама.
По воле это было

¹ Здесь и выше перевод И. М. Стеблин-Каменского.

моей — Ахура Мазды,
И Веры чтущих Мазду¹.

Да! Столь был велик, праведен и прозорлив пророк Спитама Заратуштра, что даже до того, как он пришел в мир через рождение, он смог воспрепятствовать колдуну Франграсьяну.

* * *

Свой царский чертог завоеватель воздвиг и обустроил под землей — внутри горы Бакуир. Благостная Арьяна Вэджа, цветущая земля, попала под иго иноземцев. Но предводитель захватчиков творил на покоренных землях не только зло: он совершил и множество добрых деяний. По его приказу были прокопаны семь каналов, дабы морские корабли могли заходить в города, отстоящие далеко от моря; основал много селений на побережье и отвел соленую воду из озера Кансава. Когда-то в давние времена это озеро было чистым и пресным, змеи, лягушки и прочие храфстра не обитали на его берегах, омываемых прозрачной водой. Потом вода сделалась соленой. Франграсьян прокопал каналы, по которым в Кансаву потекли воды из других рек и озер, и вычистил дно. Божественное озеро снова наполнилось питьевой водой, и на его берегах стали селиться люди. Когда мировая история подойдет к своему концу, из этого озера родится грядущий Спаситель мира.

А во владениях царя Манушчихра тем временем на беду иноземцам восторжествовала праведная зороастрийская Вера. Ее провозгласила Спента Армайти. В облике девушки она пришла в дом Манушчихра. Ее одежды сияли небесным сиянием, и свет от лучей разливался во все стороны.

И тогда воспрявший духом Манушчихр повел иранцев против завоевателей — изгонять их прочь с богоблагословенной земли.

Две рати сошлись. Зазвенели мечи, запели стрелы в воздухе, кровь полилась на землю. К концу дня, когда солнце ушло за горизонт, было объявлено перемирие. Утомленные воины отправились отдыхать, а Манушчихр и Франграсьян встретились для переговоров. И было между ними решено заключить соглашение: пусть самый искусный лучник из дружины Манушчихра выпустит стрелу с горы Арьяхшута; где стрела упадет, там отныне и будет проходить граница арийских и туранских

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

земель. Сам великий Митра, бог клятвы и договора, да будет тому свидетелем.

Лучшим лучником слыл юный Эрехш. Манушчихр призвал его и сказал:

— В твоих руках — судьба твоей родины и твоего народа. Ступай же, достойный сын благородного отца! Да пребудут с тобою боги!

Эрехш не ответил. К чему высокопарные слова? — все ясно и так. Он молча взял лук, забросил за спину колчан со стрелами и отправился к Арьяхшуте.

С первыми проблесками зари он был уже высоко на склоне горы. Повернувшись лицом на восток, он вложил стрелу в тетиву и стал ждать. Он должен был выпустить стрелу сразу с восходом солнца. Пылающий огненный диск уже показался из-под земли — но пока один только Эрехш видел его: ведь он стоял высоко над долиной, овеваемый утренним горным ветром, а внизу, где собрались в ожидании арийские и туранские воины, еще царила беспроглядная темень.

Но вот скользнул по долине первый солнечный зайчик, второй, третий, и еще, и еще; и вот поток света хлынул вниз с поднебесья. Заискрились снегами вершины, защебетали птицы. Эрехш воззвал к язатам, изо всех сил натянул тетиву — и выстрелил.

И — рухнул на землю. Когда воины Манушчихра поднялись на Арьяхшуту и склонились над ним, он был уже мертв. Сколько было сил у благородного юноши — все он вложил в выстрел. Жизнь покинула его.

А стрела, которую Эрехш выпустил, летела так же быстро, как летит Тиштрия.

...Ее направил
Творец Ахура Мазда,
Бессмертные Святые
И сам могучий Митра,
Чьи пастбища просторны,
Ей проложили путь.
За ней летели следом
высокая, благая,
Божественная Аши,
А рядом с ней Паренди
На колеснице быстрой,

Пока не долетела
До Хванавант горы¹.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда стрела Эрехша дрогнула на излете, накренилась острием вниз и упала на Хванавант. Там ее и нашли гонцы.

Арийцы ликовали. Манушчихр по договору забрал назад все завоеванные туранцами земли и снова полновластно воцарился в Арьяна Вэджа. Оставшиеся годы своего царствования он целиком посвятил мирному труду и успел совершить много добрых дел, возрадовавших Ахуру. В продолжение благих дел Франграсьяна — ведь нечестивый туранец творил и добро — Манушчихр прокопал новые каналы в озеро Кансава, дабы туда еще больше стекало чистой пресной воды. Он и в других местах прокопал каналы и воздвиг плотины.

Умирая, он завещал престол своему сыну Наотаре.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

В зороастрийских текстах Наотара практически не упоминается как иранский царь и эпоха его правления выпадает из легендарных хронологий. По-видимому, в ходе формирования зороастрийской ортодоксии сказание о коротком и неудачном царствовании Наотары не было канонизировано. Эту традицию унаследовали и многие арабские источники.

В «Шахнаме» Новзер, унаследовав после Менучехра трон, очень скоро забывает предсмертные наставления отца. *Закон человеческий был им презрен, / Корусти и золоту сдался он в плен <...> Отцовский обычай поправ, притеснять / Он стал и мобедев, и славную рать.* В народе день ото дня росло недовольство царем, как некогда во времена Джамшида. Особенно вознегодовали знать и воины.

Новзер письмом призвал Сама для защиты престола. На иранской границе дружину Сама встретили вельможи Новзера. *Все спешены, к Саму один за другим / Подходят и долго беседуют с ним, осуждают Новзера: «Он мудрый завет перестал соблюдать, / Утратил божественную благодать. / Нельзя ли, чтоб Сам, чистый сердцем герой, / Воссел на престол этой смутной порой? / В лучах его правды весь мир бы расцвел».* Но Сам с негодованием отверг преступные речи о захвате престола и призвал вельмож вновь перед лицом Изеда присягнуть на верность царю, заверив их, что он убедит Новзера одуматься: *«Найдется ль на свете столь ржавый металл, / Чтоб, если потрудишься, не заблистал?»* И Саму действительно

удаётся вернуть царя на истинный путь. Однако шли дни, но немилостив был небосвод, / К Новзеру любви не являл он с высот.

Между тем весть о смерти Менучехра и дурном поведении его преемника достигла Турана. *Тогда-то Пешенг, управлявший страной, / Идти на иранцев задумал войной*, — чтоб отомстить наконец сполна за убийство Тура. Туранскую рать возглавили сыновья Пешенга — Гарсиваз (авест. Керсевазда), Агрерас (или: Агрир, авест. Агразра-та), брат Пешенга Висе и царский наследник боец Афрасиаб (авест. Франграсьян), / С чьей силой сравниться ничья не могла б. Все воины горят жаждой мщения, один лишь Агрерас сомневается в целесообразности войны: «Хоть нет Менучехра в Иране, но там / Вождь рати — из рода Нейремова — Сам»; однако после увещевания Пешенга он отбрасывает сомнения прочь: «Кровь недруга лить я рекою готов».

Туранское войско выступает в поход. Накануне сражения в стане туранцев разносится весть, что Сам умер, Заль в трауре, строит Саму усыпальницу, в рядах иранцев Заль нет, — это ещё больше воодушевляет Афрасиаба. В многодневном изматывающем сражении гибнут многие иранские герои. Новзер попадает к Афрасиабу в плен, Афрасиаб воцаряется в завоеванном Иране, — тем завершается эпоха царствования Новзера, продолжавшаяся всего семь лет. (Как уже говорилось, во многих пехлевийских и арабских источниках эта эпоха вообще выпадает из повествования: Менучехра сменяет на престоле Зов — авест. Узава.)

Туранцы грозят вторгнуться в Кабулистан — владения Мехраба, отца Рудабе. Заль приходит на помощь Мехрабу и разбивает туранское войско. Тогда разъяренный Афрасиаб обезглавливает Новзера, хочет казнить и пленников, но, вняв уговорам Агрераса, милует их; назначает Агрераса правителем города Амол и оставляет всех пленников под его надзором в соседнем городе Сари — с наказом убить их всех, если Амол будет осаждён иранцами. Вскоре это и происходит: несметные дружины иранцев под предводительством Заль идут мстить за казненного царя. Пленники молят Агрераса о пощаде, и тот, сквалившись, без боя сдает Амол и Сари вместе с заложниками, а сам уезжает к Афрасиабу. Афрасиаб, взбешённый ослушанием, убивает брата.

У Наотары было двое сыновей: Тумаспа и Туса.

Война с туранцами продолжалась. Хоть Манушчихр и изгнал полчища Франграсьяна вон с арийских земель, но туранцы год за годом совершали набеги на мирные села и города, грабили, убивали, угоняли скот.

Теперь пришел черед потомкам Манушчихра встать на защиту родной земли.

Сыновья нечестивого Ваэсаки (фарси Висе) захватили на востоке державы праведную крепость Кангху (среднеперс. Кангдеж) — чудесную крепость о семи стенах: из золота, серебра, стали, бронзы, железа, стекла и керамики. Туса поклялся изгнать оттуда туранских богатырей и обратился за помощью к Ардвисуре Анахите. Принеся щедрые жертвы, могучий воин Туса просил богиню даровать ему силу, чтобы одолеть врага, удачу, чтобы разбить туранское войско.

Когда Туса совершил богослужение, его воины пришпорили коней и помчались на восток брать Кангху приступом. А потомки Ваэсаки тем временем тоже готовились к битве и молили богиню:

Даруй нам такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы мы одолели мощного воина Тусу,
Чтобы мы наголову разбили воинство земель арийских:
Пятьдесят раз сотней ударов,
Сто раз тысячью ударов,

Тысячу раз десятью тысячами ударов,
Десять тысяч раз ста тысячами ударов.

Не даровала им удачи богиня — зря молили ее туранские ^{бо} богатыри, тщетными оказались их надежды умиловить богиню жертвоприношениями в горах, у крепости Кангхи. Славную победу одержал Туса, потому что Ардвисура Анахита была с ним.

Но несмотря на свой замечательный подвиг, Туса не удостоился получить от Ахура Мазды Хварну и благословение, приставшее царям Парадата, — царствовать ему не пришлось. Творец уготовил ему другую судьбу: Туса сделался бессмертным. Когда мировая история приблизится к концу, Аграэрата-Гопатшах — бессмертный правитель Сакастана, Туса и другие бессмертные придут помогать Ахура Мазде и его Саошьянту в деле очищения мира.

Не стал царем и другой сын Наотары — Тумаспа. Благой бог ниспослал Хварну Узаве — сыну Тумаспы, внуку Наотары.

Следующим — и последним — царем в династии Парадата стал внук Наотары Узавы. Хотя мать Узавы и была дочерью колдуна, служившего Франграсьяну, но сам Узавы был праведен, и Мазда ниспослал ему царственную Хварну.

Узавы еще в раннем детстве понял, что закон благого бога и счастье страны — в возделывании земли, в обильных ее дарах. И он стал пахать, сеять, жать — младенец наравне со взрослыми; и благодаря этому он уже в детстве сделался высоким и сильным, как зрелый муж.

Узавы процарствовал всего пять лет, но даже за столь короткий срок он успел совершить множество добрых дел, угодных Мазде: прокопал много новых оросительных каналов, возделал пустующие поля, превратив их в пашни, и тем принес несказанное благо ахуровскому воинству — на горе Духу Эла и дэвовским отродьям. *Он разоблачил [свою] стенающую мать перед странами иранскими; он выступил [войной] против разрушителей-иноземцев, дабы вон [их] изгнать с иранской земли; он также сокрушил колдуна, который ужас наводил на иранские деревни, который в страхе [держал] его отца¹.*

В «Шахнаме» после смерти Новзера иранцы, возглавляемые Залем, избирают нового царя; но выбор их падает не на потомков Фаридуна — Туса или Гостехема, ибо хотя они и родом знатны, / <...>

¹ Курсивом выделена прямая цитата из пехлевийского текста. Подробности сюжетов неизвестны.

Но ежели витязь умом не силен, / Владеть не достоин державою он, — а избирают они сына Техмаспа, мудрого 81-летнего старца Зова.

В царствование Зова на землю обрушивается бедственная засуха. Иранские и туранские дружины изо дня в день сражаются, истребляя друг друга; все обессилели, — и всех осенило вдруг мыслью одной: / *Знать, каре небесной мы стали виной.* Иранцы и туранцы решают наконец / *Вражду вековую изгнать из сердец.* / *Законно, по совести мир поделить, / И души от старых обид исцелить.* Земли от Амударьи до китайского Туркестана отходят к Ирану, а все, что восточней того, — к Турану. Зов возвращается в Парс (Персиду), под его мудрым правлением Иран расцветает, и пять лет проходят в несказанной благодати; но через пять лет Зов, уже 86-летний старик, умирает, и война между Ираном и Тураном вспыхивает вновь.

Образы Самы и Керсасы — наиболее противоречивые и неясные как в зороастрийских текстах, так и в персидских и арабских источниках.

Первоначальный образ, к которому восходят оба имени, — героический персонаж индоиранской религии Сама керсаспа нарьямана — «Сама, стройных лошадей имеющий, мужественный». Слово «керсаспа», таким образом, было одним из эпитетов героя Самы. Впоследствии этот единый образ раздвоился. «Фравардин-яшт» — одна из древнейших частей Авесты — упоминает имя «Сама» как родовое имя героя Керсасы, а эпитет «нарьямана» — «мужественный» — становится его наиболее употребительным эпитетом. Это понимание было усвоено более поздними текстами Младшей Авесты и затем пехлевийскими сочинениями; однако Саму и Керсаспу, теперь уже отдельных персонажей, устная традиция продолжала связывать с одним и тем же циклом героических преданий. Постепенно в религиозных сочинениях возникла полная неразбериха: Сама и Керсаспа выступают взаимно как предки друг друга и в то же время отождествляются: совершают одни и те же подвиги, им приписывается одна и та же роль в деле конечного очищения мира от Зла и др.

На этом, однако, метаморфозы Самы — Керсасы не закончились. Обособленно от центров сасанидского богословия складывался сако-согдийский цикл преданий, и оба персонажа в этом цикле получили иное осмысление: Сам — легендарный правитель Сакастана, могучий воин, предок Рустама — одного из главных героев «Шахнаме»; и герой Керсасп, совершающий подвиги, уже во многом отличные от тех,

что приписала Саме и Керсаспе зороастрийская традиция. Эпитет «нарьямана» был истолкован как родовое имя Сама (Сам — сын Нарьямана), и впоследствии такое понимание вошло в «Шахнаме». Не случайно образ Неремана у Фирдоуси совершенно не раскрыт: Нереман вообще не фигурирует в поэме как действующее лицо, его имя лишь косвенно упоминается несколько раз. Сако-согдийские сказания не были канонизированы зороастрийской религией, но в фольклоре они распространились широко, и некоторые их персонажи и эпизоды все же вошли в пехлевийские тексты.

Для научно-популярной книги автор посчитал возможным принять полную тождественность Самы и Керсаспы. Дальнейшее изложение строится исходя из этого. В пересказах и переводах употребляется имя «Керсаспа», если в первоисточнике значится оно либо его среднеперсидское соответствие, и «Сама-Керсаспа», если в первоисточнике речь идет о Саме.

Хварна была ниспослана Керсаспе, потомуку Самы, потому что он был воитель, имел доблестное сердце и рвался в бой с исчадиями Зла. Ведь истребление порождений Ахримана, защита религии Ахуры оружием — это благое дело.

А Зло, которое Керсаспа рвался истреблять, небывало расплодилось в те дни, загадив собою все творение Мазды. Рогатый змей Сэрвара опустошал селения, пожирая коней и людей. Жрал людей и золотопятый водяной дэв Гандарва с ужасной зубастой пастью, раскрытой всем праведным существам на погибель. Чудовищные великаны держали в страхе всю Хванирату. И каменнорукий великан Снавидка грозился перевернуть Вселенную вверх дном, низвергнуть Спента Манью с небес, выгнать Ахримана из царства преисподней Тьмы — и их обоих вместе запрячь в свою колесницу.

И много, много еще было на земле всякой мерзопакостной нечисти, которую предстояло извести Керсаспе.

Керсаспа своими собственными руками изготовил боевую палицу и отправился искать змея Сэрвару.

Керсаспа был наслышан про это рогатое чудовище, из пасти которого струю бил желтый яд, отравляя все вокруг. Рассказывали, что у змея Сэрвары зубы длиной с человеческую руку, каждое ухо величиной в четырнадцать одеял, каждый глаз величиной с колесо, а его рога как ветвистые деревья. И Керсаспа теперь разъезжал на коне по Хванирате,

из края в край, и недоумевал: почему же он нигде не видит этого змея, если этот змей столь огромен.

Он уже изрядно измотался и притомился от верховой езды под нещадно палящим солнцем, ему хотелось есть, и в полдень он сделал привал, чтоб дать хотя бы короткий отдых себе и коню; отпустил коня пастись, а сам собрал хворост, развел огонь, подвесил над ним железный котел и, усевшись в сторонке, стал ждать, когда сварится пища.

Скоро вода весело забурлила и в воздухе дразняще запахло кушаньем. Под котлом в языках пламени потрескивал хворост.

Вдруг земля заколыхалась. Варевое из опрокинутого котла с шипением вылилось в огонь. Потрясенный Керсаспа отпрянул назад в ужасе.

Он был на спине рогатого чудовища! Змей Сэрвара нежился под полуденным солнцем, и настолько он был огромен, что Керсаспа, проезжая мимо, принял его туловище за взгорок — и поднялся на него, и там, на туловище змея, развел огонь. Злодею стало горячо, он взвился, опрокинул котел и разлил воду.

Целых полдня бежал мужественный Керсаспа по спине дэвовского змея — от хвоста к рычащей голове, разбрызгивающей яд; только под вечер добежал, схватил Сэрвару за шею и снес мерзостную башку ударом палицы. Таков был первый великий подвиг Керсаспы: он убил рогатого змея Сэрвару.

Но дэв Гандарва, с которым Керсаспе предстояло схватиться теперь, был еще чудовищней. Он обитал в океане Ворукаша и обезлюдил двенадцать окрестных сел, пожрав жителей.

Керсаспа решился выйти на бой с этим дэвом только после того, как он сотворил молитву Ардвисуре Анахите:

Ей жертву приносил могучий Керсаспа
 Перед лицом озера Пишина, —
 Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
 И просил он ее:
 «Даруй мне такую удачу,
 О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
 Чтобы я победителем стал
 Над златопятым Гандарвой
 У берега Ворукаши, волнами омываемого»¹.

¹ Перевод И. С. Брагинского.

Заручившись покровительством Анахиты, мужественный Керсаспа отправился в путь к океану Ворукаша.

Девять дней и девять ночей он бился со златопятым дэвом в море. Наконец силы Гандарвы стали иссякать. Керсаспа вытащил злодея из воды, его родной стихии, на берег. Пасть Гандарвы была полна мертвецов, застрявших в зубах.

На берегу Гандарва снова бросился на Керсаспу, схватил героя за бороду и вырвал ее всю до единого волоска. Мужественный Керсаспа превозмог боль. Собравшись с силами, он оторвал у Гандарвы золотое копыто, потом содрал с дэва шкуру и связал этой шкурой его лапы.

Но даже связанный, страшен и могуч был этот водяной дэв Гандарва. Он проглотил спутника Керсаспы и его коня, а потом приполз в близлежащую деревню и стал поедать жителей.

Это случилось, когда Керсаспа спал — отдыхал после битвы. Его разбудили землепашцы, столь много претерпевшие горя от мерзкого змея. Керсаспа бегом бросился к берегу Ворукаши, где бушевал дэв. Так быстро бежал Керсаспа, что при каждом шаге он продвигался вперед на тысячу шагов, из-под подошв у него сыпались искры, и каждый след от его ноги загорался огнем. В одно мгновение он достиг берега океана и убил Гандарву.

А тем временем брат Керсаспы, Урвахшайа, мудрый судья, блюститель Веры и законодатель, возвещал людям праведные слова, которые отвращали их сердца от Лжи, и справедливо судил, поощряя добродетельных, карая тех, кто виновен. И этого праведника убил приверженец Друджа — негодяй Хитаспа.

Керсаспа отправился вершить мщение. На берегу реки Гудхи, притока Ранхи, с барсманом в руках, совершая возлияния хаомой с молоком, он молил об удаче Вайю:

— Даруй мне это, о Вайю, пребывающий высоко в небесах! — чтобы я отомстил за брата моего Урвахшайу, чтобы я смог уничтожить Хитаспу!

И Вайю даровал ему такую удачу. Хитаспа пал от руки доблестного героя.

Воздав злодею смертью за убийство и совершив тем правосудие, Керсаспа, настегивая коня, помчался в другие края, чтобы поскорее уничтожить девятерых великанов, терзавших землю и державших в страхе народы и племена Хванираты и всех семи каршваров. Эти великаны были столь огромны телами, что, когда они шли, людям казалось, будто они

головами достигают небес, а море доходит им лишь до колен. Триста тысяч людей убили и съели они, мерзкие злодеи!

Керсаспа сразился с ними и убил их всех. Когда чудовища рухнули замертво, земля так содрогнулась, что несколько высоких гор исчезли.

Но не был еще истреблен каменнорукий грозный великан Сनावидка, изрекавший хулу на Творца.

И он убил Сनावидку
С ногами роговыми;
Каменнорукий, так
Сनावидка похвалялся:
«Пока еще я молод,
Несовершеннолетен,
Но если бы стал взрослым,
То колесом бы землю
Сумел бы сотворить,
А небо — колесницей;
Низвел бы Спента Манью
Из Дома Восхвалений,
Поднял бы Ахримана
Из мерзкой преисподней —
Они мне колесницу
Тянули бы вдвоем,
И Злой Дух, и Святой,
Лишь не сразил меня бы
Керсаспа непреклонный!»

Его убил Керсаспа
Как раз перед подъемом
Его могучей силы¹.

И ужас объял дэвов, затрепетала от ужаса и отчаяния вся их мерзостная армада: еще немного — и славный герой истребит их всех до единого, а они — что они могут сделать против него, бесстрашного Керсаспы? Как им обуздать Керсаспу, если нет в мире никого столь сильного, кто не пал бы, поверженный им в бою?

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Разве вот только — Ветер, могучий Вайю, превращающий горы в пустыню.

И дэвы обманули Вайю. Они пришли к нему и сказали:

— Из всех богов ты — могущественнейший. Все тебя боятся и чтут. Один лишь Керсаспа насмехается над тобой. Он презирает дэвов и людей, и тебя тоже, Вайю, он презирает!..

Керсаспа нагло не чтит стихию ветра! Вайю поверил этой лжи, взбежился и полетел в погоню за героем. Таким неистовствующим накинулся на него обманутый Вайю, что под его натиском горы рушились, а каменные глыбы кружились в воздухе словно пылинки. Но не мог Вайю оторвать от земли силача Керсаспу, сколько ни бушевал.

И так он бушевал, выл и ревел в напрасной злобе, куда Керсаспа сам не взмыл в воздух, обхватив Вайю руками. Словно наездник, усмиряющий дикого коня, Керсаспа усмирил разъяренную, всесокрушающую стихию. Ветер очень скоро изнемог бороться с доблестным героем, спустился из поднебесья на землю и сказал:

— Я сдаюсь и уйду. Отныне я буду делать только то, что прикажет мне Ахура Мазда, и никого больше не буду слушать. Теперь ты отпустишь меня, мужественный Керсаспа?

И еще много горя причинил доблестный Керсаспа дэвам и много доставил радости Творцу Ахуре своими великими подвигами. Он убил множество дэвопочклонников. Он убил сыновей Нивики, сыновей Даштаяни, убил отважного туранского воина Варешаву, убил злодея Питаону. Доблестным Самой-Керсаспой были уничтожены ужасный дэвовский волк Капуд и гигантская птица Камак. Эта птица крыльями заслоняла солнце и задерживала дождь, в результате чего пересохли все реки. Керсаспа семь дней и ночей расстреливал птицу Камак стрелами и убил ее.

Если бы мужественный Керсаспа не совершил хотя бы одного из своих бесчисленных подвигов и хотя бы одна из убитых им нечистей — дэв ли Гандарва, змей ли Сэрвара или злодейские великаны — остались бы на земле и чинили зло, Ахура Мазде невозможно было бы очистить мир от Зла и воскресить праведников в конце времен. Тогда Ахриман и его дэвы восторжествовали бы над творениями Мазды. Но сколь многими доблестными делами ни принес в мир благо мужественный Керсаспа, сколь многими радостями ни возрадовал он эту землю, сотворенную Ахурой, все же Сама-Керсаспа не всецело был праведен душой: не всецело открыт истинной Вере маздаяснийской. Он совершил великий грех — оскорбил Огонь Ахура Мазды. А Огонь-Атар, священное творение бога,

священная стихия, так драгоценен перед лицом Ахуры, что грех Самы-Керсасы перевесил все его добрые дела.

А было это так. В благодарность за подвиги, совершенные Самой-Керсаспой, Огонь каждый день прилетал к нему, чтобы разжечь хворост под котлом; после этого герой готовил себе обед и ложился отдыхать. Однажды у Самы-Керсасы выдался очень трудный день, он очень устал и был очень голоден после битвы со змеем, — а Огонь, как назло, опоздал в этот день к его костру. Сама-Керсаса был в ярости, и, когда Огонь прилетел, он ударил его палицей и затушил.

Бог сурово покарал Саму-Керсаспу. Однажды герой-палиценосец, утомившись, улегся спать на равнине Пешиянсай, что в Кабулистане, близ горы Демавенд. И спящего Саму-Керсаспу туранец по имени Нихаг ранил отравленной стрелой. Сама-Керсаса на много веков погрузился в забвенье.

По другому мифу, Керсаспу околдовала паирика Хнафанти; в конце времен эта паирика будет уничтожена, тогда Керсаса проснется и убьет вырвавшегося из оков Ажи Дахаку. В некоторых источниках говорится, что против Дахаки в решающем поединке выступит Сраоша.

По сей день спит крепким сном мужественный Сама-Керсаса, палиценосец, герой. И Хварна небесная парит над ним в небесах, дабы, когда Ажи Дахака в конце времен освободится от оков, он, Сама-Керсаса, восстал и уничтожил трехглавого друждевского змея — теперь уже навсегда, на веки вечные. И мириады фраваша праведных охраняют спящего героя.

Так закончилось недолгое междуцарствие после смерти Узавы, последнего царя Парадата. Престол арийских земель перешел к династии Кавиев.

В «Шахнаме» Гаршасп — сын Зова, последний Пишдадид, правивший Ираном девять лет. Этот образ у Фирдоуси совершенно не раскрыт: в поэме лишь сообщается, что сын Зова *со славой и блеском* <...> *правил страной* <...> *мир сеял, и злобных держал он в узде*. Причисление Гаршаспа к царственной династии «представляется как бы долгом традиции и не вполне совпадает с предысточниками».

Со смертью Гаршаспа *настала пора злоключений и бед*. Пешенг приказывает Афрасиабу снова пойти войной на Иран. Иранцев,

оставшихся без царя, временно возглавляет Заль. Он торжественно вручает Рустаму палицу Сама — как залог будущих подвигов юного богатыря. Рустам ищет себе боевого коня и останавливает выбор на скакуне Рахше, который единственный выдерживает тяжесть его руки (бродячий сюжет «испытания коня» в мировом эпосе). Иранское войско под предводительством Залья выступает в поход против Афрасиаба, две рати сходятся, но накануне боя Заль, собрав военачальников, убеждает их, что в их рядах *нет единенья без царской руки*, / *Не ладится дело, безглавы полки*, а потому надо избрать царя, и верховный жрец указал ему, Залю, кого именно: *героя Кубада, чей дед Фаридун*. По приказу Залья Рустам отправляется за Кей Кубадом (авест. Кави Кавата) на гору Албурз и, геройски разгромив по пути дозоры туранцев, привозит новоизбранного царя в иранский стан. Тем заканчивается период междуцарствия, и на престоле Пишдадидов воцаряется сменившая ее новая династия — Кейи, Кейаниды (авест. Кавии).

Авестийское название династии — Кавии (среднеперс. и фарси Кейи, Кейаниды) — этимологически восходит к названию жреческого сословия кавиев. В отличие от сказаний о Парадата — чисто мифических персонажах, сказания о Кавиях/Кейях, по-видимому, имеют реальную историческую подоплеку.

Авеста и пехлевийские сочинения называют «царством Кавиев/Кейев» различные мифические области на востоке Ирана, мусульманские авторы — Бактрию, Бируни связывает Кейанидов с правителями Нововавилонского царства (VII—VI вв. до н. э.). Наиболее обоснованной в настоящее время представляется точка зрения, согласно которой «царство Кавиев» находилось в Дрангиане.

Легенды о Кавиях, очевидно, складывались примерно так же, как и легенды о Парадата: сначала сказания существовали отдельно, затем, при собирании утраченных авестийских текстов (между I и III в. н. э.) они были объединены в цикл, а в ходе формирования зороастрийской ортодоксии — систематизированы и отчасти канонизированы. В теократической государственной идеологии Ирана значение преданий о Кейанидах возрастает с IV века н. э.: при шаханшахе Шапуре II (309—379 гг. н. э.) провозглашается новая династийная доктрина, возводящая род Сасанидов к покровителю Заратуштры Кави Виш-таспе; при Шапуре III в официальную царскую титулатуру включается титул «Кей». Особенную популярность эпические циклы о Кейанидах приобретают в V веке н. э.

Пехлевийская традиция, вслед за Младшей Авестой представляя Кейев как праведных властителей и борцов со Злом (которое олицетворяют прежде всего туранцы и Франграсьян), в то же время приписывает некоторым представителям династии отрицательные деяния и качества: нарушение клятвы, гордыню, богоборчество и др. Такое двойственное отношение к Кейям сохранилось и в «Шахнаме».

Родоначальником новой династии был Кави Кавата, потомок Арьи. Когда он был маленьким ребенком, его посадили в корзину и пустили корзину плыть по реке. Но малыш чудом спасся и как-то сумел добраться до людского жилья. Дрожа от холода, он сидел и плакал у дверного порога. Мальчика нашел Узава и дал ему имя¹.

Пролетели годы, и вот в пятнадцатилетнем возрасте Кавата был осенен лучезарной Хварной — Хварной Кавиев. Он утвердил царскую власть в стране, объединил арийские земли Хванираты и стал родоначальником новой блистательной династии. Он совершил много благих дел, возрадовал Землю, творение Ахура Мазды, и праведно служил ему, великому богу, всюду утверждая Веру маздаяснийскую.

Пятнадцать лет царствовал Кави Кавата. После этого престол унаследовал его сын Апивоха.

В «Шахнаме» после воцарения Кей Кубада к нему немедленно приступают иранские герои с Залем / Дестаном во главе: *«Государь, о борьбе / С туранцами должно подумать тебе»*. Царь после смотра дружины посылает ее в бой. Во время сражения Рустам пленяет было самого Афрасиаба, схватив его за кушак и выдернув из седла, но не выдержал кожаный пояс рывка, лопнул; Афрасиаб упал, и подоспевшие туранцы сумели его спасти.

¹ В оригинале — попытка истолковать имя «Кавад» (среднеперсидское соответствие имени Кавата) по созвучию с «кавадакан» — «дверной порог».

Битва заканчивается сокрушительным разгромом туранского войска. Пешенг, потрясенный рассказом Афрасиаба о силе Рустама, просит у Кей Кубада мира: *«Старинную длить не должны мы вражду / <...> Уже отомщен Менучехром Иредж, / Пора отдохнуть от губительных сеч и восстановить раздел земли, совершенный Фаридуном, когда он поделил царство меж Туром, Иреджем и Сельмом»*. Кей Кубад соглашается на мир, устанавливает свою столицу в Истахре и царствует сто лет.

Но к Апивохе божественная Хварна Кавиев не слетела с небес. Она передалась ему иначе — воистину чудесным образом.

Матерью Кави Апивохи была Фарханг, дочь свирепого Ноктарги из рода царя Манушчихра. Кроме Фарханг, у Ноктарги было еще трое детей, сыновья. Все четверо — Фарханг и ее братья — родились и жили на берегу Ворукаши.

Ноктарга не случайно поселился там, у мирового океана. Он прознал, что в давние времена, когда за обладание Хварной бились Атар и змей Дахака, Хварна опустилась в мировой океан и с тех пор там и пребывает. Ноктарга решил во что бы то ни стало наделить этой Хварной кого-нибудь из своих сыновей.

Для этого Ноктарга сначала при помощи колдовства создал волшебную корову. Потом он три года возделывал тростники у озера и кормил ими корову до тех пор, покуда Хварна вместе с тростниками не перешла в тело коровы. Тогда хитроумный Ноктарга выдоил молоко и дал его своим трем сыновьям.

Все продумал до мелочей Ноктарга и все исполнил с тщательностью — а надежда его не сбылась. Волею судьбы Хварна передалась не сыновьям, а Фарханг.

Узнав, что его умысел, который он так долго вынашивал и на осуществление которого он положил столько сил, обратился в ничто, Ноктарга рассвирепел, разлютовался и в гневе хотел убить свою родную дочь. Но Фарханг под покровом ночи бежала из дому. А когда она стала женой Кави Каваты и у нее родился сын, нареченный Апивохой, Хварна передалась ему.

У Кави Апивохи было четверо сыновей: Кави Аршан, Кави Бияршан, Кави Пишина и Кави Усан. Все четверо были благословенными наследниками Хварны Кавиев, и потому они все стали праведными и могучими царями.

Обо всех этих персонажах, кроме Кави Усана, сведений практически нет. В «Шахнаме» Апивоха и Бияршан отсутствуют; Кави Аршан — Кей Ареш, Кави Пишина — Кей Пишин: эти двое и не имеющий соответствий в зороастрийских текстах Кей Армин — сыновья Кубада (Каваты), правители различных иранских областей, эпизодические третьестепенные персонажи.

Старший из сыновей Апивохы, Кави Усан, получил власть над Хваниратой и крайними каршварами.

Своим визирем Кави Усан сделал мудрого Аошнару, наделенного даром всевидения. Этот Аошнара тоже был осенен божественной Хварной: Хварна сопутствовала ему уже тогда, когда он был в чреве матери, и оттуда, из материнского чрева, он вещал: давал матери советы, поучал и наставлял ее — и благодаря тем советам сына, еще не родившегося на свет, мать Аошнары преуспевала во всех делах, мирских и духовных. Поэтому Аошнара стал мудрейшим из всех визирей, какие только бывали у царей.

* * *

На радость странам арийским Кави Усан уничтожил множество дэвов и воздвиг на Хара Березайти семь дворцов — один из золота, два из серебра, два из стали и два из хрусталя. Эти дворцы были не простыми, а волшебными. Они возвращали молодость. Дряхлый, согбенный, немощный старик вновь превращался в юношу, стоило ему войти в дворцовые покои. И когда Кави Усан сам сделался дряхлым, он ступил под сень своего творения и снова стал молодым.

И заново стал жить. Во второй своей жизни он снова стал царем и так же мудро и благостно, как и в первый раз, управлял державой.

Дэвы наблюдали это и скрипели зубами от злобы. Невмоготу было им, мерзостным порождениям Злого Духа, видеть, как тучнеет скот и колосятся поля во всех семи каршварах. И, посоветовавшись, они

послали к Кави Усану буйного Айшму — дабы он обратил наследника Хварны Кавиев на дэвовский путь и сделал из него противника Ахуры.

Айшма излил на царя всю ложь, на какую был способен, прибег ко всем хитростям, какие знал, — и удалось-таки ему, злодею, отравить сердце Кави Усана гордыней. Лживую мысль нашептал ему Айшма, и эта мысль терзала теперь царя: что такой он великий и могущественный владыка, каким может быть только бог; он, Кави Усан, подобен Ахуре, Творцу Ахуре, — и мало ему властвовать только над семью каршварами, ему подобает владеть и небесами, которыми владеют Амеша Спента.

Дурные мысли правят человеком, как всадник правит конем, и неизбежно толкают его на дурные дела. Однажды царь возвращался с войском из похода. Надо было обогнуть горную гряду вдоль подножия и через ущелье выйти в долину. Но Кави Усан двинул рать в горы — наверх, к небесам.

Он хотел войти в царство Бесконечного Света Ахура Мазды! Смертный, он этого захотел!

Но едва достиг вершины возгордившийся царь, его Хварна — Хварна Кавиев — рассыпалась в прах, и все воины один за другим попадали с горы вниз, и все до единого разбились насмерть.

Так жестоко поплатился Кави Усан за свою дерзость.

Все же Ахура Мазда простил его потом, вняв покаянным молитвам, возвратил ему Хварну и снова дозволил властвовать над семью каршварами земли. Но лживая мысль о богоравном величии, которую внушил ему Айшма, исподволь точила сердце царя. Он по-прежнему был поражен этим недугом — гордыней, опять желал достигнуть небес и быть там равным среди язатов.

По его приказу из гнезда дикой орлицы были украдены птенцы и выращены в неволе. Когда они стали могучими взрослыми птицами, Кави Усан велел изготовить золотой престол и привязать к нему орлов, а над головами у них подвесить куски мяса. И вот Кави Усан воссел на престол. Голодные орлы устремились за мясом ввысь и полетели к небесам, в обитель Ахура Мазды.

А за ними летела фраваша еще не родившегося внука Кави Усана — Кави Хаосравы. И летел вдогонку за царем вестник Ахура Мазды Нарья Санха. Бог послал его наказать гордеца. Но взмолилась фраваша Кави Хаосравы:

— Не убивай его, о Нарья Санха, благодетель мира! Если ты убьешь его, то вовеки арийцы не смогут одолеть туранцев и Франграсьяна! Ведь этот человек родит Сьяваршана, а Сьяваршан — меня родит, а я тот, кому суждено уничтожить Франграсьяна, причинившего столь много бедствий арийским странам!

И Нарья Санха отступил от царя, услышав это. Спасен был Кави Усан, возмездие чудом не настигло его.

Однако его орлы, так и не долетев до неба, выбились из сил и вместе с престолом царя рухнули на землю. Уцелевший при падении царь долго жил в лесах, в чащобе, вымаливая у бога прощение за грех. Бог внял покаянным мольбам Кави Усана, вернул ему престол, и в Иране опять воцарилось спокойствие.

Еще семьдесят пять лет ему оставалось жить и царствовать — ровно половину срока. Все эти семьдесят пять лет царь старался ни в чем не преступать закона Ахуры. Он смирил свою гордыню, не рвался больше соперничать с богом и Амеша Спента, отражал набеги Франграсьяна, правильно поняв, что злой туранец создан самим Ахриманом как бич арийских земель.

Но словно проклятие над ним тяготело. Он опять впал в грех — тяжкий, непростительный.

В те времена Иран и Туран без конца спорили о границах: где чья земля. Споры разрешались только оружием. Гибли лучшие воины, Хванирата изнемогала и стенала от непрекращающихся войн.

И наконец Ахура Мазда, чтобы умиротворить врагов, создал волшебного быка. Этот бык жил в лесу, мирно щипал траву и мох и не выходил к людям, покуда на земле был мир; но едва на восточной окраине царства Кави Усана опять затевали спор о границе, бык немедленно шел туда и копытами протаптывал пограничную черту. Где бы ни возникал спор о границе, бык приходил туда и утверждал границу именем Ахуры.

И так было из раза в раз, год за годом, — до тех пор, пока царю Кави Усану однажды не пришло в голову, что хоть бык и прислан Ахурой как беспристрастный судья, однако можно, наверно, втайне с ним сговориться, упросить, чтобы он протаптал пограничную черту по владениям Франграсьяна, — и часть туранских земель отошла бы к его, Кави Усана, державе.

Но он упрашивал быка не так, как подобало: не воздал ему должного почтения. И когда царь увидел, что бык собирается протаптать границу

по справедливости, — а стало быть, не суждено ему, Кави Усану, заполнить во владение туранские земли, — тогда Кави Усан решил убить быка.

Среди приближенных из свиты Кави Усана были семь братьев. Седьмой звался Срито. Но хоть был он и самым младшим, однако силой превосходил всех своих братьев. Ему-то и приказал Кави Усан:

— Ступай в лес, найди быка Ахура Мазды и убей его!

Срито отправился в лес и разыскал там быка. Увидев Сриту с оружием, бык взмолился о пощаде:

— Не убивай меня! Знай: тот, чья фраваша сейчас сокрыта в стволе Хаомы, скоро придет в мир и принесет людям свет истинной религии! Имя его — Заратуштра. Он обличит тебя перед Ахурой, если ты совершишь зло. И тогда не видать тебе прощения во веки вечные!

Срито был потрясен до глубины души. Опрометью он бросился назад, прибежал к Кави Усану и заявил, что не станет убивать священного быка.

— Почему так? — нахмурился Кави Усан.

Срито пересказал ему все, что говорил бык о грядущем пророке. Но царь стоял на своем:

— Откуда мне знать, — воскликнул он, — что бык тебя не обманул? Кто подтвердит его слова? Может быть, никакой фраваша Заратуштры в Хаоме нет и не было. А даже если и есть — что из того? Может быть, этот Заратуштра никогда не родится. Или родится, но не станет пророком. Ступай и убей быка!

— Нет, — сказал Срито, — Заратуштра родится. Я боюсь.

— А ты сходи в лес. Там много паирика и дэвов — они вразумят тебя, и тогда ты сможешь убить без содрогания.

Срито постоял, постоял, поразмышлял — и пошел.

Лесные паирика и дэвы быстро смутили его разум — Кави Усан был прав, знал, что говорил. Сриту обуяла страсть к кровавым убийствам. Трижды изо всех сил он ударил священного быка по спине. Бык замычал, проклял Сриту страшным проклятием и умер.

Дэвы отступили, пала с разума Сриты пелена — и только теперь он осознал, что наделал. Но было поздно.

Проклятый навеки! Его охватило отчаяние. Он пришел к Кави Усану со словами:

— Казни меня.

— За что же мне тебя казнить? — невозмутимо пожал плечами Кави Усан. — Ты в точности исполнил мое веление.

— Казни меня, — твердо повторил Срито. — Потому что если ты меня не убьешь, я убью тебя!

— Ты не можешь меня убить, ведь я — правитель мира, — возразил Кави Усан. — А если тебе так уж хочется умереть, иди в лес. Там живет паирика в облике дикой собаки. Она тебя убьет.

Срито подумал, что раньше он сам убьет эту паирика, но ничего не сказал и отправился в лес.

Действительно, когда лесная паирика — огромная собака — с утробным рычанием кинулась на него из-за дерева, он убил ее. Но в тот же миг перед ним возникли две такие же огромные кровавоглазые собаки! Срито убил и этих двух — собак сразу стало четыре. И так он убивал их и убивал, покуда их не сделалась тысяча, — и, накинувшись всей сворой, они разорвали Сриту в клочья.

Но хоть и много грешил Кави Усан, он все-таки содеял немало добра.

В «Шахнаме» Кей Кавус, сын Кей Кубада и Феранек, едва став царем Ирана, сразу возгордился: *«Мне равного нет <...> Владеть мне пристало всей ширью земной, / Никто не дерзнет состязаться со мной»*. Тотчас к нему во дворец под видом бродячего певца проникает див и расхваливает царю красоты и богатства Мазендарана — страны, принадлежащей лютым дивам.

Обольщенный царь решает завоевать Мазендаран. Все иранские герои прилагают отчаянные усилия, чтобы отговорить Кей Кавуса от безумной затеи, но царь остается непреклонен. Вскоре иранское войско выступает в Мазендаран, убивая, грабя, сжигая дома, неся разорение земле. Мазендаранские дивы (авест. мазанские дэвы) призывают в помощь могущественного Белого дива. Тот является в виде огромной тучи, закрывает солнце; на землю опускается тьма, и две трети иранских воинов слепнут. Кей Кавус попадает в плен.

Царь взывает к Залю и Рустаму. Выручать властелина отправляется Рустам. По пути он совершает семь подвигов — убивает ведьму, дракона и др., в некоторых случаях — при активной помощи Рахша; последний подвиг Рустама — убийство Белого дива.

Война с Мазендараном заканчивается победой Кей Кавуса — опять же главным образом благодаря Рустаму. Воодушевленный Кей Кавус

немедленно предпринимает еще несколько завоевательных походов, — *однако сражаться нигде не пришлось. / На дань соглашаются в царстве любом — / Быку не под силу тягаться со львом.*

Кавус влюбляется в дочь покоренного им хамаверанского (йеменского) царя Судабе и женится на ней. Хамаверанский царь, прежде противившийся браку своей дочери с завоевателем, на званом пиру захватывает Кавуса и его свиту — знаменитых иранских героев — в плен.

Афрасиаб, узнав, что трон Кейанидов пуст и его извечные враги остались без властителя, немедленно нападет на Иран. *Вся стоном стонала Ирана земля, / И мирные в ад обратились поля. И снова Кей Кавуса выручает Рустам, разгромив сперва хамаверанского царя и его союзников, а затем изгнав Афрасиаба.*

Какое-то время Кавус *твердою правит рукой, / На край снизошел долгожданный покой.* Но дивы снова будят гордыню в душе Кавуса, внушив ему, что его, величайшего героя, *обладателя стольких красот / Обитель достойная — лишь небосвод,* и ему подобает парить в небесах наравне с Йезданом. Кавус решает вознестись на небо. Для осуществления этой затеи из гнезда дикой орлицы были украдены птенцы и выращены в неволе. Когда они стали могучими взрослыми птицами, Кей Кавус велел изготовить золотой престол и привязать к престолу орлов, а над головами у них подвесить куски мяса. *Воссел на престол он, гордыней ведом, / Тщеславьем своим опьянен, как вином.* Голодные орлы устремились за мясом ввысь, но, так и не долетев до неба, выбились из сил, — *и с тучи низверглись они грозовой, / Кавуса престол увлекая с собой.* Уцелевший при падении царь долго жил в лесах, в чащобе, вымаливая у Йездана прощение за грех. И в третий раз Кавуса выручил Рустам: разыскал его и вернул в Иран. Йездан внял покаянным мольбам Кавуса; *дружина, что в прежние дни разбрелась, / К порогу властителя вновь собралась,* и в Иране опять воцаряется спокойствие.

Кавус царствует (как и в пехлевийской традиции) сто пятьдесят лет. Остаток главы, посвященный его правлению, занимает «Сказание о Сохрабе», восходящее к сако-согдийскому эпосу и не отраженное в зороастризме. Богатырь Сохраб (Сухраб), сын Рустама, родившийся после его отъезда из дома, поступает на службу к Афрасиабу, участвует в походах туранцев против Ирана и неоднократно наносит иран-

цам поражения. Покончить с ним берется Рустам. Сохраб, никогда не видевший отца, дважды сходитя с ним в поединке, и Рустаму, поверженному в первом бою, лишь хитростью удается избежать смерти от его руки. Во втором бою побеждает Рустам. По амулету на груди умирающего Сохраба и его предсмертным словам он узнаёт сына (этот сюжет встречается в преданиях очень многих народов, но, скорее всего, он иранского происхождения). Кавус в «Сказании о Сохрабе» фигурирует эпизодически, в отрицательном контексте.

После смерти Кави Усана благословение Гайомарта и Хварна Кавиев осенили его сына Сьяваршана. Однако судьба его ждала нелегкая. Он и на свет появился при неблагоприятных знаменьях неба, о чем звездочет сразу доложил Кави Усану.

Но что было поделать? Воспитывали его, как и надлежит воспитывать царского сына. Лучшие воины обучали его ратному искусству. Все детство свое Сьяваршан провел в воинском стане среди царских дружинников, и только когда возмужал, возвратился под отчий кров.

Вскоре после этого начались несчастья царевича. Сначала умерла его мать, и Кави Усан взял себе другую жену. Потом, по наущению дэвов, новая жена Кави Усана воспылала к красавцу пасынку страстью и стала его домогаться. Сьяваршан стал избегать встреч с нею. Тогда она стала слать ему письма через слуг, где приглашала прийти к ней в покои ночью. Наконец царевич не вытерпел и в ответном гневном послании отверг притязания мачехи.

Оскорбленная в своих чувствах царица решила погубить Сьяваршана. Однажды ночью она исцарапала себе лицо, изорвала на себе одежды и криком стала созывать стражу. Когда охрана сбежалась на ее зов, она при всех обвинила царевича в том, что он ее домогался.

Кави Усан сразу поверил наговорам жены, и Сьяваршан был с позором изгнан из Арьяна Вэджа.

Куда ему было деться, изгнаннику? Нигде его не принимали. Прокитавшись из края в край, он пришел к туранцам, к Франграсьяну, и поступил к нему на службу.

За несколько лет Сьяваршан неоднократно отличался перед Франграсьном и обрел его благорасположение, так что туранский царь выдал за него свою дочь и даже подумывал о том, не передать ли Сьяваршану царство. Об этом прознал Керсевазда и решил оговорить Сьяваршана перед Франграсьном.

— О, как ты ошибаешься, царь! — стал он нашептывать Франграсьяну. — Ты думаешь, этот жалкий беглец верен тебе и благодарен? Нет. На самом деле он хочет того же, чего хотел Манушчихр — отомстить за убийство Арьи. Как только ты передашь ему власть, на следующий же день он предаст Туран мечу и разорению.

— Что ты такое говоришь? Не может этого быть! — отмахнулся Франграсьян.

— А за что его изгнали из Арьяна Вэджа? Он хотел свергнуть Кави Усана — вот за что. Теперь он хочет забрать власть у тебя. Предатели еста предатели, они неисправимы. Казни его, пока не поздно.

И сомнение стало точить сердце туранского царя. А что, если действительно Сьяваршан замыслил подчинить Кавиям туранские земли?.. И как ревнивцу не нужны поводы для ревности, потому что он ревнует и без всякого повода, так и Франграсьяну каждый шаг, каждая просьба Сьяваршана стали казаться подозрительными и двусмысленными. А Керсевазда продолжал нашептывать ему на ухо и наконец своего добился.

Узнав из вещего сна о своей скорой гибели, Сьяваршан дал прощальные наставления жене и под покровом ночи покинул Туран. Но как он ни настегивал коня, дружинники Франграсьяна, посланные в погоню, настигли его и предали казни.

Его сын, Кави Хаосрава, наследник царственной Хварны, родился уже после его гибели.

В «Шахнаме» Сиявуш — сын Кей Кавуса. Мать Сиявуша, красавица из рода Фаридуна, фигурирует в поэме безымянно; она бежала из дома от гнева отца-самодура, ее встретили в лесу и привели к царю два богатыря из дружины Кей Кавуса, и царь женился на ней.

Сиявуш, младенец, прекрасный, как пери, как священный кумир, рождается при неблагоприятном расположении небесных светил: рок сулит ему неисчислимые беды, и придворный звездочет-гадатель сообщает об этом царю. Рустам берет царевича на воспитание и обучает его воинскому искусству. Возмужав, Сиявуш возвращается под отчий кров.

Вскоре после этого умирает мать Сиявуша. Еще через некоторое время жена Кей Кавуса Судабе, воспылав к царевичу страстью, приглашает его тайком проникнуть в царский гарем, к ней, но Сиявуш в ответном послании через слугу гневно отвергает притязания мачехи. Судабе трижды хитростью заманивает Сиявуша в гарем и предлагает ему себя. Сиявуш остается непреклонен. Тогда Судабе, исцарапав себе лицо и изорвав одежды, криком созывает стражу и обвиняет царевича в том, что он ее домогался.

По некоторым косвенным данным можно предполагать, что в соответствующей зороастрийской легенде Кей Ус сразу поверил наговорам жены, и Сиявахш был с позором изгнан из Ирана. В «Шахнаме» же сюжет оброс множеством подробностей: *коварства жены Кей Кавус не постиг, / Узнав о случившемся, вспыхнул он вмиг*, однако волю гневу не дал, устроил Судабе и Сиявушу «очную ставку», догадался об обмане жены и не казнил ее единственно из боязни разжечь войну с Хамавераном (Йеменом) — ибо Судабе была дочерью хамаверанского царя. Тогда Судабе прибегает к колдовству, и постепенно ей удается заронить сомнение в сердце Кей Кавуса. Но Сиявуш доказывает свою правоту, пройдя испытание огнем. Царь не казнит коварную жену лишь благодаря заступничеству сына.

Между тем Афрасиаб снова идет войной на Иран, и Сиявуш выступает в поход. Из вещего сна Афрасиаб узнает, что, если только туранское войско сойдется с иранским в битве, туранцы будут разгромлены, а сам он убит. Афрасиаб спешит заключить мир, отправляет к Сиявушу караван с богатыми дарами и отдает туранских воинов Сиявушу в заложники. Иранские богатыри, посоветовавшись, принимают предложение Афрасиаба, Сиявуш дает клятву соблюдать мир и не причинять заложникам вреда, но Кей Кавус велит заложников казнить и немедленно начать войну. В споре он оскорбляет Рустама и Сиявуша. Боясь пойти на клятвopеступление, Сиявуш передает командование войском одному из иранских богатырей, а сам уходит в изгнание — в Туран и поступает на службу к Афрасиабу. Он неоднократно отличается перед Афрасиабом и обретает его благорасположение, так что туранский царь выдает за него свою дочь Ференгис и даже готов передать ему царство.

Сиявуш строит столицу Турана — горный город-крепость Канг (этот город упоминается в «Шахнаме» и ранее: там, в частности, про-

исходит первая встреча Сиявуша и Афрасиаба), которому нет равных по красоте и благополучию.

Снедаемый завистью царский брат Гарсиваз оговаривает Сиявуша перед Афрасиабом, будто тот вознамерился продолжить начатое Менучехром дело — вершить месть за Иреджа и готовится предать Туран мечу и разорению; а Сиявушу в то же время внушает, что Афрасиаб на него прогневался и намерен его казнить. Сиявуш, узнав из вещего сна о своей скорой гибели, дает прощальные наставления Ференгис, покидает Туран и вместе с дружиной держит путь к Ирану. Афрасиаб настигает беглеца, берет в плен, долго не решается казнить; велит заточить в темницу Ференгис, молящую пощадить мужа. Сиявуша по приказу Гарсиваза убивает брат Афрасиаба воин Горуй. Сын Висе Пиран, друг Сиявуша, освобождает Ференгис из заточения. Вскоре у нее рождается сын — Кей Хусроу.

В ту ночь, когда Хаосрава появился на свет, Франграсьян увидел вещий сон. Снилось ему кровавая битва туранцев с арийцами. Вдруг посреди поля брани возник высокий престол, на котором восседал царь. И все воины сразу побросали оружие и пали перед ним ниц.

Мрачнее тучи вышел Франграсьян утром из своего дворца. Он понял, что этой ночью родился грядущий царь, который покорит Туран. А когда ему доложили, что его дочь, вдова Сьяваршана, родила сына, он сразу все понял.

Но каким злодеем ни был Франграсьян, а на собственного внука у него рука не поднялась.

— Отнесите его в горы и отдайте на воспитание пастухам, — приказал царь. — Пусть растет, не ведая, кто он и откуда.

Уже семи лет от роду Хаосрава изумлял пастухов своей отвагой и недюжинной силой. Слава о маленьком богатыре дошла до Франграсьяна. Царь встревожился и велел привести мальчика к нему.

«Если молва верна, если Хаосрава действительно не по годам силен и умен, надо его убить, пока не поздно», — решил он.

Но мудрый старый пастух, наставник и воспитатель Хаосравы, понял, какую опасность таит в себе поездка к царю. Когда царские дружинники забирали мальчика, он успел ему шепнуть:

— Только не выказывай перед Франграсьяном ни ума, ни доблести! Иначе не сносить тебе головы.

Крепко запомнил Хаосрава это напутствие. Перед туранским царем предстал туповатый, трусоватый мальчонка, только и умевший, что дер-

жать в руках пастушеский хлыст. И о каком таком богатыре судачил народ? Этому, казалось, дай подзатыльник, и он сразу заплачет. Франграсьян совершенно успокоился:

— Такому не то что подвигов не совершить, он даже на грехи не способен!

И с легкой душой он отослал Хаосраву обратно в горы.

Всю юность Хасорава провел в счастливом безмятежном неведении, не зная, кто он.

Когда же он повзрослел и узнал, что он — потомок династии Кавиев и что отец его был подло убит предводителем туров, он решил покинуть Туран. Как и все его сиятельные предки — Парадата и Кавии, Хаосрава вознес молитву о помощи к благим язатам, дабы обрести их покровительство:

Вот так просил он Аши:

«Такую дай удачу

Ты мне, благая Аши,

Чтобы сумел убить я

Франграсьяна туранца

У озера Чайчаста

С глубокою водой,

Мстя за отца, коварно

Убитого Сьяваршана,

И за Аграэрату,

Туранского героя»¹.

Молился он и Ардвисуре, и Геуш Урван, и доблестному Вайю. Язаты Ахура Мазды осенили его благодатью. И он тронулся в путь.

Когда об этом донесли Франграсьяну, он пришел в ярость.

— Как?! Ведь я своими глазами видел этого несмышленища! Из такого не мог вырасти герой. Значит, он обманул меня уже тогда?! Обвел вокруг пальца!

И он послал в погоню за Хаосравой туранца Нэрэмана, прославленного воина и конника, а вместе с ним боевую дружину. Но Хаосрава предвидел такой оборот событий и поехал не по дороге, а напрямик через горы, так что с Нэрэманом и его воинами они попросту разминулись.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Благополучно добрался он до дворца Кави Усана, и старый царь торжественно передал престол внуку.

Во время коронации Хаосрава торжественно поклонился:

— Много веков туранцы несли зло в страны арийские. Но я положу этому конец. Я навсегда подчиню Туран и предаю казни убийц — Франграсьяна и Керсевазду!

Ответом ему был боевой клич воинов, воодушевленных его словами. На следующий день арийские мужи стали готовиться к походу.

Два армии сошлись у озера Чайчаста. Кави Хаосрава сам возглавил арийцев и во время битвы был на коне впереди всех, как и пристало герою. Туранское войско было разбито и сдалось на милость победителя. Франграсьян и Керсевазду с остатками своей дружины укрылись в горах, но ненадолго. Их укрытие взяли приступом, и оба злодея по приказу Хаосравы были обезглавлены. Сколько ни молил о пощаде Франграсьян, взывая к Хаосраве, что он его родной дед, царь остался непреклонен.

Всех победил могучий
Владыка Хаосрава.
Франграсьяна злодея
Связал и Керсевазду,
Мстя за отца, коварно
Убитого Сьяваршана,
И за Аграэрату,
Туранского героя¹.

Хаосрава царствовал шестьдесят лет. Благодаря Хварне, ниспосланной ему богом, и благословиению Гайомарта, которое он унаследовал, он совершил великое множество славных дел. Но более всего угодил он Ахура Мазде тем, что после победы над Франграсьяном двинул свои войска против идолопоклонников — неправедных друджвантов, живших у озера Чайчаста, и предал огню все их богомерзкие кумирни. В этом благом деле Хаосраве сопутствовал священный огонь Гушнасп. Давным-давно, еще во времена Тахма Урупи, когда люди переправлялись на спине быка Сарсаока из срединного каршвара в окраинные, священный огонь упал с алтаря и разделился натрое; возникли три сакральных огня зороастрий-

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

ской веры: Фробак, Гушнасп и Бурзин-Михр, — с той давней поры огонь Гушнасп горел в храме и поддерживал Истину до того дня, когда Хаосрава водрузил этот священный огонь на спину своего боевого коня и отправился к озеру Чайчаста громить дэвовские святилища. А когда дэвопоклонники были истреблены, доблестный царь водрузил огонь в храме у озера Чайчаста. С тех пор он там и подыхает на благо земле и всем арийским странам.

И еще Хаосрава воздвиг чудесные дворцы — подобные тем дворцам, которые воздвиг его предок Кави Усан на Хара Березайти. Семь стен было в ограде того дворца: из камня, из стали, из кристаллов, из серебра, из золота, из халцедона и из рубина. Сами дворцы были серебряными, башни — из чистого золота, а в стенах сверкали драгоценные камни. Семь судоходных рек омывали эту прекрасную землю.

Казалось бы, жить Хаосраве и радоваться. Но всякий, кто посмотрел бы царю в глаза, увидел бы там глубокую печаль. Тревожные думы стали одолевать Хаосраву. Он боялся, что его душой завладеет Ахриман и он ступит на путь греха. Ведь в жилах его текла не только кровь Парадата и Кавиев, но также и кровь нечестивого Франграсьяна, ахримановского приспешника, врага арийцев... Однажды царь повелел страже:

— Я на неделю запрусь в своем дворце и проведу эту неделю в молитвах. Никого не допускайте ко мне.

Через неделю он вышел из дворца и стал собираться в дальний путь. Сраоша, посланец Ахура Мазды, повелел ему покинуть этот мир навсегда. Дав прощальные напутствия своим приближенным, царь удалился в горы, и его больше не видели. Творец унес его к себе на небеса.

Так закончил свои земные дни Кави Хаосрава, самый праведный из царей.

В «Шахнаме» рождение Хусроу, прекрасного младенца, сопровождается чудесным знамением, явленным во сне Пирану. Афрасиаб, выслушав доклад Пирана, вспоминает о стародавнем предсказании, поведенном ему: *«...в мире кровавая вспыхнет война, / На землю великий владыка придет, <...> Он будет народами всеми любим, / Иран и Туран преклонятся пред ним»* — и велит Пирану отнести младенца в горы и отдать на воспитание пастухам: *«Там пусть вырастет, не зная, кто он, / И кем, и зачем скотоводам вручен, / О предках, о прошлом тогда вспоминать / Не станет, не сможет науки познать»*.

Уже семи лет от роду Хусроу изумляет пастухов своей отвагой и недюжинной силой: *...ныне и льва на охоте настичь / Ему не труднее, чем робкую дичь*. Пиран открывает юноше, что он — царского рода. Спустя некоторое время Афрасиаб велит Пирану привести Хусроу. Наученный Пираном, Хусроу не выказывает перед туранским царем ни смелости, ни мудрости, ни глубоких познаний; Афрасиаб успокаивается: *«Ни добрых он дел не свершит, ни грехов, / Нет, жаждущий мщения муж не таков!»* — и с легкой душой отсылает Хусроу.

Между тем до Кей Кавуса доходит весть о гибели Сиявуша. Прибывший во дворец Рустам открывает царю глаза на вероломство Судабе, казнит ее, после чего выступает в поход — мстить за Сиявуша, разбивает войско туранцев и повергает их в бегство. Афрасиаб с остатками армии отступает до моря Чин. Рустам воцаряется в Туране, но из боязни, что Афрасиаб может нагрянуть и захватить царство Кей Кавуса, который к тому времени сделался уже дряхлым и слабым, через семь лет принимает решение возвратиться в Иран. Однако путь свой он направляет сперва в Забулистан, к Залю, и покуда он там остается, туранская армия завоевывает Иран.

Один из иранских богатырей, Гудерз, из вещего сна узнает, что у Сиявуша есть сын Кей Хусроу; рассказывает об этом другому богатырю — Гиву; тот отправляется в Туран, находит Хусроу, и втроем, вместе с Ференгис, они покидают Туран. Пиран снаряжает погоню, вступает в поединок с Гивом; Гив пленяет Пирана, и туранцы в страхе отступают. Ференгис просит пощадить пленника. Связанного Пирана сажают на коня и отпускают восвояси.

Хусроу прибывает во дворец Кей Кавуса. Кавус принимает решение передать престол внуку (далее в поэме оба — Кавус и Хусроу — именуется «владыками Ирана»), однако Тус, ссылаясь на то, что, во-первых, Хусроу по материнской линии потомок Афрасиаба, а во-вторых, царство надлежит передавать не внуку, но сыну — Фериборзу, отказывается присягнуть Хусроу и не внемлет никаким уговорам. Происходит ссора Гудерза и Туса. Каждый из них обращается к Кавусу с речью, и Кавус принимает решение: отправить Фериборза и Хусроу в поход на крепость Бехман. Хусроу отличается при захвате крепости, и Кавус передает ему власть.

Царствование Кей Хусроу (как и в пехлевийской традиции) длится шестьдесят лет. *При нем справедливости время пришло, / Он*

с корнем исторг угнетенье и зло <...> Стране разоренной он дал расцвести, / Измученным людям — покой обрести. Вскоре после коронации Хусроу и Кавус приносят клятву отомстить Афрасиабу. В поход против Турана отправляется Тус. Иранцы терпят несколько поражений подряд от туранского войска, попадают в окружение, оказываются в бедственном положении, однако в решающей битве одерживают победу благодаря Рустаму.

Следующий поход на царство Афрасиаба возглавляет сам Кей Хусроу. После ряда сражений обе стороны договариваются об одиннадцати поединках богатырей. Гив повергает и пленяет Горуя, Гудерз убивает Пирана, и в остальных девяти поединках тоже побеждают иранцы. Хусроу с почетом хоронит Пирана, а убийцу Снявуша Горуя велит предать мучительным пыткам и затем казнить.

Туранское войско сдается Хусроу, но война продолжается. Открыленный победой царь предпринимает новый поход. Афрасиаб в своем послании увещевает внука заключить мир: «Гудерз и Кавус пусть воюют со мной, / Тебе ж не пристало — ты внук мой родной», но Хусроу остается непреклонен. После нескольких кровопролитных битв иранцы разбивают туранское войско, Хусроу настигает Афрасиаба и обезглавливает его, затем по его приказу палач казнит плененного Герсваза.

Вскоре после победы над туранцами умирает от старости Кей Кавус. Кей Хусроу передает туранский престол одному из сыновей Афрасиаба — Джехену, некоторое время спокойно царствует в Иране, но потом его начинают терзать опасения, что душой его завладеет Ахриман и он ступит на путь греха, ибо в жилах его — кровь нечестивого Афрасиаба. «Хотел бы я, взысканный щедро Творцом, / В расцвете предстать пред Небесным Отцом; / Быть может, он душу мою пред собой / Узрев непорочной и верной рабой, / Ей светлого рая откроет врата», — размышляет царь. Он приказывает страже никого к нему не допускать и неделю проводит в молитвах. Во сне ему является Суруш и велит поскорее раздать сокровища иранцам, передать царство Лохраспу, сыну Авзерда, и отправляться в дорогу: «Тебя вознесет милосердный Йездан / В тот край, что бессмертья лучом осиян». Выполнив этот наказ, Хусроу дает наставления иранским богатырям, удаляется в горы в сопровождении свиты и навсегда исчезает, а воины свиты, в числе которых были Гив и Фериборз, гибнут в горах при снежной буре.

Следующим после Хаосравы царем был Арватаспа, потомок Кави Каваты. Царствовал Арватаспа сто двадцать лет. На коронации он поклялся блюсти заветы Хаосравы и преуспел в этом. Нет, никакими подвигами он не прославился, и не строил чудесных дворцов, и не прокапывал каналов, как его предшественники. Просто он хорошо заботился о хозяйстве, помогал труженикам, судил по справедливости — и только. Но благодаря этому арийская земля расцвела.

Несколько сыновей было у него, и среди них — Виштаспа и Заривари, умные, доблестные юноши, больше всех любимые отцом.

А за двенадцать лет до конца его царствования содрогнулся в преисподней Тьме мерзостный Ахриман и затрепетали от ужаса все дэвы, какие были в Хванирате. Далекий потомок Манушчихра, Порушаспа из рода Спитамы, выжал золотой сок хаомы и обрел за это награду: у него родился замечательный сын. Появившись на свет, младенец не заплакал, а рассмеялся звонким счастливым смехом, и Порушаспа понял, что это божье знамение: сын его избран Ахурой для великих дел. Чудесного младенца нарекли Заратуштрой.

Истекли три тысячи лет с того дня, когда Ахриман вторгся в творение Ахуры и Добро смешалось со Злом. Наступила последняя Эра — Эра Разделения.

После смерти Арватаспы трон унаследовал Кави Виштаспа, его любимый сын, которому суждено было первым из земных царей принять учение великого пророка и оказать ему покровительство.

Пророк Ахура Мазды

Вот перечисление всей родословной Заратуштры:

Заратуштра был сыном Порушаспы.

Порушаспа был сыном Падирагтарáспа.

Падирагтарасп был сыном Уругадхáспа.

Уругдхасп был сыном Хаечада́спа.

Хаечадасп был сыном Чихшнúша.

Чихшнуш был сыном Паетрáспа.

Паетрасп был сыном Ареджадхáршна.

Ареджадхаршн был сыном Хардхáра.

Хардхар был сыном Спита́мы (среднеперс. Спитам).

Спитама был сыном Ваэди́шта.

Ваэдишт был сыном Ниязéма.

Ниязем был сыном Аири́ка.

Аирик был сыном Дурасроба.

Дурасроб был сыном Манушчихра, царя Ирана.

Имя матери Заратуштры было — Дугда; имя отца матери Заратуштры было — Фрахимрав.

Объяснение имени «Дукда» затруднительно; этимологически это авестийское слово «девица».

Огненной благодатью Хварны, ниспосылающей удачу, преуспеяние и отмечающей ее обладателей печатью богоизбранности, были осенены все предки Заратуштры.

Господь Ахура Мазда сотворил вещество, из которого в назначенный день должна была возникнуть плоть пророка. Хварна Кавиев пронизала это вещество и смешалась с ним — на то была воля его, Ахуры. Благой бог вознес вещество в царство Бесконечного Света; оттуда оно спустилось вниз, в сферу Солнца; затем — в сферу Луны; потом к неподвижным звездам и, наконец, — на Землю и вошло в священную стихию Ахура Мазды — в огонь. И когда жена Фрахимрава, беременная девочкой — будущей матерью Заратуштры, подошла к алтарю огня для молитвы, Хварна и священное вещество проникли в ее тело из света пламени.

С того дня в селении Фрахимрава стали происходить удивительные вещи. Сельчане заметили, что их алтарный огонь не гаснет, даже если в него не подкладывают дров. Глядя на это диво, они только разводили руками в недоумении, а потом всей толпой отправились к племенному Рату: так, мол, и так, огонь горит без дров, как нам понимать это знамение? Но мудрый Рату ничего не нашелся сказать и только посоветовал людям блюсти праведность и молиться — а там будь что будет, не в наших силах постичь высший промысел.

Вскоре жена Фрахимрава родила девочку. Сельчане, конечно, не придали этому событию никакого особенного значения. Жизнь в племени текла своим чередом, каждый занимался обычной повседневной работой. Но в стане дэвов начался переполох.

Будущей матери пророка дали имя Дукда.

Когда ей исполнилось пятнадцать лет, исчадия Злого Духа наслали на ее племя три бедствия — зимние холода, чумной мор и кочевников-друджвантов; сельчанам же они внушили, что дочь Фрахимрава — колдунья и беды наворожила — она.

Разъяренная толпа явилась к дому Фрахимрава. Потрясая палками, люди требовали, чтоб Фрахимрав убирался вместе со своей семьей вон из племени. Фрахимрав выслушал их и сказал так:

— Не может быть моя дочь колдуньей. Когда она родилась, а это было глубокой ночью, — все вокруг озарилось светом. Когда она дома приближается к очагу — огонь вспыхивает и пылает ярко, как солнце. Входя в темную комнату, она освещает ее. Я не знаю, почему она светится, но уверен: колдунья так сиять не может!

Это было очень убедительно, и стой перед сельчанами не дед Заратуштры, а кто-то другой, их гнев немедленно бы угас и они бы разошлись по домам. Но перед ними был Фрахимрав! Дэвы приложили все свои мерзкие силы, чтоб смутить их умы. И потому слова Фрахимрава их не убедили.

Ничего не оставалось делать Фрахимраву, как собрать пожитки и покинуть родину. Он отправился к Падирагтараспу, главе рода в племени потомков Спитамы.

* * *

А тем временем Ахура Мазда призвал к себе Воху Ману и спросил: — Блюдет ли Дукда Добрую Мысль? Если да, если чисты ее помыслы, праведны речи и преисполнены добра дела, то мы через нее можем произвести на свет Заратуштру.

Аша Вахишта и другие Амеша Спента заверили благого бога, что дочь Фрахимрава чиста помыслами, речами и делами. Аша Вахишта воскликнул:

— Благой Ахур! Назови нам то место на земле, где пророк обретет плоть. Ибо это место одному тебе ведомо.

— Это деревня наследников рода Спитамы, — сказал Ахура Мазда. — Но Заратуштра не может быть создан нами так же, как были созданы вода, земля, растения и животные: ведь он — особое наше творение, стоящее надо всем! Две сущности в нем: божественная и человеческая. Он еще не рожден, но уже пребывает в мире. Его фраваша в стволе Хаомы. Я поместил ее туда еще в начале творения.

Тогда Воху Мана и Аша Вахишта отправились на остров в океан Во-рукаша, где произрастала Хаома. Бессмертные Святые собрали молодые побеги Хаомы и отнесли их на родовое пастбище потомков Спита-мы, к высокому дереву.

На его вершине жили в своем гнезде две птицы. Это были очень несчастные птицы. Они мечтали вырастить птенцов, но дэвовские змеи семь лет назад пожрали все их потомство. С тех пор птица-самка больше не откладывала яиц, зная, что, как только птенцы вылупятся из скорлупы, змеи приползут опять и снова сожрут птенцов.

Увидев Бессмертных Святых — Воху Ману и Аша Вахишту, птицы взмолились перед ними, прося отдать им Хаому. Они верили, что прекрасное божественное растение защитит их от Зла.

«Отчего бы не помочь птицам? Ведь это не храфстра», — подумали Бессмертные и отдали птицам один из побегов, который они тут же отнесли в гнездо. И когда дэвовские змеи приползли снова, они не смогли проглотить птенцов — фраваша Заратуштры хранила гнездо и его обитатель. Обозленные гады поползли было к дэвам, чтобы попросить у них помощи. Но фраваша Заратуштры схватила их за челюсти — и змеи издохли.

А Воху Мана и Аша Вахишта полетели навстречу Фрахимраву и его семейству, чтобы возвестить Дукде о ее предназначении.

* * *

...По пути к селению Падирагтараспа Дукда остановилась посреди равнины. Никого не было вокруг — только лес, горы и небесная синь над головою. И вдруг раздался громopodobный голос:

— Не огорчайся, что навсегда покидаешь родину, о девица Дукда! Ступай в страну Спитамы, куда твой отец держит путь. Ибо ты прославишь ее и сделаешь святой землей ту деревню, где будешь жить.

Фрахимрав и его семья благополучно достигли владений Падирагтараспа. Дукду отдали замуж за сына Падирагтараспа — Порушаспу, и в день свадьбы Хварна осенила этого благородного мужа.

Эра смешения Добра и Зла близилась к концу...

* * *

Однажды Порушаспа отправился на берег Вахви Датии за водой. Бессмертные Святые заранее знали, каким путем он пойдет, и по их приказу Тиштрия пригнал в те края дождевую тучу и напитал всю землю обильным дождем. Расцвели и зазолотились побеги хаомы, посаженные

Бессмертными. Порушаспа еще издали увидел их, так они сверкали на солнце.

Он не знал, что такое хаома: он впервые видел ее. Решив, что это прекрасное растение воистину достойно Ахура Мазды, он срезал побеги, принес их в дом и сказал молодой жене:

— Дукда! Смотри, какое чудесное растение. Должно быть, у него замечательный вкус.

Затем он совершил очистительный обряд, облачился в чистое одеяние и выжал сок хаомы. Он смешал его с молоком — и получился чудесный пьянящий напиток, и в нем были заключены и духовная сущность Заратуштры, и вещество его тела.

* * *

А пока Порушаспа выжимал хаому, дэвы слетелись на совет.

— Бездельники! — ревел Ахриман. — Из этого напитка родится праведный Заратуштра и изничтожит нас! Кто-то должен воспрепятствовать его появлению на свет. Кто это будет?

Вызвался Кешмак, дэв-смерч:

— Я это сделаю! Я погублю Заратуштру прежде, чем он родится.

И он быстрее ветра помчался к дому Порушаспы.

* * *

Когда он прилетел, Дукда и Порушаспа уже выпили чудесный напиток и пребывали в благостном состоянии. Хаома опьянила их обоих, и они решили тут же зачать сына и обнялись. А вокруг них — за кустами около дома, под камнями и корягами, в горных пещерах — всюду кишели дэвы, которых они не видели. И эти дэвы издали крик:

— Зачем ты это делаешь, мерзостный Порушаспа?! Сейчас же прекрати и больше не смей прикасаться к ней!

Порушаспа и Дукда в смущении разомкнули объятия и огляделись. Но никого не было вокруг.

Они снова обнялись. И снова дэвы вскричали:

— Что ты делаешь, Порушаспа?! Не смей прикасаться к этой женщине, Порушаспа!

И опять они в смущении прекратили ласки, огляделись и никого не увидели.

И то же самое повторилось в третий раз. Порушаспа и Дукда рассердились и сказали друг другу:

— Завесим окна и не будем ни на что обращать внимания. Может быть, нам просто мерещатся эти голоса: ведь мы опьянены напитком.

И Заратуштра был зачат.

Тогда дэвы вознамерились уничтожить неродившегося пророка в утробе матери.

Они наслали на Дукду мучительные боли. Мерзкие исчадия надеялись, что Дукда обратится за помощью к колдуну — это будет грех; ну а колдун, их гадкий приспешник, по дэвовскому наущению даст Дукде смертельную отраву вместо лекарства.

Измучившись от болей, Дукда пошла в дом колдуна, как дэвы и считывали. Но ее остановил голос Ахура Мазды, прогремевший с небес:

— Куда ты идешь, праведная женщина? Знай: колдовское зелье нечестивых друджвантов — мерзость. Соверши очистительный обряд, омой руки и возрадууй алтарный огонь подношением ему чистых сухих дров — и ты исцелишься.

Дукда так и сделала. И боль ушла из ее тела.

За три дня до рождения Заратуштры небесным светом осветилось селение. И все поняли, что этот свет — от Ахура Мазды.

Мир ликовал. Звери и птицы на своем языке рассказывали друг другу о грядущем рождении пророка.

В ночь, когда должен был родиться Заратуштра, Ахриман созвал злейших дэвов из тех, что предводительствовали над прочими дэвами, и послал их в дом Порушаспы, приказав умертвить младенца сразу, как только он появится на свет. Но Хварна и Атар-Огонь окружили роженицу защитой, и дэвы не только не смогли причинить Дукде вреда, но даже приблизиться к дому не смогли. Сияние Огня и Хварны было для них невыносимо.

Тогда Ахриман призвал к себе Ака Ману, Злую Мысль, и сказал ему:

— Ты бестелесен. Проникни же в разум Заратуштры, когда он родится, и отрави его помыслы!

Всеведущий Ахура Мазда узнал об этом и послал Воху Ману на защиту новорожденного пророка. Добрый Помысел должен был уберечь Заратуштру от Помысла Злого.

Ака Мана подошел к двери Порушаспова дома, открыл ее и хотел войти внутрь. Но на пути у него стоял Воху Мана.

Дэв, уверенный, что Воху Мана затем прислан Творцом, чтобы не пропустить в дом Зло, приготовился к схватке с Добрым Помыслом. Но Воху Мана повернулся к нему спиной, отступил в сторону, давая дорогу, и сказал:

— Входи. Я тебе препятствовать не буду.

И Ака Мана, глупец, не разгадал хитрости! «Я опоздал! Раз уж сам Воху Мана позволяет мне войти в дом, значит, я не смогу причинить зла Заратуштре», — решил он и удалился прочь.

А Воху Мана подошел к ложу Дукды. Как только Заратуштра появился на свет, Воху Мана наполнил его разум добрыми мыслями, и от этого новорожденный малыш не заплакал, не закричал, как плачут и кричат все новорожденные, а звонко, счастливо рассмеялся.

Сидевшие подле роженицы семь повитух отпрянули в изумлении. А Порушаспа сказал:

— Это небесное знамение! Я видел божественный свет, который исходил от моего сына, когда он засмеялся.

И тут произошло второе чудо — малыш заговорил:

Как наилучший Господь,
Как наилучший Глава,
Давший по Истине дело
Мазде благое и власть,
Убогих поставив пасти¹.

Никто не понял этих слов — святых слов Ахуна Варьи. Повитухи и Порушаспа изумленно смотрели на малыша, закутанного в шерстяное овечье покрывало. Во всем мире только Ахура Мазда и Амеша Спента, а из дэвов один только Дух Зла знали, что новорожденный Заратуштра принял от Ахура Мазды веру — праведное зороастрийское учение и что с этой минуты началась последняя Эра — Эра Разделения.

А мерзостный Ахриман содрогнулся у себя в преисподней и возопил:

Вот так злодей бранился,
Тлетворный Ахриман:
«Все божества не в силах
Расправиться со мной,
Один лишь Заратуштра
Расправится со мной;

Он бьет меня молитвой
“Ахуна Варья” мощной,
Сражая, словно камнем
Величиною с дом;
Он жжет меня молитвой,

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

“Аша Вахнита”, словно
Расплавленный металл;
С земли меня сгоняет.
От одного бегу я
Спитамы Заратуштры!»¹

На следующий день Порушаспа отправился к семерым повитухам, которые принимали роды у Дукды, и спросил их:

— А какова же все-таки причина того, что люди, родившись, сперва плачут, а смеяться начинают гораздо позже?

И повитухи ответили отцу Заратуштры:

— Новорожденные плачут потому, что чувствуют: они грешны и смертны. А смеется и радуется тот, кто осознает собственную праведность.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

В селении, где родился Заратуштра, жили пятеро братьев-карапанов: Братру́хш, Братро́йшн, Братарвахш, Хазáн и Вадáсп. Они были потомками Кахварéдхи, родившегося от Манушак, сестры Манушчихра, и дэва Айшмы.

Главным противником Заратуштры суждено было стать Братарвахшу, третьему из братьев-карапанов.

У Порушаспы тоже было пятеро сыновей, и Заратуштра был третьим. Старшие братья Заратуштры носили имена Ратуштар и Рангуштар, имена младших братьев пророка были — Нотарига и Ниветиш.

Заратуштра не случайно был в середине — родился третьим по счету, — ведь он родился и в середине мировой истории: три тысячелетия мир существовал до него, и три тысячелетия оставалось миру существовать после его рождения. И по той же причине третьим сыном Кахваредхи был Братарвахш, будущий убийца пророка.

Заратуштру пытаются убить карапан Дурасроб

Прошло несколько дней.

Над малышом хлопотали няньки; Дукда, оправившаяся после родов, занималась домашним хозяйством; а Порушаспа бродил вокруг дома, погруженный в раздумья. Смех маленького Заратуштры и таинственные слова, которые он произнес, не давали ему покоя. Как истолковать эти знаки свыше? И вообще — божьи ли это знаки? А если дэвовские?.. В сердце Порушасы постепенно закрадывался страх.

И он отправился в соседнюю деревню, к карапану по имени Дурасроб, который был самым искусным колдуном в племени потомков Спитамы, и поведал ему о рождении Заратуштры и обо всех чудесах, при этом случившихся.

Радости карапана не было предела. Наивный отец, не ведая, что творит, положил перед ним святого младенца, и ему, Дурасробу, достаточно было протянуть лапы¹, чтоб умертвить Заратуштру — раздавить его нежную головку. И Дурасроб потянулся к малышу.

Но неведомая сила отвела его мерзостные лапы назад. Дурасроб разинул пасть, думая клыками прокусить головку малютки, — и опять у него ничего не вышло. Небеса хранили Заратуштру и не подпустили Дурасроба к нему.

Тогда Дурасроб распеленал Заратуштру и стал искать особые отметины на его теле — родинки или родимые пятна — отметины Ахримана,

¹ Ранее уже пояснялось, что в зороастрийских текстах по отношению к дэвам употребляется специальная сниженная лексика.

наложенные на смертных. Вдруг малыш стал весь лучиться сиянием. Порушаспа испугался, запеленал сына и унес домой.

Весь день обозленный карапан бормотал свои колдовские заклятия, призывал на помощь всех дэвов и к утру замутил разум Порушаспы. Сам не понимая, что делает, ведомый дэвовским колдовством, он вернулся в дом Дурасроба и попросил умертвить Заратуштру.

Злодей не заставил упрашивать себя дважды. Он тотчас принес охапку сухих дров, бросил их в очаг и велел Порушаспе положить малыша сверху, на дровяную кучу.

Порушаспа так и сделал. Одурманенный отец и колдун сели подле и стали ждать, когда огонь в очаге разгорится.

Но огонь не охватывал сухих дров, принесенных злодеем. Пламя, мерцая, чуть теплилось в очаге. Дурасроб и Порушаспа прождали всю ночь. А на рассвете в дом колдуна ворвалась Дукда.

— Что ты делаешь, злодей! Будь ты проклят! — закричала она, схватила Заратуштру, прижала его к груди и убежала домой.

Минуло еще несколько дней. Разум к Порушаспе не возвращался, ибо колдун ежечасно повторял богомерзкие заклинания, чтобы удержать отца Заратуштры в своей власти. И Порушаспа снова явился в дом колдуна и снова попросил убить Заратуштру.

Без лишних слов Дурасроб выхватил ребенка из отцовских рук, вышел из дома и, отойдя немного, положил Заратуштру на узкую тропу, по которой каждый день ходило на водопой стадо быков. Колдун не сомневался, что быки растопчут младенца своими копытами и смешают его с пылью, так что даже останков будет не найти.

Злодей Дурасроб и Порушаспа уселись ждать в стороне. И вот земля задрожала, послышался топот копыт и мычание — стадо брело к водопою вслед за своим вожаком. Туча пыли, слившиеся в одно пятно бурые шкуры, лес рогов и давящая тяжелая поступь: бум! бум! бум! — считанные шаги отделяли уже быков от младенца, лежащего поперек тропы; а бык-вожак, почуяв близость воды, фыркнул ноздрями и прибавил шагу, со вскинутой головой и выпяченной вперед грудью, будто шел через кустарник напролом, — как вдруг из стада вырвался другой бык и галопом, точно боевой конь, забежал перед вожаком и встал над ребенком как вкопанный, телом загородив тропу.

Вожак гневно замычал. Но бык не двигался с места, и вожак, а вслед за ним остальные быки, свернули с тропы и побрели в обход, по обочине — так поток разливается, обтекая валун. Когда мимо проскакал последний

теленка и осела дорожная пыль, бык обошел Заратуштру и встал над ним с другой стороны — спиной к удалившемуся стаду.

Весь день этот бык бессменным стражем простоял над младенцем, и только когда стадо прошло обратно, снова обогнув его по обочине, он покинул свой пост и побрел вслед за всеми к селению. А на рассвете опять прибежала Дукда и унесла Заратуштру домой.

Не зная, что и подумать, скрежеща от досады своими дэвовскими челюстями, карапан Дурасроб положил младенца на пути конского табуна. И вся история повторилась точь-в-точь: один из коней обогнал вожак и простоял над Заратуштрой до вечера, пока табун не прошел обратно. И мать унесла домой целого и невредимого сына.

А помутившийся разумом Порушаспа все умолял и умолял карапана избавить его от сына. И вот что придумал карапан Дурасроб: он нашел в горах волчье логово и, когда волчица ушла на охоту, поубивал всех волчат. Он знал, что убивает своих собратьев: ведь волк — храфстровское животное и истребление волков угодно Ахуре, — но, право, стоило пожертвовать выводком храфстра во имя такой цели, как умерщвление пророка!.. Дурасроб оставил Заратуштру в логове, бросив его среди убитых волчат, и ушел, уверенный, что волчица, мстя за свое потомство, растерзает младенца.

Но не тут-то было! Волчица еще и приблизиться не успела к логову, как оглохла, ослепла и потеряла нюх, и вместо того чтобы вонзить клыки в Заратуштру, она стала облизывать своих волчат, не понимая, что они мертвы.

А тем временем няньки в доме переполошились, что хозяин унес сына и так долго не возвращается, хотя давно уже пора кормить малыша. Испугались и небожители. Воху Мана и Сраоша под утро послали к логову волчицы овцу. Овца накормила Заратуштру молоком, а после этого привела к волчьему логову Дукду. Дукда схватила Заратуштру на руки, прижала к сердцу и поклялась, что больше никогда и никому не отдаст своего любимого сына.

Больше Порушаспа не приходил к карапану Дурасробу. Потеряв надежду дождаться его, Дурасроб сам отправился в селение Порушаспы, а с ним — целая свита таких же злодейских колдунов. Когда они ступили на святую землю родины пророка, Дурасроб увидел над селением божественный свет Хварны и понял наконец, что Заратуштру им не убить. А карапан Братарвахш, бывший с ним, сказал:

— Я самый мудрый из карапанов в этой земле, мне открыты многие тайны, но Заратуштра мудрее меня и больше постиг, хотя ему и месяца

нет от рождения. Сам Воху Мана являлся этому младенцу и открыл ему Истину праведной веры. Во всех семи каршварах земли воцарится эта вера вскорости! И я не ведаю способа, как этому воспрепятствовать. Я уверен только в одном: пророка нам не убить.

Эти слова Братарвахша услышал из своего дома Порушаспа. Он быстро запряг коней в колесницу и погнал их навстречу карапанам. Поравнявшись с ними, Порушаспа осадил коней и спросил Братарвахша:

— Правильно ли я тебя понял, карапан Братарвахш, что мой маленький сын мудрее и могущественнее всех вас, мудрых и могущественных карапанов?

Карапан Братарвахш признал, что да, это так, и поведал Порушаспе грядущее:

— Я зрел своим мысленным взором сияние Заратуштры, — говорил он. — Это сияние пребывало и царило везде, возносилось до звезд, до Луны, до Солнца и до самого неба. Я узнал даже то, что земная жизнь закончится, но что будет в конце времен, мне не дано было узреть. А Заратуштре ведомо даже это. Ему все ведомо!.. И еще мне удалось узнать, что царь Кави Виштаспа примет его под свое покровительство.

Известна несколько отличная версия этого мифа. После рождения Заратуштры Порушаспа приглашает в дом одного из братьев-карапанов и просит осмотреть ребенка: нет ли на нем родимых пятен — отметин Ахримана. Карапан, якобы осматривая Заратуштру, пытается незаметно свернуть ему шею, но посланцы Ахура Мазды поражают руку карапана, и она отсыхает. В уплату за увечье карапан требует жизнь младенца. Порушаспа отдает ему Заратуштру — с тем, что он может поступить с ребенком по своей воле. Карапан бросает младенца под копыта быков, но быки не причиняют ему вреда, а Порушаспа находит сына на дороге и уносит домой. Карапан вновь забирает Заратуштру себе, кладет его сперва на пути конского табуна, потом бросает в огонь, потом относит в логово волчицы и оставляет там, — но кони обходят малыша, пламя не обжигает, а волчица останавливается перед логовом, испугавшись сияния Заратуштры. Ночью Воху Мана и Сраоша приводят к логову овцу и кормят Заратуштру овечьим молоком, а наутро приходит мать и уносит его, — и больше уже Порушаспа не отдает сына карапану.

Не смог колдун Дурасроб погубить праведного Заратуштру. Отчаявшись, он покинул родовые земли потомков Спитамы и семь лет не возвращался туда.

И все эти семь лет не было ему покоя. Пророк Ахура Мазды живет, здравствует; ближе и ближе знаменательный день, когда он провозгласит миру Истину, — сколь счастливый день для благих творений Ахуры, столь же горестный для порождений Ахримана!

И не утерпел злодей Дурасроб, вернулся в селение Порушаспы да еще привел с собой злодея Братарвахша. Карапаны хотели посмотреть, как живет семилетний Заратуштра, что делает.

Они сразу увидели и узнали его. Праведный мальчик вместе с другими детьми строил хижину. И карапаны решили испытать Заратуштру. С помощью заклинаний они помутили разум у ребятишек — так, что одни затеяли жестокую драку, а другие стали во весь голос восхвалять дэвов и поносить богов. Один только Заратуштра устоял перед колдовством нечестивцев. И одного его слова хватило, чтобы драчуны прекратили размахивать кулаками, а богохульники устыдились собственных речей..

Потерпев неудачу и на этот раз, Дурасроб и Братарвахш отправились в дом Порушаспы.

Порушаспа не узнал их: колдуны благоразумно приняли другое обличье. Поэтому он встретил гостей радушно и распорядился приготовить еду. Когда трапеза была закончена, Порушаспа попросил Дурасроба совершить благодарственную службу богам, которым тот поклоняется.

И тут Заратуштра — он уже вернулся домой к этому времени — во-
рвался в комнату и призвал отца не почитать богов, которым поклоняется
Дурасроб. Порушаспа стал спорить с сыном.

Далее в подлиннике следует спор сына с отцом, состоящий в основном
из совершенно непонятных намеков, не поддающихся истолкованию,
а иногда и прочтению.

Все были потрясены прозорливостью Заратуштры. Лютая злоба за-
кипела в сердцах карапанов. И Дурасроб так сказал сыну Порушаспы:
— Твой конец будет ужасен! Жаль только, что с этого дня наши пути
разойдутся, и — увы! — радость уничтожить тебя выпадет не мне,
а Братарвахшу.

— Приоткрывая завесу грядущего, — не дрогнув, возразил ему За-
ратуштра, — я не вижу, чтобы убийца испытывал радость. Однако я вижу
нечто иное. Еще не зайдет за горизонт солнце, как один из нас будет
лицезреть смерть другого.

Услышав это, карапан Дурасроб так и застыл на месте и простоял
в оцепенении столько, сколько десять кобылиц простояли бы, если б их
доил только один человек. Когда дар речи наконец вернулся к нему, он
дрожащим голосом повторил свою угрозу и услышал тот же ответ, слово
в слово. Ужас объял карапана. Сияясь постигнуть смысл того, что сказал
ему Заратуштра, он простоял недвижимым истуканом вдвое дольше —
столько, сколько двадцать кобылиц простояли бы, пока их доит один че-
ловек. После этого он повторил свою угрозу в третий раз, услышал тот
же ответ и стоял, онемев, до самого вечера.

Очнувшись, он взревел не своим голосом, требуя немедленно приве-
сти и запрячь в колесницу коня.

Коня привели. Дурасроб встал на колесницу, взял вожжи — и тут
произошло великое чудо: не успел он отъехать от дома Порушаспы, как
вдруг шкура его лопнула, кости стали ломаться, он упал с коня и рассы-
пался в прах.

Заратуштра встречается с Воху Маной

Когда Заратуштре исполнилось тридцать лет, ему явился Добрый Помысел — Воху Мана.

В тот судьбоносный для всего мира день Заратуштра отправился на реку за водой для приготовления хаомы. По отмели он отошел вброд подалее от берега, где вода чище и холодней, и вдруг увидел мужчину, который шел к нему навстречу по воде.

Это был Воху Мана. Заратуштре показалось, что ростом он — в три копья, поставленных друг на друга. Прекрасным, всезнающим, мудрым, осиянным божественной славой выглядел этот муж, и Заратуштра понял, что перед ним один из небожителей.

Заратуштра зачерпнул воды и пошел к берегу. Когда он ступил на сушу, Воху Мана встал перед ним и произнес:

— Кто ты?

— Я Заратуштра, из рода Спитама, — ответил Заратуштра Бесмертному Святому.

Тогда Воху Мана спросил:

— О Заратуштра Спитама! О чем твоя тревога и печаль в этой жизни? И к чему ты стремишься более всего? И каковы твои сокровенные чаяния?

— О праведности, — отвечивал Заратуштра, — о ней одной я радею. О ней моя тревога и печаль, к ней одной я стремлюсь. Я — искатель праведности.

— Знай же, — сказал тогда посланник Неба, — есть в этом мире праведность, и твоя забота о ней не тщетна. Я явился к тебе как воплощенная праведность. Я — Воху Мана, Благой Помысел. Но есть в этом мире Некто, Который превыше меня, — Творец Ахура Мазда.

И Воху Мана велел Заратуштре следовать за ним.

О праведности юного Заратуштры

Вот что гласит предание о праведности его желаний: когда Заратуштре было пятнадцать лет, четверо его братьев — сыновья Порушаспы — потребовали у отца, чтобы он вручил каждому долю наследства. После дележа прочего имущества наступил черед раздавать одежды. Порушаспа вынес из кладовой дорогие ткани и пояс в четыре пальца толщиной. Заратуштра выбрал себе пояс и тут же повязался им. На этот благочестивый выбор подвиг его Воху Мана, который вошел в его разум при рождении.

А о сострадании его к другим повествует предание, что была на родине Заратуштры река со столь быстрым и сильным течением, что ни женщина, ни старец не могли ее перейти вброд, а тем более переплыть. Семь старцев и женщин стояли на берегу возле бурлящего потока и не знали, не ведали, как им быть. Заратуштра пришел им на выручку. По его совету они встали друг за дружкой, крепко взялись за руки — получился мост; Заратуштра встал впереди и благополучно перевел всех через реку. И мост этот послужил прообразом моста Чинват, по которому праведники после смерти уходят на небеса, в царство Ахура Мазды.

А вот как любил он животных: корм в хозяйстве Порушаспы заготавливали не только для собственных стад, но подкармливали и чужих животных, и с особенной щедростью — в неурожайные годы, когда от голода животные до того доходили, что отъедали друг у друга хвосты.

А о том, сколь чужды были юному пророку Ахура Мазды греховные желания и чувства, о том, сколь ревностным он был блюстителем праведности, вот что известно: когда ему исполнилось двадцать лет, он, не

испросив разрешения у отца и у матери, ушел из дома странствовать по окрестным селениям и всюду, куда приходил, спрашивал напрямик:

— Кто наиболее привержен праведности и больше всех помогает беднякам?

— Младший сын Аурвайто-данга, туранец, — ответили ему. — Он каждый день жалует беднякам железный котел, высотой с лошадь, полный хлеб, молока и прочей пищи.

Тогда Заратуштра отправился туда, где жил сын Аурвайто-данга, и благодаря его заботам некоторые знатные люди стали кормить бедняков так же щедро, как их кормил сын Аурвайто-данга.

А о его сострадании и любви не только к роду людскому, но также ко всем прочим творениям предание гласит, что однажды увидел он собаку с пятью щенками, которая уже три дня не получала ни крошки еды. Вся она была истощена, силы ее были на исходе, только и хватало их, чтобы жалобно заглядывать в глаза всем проходившим мимо и открывать рот. Заратуштра, увидев несчастную собаку, стремглав побежал домой за хлебом. Но когда он вернулся, собака уже умерла.

А о том, сколь он был озабочен, чтобы ему досталась хорошая жена, и при этом выбор его не был бы вопреки воле родителей, сообщает предание, что когда отец его искал ему жену и приводил девушек на смотрины, Заратуштра каждый раз говорил:

— Покажи мне свое лицо, дева. Я хочу видеть, каково оно — привлекательно или отвратительно.

И когда девушка отворачивалась в испуге¹, Заратуштра говорил:

— Кто отворачивает от меня взгляд, того я чтить не могу.

А о том, как умел он различать, что праведно, а что греховно, тоже есть предание, вот оно: однажды Заратуштра пришел на собрание людей, которые слыли в тех краях самыми мудрыми и знающими, и задал вопрос: «Что лучше всего для души?» Ему ответили: «Заботиться о бедняках, давать корм скоту, приносить дрова для огня, выжимать хаому и почитать дэвов священными словами и пением гимнов». Тогда Заратуштра позаботился о бедных, накормил скот, принес дрова для огня и выжал хаому, смешав ее сок с водой, — а дэвов никогда и нигде не почитал Заратуштра.

¹ Эпизод явно мусульманского происхождения: у иранских женщин не было обычая закрывать лицо паранджой.

Первая встреча с Бессмертными Святыми

Воху Мана сказал Заратуштре:

— Ступай за мной, Заратуштра праведный, на собрание Бессмертных Святых!

И они пошли: Заратуштра позади, Воху Мана впереди, указуя путь.

Чтоб не отстать от небожителя, Заратуштре приходилось делать девяносто шагов, в то время как Воху Мана делал только девять шагов. И вот наконец он узрел семерых Амеша Спента.

Когда Заратуштра приблизился к ним, он не увидел своей собственной тени на земле — столь ярким было сияние Бессмертных Святых.

Они пребывали в Арьяна Вэджа, на берегу Вахви Датии. Спитама Заратуштра воздал хвалу Ахура Мазде, громким возгласом восславил Амеша Спента, после чего прошел вперед и сел на место, специально приготовленное для него.

Святые показали ему знаком: спрашивай! И Заратуштра спросил Ахура Мазду:

— В этом мире что наиболее совершенно во-первых, что — во-вторых и что — в-третьих?

— Во-первых — добрые помыслы, — ответил Ахура Мазда. — Во-вторых — добрые речи. И в-третьих — добрые дела.

— Что есть благо, что еще благостней и что благостнее всего? — вняв ответу Ахура Мазды, снова обратился с вопросом пророк и услышал из уст великого бога:

— Имена Амеша Спента — благо. Вид их — еще благодней. А исполнение их заветов и наставлений — вот что благоднее всего, — отвечивал верховный бог. — Спрашивай еще.

И Заратуштра стал спрашивать.

Спросил Ахура Мазду Спитама Заратуштра:
«Скажи мне, Дух Святейший, Создатель жизни плотской,
Что из Святого Слова и самое могучее,
И самое победное, и наиблагодатное,
Что действенной всего?»

И что победоноснее, и что всего целебнее,
Что сокрушает больше вражду людей и дэвов?
Что в этом плотском мире есть мысль проникновенная,
Что в этом мире плотском — Отдохновенный Дух?»

Ахура Мазда молвил: «Мое то будет имя,
Спитама Заратуштра, Святых Бессмертных имя, —
Из слов святой молитвы оно всего мощнее,
Оно всего победнее, и наиблагодатнее,
И действенной всего».

<...>

Молись мне, Заратуштра, и днем молись, и ночью,
Свершая возлиянья, как это подобает.
Я, сам Ахура Мазда, приду тогда на помощь,
Придет и добрый Сраоша. Придут тебе на помощь
И Воды, и Растенья, и праведных фраваша»¹.

— Сколько же имен у тебя? — спросил Заратуштра.

— Двадцать одно имя, — ответил Творец. — Столько, сколько слов в священной молитве Ахуна Варья.

«Кто в этом плотском мире, Спитама Заратуштра,
Все имена изустно промолвит днем ли, ночью,
Промолвит ли вставая, промолвит ли ложась,
Из дома уходя, из рода уходя,
Страну ли покидая иль приходя в страну, —

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Того не одолеют ни в этот день, ни ночью
 Всех Яростью гонимых зломыслящих орудья,
 Ни молоты, ни стрелы, ни копыя, ни булавы,
 И камни не сразят»¹.

И Ахура Мазда поведал пророку о том, что было в начале творения.

— Я предложил Ахриману отказаться от Зла и служить Добру, — рассказывал бог своему пророку, — но злодей отверг мое предложение. Он объявил мне войну. И с тех пор мы сражаемся с ним в этом мире. Точно так же и каждый человек должен сперва сделать выбор между мною и Ахриманом, а потом всю жизнь сражаться на стороне одного из воинств — дэвовского или ахуровского.

Произнеся эти слова, Творец явил пророку Заратуштре свой Божественный Разум — так, что Заратуштра лицезрел его во всем блеске и великолепии. Ему открылось, что Небеса противостоят царству Бесконечной Тьмы — обителицу Ахримана. И столь велик и всеобъемлющ был Божественный Разум Ахура Мазды, что вверх он простирался до купола небес, вниз — до морского дна, а в стороны — до краев неба.

Затем Амеша Спента торжественно посвятили Заратуштру в таинства истинной веры, открывшейся ему.

Сперва Заратуштра, повторяя заповедь Ахуры: «благие помыслы, благие слова, благие дела», прошел сквозь пылающий огонь — и огонь не причинил ему вреда.

Потом на грудь Заратуштре вылили чашу расплавленного металла. Когда металл стал застывать, пророк взял его руками и вручил Бессмертным Святым. И сказал Ахура Мазда:

— После того как восторжествует вера маздаяснийская, если только в ней случится раскол или закрадется какая-нибудь ересь, подлинные твои последователи, о Заратуштра праведный, пройдут через страшные испытания и еще крепче уверуют, что правота и Истина на твоей стороне. Когда же завершится мировая история, праведники и грешники должны будут пройти через пламя и потоки расплавленного металла — точно так же, как ты только что прошел сквозь огонь и металл. Праведники останутся целы и невредимы. Но дэвопоклонникам и друджвантам испытания не пройти, они сгорят и навеки канут в небытие.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Сокровенный смысл Ахуна Варья

— О великий Ахура Мазда, благой бог, Творец мира! — воскликнул Заратуштра. — Открой мне самые святые слова на этой земле. Слова, которые существовали прежде небес и прежде воды, прежде земли и прежде скота, прежде растений и прежде огня, и прежде человека праведного, и прежде дэвов и храфстра, и прежде всего мира, и даже прежде всех твоих благих творений. Скажи мне слова молитвы, которые заключают в себе Истину.

Ответил Ахура Мазда:

— Это слова молитвы Ахуна Варья, о Спитама Заратуштра. Эту молитву я произносил в начале творения, еще до того, как был создан мир и все живое в нем. Вот эти слова:

Как наилучший Господь,
Как наилучший Глава,
Давший по Истине дело
Мазде благое и власть,
Убогих поставив пасти¹.

— И кто в этом мире, о верный Заратуштра, — продолжал Ахура Мазда, — произнесет Ахуна Варью мысленно, а затем повторит ее вслух, размеренно, правильно выделяя слова голосом и не сбиваясь с ритма песнопения, все громче и громче, — того я после смерти проведу в обитель

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

вечного блаженства праведников — царство Бесконечного Света и Амеша Спента. Но горе тому, кто, произнося слова этой святой молитвы, пропустит хоть одну ее часть! Душу того я, Ахура Мазда, исторгну прочь из небесного мира. Ибо эти святые слова — лучшее из всего, что произошло, произносится и что будет произноситься когда-либо на земле! Я изрек их, чтобы их запомнили и неустанно повторяли ради Лучшей Истины.

Первыми двумя фразами — *«Как наилучший Господь, как наилучший Глава»* — молящийся признает меня, Ахура Мазду, Творцом и царем мира, духовным владыкой-Рату, стоящим превыше всего и всех, величайшим. Когда он произносит третью фразу — *«Давший по Истине дело»*, — он тем самым признает, что все благодное исходит от меня. Следующей фразой — *«Мазде благое и власть»* — молящийся взывает о наступлении моего царствия в мире. И пятой, заключительной фразой — *«Убогих поставив пасты»* — маздаясниец признает меня, Ахуру, пастырем бедных и праведных.

О ритуальной чистоте и об изгнании трупной скверны

Смерть человека считалась у зороастрийцев результатом зловредной деятельности дэвов, независимо от того, наступала ли она от старости, от болезни или в результате несчастного случая. Считалось, что как только душа покидает тело, в тело вселяется дэв трупной скверны Насу, прилетающая с севера в облике мухи. Она поражает «скверной» все, с чем соприкасался покойный — вещи, одежду, предметы, а также родственников и присутствующих. Все, что подверглось осквернению, должно было быть очищено. Различного рода очистительные ритуалы, молитвы и омовения занимают в зороастризме одно из центральных мест. Им посвящен почти весь Видевдат. Описания ритуалов в Видевдате излагаются в форме вопросов Заратуштры и ответов Ахура Мазды. Далее приводится пересказ фрагмента, посвященного зороастрийскому погребальному обряду.

Непонятно, какими обрядами должны были сопровождаться у зороастрийцев массовые похороны, когда исполнение сложных предписаний было невозможно в силу объективных причин — например, во время войны, на поле сражения после битвы. Несомненно только, что для подобных ситуаций был предусмотрен (или даже импровизировался) некий упрощенный, «компромиссный» вариант ритуала. По-видимому, в некоторых случаях трупы закапывали в землю, каким-то образом «изолировав» мертвую плоть от священной стихии земли (например, засыпав дно ямы известью или сухой глиной).

— О Ахура Мазда! — спросил Заратуштра. — Что надлежит делать людям, если в доме умрет человек или собака?

Ахура Мазда ответил:

— Пусть они разыщут высокое каменистое место, отнесут покойника туда и оставят мертвое тело на съедение диким зверям и диким птицам. Двое праведных мужей должны донага раздеться и в таком виде привязать труп веревками к камням, дабы звери не оттащили его к земле или к воде. После этого они должны трижды омыться: сначала коровьей мочой, а потом водой.

— По пути, по которому проносят мертвых собак и мертвых людей, — продолжал наставлять Заратуштра Мазда, — никому проходить не дозволяется: ни людям, ни скоту; ни барсмана там проносить нельзя, ни огня. Только не относится этот запрет к собакам — ибо дэв трупной скверны Насу не выносит собачьего взгляда и не поражает это благое животное. Собаку, белую, желтоухую, с черными пятнами над глазами, пусть трижды проведут по этому пути. Насу не вынесет этого и улетит обратно на дэвовский север. Потом пусть пройдет по этому пути жрец и воспоет победоносные слова — сначала слова Ахуна Варьи, а после такие:

Кого Ты на защиту
 Поставишь мне, о Мазда,
 Когда меня лукавый
 Замыслил погубить?
 Кого, как не Огонь Твой
 И Мысль Твою [Благую],
 Удел которых Истину,
 О Господи, плодить!
 Наставь меня учением,
 По вере мне подай!

Кому разбить преграды,
 Твоим храня ученьем
 Мне в доме домочадцев?
 Кто жизни исцелитель?
 Открой же Судию!
 Тому Благою Мыслью
 Придут пусть к Послушанью,
 К кому велишь, о Мазда¹.

¹ Перевод В. Ю. Крюковой.

После этого вольны люди по этому пути ходить сами, проводить скот и проносить огонь.

— И да не понесет никто в одиночку мертвого! — предупредил Ахура Мазда. — А если понесет один мертвого, до кончиков ногтей он будет поражен тогда трупной скверной, и не очиститься ему после этого во веки веков.

— О Создатель мира! — продолжал спрашивать Заратуштра. — Кто одежду оставит на покойнике, какое тому наказание?

— Это грех, — ответил Ахура. — Это греховная пустая трата одежды. Праведный человек должен быть хозяйственным и бережливым. Повинному в таком грехе пусть нанесут четыреста ударов конской плетью сраоша-чарана.

— А как, о Ахура, очиститься от скверны тем двум маздаяснийцам, которые случайно наткнутся на мертвое тело — по лесу ли проходя, по полю, в горах или еще где-нибудь? Какие ритуалы им выполнить надлежит?

И бог дал такое наставление:

— Если обглодан был мертвец зверями и птицами, то пусть эти люди омоют свои тела коровьей мочой и водой, тогда очистятся. А если мертвец не был обглодан, пусть они трижды выроют три ямы и дважды омоются мочой, а на третий раз — водой. Сперва им надлежит вымыть руки, затем облить водой голову, а затем все тело.

Если же они наткнутся на труп в диком месте, где ни коров нет, ни людей, ни источников, они должны бежать прочь без оглядки — бежать и бежать до тех пор, пока не встретят человека. А как встретят его, пусть закричат громким голосом: «Мы на мертвое тело наткнулись — не ища того мыслью, не ища того словом, не ища того делом; помогите нам очиститься!» И если тот, кого они встретили, им не поможет, то весь их грех падет на него. А они после этого должны идти по домам и очиститься самостоятельно.

Выслушав это наставление, Заратуштра задал следующий вопрос:

— О Создатель мира и всего лучшего в нем! А какое же наказание тому, кто мертвеца огню предаст, как это делают нечестивцы в далекой Индии?

— Нет такому друджванту прощения! — ответил Ахура. — Его надлежит убить. А оскверненный огонь следует разложить на девять костров и над каждым из них сотворить молитву. Но пусть не тушат огонь, это великий грех. Ибо, даже оскверненный, огонь священен... Встань и ступай за мной, Заратуштра праведный! Я покажу тебе, насколько ценен огонь.

О ценности Огня и о прощении Керсасы

— Огненная стихия, — наставлял Творец своего пророка, пока они шли, — имеет бóльшую ценность, чем весь мир и все живые существа в нем. Я сотворил Огонь из собственного разума, а его сияние — из Бесконечного Света, в котором пребывают боги. Перед тем как сотворить мир, я держал совет со своими Святыми Бессмертными и язатами. На том совете присутствовал и Огонь. Огонь умолял оставить его среди небожителей и не создавать пламени на земле: ведь, говорил он, если будет создано пламя, люди станут неподобающим образом с ним обращаться, осквернять его и сжигать в нем мусор. Выслушав его жалобы, я сказал Бессмертным, что без огня мир существовать не может, и спросил, что, по их мнению, лучше: сотворить мир или оберечь Огонь? Бессмертные решили, что мир должен быть сотворен и, значит, нужно создать земное воплощение Огня — пламя Спеништа. Тогда я поклялся, что всякий, кто оскорбит огонь, попадет в ад... Мы пришли, Заратуштра. Мы в аду.

Заратуштра огляделся. Бескрайняя снежная пустыня простиралась во все стороны. По пояс проваливаясь в снег, бродили туда-сюда души умерших грешников. Они запоздало проклинали дэвов, сбивших их с праведного пути, и горько оплакивали свою участь.

— Керсаса! — позвал Ахура. — Повелеваю тебе предстать передо мной!

Одна из душ-теней появилась откуда-то из тьмы, подбежала к богу и распростерлась перед ним ниц.

— Неужели, — воскликнул Заратуштра, — неужели это тот самый Керсаса, величайший герой, который убил чудовище Сэрвару и дэва

Гандарву? Мой отец Порушаспа рассказывал мне о его подвигах. Неужели эта дрожащая от холода душа и есть душа величайшего воина?

— Да, — сказал Ахура, — это Керсаспа. Тело его спит беспробудным сном в долине Пешиянсай, а душа пребывает здесь, обреченная на муки холода и голода. Он оскорбил огонь. Ты знаешь эту историю: он ударил огонь палицей и потушил. Прощения Керсаспе нет.

— О Заратуштра праведный! — заплакала душа Самы-Керсасы. — Прошу, заступись за меня перед великим богом. Я клянусь...

— Отойди от нас прочь, душа Керсасы! — сурово оборвал Ахура. — Ибо ты мерзостен в моих глазах: ты оскорбил моего сына — Огонь-Атар!

— Прости меня, Ахура, и даруй мне воскресение, когда наступит конец мира! — взмолился великий герой. — Ведь я убил змея Сэрвару, пожиравшего коней и людей. Зубы его были величиной с мою руку, каждое ухо его было величиной в четырнадцать одеял, каждый глаз величиной с колесо, а его рога как ветвистые деревья. Целый день я бежал по его туловищу от хвоста к голове, только на закате дня добежал и убил чудовище. Если бы я не совершил этого подвига, Сэрвара уничтожил бы все твои творения и невозможным стало бы очищение мира в конце времен!

— Отойди от нас прочь, душа Керсасы! — сказал бог. — Ибо ты мерзостен в моих глазах: ты оскорбил моего сына — Огонь-Атар!

— Прости меня! — закричал Керсаспа в отчаянии. — Ведь я убил змея Гандарву! Если бы я не убил Гандарву, Ахриман восторжествовал бы над земным миром!.. Прости, Ахура, и пробуди мое тело ото сна в Судный день!

— Отойди от нас прочь! Ты мерзостен в моих глазах: ты оскорбил Огонь.

Бессмертные Святые, которые пребывали в это время в Гаронмане, слыша стенания Керсасы, не выдержали и разрыдались. Заплакал горькими слезами и Заратуштра: ему было жалко мужественного героя, томящегося в аду.

— О Ахура, — сказал пророк, — будь снисходителен к душе Керсасы. Ведь конечное очищение мира от Зла свершится благодаря ему. Прости его, Ахура!

Вдруг из адовой тьмы откуда ни возьмись вылетел Огонь. Он опустился перед Ахура Маздой и Заратуштрой и воскликнул:

— О Заратуштра праведный! Не заступайся за Керсаспу, не проси о нем великого Ахуру. Керсаспа греховен и прощения ему нет. Не место ему в Гаронмане среди нас, небожителей.

— А я не пушу Керсаспу в преисподний ад! — раздался другой голос, и следом из темноты навстречу Ахуре, Огню и Заратуштре вышла Геуш Урван, Душа Быка. — Он столько добра сделал для меня, что это добро искупает его грех, в котором он кается.

— Прости его, — сказал Заратуштра, обращаясь к Огню. — Обещаю тебе, что, когда я вернусь в мир, я всем людям накажу свято тебя чтить, — только прости Керсаспу!

Огонь ничего не сказал в ответ. Тогда Заратуштра спросил Ахуру:

— Кто будет первым, воскресшим из мертвых в конце времен?

— Керсаспа, — ответил великий бог.

— Если Керсаспа грешен, почему же он первым удостоится воскресения?

— О Заратуштра праведный, — сказал Мазда, — потому Керсаспа будет первым, кто воскреснет из мертвых, что, если бы не его подвиги, о которых он здесь упоминал, дэвы бы уничтожили все, что я сотворил. Не было бы ни огня, ни воды, ни хаомы, и ты бы тоже не родился на свет.

— Прости его, — сказал Заратуштра.

— О Ахура, допусти меня в Гаронману! — закричал Керсаспа. — Ведь я убил чудовищных великанов, которые были столь огромны телами, что, когда они шли, людям казалось, будто они головами достигают небес. И я одолел Вайю, которому дэвы внушили ложь, говоря, что я, Керсаспа, не чту его! Вайю набросился на меня, поверив клевете, но я одолел его. Прости мой грех, великий Ахура, и верни мне силу и победоносность, которыми я владел при жизни. Тогда, восстав из мертвых, я уничтожу Ажи Дахаку и спасу праведный мир.

Повисло долгое мучительное молчание. Все ждали решения великого бога.

— Ты прощен, — сказал наконец Ахура Мазда. — Ты нанес великий урон воинству Злого Духа — за это я вознесу тебя в Гаронману. Но воскреснешь ты только через три тысячи лет, а до тех пор твоё тело будет по-прежнему спать беспробудным сном на равнине Пешиянсай, а душа — томиться в аду.

Прощение греха Йимы

— Спрашивай, — сказал Заратуштре Ахура Мазда. — Что еще ты хочешь узнать?

— Покажи мне душу Йимы, — попросил Заратуштра. — Покажи мне блистательного Йиму, который был праведен, но не удержался на этом пути и впал в грех гордыни.

— Повернись к северу. Душа Йимы там.

Заратуштра повернулся и увидел Йиму. Йима стоял на коленях и калялся. Он был одет в нищенские лохмотья. Увидев Ахура Мазду, он задрожал от стыда и страха, но все-таки поднялся, приблизился к Творцу и его пророку и снова встал на колени.

— Перед тобой Йима, сын Вивахванта, — сказал Ахура. — Он был первым из людей, кому я явился. Я предложил ему стать пророком маздаяснийской веры, но он не внял моему зову. Это первый его грех. Я разгневался на него тогда, но все же простил его и даже сделал царем. Поначалу он был верен моим заветам и праведно управлял Хваниратой, а потом возомнил себя богом. Он вот какие лживые слова стал говорить: «Я сотворил воду, я сотворил землю, я сотворил растения, я сотворил Солнце, я сотворил Луну, я сотворил звезды и небеса». Из-за этой лжи Хварна и царственное величие покинули его, и дэвы завладели его душою. Он умер мучительнейшей смертью: его распилили заживо. И вот он здесь.

— Но что же этот Йима сделал для мира хорошего? — был следующий вопрос Заратуштры.

— Он построил ограду Вару и спас мир от потопа и зимы. Вот его главная заслуга. Но он не принял праведную религию.

И тут душа Йимы возопила, обращаясь к Заратуштре:

— Прими же ты веру ахуровскую! Не слушай ничего, что будут говорить тебе дэвы! Не иди стезей Ахримана! Смотри на меня: я не принял маздаяснийскую веру, вообразил, что я творец мира, — и вот что случилось со мной! Хварна покинула меня, я пал и очутился в преисподней... Знай, оно наступит, будущее существование для праведников; мир очистится от Зла и восторжествует Ахура Мазда!

Едва Йима произнес эти слова, грех его был прощен.

— Ты искупил свою вину, — сказал бог. — Теперь ты можешь покинуть дэвовский север. Ступай в южную сторону и будь там еще три тысячи лет, пока не воскреснешь.

О посмертных судьбах праведников и грешников

— О Творец! — спросил Заратуштра. — Что случается с людьми, когда они покидают мир? Какова судьба грешника в первые дни после смерти, пока он не попадет в ледяной ад? И какова судьба праведника?

— После того как скончается человек, — ответил Заратуштре Ахура Мазда, — злые дэвы собираются у его смертного ложа. А когда рассветет и засияет заря, когда на горы с чистым блеском взойдет победоносный Митра и блестящее Солнце станет пониматься, тогда, праведный Заратуштра, дэв по имени Визарш овладевает душою дурного человека и тащит ее на веревке к мосту судейского разбора.

Я сам создал этот мост у входа в потустороннюю обитель. Он называется Чинват — «переход-разлучитель». По этому мосту души праведников попадают на небеса, а грешники не могут пройти по нему и сваливаются вниз, в преисподнюю, ибо под их ногами он делается узким, как лезвие кинжала, а когда на него восходит праведник, мост становится широким, как дорога в царский дворец. Чем больше человек совершил в земной жизни грехов, тем уже становится Чинват под его ногами.

Когда к этому мосту судейского разбора, о непорочный Заратуштра, приходит душа человека, жившего праведно, ее сопровождает благовонный южный ветер. Навстречу душе выходит прекрасная юная дева. Это — Даэна, его Вера. Праведника она встречает в облике статной прекрасной девушки, а грешника — в облике отвратительной старухи. Спрашивает Даэну праведная душа:

«Кто ты, о прекраснейшая из девиц, каких я когда-либо лицезрел?»

«Я не девица, — отвечает ему Даэна, — я, о муж благомыслящий, благоговорящий, благодетствующий, благоверный, собственная твоя Вера. Ты жил праведной жизнью и правильно произносил слова всех молитв. Ты каждый день воспевал Ахуна Варью и Гаты. Своими добрыми мыслями, словами и делами ты сделал меня красавицей в царстве Ахура Мазды. Ступай же без страха на этот мост и пройди по нему в царство Бесконечного Света!»

И когда, о Заратуштра, праведник перейдет через этот мост, навстречу ему выходит другой праведник, который умер раньше, и говорит:

«Приветствую тебя, благомыслящий, благоговорящий и благодетствующий муж! Сколь велико будет твое блаженство!»

— А в Гаронмане, — продолжал Ахура Мазда, — встает навстречу праведнику со своего златозданного престола Воху Мана и говорит ему:

«Наконец-то, непорочный, пришел ты сюда к нам, из преходящего мира в мир, не знающий тлена!»

Исполненные блаженства души праведников подходят к Ахура Мазде, подходят к Бессмертным Святым, к златозданным престолом их. Идут они в Гаронману, в обиталище Ахура Мазды, в обиталище Бессмертных Святых, в обиталище других непорочных.

* * *

Выслушав бога, Заратуштра приступил к нему с новыми расспросами — на этот раз о судьбе грешной души:

— Ахура Мазда, святейший, Творец мира! Когда издыхает грешник, что происходит с его душой у моста судейского разбора?

— Когда издыхает грешник, — сказал Ахура Мазда, — мерзкая его душа бродит около тела и рыдает, прежде чем дэв Визарш накинёт ей на шею веревку и потащит к Чинвату. И куда бы ни повернулась она, мерзкая душа, в морду ее постоянно дует зловонный и холодный ветер, прилетевший из северных стран. А у моста судейского разбора выходит грешнику навстречу отвратительная, беззубая, лысая старуха.

«Кто ты, о старуха, сквернее и отвратительнее которой я никогда не видывал?» — спрашивает мерзостный грешник и получает такой ответ:

«Я не старуха, я — злые твои дела, о грешник зломыслящий, злоговорящий, злодействующий и зловерный. Это ты обесчестил меня и сделал такой презренной уродиной. Твоими злыми мыслями, словами и делами я опозорена навсегда! Ступай же на этот мост Чинват и низвергнись с него вниз, в бездонную тьму! Поделом тебе!»

И когда, о Заратуштра, мерзкая душа грешника попадет в ад, ей на встречу выйдет другой грешник, издохший раньше, и злорадно захочет:

«Ну наконец-то издох и ты, злодей! О, сколь ужасны будут твои мучения!»

— И после этого, — закончил свой рассказ Ахура Мазда, — хватает грешника Ахриман своими когтями и отдает на растерзание дэвам.

Заратуштра просит Ахуру о бессмертии

Заратуштра сказал:

— О Ахура Мазда! Сделай меня бессмертным!

Тогда Ахура Мазда наделил Заратуштру Божественным Разумом. Мысленному взору пророка предстало древо с четырьмя ветвями.

— Что означает это видение, о Ахура Мазда? — спросил изумленный Заратуштра. — Я вижу удивительное древо и четыре ветви на нем: одна золотая, другая серебряная, а две остальные — из стали и из железа.

— Корневище и ствол древа — это последняя Эра, которая наступила с твоим приходом в мир, о Заратуштра праведный, — отвечал Ахура Мазда своему пророку. — Четыре же ветви — это четыре периода, которые грядут. Золотая ветвь означает время после того, как ты примешь истинную веру. Тебе суждено снискать покровительство Кави Виштаспы и обратить этого царя и его супругу на путь Истины. Ветвь серебряная — это эпоха правления царя Артаксеркса. Стальная ветвь символизирует царствие Хосрова Аноширвана, сына Кавада. А железная ветвь — мрачное царствие приспешников кровожадного и незаконного Айшмы. Но все это случится, когда тебя уже не будет на свете.

Заратуштра понял, что благой бог отказал ему в бессмертии.

— Я не могу исполнить этой просьбы, — сказал пророку Ахура Мазда. — Если я сделаю тебя бессмертным, то и Братарвахш, карапан, которого Ахриман создал, чтобы он тебя убил, тоже сделается бессмертным. А если Братарвахш обретет бессмертие, то не состоится конечное очищение мира от Зла и будущее существование для праведников станет невозможным.

— Ты создал мир, ты создал воду, создал огонь, создал все, что есть на земле и во Вселенной, а сделать меня бессмертным не можешь! — воскликнул Заратуштра.

Тогда Ахура Мазда снова наделил пророка Разумом Божественным. Семь дней и семь ночей пребывал Заратуштра в чудесном сне. Ему открылись все тайны мироздания и все, что происходит в мире, во всех каршварах.

На седьмой день Ахура забрал Божественный Разум у пророка и вернул ему человеческий. Очнувшись, Заратуштра воскликнул:

— В сколь чудесном и сладостном сне я пребывал, о великий Ахура Мазда!

— И что же ты видел, что тебе открылось? — спросил пророка Творец.

— О Ахура, — сказал Заратуштра взволнованно. — Я зрел души неправедных богачей в преисподней и души праведных бедняков в Гаронмане. И еще я видел древо о семи ветвях. Ветви на нем были: золотая, серебряная, из бронзы, из меди, из олова, из стали и из железа.

— Ты уже зрел это древо в прошлый раз, и я разъяснил тебе, что оно означает, — сказал Ахура Мазда. — Но теперь на нем было уже семь ветвей вместо четырех. Запомни же мое пророчество.

Ахура Мазда пророчит о грядущем

— Золотая ветвь, — сказал Ахура Мазда, — это правление Виштаспы, который сокрушит дэвов и изгонит Ахримана во Тьму. Люди станут чтить растения и священные стихии — воду, огонь и землю. Серебряная ветвь — грядущее правление Артаксеркса. Бронзовая ветвь — правление Арташира, сына Папака из династии Сасанидов, и его сына Шапура. Восторжествуют Истина и вера при них, и в этом им поможет праведный жрец Атурпат, сын Махраспанда. Медная ветвь — царствие Ашкана. Ветвь оловянная — царствие Бахрама Гура, при котором Ахриман и колдуны сокроются во тьму. Стальная ветвь — царствие Хосрова Аноширвана, сына Кавада, который уничтожит злейшего еретика Маздака. И железная ветвь — царствие дэвов, приспешников Айшмы. С помощью колдовства они ворвутся с востока, воцарятся и учинят великие бедствия. Много будет убито маздаяснийцев, разрушено храмов и осквернено священных огней. Области превратятся в города, города — в деревни, деревни — в родовые поселения, а родовые поселения — в дома, где проживает только одна семья. Те, кто прежде были друзьями, сделаются лютыми врагами; родственники возненавидят друг друга и станут друг другу чужими; великий разлад случится меж людьми! Солнце будет меньше пребывать на небосклоне, дни сделаются короче на треть; земля станет скуднее родить, а по всем дорогам будут рыскать разбойники. Люди станут ниже ростом, их сила уменьшится, а дурные склонности в их душах сделаются необузданными. Будут осквернены священные стихии, ибо мертвецов станут обмывать водой и после этого закапывать в землю либо сжигать в пламени огня — и такое богомерзкое кощунство будет предпри-

сано законом. Жрецы будут чинить козни друг другу, умы маздаяснийцев смутятся ересями, благородные превратятся в идолопоклонников. Рабы станут властителями. Страшнее те далекие времена, чем тысячелетнее царствование Ажи Дахаки! Страшнее они, чем времена, когда правил ненавистный Франграсьян!.. Смерть будет великой удачей для живых.

— Вот пророчество о грядущих судьбах страны, — закончил Ахура Мазда. — Пусть люди изучают священные тексты, пусть изучают Авесту, ибо в те злодейские времена главной их заботой останется очищение души ради загробного блаженства.

— О Творец мира! — воскликнул потрясенный Заратуштра. — Но что же будет, когда минут те проклятые времена и кончится царствие дэвов? Как вновь восторжествуют маздаяснийцы и вера? И как праведникам удастся сокрушить Айшму и дэвов, насланных Духом Зла?

— О Заратуштра Спитама, — ответил Ахура Мазда, — после приспешников Айшмы явится новый дэв — дэв Шедаспих из страны, где некогда правил Сайрима, неправедный сын Траэтаоны. Алое оружие у его приспешников будет, алые дэвовские знамена и алые шлемы. Перед их нашествием Солнце, Луна и небесные светила явят предостерегающие знаки. Луна окрасится в разные цвета, начнутся землетрясения, ветры сделаются яростными как никогда.

Снова, о Заратуштра, бедствия обрушатся на маздаяснийскую землю. Айшмовские дэвы и приспешники Шедаспиха воинственны и кровожадны: трем великим битвам предначертано быть. Одна из этих битв уже состоялась при царе Кави Усане. Вторая битва случится, когда ты, о Заратуштра праведный, обратишь Вишгаспу, великого царя. Это будет битва за веру маздаяснийскую против дэвопоклонников-хионитов — против несметного войска Ареджатаспы. А третья битва состоится уже после тебя, когда в арийские земли нагрянут посланники кровожадного Айшмы, посланники Шедаспиха и нечестивые арабы. Последователям истинной веры придется покинуть родные места, ибо их будут преследовать, но они организуют поселения и там сохранят зерно веры и священный огонь. Когда же минет сто зим, наступит конец твоей эры, о Заратуштра Спитама, и в следующую эру ничто греховное из предшествующей не перейдет.

— Но если столь многочисленны будут дэвы, как же удастся их сокрушить? Какая сила изгонит их? — спросил Заратуштра.

— На это я вот что тебе отвечу, о Заратуштра верный, — сказал Ахура Мазда. — Как только приспешники Айшмы появятся на востоке,

из озера Кансава родится первый из Саошьянгов — Хушедар, твой сын. Он встретится со мною, великим Ахура Маздой. И тогда же родится божественный царевич из династии Кавиев.

— В ночь, когда родится этот царевич, — продолжал Ахура Мазда, — над местом его рождения с неба упадет звезда. Когда ему исполнится тридцать лет, он явится с бесчисленной армией, вооруженной победоносным оружием, и со множеством знамен. И как только планета Ормазд-Юпитер займет свое высшее положение на небосводе, а Анахид-Венера низойдет вниз, этот царевич станет властелином.

Приспешники Айшмы и приспешники Шедаспиха трижды сойдутся в битвах с воинством царевича. И воины царевича истребят столько дэвовских приспешников, что после этого на земле почти не останется мужчин. Как гибнут и исчезают растения с приходом холодной зимы, так же стремительно будут таять ряды дэвопоклонников.

— И что же произойдет дальше? — спросил Заратуштра.

— Сам Дух Зла придет им на помощь. Но я, Творец Ахура Мазда, пошлю Нарья Санху и Сраошу в крепость Кангху, которую построил Сьяваршан и которой суждено править Пешотану, сыну Кави Виштаспы. Мои посланники-язаты воззовут к Пешотану, дабы он встал на защиту творений Ахуры и священных стихий. Тогда Пешотану и сто пятьдесят его верных последователей выступят со словами: «хумата—хухта—хваршта» — «добрые помыслы, добрые речи, добрые дела», совершат священные ритуалы, предписанные религией, воспоют святы молитвы и воздадут почести сакральным огням. Затем Пешотану, сын Виштаспы, выступит при поддержке трех великих огней, имена которых — Фробак, Гушнасп и Бурзин-Михр. Он разрушит храмы идолопоклонников, сокрушит Айшму и его дэвов, и самого Злого Духа он тоже сокрушит, блистательный Пешотану. Когда это случится, я, Творец Ахура Мазда, в сопровождении Бессмертных Святых появлюсь на вершине Хукарьи и отдам язатам приказ прийти Пешотану на помощь. Митра широкопастбищный, Сраоша мощный, Рашну праведносудящий, Вертрагна могучий, Аши победоносная и Хварна маздаяснийской веры выступят единым строем — и дэвы взмолятся о пощаде. Но пощады не будет. Широкопастбищный Митра скажет им: «Истекли дни безнаказанного Зла, дни Ажи Дахаки, туранца Франграсьяна и проклятого Искандара!»

Ахриман обратится в бегство и скроется в своем преисподнем подземелье. А Митра повелит Пешотану завершить свою миссию — уничто-

жить дэвов и идолопоклоннические святилища. Тогда Пешотану и сто пятьдесят его верных последователей победно ее завершат. Закончится эра волка, и наступит эра овцы. Священные огни Фробак, Гушнасп и Бурзин-Михр вернутся на свои места, в храмы, где они пребывали и горели исстари.

— Вот мое пророчество, — закончил Ахура Мазда. — Когда кончится твоя эра, начнется эра первого Саошьянта — Хушедара.

Первые проповеди Заратуштры

Когда Заратуштра, осененный светом божественной Истины, возвратился после встречи с Творцом в родное селение, он сразу отправился на собрание жрецов-карапанов и там, перед племенными Рату и служителями богов, во весь голос воспел Ахуна Варью.

— Что это значит, Заратуштра? — изумились кавии. — Как понимать твои непонятные слова?

— Речь моя для тех, чья душа открыта Истине! — воскликнул пророк. — Я провозвещу вам правду о боге. Имя его — Ахура Мазда. Он исполнен добра и блеска.

— О каком таком боге ты говоришь? Имени, которое ты произнес, ни мы, ни наши деды и прадеды никогда не слышали.

— Так внимайте же! Я затем и послан, чтоб открыть вам это имя, как Господь Премудрый открыл его мне. Ахура Мазда существовал еще в начале времен, когда не было ничего — ни земли, ни воды, ни света. Была только пустота, и в ней пребывали двое — Добро и Зло, Ахура Мазда и Ахриман. Ахура предложил Ахриману отвратиться от Зла и служить Истине, но Ахриман выбрал Зло. Точно так же и каждый из вас должен решить для себя, кому он служит: Добру или мерзостным дэвам. Ибо многие из людей в действительности поклоняются дэвовским лжебогам, чьи идолы надо истреблять.

Кавии, Рату и карапаны вскрикнули, изумленные такой речью. А Заратуштра с еще большим воодушевлением воззвал к ним о приверженности праведности и о непочтении к дэвам.

— Молитесь Амеша Спента и отвратитесь помыслами, речами и делами от дэвов! Поучайте наших соплеменников о двух властелинах, об Ахуре и Ахримане! Уничтожьте алтари ваших лжебогов!

После этих слов Заратуштры карапаны и кавии бросились на пророка, схватили его и потребовали для него смерти. Но был среди тех карапанов и кавиев Аурвайто-данг, богатый и всеми чтимый. И этот Аурвайто-данг воспротивился.

— Вы не должны убивать этого человека, — сказал он. — Мне видится на нем печать богоизбранности. Он будет силен и могуч, а если вы убьете его, божественная благодать покинет нас, и на наш народ обрушатся все мыслимые и немыслимые несчастья.

Но карапаны и кавии настаивали, что Заратуштру надлежит предать смерти за его кощунственные слова. Аурвайто-дангу с трудом удалось утихомирить их.

— Вот, нашелся среди вас муж благоразумный! — сказал Заратуштра.

— Нет, Спитама Заратуштра, — сказал, обращаясь к пророку, Аурвайто-данг. — Я никогда не послушаюсь твоего призыва обратиться в новую веру. Ты даже не представляешь, сколько несчастий она тебе принесет. За твои кощунственные слова тебя изгонят из племени, и ты будешь скитаться по земле, нигде не находя пристанища. Всякий откажет тебе в крове. Лучше покайся и отрекись от своих слов, пока еще не поздно.

Тогда Заратуштра подступил к Аурвайто-дангу и вдохновенно заговорил:

— О Аурвайто-данг! Ахура Мазда, великий Творец всего сущего, спрашивал меня так: «О Заратуштра! Вот возвратишься ты от нас, Бессмертных Святых, в свой мир, в родное селение, — и кто же среди людей, тебя окружающих, кажется тебе самым благочестивым, но при том также могущественным и влиятельным?» И я ответил Творцу Ахура Мазде: «Это Аурвайто-данг Тур, о Ахура Мазда праведный». И Ахура Мазда сказал мне на это: «Его, о Заратуштра праведный, его, Аурвайто-данга, первым из смертных ты должен обратить в веру ахуровскую. Ибо этот влиятельный муж премного поспособствует делу укрепления истинной веры, и многие обратятся следом за ним. А если не внемлет Аурвайто-данг твоей речи и не пожелает обратиться в истинную веру, ты скажи ему так: “Ты совершаешь великий грех и достоин погибели, и прощения тебе после смерти нет”. Тебе, Аурвайто-данг, известно многое, о чем

не знают эти карапаны и кавии. Ты сам сказал, что на мне печать богоизбранности; значит, ты знаешь об Ахуре и Ахримане. Поэтому твой грех неприятия истинной веры тяжелее, нежели грех тех, кто об этой вере не ведает». Вот какие слова, о Аурвайто-данг, молвил мне Ахура Мазда. Одумайся, пока не поздно!

Сказав это, Заратуштра отвернулся от Аурвайто-данга и повернулся к другому карапану, Ведвойшту, который громче всех требовал для Заратуштры смерти.

— А про тебя, Ведвойшт, — продолжал Заратуштра свою боговдохновенную речь, — про тебя вот что узнал я от Ахуры во время вещего сна. Страшная участь ждет тебя у моста судейского разбора, если ты будешь упорствовать в своем грехе. Преисподний ад тебя ждет и вечное проклятие. Одумайся и сегодня же принеси Ахуре жертвы.

— Твои слова для меня — ничто! — презрительно ответил Ведвойшт. — Я сам себе божество! Богатства у меня больше, чем даже у твоего Ахуры! Я сам привык получать дары — скот и домашнюю птицу. Получать, а не подносить другим!

Заратуштра содрогнулся в душе от такого богохульства.

— До чего же ты надменен! Надменен и грешен безмерно. Страшное возмездие ожидает тебя за такие слова!

— Отпустите его сейчас, — сказал Аурвайто-данг. — Он не в себе и сам не понимает, что говорит. Вы же сами видите, что у него помутился разум. К лицу ли нам наказывать безумца, как если бы это был мудрый муж, отдающий себе отчет в своих поступках. Иди, Заратуштра, домой и ложись спать.

Пророк избежал смерти от рук соплеменников. Дэвы, видевшие это, сразу донесли обо всем Ахриману.

И Ахриман сразу примчался из северных каршваров, неистовствующий, полный смерти, дэв дэвов. И так сказал он, злодейский Ахриман, своему главному военачальнику:

— Друдж! Ступай, умори праведного Заратуштру!

Друдж, гибель коварная, злобная, в облике дэва Буити полетел к дому пророка и, когда тот приблизился, погруженный в праведные раздумья, вышел ему навстречу. Увидев его, Заратуштра воспел Ахуна Варью:

Как наилучший Господь,
Как наилучший Глава,
Давший по Истине дело
Мазде благое и власть,
Убогих поставив пасти¹.

И воскликнул, пропев молитву:

— Я славлю благие создания Ахуры! Я исповедую веру маздаяснийскую!

Пораженный, Друдж умчался назад, дэв Буити, гибель коварная, злобная. Он вернулся в обитель Злого Духа и сказал ему:

— Мучитель Ахриман! Не обрести мне для него гибели, для Спита-мы Заратуштры. Полон блеска праведный Заратуштра.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Тогда дэв дэвов полетел к Заратуштре сам.

— Отрекись от маздаяснийской веры, — сказал он пророку. — Отрекись — и обретешь счастье. Я сделаю тебя царем, могущественным и всесильным, богатым, утопающим в роскоши и в удовольствиях. Множество рабов и слуг будут исполнять каждое твое желание. Оно будет исполнено раньше, чем ты успеешь о нем помыслить. А не отречешься от веры — все мирские несчастья обрушатся на тебя.

— Я не отрекусь от доброй веры маздаяснийской, даже если бы и тело мое, и жизнь, и душа пошли врознь! — возвестил Заратуштра Ахриману. — А твои творения, дэвов злодейских и подлых, я поражу.

Ему возразил тлетворный Ахриман:

— Чем же ты поразишь дэвов? Каким оружием?

— Ступкою, чашею, хаомой и словом, изреченным Маздою — молитвой Ахуна Варья. Вот мое оружие, самое лучшее! Этим словом поражу, этим словом прогоню, этим оружием поражу твои создания, о злодейский Ахриман! Сотворил это оружие Святой Дух, сотворили его Амеша Спента.

Высказав Духу Зла эти гордые и гневные слова, преисполненный сознанием своей правоты, Заратуштра удалился в свой дом и, уединившись, до самого вечера молился своему великому наставнику, прося у него поддержки в противостоянии вселенскому Злу.

— Молюсь Ахура Мазде, Творцу праведного творения. Молюсь Митре, имеющему широкие пастбища, носящему божественное оружие, самое победоносное из оружий. Молюсь Сраоше праведному, держащему в руках булаву, направленную на дэвов. Молюсь Святой Молитве Ахуна Варья, сотворенной Маздой. Молюсь небосводу, где пребывают Амеша Спента, молюсь Вайю, язату небесному. Молюсь Огню Ахура Мазды. Молюсь святой прекрасной дочери Ахура Мазды, Спента Армайти. Молюсь Даэне, доброй Вере маздаяснийской, Закону Истины противодэвовскому.

А дэвы на своей мерзостной сходке слышали все эти слова и были в полном смятении. Что делать? В мир пришел праведный Заратуштра. Дэв Индра, дэв Шару, дэв Нахатя, дэвы Тарви и Заири, Айшма, страшный, злодеятельный дэв, дэв зимы, дэв старости Заурва, дэв Буити, дэв нищенства Дриви, дэв обмана Дави, дэв скудости Касви и дэв противоборства добру Патиш, которого сам Ахриман называл самым дэвовским дэвом из дэвов, ждали своего повелителя, когда он вернется назад от дома Заратуштры.

И вот злодейский Ахриман прилетел к ним на вершину горы Эрезура, полный смерти, и спросил:

— Что на сходке постановили вы, дэвы подлые, злодейские?

— Ничего мы не постановили! — сказал в сердцах Патиш. — Увы! К людям пришел праведный Заратуштра из дома Порушаспова. Где ему мы найдем гибель? Он — поражение дэвов, он — сопротивление дэвам, он — противодэв дэвам, низвергающий поклонников дэвов и Ложь.

И умчались дэвы подлые, злодейские в царство Бесконечной Тьмы.

Шесть встреч с Бессмертными Святыми

После первой встречи с небожителями, во время которой Заратуштра получил наставления от Ахуры, он за последующие десять лет встречался с Амеша Спента еще шесть раз.

Вторая его встреча была с Воху Маной. Она состоялась на горе Хукарья. Вместе с Воху Маной туда пришли ахуровские животные. Мазда в этот день наделил их способностью понимать язык людей и говорить человеческими словами. Рыб и подводную живность представляла на той встрече рыба Кара — страж острова Хаомы; животных, которые обитают в норах, — белый горностаи и куница; пернатых — Каршипта; был там заяц, который показывает лесным зверям дорогу к воде; а скот, созданный для пастбы и доения, представляла белая коза. И все эти животные приняли веру Мазды — настолько, насколько способен их разум. И через них Истина ахуровской веры передалась всему животному миру.

Встреча с Аша Вахиштой, Духом Огня, — третья встреча — состоялась в долине реки. На этой встрече Заратуштре было поведано о священной природе огненной стихии и о всех сакральных огнях зороастрийской религии.

На четвертой встрече Заратуштра узнал от Духа металлов Хшатра Варьи о защитных свойствах металлов и золота.

Покровительница земной стихии и всех семи каршваров Спента Армайти явилась Заратуштре весной и сама была подобна весне, которая нисходит на Вахви Датию. Армайти несла земле возрождение от смерти, буйный цвет, жизнь — и Заратуштре открылась святость земной стихии и ее покровительницы. Это была пятая встреча.

Шестая встреча состоялась на горе Аснаванд. Дух воды Харватат осенил Заратуштру знанием о святости водной стихии.

И последняя, седьмая встреча — с Духом растений Амертат, воплощением бессмертия, на которой Заратуштра узнал о том, как надлежит заботиться о растениях, была сперва на берегу Дареджа, потом на берегу Вахви Датии.

В одном из своих наставлений пророку Ахура Мазда сказал:

— Если явится к тебе кто-либо, о Заратуштра праведный, от моего имени и назовет себя ахуровским божеством, не верь ему сразу на слово! Огляди его с головы до ног, спереди и сзади, справа и слева. Знай: Амеша Спента для тебя являются не такими с виду, какими дэвы являются роду людскому. Амеша Спента невидимы и даруют духовные блага, дэвы же являются во плоти и соблазняют плотскими искушениями. Даже тебя, о Заратуштра праведный, они будут пыгаться соблазнить, даже тебя! Будь осторожен и бдителен. Близок час, когда на тебя набросится, дабы склонить ко греху, злокозненный дэв в облике женщины, златотелой и полногрудой; эта женщина-дэв окутает тебя чарами, чтобы навязаться тебе в помощницы. Не беседуй с ней и не имей никаких дел с этой женщиной-дэвом, пышнотелой и полногрудой; только воспой Ахуна Варью громким голосом, увидев ее и распознав!

Заратуштра накрепко запомнил эти слова Творца.

И вот явился к нему тот дэв в облике женщины, о котором Ахура Мазда предостерегал. Явился и сказал Заратуштре праведному:

— Я — Спента Армайти, Святая Земля, воплощение набожного благочестия.

— Ту, которая Спента Армайти, — молвил Заратуштра в ответ, — Святое Благочестие, Землю, сотворенную богом, — ее я хорошо разглядел при свете безоблачного дня. И та Спента Армайти увиделась мне прекрасной — вся с головы до ног, и спереди, и сзади, и справа, и слева. Ты прекрасна спереди, и лик твой красив, о незнакомка, но повернись

ко мне спиной, дабы мне убедиться, что ты действительно та, за кого себя выдаешь, — Бессмертная Святая Спента Армайти!

— О Спитама Заратуштра, — смутилась женщина-дэв, — знай: те из ахуровских божеств, которые имеют женскую сущность, сладостны для взора спереди, но сзади вид их ужасен! Не заставляй же меня поворачиваться к тебе спиной.

Но бдительный пророк твердо повторил свое требование — во второй раз, а потом и в третий. И ничего не оставалось делать посланнице Тьмы, как повернуться к Заратуштре спиной.

Едва она повернулась, у нее началась менструация, и кровь ее кишела змеями, лягушками, сороконожками, ящерицами и прочими храфстра.

Заратуштра поморщился от отвращения и громко произнес святые слова Ахуна Варьи — в точности как Творец мира учил его тому. И женщина-дэв сгнула туда, откуда пришла, — в преисподнюю Злого Духа.

Десять лет проповедовал Заратуштра ахуровскую веру в родном племени. Думы его были обращены только к Ахуре, озабочен он был только соблюдением праведности и постоянно вопрошал в мыслях великого бога:

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!

Может ли в благодарность за мое восхваление

Такой, как ты, открыться как другу такому, как я?

<...>

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!

Как будут заложены основы наилучшей жизни?

<...>

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!

Кто был изначальным отцом Арты [духа огня] при зарождении его?

Кто проложил путь Солнцу и звездам?

Кто заставляет Луну прибывать и убывать?

Это и многое другое, о Мазда, хочу я узнать!

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!

Кто водрузил землю на место и удерживает здание облаков?

<...>

Кто впряг в одну упряжку быстрых жеребцов с ветрами и облаками?

Кто был создателем Воху Маны, о Мазда?

Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!

Какой мастер сотворил свет и тьму?

Какой мастер сотворил сон и бодрствование,

Дабы разумному человеку напомнить о заботах его?
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Верно ли наставляю я? Для кого создан скот?
Кто научил сына почитать отца своего?
Как овладеть поучениями и словами правды?
Будет ли награжден приверженец правой веры?
Как избавиться от приверженцев Лжи?
Каким образом можно предать Зло в руки Арты, дабы оно
Повергнуто было ниц силою заклинания — Мантра?
Кому из двух воинств — Добра и Зла — даруешь ты победу?
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
Сие спрашиваю тебя, скажи мне правду, о Ахура!
<...>
Кто не отдает платы тому, кто заслужил ее,
И, сдержав слово свое, счел ее своей по праву,
Какое наказание следует ему уж сейчас?
Ибо, что уготовано ему в Конце, известно.
Видел ли кто-либо справедливое царствование дэвов?
Но об этом спрошу я приверженцев лживых карапанов и кавиев...¹

Через десять лет духовных исканий Заратуштра обратил проповедь к своему двоюродному брату Медйомаху. Медйомах внял словам пророка и стал первым его последователем.

На грани отчаяния пророк спросил Ахура Мазду в молитве:

— Один, только один человек стал последователем моим, о Ахура праведный, — и это за целых десять лет! Почему так?

Великий бог вновь вселил твердость в своего пророка, открыв ему завесу грядущего. Наступит время, сказал Творец, когда неисчислимым станет воинство последователей Заратуштры, приверженцев Истины.

Укрепившись в вере, Заратуштра вновь стал славить Ахуру:

Преисполненным святости признал я тебя!
Изначален ты и воздашь добром за добро и злом за зло.
Преисполненным святости признал я тебя!
Когда ты спросил меня: «Кто ты? С кем ты?» —
Я ответил: «Я — Заратуштра, последователь справедливости,

¹ Перевод И. С. Брагинского.

Недруг Лжи, тебя славословлю».
На твой вопрос: «На что ты решился?» —
Отвечу: «При каждом поклонении огню
Думать лишь о Наилучшем Распорядке [Арта]».
Научи же меня изречениям твоим!
Помоги мне силою Хшатры и Арты,
Когда вместе с теми, кто познал твои заклинания,
Хочу я восстать и изгнать осквернителей заветов твоих¹.

Но соплеменники по-прежнему не внимали словам Заратуштры. Когда он пытался говорить с ними о вере, они гнали его прочь.

И тогда, вняв наставлению Ахуры и Бессмертных Святых, Спитама Заратуштра покинул родину и отправился на чужбину.

Согласно поздней легенде, проповедническая деятельность Заратуштры была пресечена стараниями одного из карапанов, который, ради того чтобы дискредитировать учение пророка, подговорил своего соплеменника незаметно подложить в карман одеяния Заратуштры человеческие кости. Во время проповеди карапан заявил людям, что перед ними не вероучитель, а презренный переносчик трупов; эти слова были условным сигналом, по которому сообщник карапана порвал ткань на кармане у Заратуштры, и на землю упали кости и череп. Заратуштру схватили, связали и бросили в темницу; там ему не давали есть и пить, так что он обессилел и даже на время потерял зрение и слух. После этого он был изгнан из племени.

Но и на чужбине отовсюду гнали его лживые карапаны и кавии. Нигде не находил себе приюта несчастный изгнанник Заратуштра. Только Ахура Мазда, благой бог, был с ним, и пророк взывал к Мазде:

В какой земле мне укрыться, куда мне пойти укрыться?
Изгоняют меня от земляков и соплеменников,
Неблагосклонны ко мне и родовой союз,
И поклоняющиеся друждам правители страны.
Как мне добиться твоей благосклонности, о Мазда Ахура?
Знаю я, почему, о Мазда, нет мне успеха:

¹ Перевод И. С. Брагинского.

Мало у меня скота и мало людей.
Рыдаю я пред тобою, взгляни же, Ахура,
Поддержку ниспошли, какую друг дает другу!
Научи чрез Ашу, как приобрести Добрую Мысль!
Когда, о Мазда, придут солнечные восходы,
Дабы мир добыл себе Ашу?
Когда [придут] могущественные Спасители с мудрыми изречениями?
Кому на помощь придут они ради его Доброй Мысли?
Ко мне, ибо избран я тобою ради Истины, Ахура!
Тот сторонник дружей последователям Закона мешает
Разводить быка в стране и в области,
Мешает обладающий злою славой, мерзкий делами.
Кто лишит его царства, Мазда, или жизни,
Тот, шествуя впереди, да уготовит пути доброго учения.
<...>
Кого, о Мазда, дадут мне подобному в защитники,
Когда сторонник дружей соберется причинить мне насилие,
Кроме Огня твоего и Мысли твоей,
Делами которых созревает царство Закона?¹

¹ Перевод Е. Э. Бертельса.

И вот после всех скитаний и злоключений прибыл Заратуштра в царство Кави Виштаспы. Оказавшись во владениях этого великого царя, Заратуштра помолился Ардвисуре Анахите на берегу Вахви Дати.

Вот так просил он Ардви:
«Такую дай удачу,
Благая Ардвисура,
Чтоб сына Арватаспы,
Могучего Виштаспу
Наставил думать в вере,
И говорить по вере,
И действовать по ней»¹.

А благую Аши Заратуштра молил о том, чтобы она помогла ему обратиться жену Виштаспы, царицу Хутаосу. И богиня откликнулась на мольбу пророка.

И вот, обретя поддержку язатов, Заратуштра обратился с вдохновенной речью к царю, призывая его проклясть дэвов, поклониться благому богу Ахура Мазде и стать маздаяснийцем.

Виштаспа подумал, что к нему явился обыкновенный лжепророк-попрошайка, и презрительно ответил Заратуштре на его боговдохновенный призыв уверовать в Ахуру:

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

— Если тебе нужны лошади или что-то еще, возьми, что тебе нужно, и ступай прочь отсюда.

Заратуштру выгнали. Но через некоторое время он снова пришел к царю. На этот раз ответ Виштаспы был такой:

— Ладно. Будем считать, что я отдыхаю после еды и в качестве развлечения слушаю всякие небывлицы. В конце концов, не ты первый и не ты последний. Давай рассказывай, что там у тебя за новое учение.

И Заратуштра стал говорить.

И Виштаспа понял, что странник, пришедший к нему, послан Небесами и глаголет Истину.

Но сколь ни был мудр и духовен этот праведный царь, последователем Спитамы Заратуштры он стал не сразу. Карапаны и кавии из царского окружения стали убеждать Виштаспу, что в страну к ним прибыл никакой не божий пророк и провозвестник истинной веры ахуровской, а безумный смутьян, бесстыжий еретик и богохульник и что царь во избежание гнева небожителей должен немедленно предать его смерти.

И вот с согласия царя Заратуштре связали руки, забили ноги в колодки и бросили в темницу.

Мучительнейшие дни провел там пророк! Тело его терзали холод, голод и жажда — а ему не давали ни одежды, ни пищи, ни воды. Силы покинули Заратуштру. Связанный, с закрытыми глазами он лежал на каменном полу и шептал молитвы Ахура Мазде.

Выждав достаточный, как они считали, срок, — достаточный для того, чтобы умер от истощения самый дюжий из богатырей, — карапаны велели стражникам открыть темницу и вынести мертвое тело. И воистину неземным чудом им показалось, что Заратуштра был жив!

А когда пророк, все еще связанный, предстал перед царственным лицом Кави Виштаспы, произошло второе чудо. Израненное, истощенное тело Заратуштры на глазах у изумленных нечестивцев стало оживать, — и вскоре уже перед царем и его карапановской свитой дэвопоклонников стоял здоровый, полный жизненных сил благородный муж.

Словно пелена пала с глаз Виштаспы, и будто развеяло злой дурман, окутывавший разум его. Царь поверил, что перед ним истинный посланник бога.

Тут к Виштаспе спустились и посланники небес — Амеша Спента и Огонь Ахура Мазды — во всем блеске величия, сияя как солнце. Виштаспа и все, кто был с ним — весь его двор, карапаны и кавии, — задрожали от страха.

Но Атар, Огонь Ахура Мазды, сказал:

— Не бойся, Кави Виштаспа! Наше появление перед тобою вреда тебе не причинит. Амеша Спента пришли к тебе не как нечестивые кочевники, разбойники и убийцы, сеющие смерть! Мы несем благодать и Добро. И мы взываем к тебе: прими веру ахуровскую, заратуштровскую, истинную и единственную праведную, и да отвратится твой лик от дэвов, почитания не достойных!.. Если ты поклонись Ахура Мазде и примешь веру Заратуштры, мы даруем тебе долгое царствие и долгую жизнь — 150-летнюю жизнь на земле мы тебе даруем по воле Господа. И еще будет тебе дарован сын по имени Пешотану, который сделается бессмертным Рату, когда уйдет из мира плотского в мир Бесконечного Света... Если же, о Виштаспа, не примешь ты веру заратуштровскую, ахуровскую, если не отвратишь ты лик свой, и думы свои, и слова, и дела свои от дэвов, почитания не достойных, мы ниспошлем тебе ужасный конец.

Но даже после этого Виштаспа еще колебался! Нет, в сердце его уже не осталось места сомнениям, что дэвы и их карапаны — исчадия Зла, а Истину и праведность ему принес Заратуштра, ахуровский пречистый пророк. Его удерживало другое — страх. Он боялся, что, как только он объявит о своем обращении и при всем народе проклянет дэвов, кровавый Ареджатаспа, царь соседней страны хионитов, двинет свои полчища войной против его царства и погубит множество невинных людей и все его подданные на той войне сложат головы.

Ахура Мазда, всеведущий бог, знал об этих сомнениях царя. Надо было уверить Виштаспу, что в той войне его армия победит. Бог призвал своего вестника Нарья Санху и наказал ему:

— Лети, Нарья Санха, вестник, к царю Кави Виштаспе и скажи ему, чтобы он немедленно приготовил хаому, смешал ее с молоком и выпил.

Нарья Санха выполнил приказ бога. Едва Виштаспа пригубил волшебный напиток, он окреп душою и страх покинул его. Царь тут же обратился в новую веру, объявил себя последователем Спитамы Заратуштры и передал чашу жене, царице Хутаосе. Царица испила напиток и тоже обратилась в истинную веру.

Немало подивились в эту минуту жители всех семи каршваров. Огни в очагах их домов вдруг все разом вспыхнули ярко и заплясали, а потом пустился в пляс домашний скот — быки и коровы, — вот чудеса невиданные! Седые старцы не помнили подобного ни сами, ни из рассказов дедов и прадедов. А кто был в ту минуту в лесу или собирал хаому на горном склоне, тот видел, как танцуют дикие звери.

Вслед за царем и царицей в истинную веру обратились Асмо-хванва, царский брат конник Заривари и два выходца из знатного рода Хвова — Фрашаоштра и советник Виштаспы Джамаспа.

Потом маздаяснизм один за другим стали принимать все знатные мужи в царстве Кави Виштаспы, а следом стал обращаться и простой люд. Каждый обращавшийся проклинал дэвов и клялся соблюдать заповеди ахуровского учения:

«Считаю себя молящимся Мазде, заратуштровским, противодэвовским, учащим Ахуре, славящим Бессмертных Святых, молящимся Бессмертным Святых.

Ахура Мазде благому, благостному, все благо признаю праведному, лучезарному, благодатному. <...>

Отрекаюсь от единения со злыми, злобными, зловредными, пагубными дэвами, самыми лживыми, самыми тлетворными, самыми злополучными из всех существ, от дэвов и дэвовских, от чародеев и чародейных и от всех, кто насилует живущих, мыслями, словами, делами и обличьем отрекаюсь от единения со лживым, сокрушающим. <...>

Молящимся Мазде, заратуштровским, считаю себя прославлением и исповеданием. Славлюсь благомыслием мысли. Славлюсь благословием слова. Славлюсь благодеянием дела»¹.

Заратуштра был обласкан царем и окружен великим почетом. Он превосходил всех смертных не только в духовных знаниях. Во всех семи каршварах он лучше всех знал медицину, астрономию, и как вести хозяйство, и где какие реки и земли создал бог, и все очистительные ритуалы. Проповеди Заратуштры, его наставления и поучения людям были записаны золотыми буквами на специально подготовленных воловьих шкурах, и эта книга — Авеста — стала сводом всех высочайших достижений человеческой мудрости. Столь прозорлив был Заратуштра, что даже нашествие проклятого Искандара, дэвовского злодея, он предрек, и это тоже было записано в Авесте.

А дэвы выли от бессильной злобы. Теперь воинство Ахура Мазды будет множиться и множиться! Айшма, самый злой дэв из дэвов, опрометью понесся в страну хионитов, к Ареджатаспе. Он ворвался в страну Ареджатаспы стремительно, как смерч, и призвал хионитов идти на Виштаспу войной, чтобы уничтожить его царство.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Последователи и потомки Заратуштры

Пророк был дважды женат. Одна из его жен была *служащей*, а другая — *правлящей*.

В подлиннике двусмысленное место; возможно прочтение «имел двух жен». Некоторые источники, однако, упоминают трех жен Заратуштры.

«Правящей» жена считалась, если она выходила замуж девственницей с согласия родителей; она и ее дети принадлежали супругу и в этом мире, и в загробном. «Служащей» женой называлась второбрачная вдова; в загробном мире половина ее детей от второго брака (при условии, что первый брак не был бездетным) и она сама (в любом случае) переходили в собственность первого супруга.

Служащая жена родила ему двух сыновей — Урватат-нару и Хварачитру; правящая — сына Исад-вастру и трех дочерей — Френи, Трити и Поручисту.

Исад-вастра стал верховным жрецом маздаяснийской религии, Хварачитра — воином, а Урватат-нара — скотоводом. Трое сыновей пророка стали прародителями трех сословий — жрецов, воинов и скотоводов, воплотив в мире три качества самого Заратуштры, о котором в Авесте сказано, что он — «первый жрец, первый воин и первый скотовод».

Поручиста была отдана замуж за Джамаспу. Сам Кави Виштаспа присутствовал на свадьбе. Во время торжества Заратуштра произнес проповедь и дал дочери-невесте наставления, как подобает блюсти себя праведной женщине и жене.

А Френи и Трити стали великими поборницами маздаяснийской веры.

Через тридцать лет после того знаменательного дня, когда Заратуштре открылась Истина, через восемнадцать лет после обращения Виштаспы, за семнадцать лет до смерти пророка, которому в тот год исполнилось шестьдесят лет, на царство Виштаспы пошли войной злейшие со времен Франграсьяна друджепоклонники — хиониты. Их царя и вождя Ареджатаспу подвинули к этому Айшма и дэвы после обращения Виштаспы в ахуровскую веру.

Сперва Ареджатаспа отправил посольство. Колдун Видрафш и карапан Намхваст с отборным двадцатитысячным войском прибыли к Виштаспе.

Встретивший их Джамаспа вошел к царю и доложил:

— От Ареджатаспы, царя хионитов, пришли два посла, красивее которых нет во всем государстве хионитов. Один — колдун Видрафш, а другой — карапан Намхваст. С ними отборное двадцатитысячное войско. У них в руках письмо для тебя от Ареджатаспы.

Виштаспа приказал впустить хионитских послов. Они вошли, выказали почтение Виштаспе и отдали послание. Главный писец развернул его и зачитал:

Я слышал, что вы, господин, приняли маздаяснийскую веру. И если вы от этого пути не откажетесь, то нам от нее будет большой вред и беда. Но если вы, господин, изволите оставить святую веру, станете нашими единоверцами, то мы будем служить вам и давать вам год за годом много золота, серебра, хороших коней и царских

подарков. *А если вы не оставите эту веру и не станете нашими единоверцами, то мы нападём на вас: свежее — уничтожим, сухое — сожжём, животных и людей захватим в плен и заставим вас работать в тяжёлом рабстве.*

Виштаспа, когда услышал эти слова, опечалился и не ответил послам Ареджатаспы ничего. Тогда ответить вызвался Заривари. Царь дозволил ему говорить от своего имени, и смелый полководец так ответил на хионитское письмо:

От Виштаспы — Ареджатаспе, царю хионитов, привет!

Прежде всего: мы не оставим эту святую веру и не будем вашими единоверцами. Мы получили эту святую веру от Ахура Мазды и не оставим ее, хоть бы нам пришлось всем лечь костью и погибнуть. В следующем месяце мы сразимся с вами насмерть.

Встретимся в долине у леса, где нет ни высоких гор, ни глубоких озер, — на плоской равнине, удобной для сражения. Пусть решат исход битвы кони и смелые пехотинцы. И мы покажем вам, как будет убит дэв руками богов.

Главный писец скрепил послание царской печатью. Колдун Видрафш и карапан Намхваст приняли его, выказали почтение Виштаспе и ушли.

Когда они ушли, Виштаспа велел Заривари разжечь на горной вершине огонь и разослать по всей стране глашатаев, дабы они призвали всех мужчин взять оружие и встать на защиту заратуштровской веры.

— Кроме жрецов, которые почитают и охраняют воду и огонь, пусть никто, от десятилетних до восьмидесятилетних, не остается дома, — сказал царь. — Пускай этот мой приказ повсюду объявят глашатаи. Через месяц воины должны собраться здесь, у моего шатра. А если кто не придет, я прикажу его повесить.

Веление царя объявили, и мужи со всей страны откликнулись. Через месяц у походного шатра Виштаспы собралось войско такое многочисленное, что, когда был дан клич выступить, голоса воинов доносились до неба, а топот конских копыт сотрясал преисподнюю. А если встречалась на пути река и ее переходили вброд, поднималась такая муть со дна, что целый месяц нельзя было пить из той реки воду. Даже птицы не находили себе места, кроме как на головах коней, остриях копий и высоких

горных вершинах, — столь многочисленно было войско Виштаспы. От пыли и дыма не различались день и ночь.

Когда подошло время воинам спешиться и готовить ночлег, Виштаспа призвал к себе Джамаспу и сказал:

— Я знаю, что ты, Джамаспа, мудрец благоразумный, который может открыть завесу грядущего. Ты знаешь, что случится завтра в этой битве, кто из сыновей и братьев моих выживет, а кто умрет?

Джамаспа опустил голову.

— Знаю, царь.

— Так говори.

— Лучше бы я не родился от матери или, если родился, согласно своей судьбе умер бы в детстве! — воскликнул Джамаспа. — Лучше бы я был птицей и упал в море! Лучше бы вы, господин, не задавали мне этот вопрос! Но раз вы спросили, у меня нет другого выхода, кроме как сказать правду. Но я скажу ее лишь в том случае, если вы, господин, поклянетесь трижды — на мече, стреле и луке, что вы не прикажете меня казнить и не обрушите на меня гнев.

Виштаспа трижды поклялся, и Джамаспа продолжал:

— Хорошо тому, кто не родился от матери, или родился и сразу умер, или умер в детстве, не достигнув зрелости. Ибо завтра многие матери останутся без сыновей, многие сыновья без отцов, многие братья без братьев и многие замужние женщины без мужей. Много вернется быстрых арийских скакунов без всадников, среди хионитов будут искать они хозяйина и не найдут. И из твоих сыновей и братьев погибнут двадцать три человека.

Когда Виштаспа услышал эти слова, он упал с трона наземь. Потом он бросился на Джамаспу с мечом в правой руке и с кинжалом в левой, осыпая верного полководца оскорблениями, называя его сыном колдуньи-паирика и лжеца. Он выкрикивал в ярости:

— Сказанному тобой не бывать! И если бы я не поклялся Хварной Ахура Мазды, верой маздаяснийской и жизнью брата Заривари, то я бы вот этим самым мечом снес бы тебе голову за такие слова!

— Ты ошибаешься, царь, — отвечал Джамаспа. — Изволь, царь, подняться с земли и воссесть на престол. Случится то, что предписано роком, а я только глашатай неумолимой судьбы.

Но Виштаспа не поднялся и даже не посмотрел на него. Тогда богатыри из войска Виштаспы по очереди стали подходить к своему царю и торжественно клясться, что в завтрашнем бою они истребят мириады

хионитов. Заривари даже поклялся не оставить в живых ни одного хионита из войска Ареджатаспы.

Тогда Виштаспа воссел на трон и сказал:

— Не суждено сбыться твоему предсказанию, Джамаспа. Я велю построить медную крепость с железными воротами и запереть в ней моих сыновей и тех богатырей, которым ты напророчил гибель. Рука врага не коснется их!

— Но если ты сделаешь это, кто же тогда будет биться с хионитами? — возразил Джамаспа. — Ибо братья твои и сыновья — могучие герои. Без них тебе Ареджатаспу не одолеть.

— Сколько будет хионитских воинов? — спросил, помолчав, царь Виштаспа.

— Сто тридцать один мириад будет их. И все полягут на поле боя. Останется жив только их предводитель Ареджатаспа. Но схватит его герой Спентадата, отрежет ему руку, ногу и ухо, выжжет огнем ему глаз, на осле с отрезанным хвостом отправит восвояси с такими словами: «Расскажи всем хионитским нечестивцам, что ждет приверженцев Лжи!»

И тогда Виштаспа сказал:

— Даже если все тридцать моих сыновей и все мои братья погибнут, то и тогда я не оставлю эту святую маздаяснийскую веру, которую принял от Ахура Мазды!

Ушли отдыхать приближенные Виштаспы. Минула ночь. И вот на рассвете сошлись оба войска для кровавой сечи. Двенадцать раз по двенадцать мириадов воинов было у маздаяснийцев, а противостояло им хионитских дэвопоклонников — двенадцать мириадов мириад: 1 200 000 000 воинов насчитывалось в стане Ареджатаспы.

Первым бросился в бой всадник Заривари, подобный бушующему пламени. По десять и по одиннадцать хионитов одним ударом стал разить могучий герой. Ареджатаспа повернулся к сопровождавшим его и сказал:

— Найдется ли среди вас столь бесстрашный воитель, кто пойдет и убьет Заривари? Этого смельчака я сделаю своим визирем и отдам ему в жены свою дочь. Ибо если Заривари доживет до вечера, из нас, хионитов, никого не останется в живых.

Вывался колдун Видрафш. Он оседлал коня, взял заколдованную пику, изготовленную дэвами в аду, и поскакал навстречу Заривари. Но побоялся злодей сойтись с маздаяснийским всадником в честном бою, лицом к лицу, — он затаился в укрытии, как змея, из укрытия набросился на Заривари сзади и вонзил ему в спину меч — так глубоко, что лезвие

прошло сквозь сердце. Заривари рухнул наземь, и стихли воинственные крики, и перестали звенеть мечи и петь стрелы в воздухе.

— Заривари убит! — воскликнул Виштаспа, наблюдавший за битвой с горы. — Есть ли среди вас, герои, кто-нибудь, кто пойдет и отомстит за него? Ему я дам в жены свою красавицу дочь, одарю его дворцом и назначу главным военачальником.

Но никто из героев не откликнулся на призыв, все потупили глаза в землю. Виштаспа молча ждал. Вдруг вперед выступил семилетний сын Заривари — Баствар.

— Оседлайте мне коня! — потребовал он. — Я поеду на поле битвы и посмотрю, жив ли брат моего господина и царя, мой отец Заривари, или он мертв, сраженный злодейской рукой. Я вернусь и доложу о том, что увидел.

— Ты еще слишком мал, — отмахнулся Виштаспа. — Хиониты настигнут тебя и убьют.

Баствар упрасивать и спорить не стал, удалился молча. Он отправился к царскому конюшему и сказал:

— Наш царь Виштаспа приказал оседлать для меня коня.

Конюший поверил, и коня оседлали. Баствар, прорубаясь мечом сквозь ряды хионитов, поскакал туда, где Видрафш напал на Заривари из засады, — и вот конь его встал над бездыханным трупом.

Баствар принялся оплакивать отца:

Опора жизни моей!
Кто твою силу похитил?¹
Доблестный мой отец!
Кто твою кровь пролил?¹
<...>
Ты хотел сражаться
Рядом со мною, —
Теперь убитым лежишь,
Лишенным дыханья.
Твои волосы и бороду
Теребит ветер,
И твое чистое тело топчут,
И пыль села на твой затылок.
Клянусь, я отомщу за тебя!¹

¹ Перевод И. С. Брагинского.

И Баствар снова погнал коня сквозь вражеские ряды, расчищая себе дорогу ударами меча и усыпая землю позади телами убитых хионитов. Он прискакал к Виштаспе и доложил:

— Я видел Заривари, моего отца и твоего брата. Он убит. Пусть меня пошлют в бой, дабы я мог отомстить за гибель героя Заривари!

Его просьбу поддержал Джамаспа:

— Отпустите этого юношу. Хоть он и мал, но Господь и Победа на его стороне. Он перебьет врагов!

Виштаспа приказал немедленно оседлать коня, усадил на него Баствара, достал из своего колчана стрелу, передал ее сыну Заривари и так благословил праведное оружие:

— Теперь лети от меня, стрела, приносящая победу! Да обретешь ты победу в боях и сражениях! Завоевывай славу для нас день за днем, всегда носи врагу смерть!

Баствар погнал коня вскачь в самую гущу хионитских полчищ и учинил такое побоище, какое учинял его отец Заривари. Один за другим падали наземь убитые хиониты.

Ареджатаспа, наблюдавший за сражением, поразился, увидев, что семилетний мальчик сражается так искусно и храбро. Только сын Заривари мог быть способен на такое! Ареджатаспа понял это и бросил клич:

— Кто из хионитов не побоится сойтись в поединке с этим юношей?

И снова вызвался Видрафш. Опять он взял свою дэвовскую пику, меч и поскакал навстречу Баствару. Но побоялся он честно встретиться с героем, лицом к лицу, — только приблизился на почтительное расстояние и осадил коня.

— Приверженец Лжи и мерзкий колдун! — воскликнул Баствар. — Подходи же! Я исторгну из тебя дэвовскую душу вон, как ты исторг праведную душу из отца моего Заривари!

Тогда колдун Видрафш прищипорил своего коня, на полном скаку метнул копье, и оно пронзило руку Баствару.

Видя это, вскричала душа убитого Заривари, пребывавшая подле бездыханного тела:

— Выдерни копье из руки, вынь стрелу из колчана и ответь этому злодею!

Баствар выдернул копье, вложил стрелу в тетиву, натянул лук — и стрела праведного Виштаспы поразила злодея в самое сердце. И рухнул колдун.

Баствар снял с трупа одежду Заривари — Видрафшев трофеей, облачился в нее, сел на отцовского коня и ринулся в бой. Десяток за десятком, сотня за сотней падали наземь хиониты, сраженные юношей; словно топором сквозь кустарник, прокладывая он мечом себе дорогу сквозь хионитские ряды. Через некоторое время он приблизился к герою Спентадате.

Спентадата, увидев сына Заривари, передал ему командование войском Виштаспы, а сам поскакал к горе, где обосновался хионитский царь с двенадцатью мириадами мириад воинов. Он выбил их с горы на равнину. Прошло немного времени — и из хионитов никого не осталось в живых, кроме одного — Арджатаспы.

Спентадата пленил его, отрезал ему руку, ногу и ухо, выжег ему глаз, посадил на осла с отрезанным хвостом и напутствовал:

— Убирайся прочь со святой маздаяснийской земли! Расскажи всем хионитским нечестивцам, что ждет приверженцев Лжи!

Заратуштра ушел из жизни через тридцать пять лет после обращения Кави Виштаспы, в возрасте семидесяти семи лет и сорока дней. Злодей Братарвахш убил его, подкравшись сзади и всадив в спину кинжал, когда Заратуштра молился, — так храфстра-волк подкрадывается к мирно пасущемуся стаду. В то же мгновение небеса разразились громом, и злодей издох страшной, мучительной смертью.

В том же месяце на шестьдесят третьем году после обращения Виштаспы умер Фрашаоштра. Джамаспа покинул этот мир три года спустя, а еще через четырнадцать лет не стало последователя Заратуштры Асмохванвы.

Кави Виштаспа царствовал тридцать лет до обращения в ахуровскую веру и девяносто лет после обращения, всего — сто двадцать лет.

Сын Виштаспы Пешотану, унаследовавший престол, был очень праведен. Каждый день он и его последователи почитали небесных язатов.

Ахура Мазда сделал его бессмертным, нестареющим, не подверженным всяким болезням и вверил ему управление волшебными дворцами, которые воздвигли его предки Кавии. Он, праведный Пешотану, стал бессмертным Рату. В тяжелые времена он и сто пятьдесят его последователей приходили в Иран, изгоняли врагов и возвращались обратно.

И когда наступит Судный день, Пешотану и его воины придут на помощь Ахуре в деле конечного очищения мира от Зла.

В «Шахнаме» царствование Лохраспа, преемника Кей Кавуса, длится сто двадцать лет. Приняв царский венец, он клянется *заветы Хусроу, и те превзойти*, чтить Йездана, не вести войн; основывает в Балхе (Бактрии) храм огня Бурзин-Михр. У него два сына-богатыря — Гуштасп (авест. Виштаспа) и Зерир (авест. Заривари), и *еще двух царевичей тою порою / Возвысил Лохрасп, венценосный герой. / Они среди знатных иранской земли / Свой род от царя Кей Кавуса вели. / Лохрасп этих юношей предпочитал / Гуштаспу, все более их отличал*. Оскорбленный Гуштасп после решительного разговора с отцом покидает родину вместе со своей дружиной и направляется в Хинд (Индию). Уход Гуштаспа повергает Лохраспа в глубокую печаль; в погоню за беглецом он отправляет Зерира.

Отряд Зерира настигает Гуштаспа неподалеку от Кабула. Зерир уговаривает брата вернуться, и Гуштасп внимает ему, возвращается под отчий кров, но на пиру *царь все о Хусроу-царе говорил, / Вниманье лишь внукам Кавуса дарил*. Гуштасп под покровом ночи бежит в Рум (Римскую империю). Там он долго скитается — все отказывают ему в крове, но наконец дехкан-кедхода уводит его в свой дом.

Далее в «Шахнаме» излагается «Сказание о Кетаюн, дочери кейсара [кейсаря — римского императора]». По обычаю, когда наступало время дочери кейсара выходить замуж, достойнейшие румийцы сози-вались на пир, и царица сама выбирала себе жениха. Кетаюн, в ночь перед пиром увидевшая во сне Гуштаспа и влюбившаяся в него, ищет его среди гостей, не находит и в слезах возвращается в свои покои. Тогда кейсар снова устраивает пир. Весть об этом достигает Гуштаспа, и по совету своего покровителя дехкана-кедходы он отправляется в кейсаров дворец. Кетаюн узнает его, увенчивает его чело своей короной. Кейсар, узнав о выборе дочери, приходит в неистовство: *«Снести поношенья такое невмочь. / Безвестному дочь уступить чужаку, / Навеки позору себя обреку! / Ей, дерзкой, с избранником вместе тотчас / Отрубят пусть головы — вот мой приказ!»*, — однако, вняв увещеваниям, все же соглашается отдать дочь Гуштаспу, сказав ей при этом: *«Не жди от отца / Ни перстня теперь, ни казны, ни венца!»*. Молодожены уходят жить в дом кедходы.

Впоследствии Гуштасп совершает подвиги: убивает чудовищного волка, убивает дракона и побеждает в поединке царя хазар Ильяса, отказывавшегося платить дань кейсару; обретает благорасположение кейсара, и тот возвращает Гуштаспа и Кетаюн в царский дворец.

Кейсар требует дани от Лохраспа, отправляет к нему гонца с грозным посланием. Изумленный Лохрасп спрашивает гонца: *«Рум прежде отваги такой не являл / Кейсара смириться любой заставлял, / А ныне владыкой себя он зовет, / Он сборщиков дани к властителям шлет <...> Что ж дерзость такую внушило ему?»* Гонца отвечает, что среди румийцев появился невиданной силы богатырь. «Каков он из себя?» — спрашивает Лохрасп и по ответу, что этот богатырь ликом и станом похож на Зерира, догадывается, что это — Гуштасп.

Тогда Зерир едет в Рум с посланием от Лохраспа: *«Знай, если утратил ты совесть и стыд, — / Нагряну с иранской дружиною всей, / Рум станет второю столицей моей»*. Узнав, что Гуштасп — сын Лохраспа и ему суждено стать великим царем, кейсар раскаивается,

щедро одаривает Кетаюн; Гуштасп встречается с иранскими богатырями, и те приносят ему клятву на верность. После этого Гуштасп и Зерир возвращаются в Иран, и Лохрасп передает царский венец Гуштаспу.

Кетаюн рождает Гуштаспу двух сыновей — Исфандияра (авест. Спентадата, среднеперс. Спандатт) и Пешутен (среднеперс. Пешотану).

Далее следует повествование о Зардуште из «Шахнаме» Дакики. Зардушт приходит к Гуштаспу, объявляет себя пророком и призывает: *«За мною идти повелел тебе бог. / Горящие угли принес я, их жар — / Небесного рая спасительный дар. Создатель изрек: “Веру в сердце внедри / На землю взгляни, небеса обозри — / Без глины, без влаги, из небытия. / Ты видишь, воздвигла их воля моя. / Признай, что лишь я совершить это мог, / Лишь я, всемогущий, всеведущий бог! / Коль истину эту познаешь, поймешь, / Создателем мира меня назовешь”.* Я послан Творцом <...> Чтoб веру в него от меня ты принял. / Так следуй отныне заветам моим, / Добро предпочти бrenным благам земным». Гуштасп обращается в веру Зардушта, следом за ним Зерир, и на страну нисходит благодать.

Зардушт увещевает Гуштаспа не платить дани Арджаспу (авест. Арджатаспа), туранскому царю. Гуштасп соглашается с доводами пророка. К Арджаспу немедленно отправляется див и, прикинувшись посланником Йездана, сообщает, что отныне Гуштасп больше не его данник. На расспросы Арджаспа див отвечает, что в Иране появился колдун, объявивший себя пророком; этот злой колдун, мол, и смутил умы иранцев. Туранцы решают пригрозить Гуштаспу войной и отправляют к нему двух послов — Намхаста (среднеперс. Намхаст) и Бидрефша (среднеперс. Видрафш). В письме, которое они вручают Гуштаспу, говорится: *«Слышал я, свой дух осквернил ты — свернуть / Решился на ложный, губительный путь. / К тебе некий старец — бессовестный лжец — / Явился, смутил твою душу, хитрец! <...> Коварною речью его обольщен / Ты принял неправедной веры закон <...> Зардушта отвергни и впредь не греши, иначе мы объявим тебе войну и разорим твое царство».* Зерир от имени царя отвечает послам Арджаспа гневным отказом, в оскорбительных для Арджаспа и туранцев выражениях.

Война объявлена, обе стороны собирают войско. Гуштасп просит у Джамаспа, своего визиря, предсказать исход сражения. Джамасп предсказывает кровопролитную битву и гибель многих иранских героев.

Начинается сражение. Бидрефш из засады отравленным мечом убивает Зерира. Нестур (среднеперс. Баствар), сын Зерира, оплакивает

отца, потом вступает в поединок с Бидрефшем; на помощь Нестуру поспевает Исфандияр и убивает Бидрефша. Арджасп бежит с поля сражения.

Гуштасп посылает Исфандияра с миссией проповедника. Исфандияр путешествует, обращает в новую веру народы Индии, Рима, Хорасана. *От веры святой стало в мире светло.* Но через некоторое время, поверив навету Исфандиярова недруга, будто Исфандияр готовит заговор, Гуштасп велит заточить Исфандияра в темницу.

Арджасп, воспользовавшись заточением Исфандияра, снова нападает на Иран (здесь кончается «Шахнаме» Дакики), затем на Балх, где старец Лохрасп проводил свои дни в молитвах Йездану. Богатырей в Балхе нет, Лохрасп пытается защитить город и сам берет меч, но гибнет в бою. Арджасп захватывает Балх, убивает всех зороастрийских жрецов и сжигает в огне Авесту.

Гуштасп идет в поход на Балх и обращает Арджаспа в бегство, и скрывается в далекой стране в Медном замке. Гуштасп посылает Исфандияра, к тому времени уже освобожденного из заточения, чтобы он нашел и убил Арджаспа. По пути Исфандияр совершает подвиги — убивает волков, льва, колдунью, злого Симурга. Потом он проникает в замок под видом купца; в его сундуках прячутся воины его отряда. На замок нападает отряд Пешутена; воины Исфандияра выскакивают из сундуков и учиняют побоище, во время которого Исфандияр обезглавливает Арджаспа. После победы он возвращается к Гуштаспу.

Проходит некоторое время, Исфандияр ссорится с Рустамом, они сходятся в поединке, раненый Рустам спасается бегством и укрывается на вершине горы. Симург излечивает его. Рустам рвется вновь сразиться с Исфандияром. Симург пытается его отговорить: судьбой predetermined, что убивший Исфандияра погибнет и сам, к тому же перед смертью он лишится богатства, будет влачить жизнь в нищете, и на том свете ему тоже предстоит изведать многие муки. Но Рустам непреклонен, и тогда Симург вручает ему волшебную стрелу и открывает тайну, что Исфандияра можно убить только в глаз, остальное его тело неуязвимо для оружия. Противники сходятся, и Рустам убивает Исфандияра волшебной стрелой Симурга. Вскоре после погребения Исфандияра Рустам отправляется в гости к брату; тот велит вырыть на пути Рустама волчью яму; Рустам верхом на Рахше проваливается в нее, и его, беспомощного, убивают.

**От Заратуштры
до Фрашкарда**

Через шестьдесят восемь лет после обращения Виштаспы в один иранский город пришел колдун Ахт с семидесятитысячным войском и заявил:

— Я растопчу этот город слонами, если никто из здешних жителей не сумеет разгадать загадки, которые я задам!

Юноши, узнав о страшной угрозе колдуна, приходили к нему один за другим в надежде спасти город. Но ответить на вопросы никто не сумел, и Ахт приказал всех убить.

Тогда к злодею пришел почтенный горожанин и сказал так:

— Не растапывай наш город слонами, колдун Ахт, и не убивай неповинных людей! Ибо живет в нашем городе пятнадцатилетний юноша Явишт, сын Фрияна. Каждую твою загадку, которую ты загадаешь, он разрешит.

Тогда колдун Ахт послал письмо Явишту:

Явись к моему шатру. Я задам тебе тридцать три вопроса. И если ты не ответишь хоть на один из них, тогда тебя тут же убьют, а город твой я снесу с лица земли.

И Явишт Фриян явился к шатру колдуна Ахта.

Но не вошел. Он знал, что у нечестивого Ахта под кроватью лежат мертвецы. Он крикнул с улицы:

— Ты держишь под постелью человеческие трупы. Если я войду, Бессмертные Святые откажутся защищать меня, ибо на мне будет скверна. Тогда я не смогу разрешить твои загадки.

Колдун Ахт крикнул с досады, но делать было нечего. Мертвецов унесли, шатер очистили, совершив подобающий ритуал, и Явишт вошел.

Первый вопрос колдун Ахт задал такой:

— Какой рай лучше: земной или небесный?

Явишт Фриян сказал:

— Лживый негодяй и тиран! Влачи свою жизнь в нищете, а после смерти попади в ад! Ибо рай на земле лучше рая на небесах. Ведь тот, кто не совершает добрых дел на земле, в небесный рай не попадает.

Когда колдун Ахт услышал эти слова, он остолбенел. А придя в себя, сказал так:

— За этот вопрос я казнил девятьсот маздаяснийских вероучителей, когда они не смогли мне дать ответа. Они все отвечали мне, что рай на небе лучше, на что я говорил им: «Вот и отправляйтесь туда, раз вы считаете, что там лучше!» Ты первый, кто ответил правильно. Слушай второй вопрос: кто из созданий Ахура Мазды выше, когда сидит, чем когда стоит на ногах?

— Собака, — не задумываясь, ответил Явишт.

Третий вопрос был о создании Ахуры, которое ходит, но не шагает, — Явишт ответил, что это воробей. На четвертый вопрос: у кого роговые зубы, а рог из плоти, ответ Явишта был, что это петух, птица бога Сраоши, которая по утрам своим криком будит ленивых. И так злой колдун задавал вопрос за вопросом — о старости: «Что есть то, что люди желают скрыть, но не могут?»; о бесстрашном и богатом человеке: «Кто из людей счастливее и легче живет?»; о слоне, лошади, верблюде, осле и других животных: за сколько месяцев и дней они рожают, — и на все загадки сын Фрияна Явишт сразу давал верный ответ. А колдун все спрашивал и спрашивал:

— Что такое, чего одно? Что — два? Что — три, что — четыре? Что — семь, что — восемь, что — девять и что — десять?

Это был тринадцатый вопрос, и Явишт, сын Фрияна, ответил на него так:

— Лживый негодяй и тиран! Влачи свою жизнь в нищете, а после смерти попади в ад! Ибо одно — благочестивое Солнце, которое освещает весь мир; два — вдох и выдох; три — добрая мысль, доброе слово и доброе дело; четыре — вода, земля, растения и животные; семь — семеро Бессмертных Святых; восемь — мир и все доброе; девять — девять отверстий в теле человека, десять — десять пальцев на руке.

Ответ был верен. Колдун Ахт задал еще несколько вопросов и опять получил правильные ответы — несмотря на то что с каждым разом вопросы были все сложнее:

— От чего женщины получают наибольшую радость?

Явишт Фриян, сказал:

— Я знаю, что ты сам думаешь по этому поводу, но ты ошибаешься. Ты думаешь, что женщинам больше радости от разных нарядов или оттого, чтобы быть старшей женой, это не так: для женщины бóльшая радость — быть со своим мужем.

— Ты лжешь, и я тебя убью за этот вопрос! — закричал колдун Ахт. — Пойдем к моей жене, — к красавице Хуфрих; пойдем и спросим ее, она никогда не говорила неправды.

Явишт согласился. Они отправились к Хуфрих и спросили ее:

— Женщинам больше радости от нарядов, оттого, что она — старшая жена, или от пребывания со своим мужем? Реши правильно этот вопрос.

«В каком я оказалась в трудном положении из-за этого тирана и колдуна, — подумала Хуфрих. — Если я скажу правду, он велит меня убить. А если я скажу неправду, он убьет праведного Явишта, и я буду проклята... Лучше, если я скажу правду. Если он меня убьет за правду, я стану праведнее и обрету блаженство в загробном мире».

И она сказала:

— Наряды доставляют женщинам много радости. Еще больше радуется сердце женщины, когда она — старшая жена в доме. Но если при этом она не будет спать со своим мужем, то все эти радости обернутся печалью.

Колдун Ахт, когда услышал эти слова, разгневался и тут же убил Хуфрих. Душа Хуфрих, отлетая в рай, воскликнула:

— Я до сих пор была праведной, а теперь стала еще праведней! Но ты, колдун Ахт, до сих пор был проклят, а теперь стал проклят еще больше!

Рассвирепел колдун Ахт: все знает Явишт, все загадки разгадывает. И задал самый трудный вопрос:

— Что это: десять ног, три головы, шесть глаз, шесть ушей, два хвоста, три члена, две руки, три носа, четыре рога, три спины, и все это несет жизнь и процветание миру?

Явишт задумался. Ответа он не знал. Оставалось одно — призвать на помощь Амеша Спента. Делая вид, что думает, он мысленно произносил молитвы.

И Ахура послал Нарья Санху к праведному юноше. Вестник великого бога сказал Явишту:

— Ответь колдуну на его загадку, что это — пара быков в упряжке и пахарь.

Явишт испугался, услышав голос божьего вестника. «Что если это Ахриман и его дэвы подсказывают мне ложный ответ? — подумал он. — Я отвечу Ахту неверно, и он убьет меня согласно нашему уговору. Как бы мне узнать, от Благого Духа этот голос или от Злого?»

Тогда Нарья Санха явился перед мысленным взором Явишта в своем обличье и сказал:

— Не бойся. Я действительно благой бог Нарья Санха. Ахура Мазда послал меня к тебе в помощь. Дай ответ колдуну, он ждет.

Обрадовался Явишт и воскликнул:

— Эй, лживый негодяй и тиран! Ответ на этот вопрос такой: это пара быков с мужчиной, который пашет.

Когда колдун Ахт услышал эти слова, он от изумления потерял дар речи.

Теперь была очередь Явишта спрашивать, а колдун Ахт должен был отвечать.

— Я разгадал тридцать три твои загадки, — сказал юноша, — а тебе задам только три, и если ты ответишь неправильно или скажешь: «Не знаю», я сразу тебя убью, — таков уговор.

— Спрашивай, — согласился Ахт.

Явишт задал все три вопроса сразу: «Сколько стоит семя в горсти земли?», «Сколько стоит пашущий вол?» и «Сколько стоит кровнородственный брак?»

Ахт ответов не знал и, притворившись, что думает, сел на кровать и закрыл глаза. На самом же деле он пробормотал колдовское заклятие, душа его отделилась от тела и полетела к Ахриману в ад. Он хотел получить помощь от предводителя дэвов.

— Злодейский Ахриман! — сказала душа Ахта, представ перед Духом Зла. — Подскажи мне правильные ответы на загадки Явишта.

Но Ахриман сказал колдуну Ахту:

— Я не могу ответить тебе на твои вопросы. Если я отвечу на них, мои дэвы потеряют силу. А я люблю тебя не больше, чем других дэвов. Пойди и повинись, нельзя нарушить договор, и, если пришло время смерти, умри. Ибо твое место — ад, и наказание тебе — суровее, чем всем

остальным грешникам. Оно было бы меньше, если бы ты не убил свою жену.

Ахт покинул ад и поплелся к Явишту, чтобы принять смерть. И он сказал Явишту, праведному маздаяснийскому юноше:

— Твое счастье, Явишт, что Бессмертные Святые были с тобой. То, что ты не знал, они тебе говорили. А я надеялся на Ахримана и дэвов и не получил от них помощи.

В тот же миг Явишт Фриян поразил злого колдуна ножом в самое сердце.

Триста лет после обращения Виштаспы маздаяснийская вера процветала, обретая все новых и новых приверженцев. Свято блюлись заветы Ахуры и Заратуштры, почитались священные стихии, в храмах неугасимо горели алтарные огни.

Затем нечестивый Злой Дух, чтобы заставить людей усомниться в праведной вере, наслал на Иран Искандара, порождение дэвов.

Искандар стал чинить опустошение и наводить страх. Он убил иранского царя, разрушил царский дворец, опустошил государство. А религиозные книги, в том числе Авесту, написанные золотыми буквами на специально подготовленных воловьих шкурах и хранившиеся в царской сокровищнице, подлый завоеватель собрал и сжег. Он убил многих высших жрецов и судей, деятельных и мудрых людей Ирана.

Искандар посеял смуту и ненависть между вельможами и удельными правителями Ирана. Все правители стали враждовать друг с другом.

За эти злые дела Искандар попал в ад, и прощенья ему не будет вовеки.

После его смерти в стране продолжались войны и раздоры. Искандар истребил всех сведущих в вопросах веры, мудрых толкователей Авесты и заветов пророка. Поэтому по всей иранской земле расплодилось множество всяческих лжеучений и ересей. Беззаконие набирало силу. Ахриман торжествовал.

В «Шахнаме» Искандар — хороший и справедливый царь.

Всего в Иране было двести сорок удельных правителей. Персией правил Папак. Наследника у него не было.

Главным пастухом у Папака служил Сасан. Он происходил из рода великого царя Дария. Но Папак об этом не знал.

Однажды ночью Папак увидел во сне, что над головою Сасана взошло солнце и осветило весь мир.

Но царь не придавал этому значения. Мало ли что может привидеться во сне.

Однако на другую ночь он увидел, что Сасан сидит на белом слоне, а все правители всех семи каршваров стоят вокруг, кланяются ему, славят и восхваляют.

И на третью ночь приснилось царю, что священные зороастрийские огни Фарнбаг, Гушнасп и Бурзин-Михр загораются в доме Сасана и освещают весь мир.

Тогда Папак созвал мудрецов и спросил у них, что его сновидения означают.

— Тот, кого ты видел, достигнет царствования над миром, — сказали Папаку мудрецы. — Или, может быть, это будет не он сам, а кто-нибудь из его царственного рода.

Тотчас Папак призвал к себе пастуха Сасана и спросил:

— Ты из какого рода? Был ли кто-нибудь из предков твоих вельможей или царем?

Сасан честно признался Папаку, что он из рода Дария, и попросил у Папака защиты. Обрадовался Папак, велел накормить Сасана

по-царски, облачить его в лучшие одежды и отдал ему в жены свою дочь.

Вскоре у Сасана родился сын, и был он наречен именем Арташир. Папак его усыновил и сам занялся воспитанием внука. К пятнадцати годам Арташир прославился на всю Персию своими знаниями и доблестью.

Весть о достойном юноше достигла царя Артабана. И он тотчас написал письмо Папаку:

Я слышал, что у тебя есть достойный сын. Воля моя такова: ты пришьешь его к моему двору, дабы он был с моими сыновьями. Я его вознагражу за те достоинства, которыми он обладает.

Что было делать Папаку? Артабан был иранским царем, а Папак всего лишь удельным правителем. Он не мог послушаться царского приказа. Арташир был отправлен ко двору Артабана. Там его полюбили; он проводил время с царскими сыновьями, вместе они упражнялись в стрельбе из лука и верховой езде, вместе ездили на охоту.

Однажды на охоте Арташир убил на лету птицу. Меткость стрелка восхитила всех. Царь Артабан прискакал к охотникам и спросил, кто этот искусный стрелок.

— Я, — солгал один из царских сыновей.

— Нет, это не он, это я убил птицу, — возразил Арташир и укорил сына Артабана: — Талант и мужество нельзя присваивать бесчестьем, ложью и несправедливостью! Давай мы с тобой еще раз попытаемся проявить ловкость! Птиц много в этой степи — покажем же, кто из нас лучший охотник и более меткий стрелок!

Артабану эти слова показались непозволительной дерзостью. В гневе он отослал Арташира на конюшню и запретил ему отныне ездить верхом, ходить на охоту и заниматься науками и искусствами.

Арташир понял, что царь поступил так из зависти: он, Арташир, превзошел его сыновей. И он написал письмо Папаку, где рассказал обо всем случившемся.

Ответ пришел такой:

Ты поступил неразумно. Из-за пустяка, от которого не могло быть никакого вреда, ты поспорил с вельможами и грубо с ними разговаривал. Попроси у царя прощения. Мудрецы учат: «Враг не

может сделать врагу того, что постигает неразумного человека из-за его собственных поступков». Ты сам знаешь, что Артабан — царь надо мной и тобой. И мой тебе строжайший совет такой: выкажи покорность и послушание.

* * *

Среди приближенных Артабана была одна достойная девушка. Однажды она увидела Арташира на конюшне и сразу влюбилась в него. Они познакомились. Постоянно, каждую ночь, когда Артабан засыпал, эта девушка тайком шла к Арташиру и оставалась с ним до утра, а потом возвращалась к Артабану.

Однажды Артабан призвал мудрецов-звездочетов и спросил, что являют звезды небесные и что ждуть стране и ему, царю, в ближайшее время. Звездочеты сказали:

— Небо сулит появление нового великого правителя. Он убьет мелких правителей, объединит страну, и снова наступят мир и согласие в державе.

Не на шутку встревожился Артабан. Надо было немедленно выявить в своем окружении того, кому небеса сулят такую удачу, — выявить и предать казни. Но людей при дворе так много — как же узнать, кто именно в ближайшем будущем поднимет руку на своего царя?..

— Распусти слух о нашем пророчестве, — посоветовал один из звездочетов. — Кто после этого убежит от тебя и будет скрываться — он и есть тот, на кого указывают звезды.

Так и сделали. Арташир, узнав, что царские воины разыскивают смутьяна, которому суждено свергнуть царя, сразу почувствовал недоброе и решил бежать.

Ночью его возлюбленная похитила из сокровищницы Артабана множество драгоценностей. Арташир оседлал двух коней — столь стремительных скакунов, что за один день они могли покрыть расстояние от столицы до самых далеких окраин империи. И они тронулись в путь.

Несколько часов спустя они проезжали деревню. Арташир был очень удивлен, когда незнакомая женщина, местная жительница, приветствовала его, благословила, назвала Кавием и царем. Это женщина посоветовала беглецам поскорее достичь моря — там, сказала она, погоня не настигнет их и они будут в безопасности.

Наступил день; Артабану доложили, что Арташир бежал и девушки тоже нет. Потом обнаружилась пропажа сокровищ. Разгневанный царь,

узнав у звездочета, куда направились беглецы, тут же снарядил для погони четырехтысячный отряд воинов.

Артабан скакал во главе отряда. Путь их пролегал через Персию. Они знали, куда направились беглецы: придворный звездочет сказал это Артабану. Проезжая через одну из деревень, Артабан спросил у местных жителей:

— Давно ли здесь были два беглеца — юноша и девушка?

— Еще на рассвете, — был ответ, — а за ними скакал чудесный баран, самый прекрасный из всех, каких мы видели в жизни.

Артабан заторопился дальше. Через несколько часов он задал встречным людям тот же вопрос, и ему ответили:

— Беглецы, про которых ты спрашиваешь, были здесь в полдень. И рядом с ними бежал чудесный баран.

А когда Артабан, спустя еще несколько часов, спросил про Арташира и девушку у караванщиков, повстречавшихся ему, ответ был такой:

— Они опережают вас на несколько часов быстрой езды. И на коне у юноши, про которого вы спрашиваете, сидит прекрасный баран.

Подивился Артабан и спросил у вероучителя из своей свиты, что же это за баран такой, которого видели с Арташиром.

— Это Хварна Кавиев, — ответил вероучитель. — Она теперь принадлежит Арташиру. Нам уже не нагнать его — такова воля Ахура Мазды. Поэтому не утруждай себя и всадников, не мучай и не губи коней, а подумай, как одолеть Арташира в битве. Ибо битва будет.

Артабан возвратился с отрядом в столицу и стал снаряжать войско. А Арташир и его возлюбленная тем временем, пересекая Персию, скакали к морскому побережью. Тамошние жители были недовольны правлением Артабана, и когда Арташир достиг их края, они присоединились к нему. Вскоре у Арташира была большая армия.

И вот подошло время воевать с Артабаном. Четыре месяца подряд каждый день бились ратники и конники. Арташир полностью разбил войско Артабана и захватил престол.

Так Арташир стал царем.

Свое правление Арташир начал с того, что благоустроил множество городов и деревень, учредил храмы огня и провел оросительные каналы туда, где земледельцам не хватало воды. Когда же жизнь в стране, измотанной междоусобицами, наладилась, Арташир обратил свой взор к поприщу воинских подвигов. Он разбил армию курдского царя и захватил

все его имущество. Но когда дружина возвращалась обратно из славного похода, на нее напало войско Хафтобата. Все боевые трофеи воинов Арташира Хафтобат забрал себе, а самих воинов обратил в рабство.

* * *

Хафтобат жил в Гуларе. Там была неприступная крепость, а в ней — обиталище страшного Дракона. Этот Дракон был дэвом. Он приносил Хафтобату удачу во всех злых делах. Покуда Дракон был жив, Хафтобата нельзя было победить.

Арташир отправил в Гулар войско с приказом захватить крепость и убить Дракона.

Но воины Хафтобата, служители Дракона, перехитрили воинов Арташира. Они спрятали все ценное в тайник, заперли крепостные ворота и ушли в горы. Армия Арташира окружила пустую крепость, воины разбили лагерь и стали готовиться к завтрашнему штурму. А когда наступила ночь, войско Дракона напало на них, застав врасплох, спящими. Никто не успел даже схватить оружие и сесть на коня. Почти все воины Арташира были убиты на месте, а тех, кто уцелел, Хафтобат с насмешками и оскорблениями, раздетыми, верхом на бесхвостых ослах, отправил в иранскую столицу к Арташиру.

Арташир, увидев это, пришел в ярость. Он собрал новую армию, еще многочисленней прежней, и сам возглавил ее. Когда иранцы пришли к Гуларской крепости, все войско Дракона находилось за ее стенами.

У Хафтобата было семь сыновей, которые правили разными областями. На беду один из них накануне решил навестить отца, и как раз в тот день, когда к Гулару пришел Арташир, сын Хафтобата тоже был на подходе к Гуларской крепости, а с ним сопровождавшая его армия.

Служители Дракона увидели с крепостных стен, что приближается подмога, открыли ворота. Навстречу Арташиру выехал всадник на белом скакуне и крикнул:

— Мы дадим тебе сражение, царь! Готовь своих воинов к битве.

А тем временем окольным путем, никем не замеченные, гонцы скакали во весь дух навстречу приближающейся армии сына Хафтобата. Они везли такое послание:

Оставайтесь в засаде. Мы откроем ворота, начнем сражение и будем медленно отступать, пока не заманим воинов Арташира под самые крепостные стены. Когда увидите дым над крепостью,

знайте, что это условный знак вам. Выходите из засады и отрезьте армии Арташира все пути к отступлению.

...И вот битва началась. Служители Дракона стойко держались, отражали атаки конников, но натиск иранцев был силен. Армия Хафтобата стала отступать шаг за шагом. Арташир уже торжествовал победу в душе. Вдруг с тыла, откуда никто не ждал, вылетели, как вихрь, всадники неприятеля и набросились на иранцев. А следом за ними из леса вышли пехотинцы и, встав тесным строем, перекрыли дорогу. Отступать Арташиру было некуда. Его армия была окружена.

Арташир знал, что долго им осады не выдержать. Продуктов, корма для коней и воды хватит всего на несколько дней. Надо было пробиваться.

Выход был только один: выстроиться фалангой и нанести удар по пехотинцам — всем сразу напасть на один отряд. Тогда армия Дракона не успеет стянуть силы, и они прорвутся. Правда, потери будут огромны, но ничего другого не остается.

И они стали прорубаться сквозь густой строй пехотинцев, оцетинившихся острыми копьями. Один за другим падали наземь иранские богатыри. Войско редело на глазах. Арташир наносил удары мечом направо-налево и был впереди всех, указуя путь. Но когда он наконец прорвался и оглянулся, то увидел, что он единственный остался в живых.

Он оторвался от погони и доскакал до самого морского берега. Здесь он спешился и дал отдых коню. Что теперь было делать?

Спасла его Хварна Кавиев. В облике золоторунного горного барана она спустилась с небес и пошла перед Арташиром, указуя путь. Вскоре *царь достиг какой-то деревни, и Хварна исчезла — стала невидимой.*

Арташир постучался в дом. В этом доме жили два брата. Он утаил от них, что он царь, — представился одним из всадников Арташирова войска, разгромленного войском Дракона. Братья сказали:

— Да будет проклят лживый Ахриман, который наделил этого Дракона столь великим могуществом. Все люди в этих краях отрекаются из-за него от ахуровской веры. Даже такой великий правитель, как Арташир, сын Папака из рода Сасана, потерпел поражение от идолопоклонника Хафтобата!

Он и два брата отужинали и сотворили молитвы Ахуре и Бессмертным Святым. Арташир перестал сомневаться в верности братьев, давших ему приют, и открылся им. Они сказали:

— Туранец Франграсьян и проклятый Искандар были изгнаны из Ирана — будет изгнан и Хафтобат с его Драконом. Надо поступить вот как: ты примешь вид иноземца, придешь в Гуларскую крепость и предложишь себя в услужение Дракону. Тайно, чтобы никто не услышал, ты будешь творить молитвы Бессмертным Святым, чтобы они тебе помогли. А когда ты войдешь к служителям Дракона и к самому Дракону в доверие, сделай так: возьми расплавленную медь и вылей ее в пасть злодею. Он обязательно сдохнет: ведь в конце мира все должны будут пройти через потоки расплавленного металла, который сожжет всех грешников и исчадий Зла. Душу мерзостного Дракона можно убить молитвами, а тело — расплавленной медью.

— Так будьте вы моими помощниками! — воскликнул Арташир.

Братья согласились. Арташир вернулся в столицу и стал готовиться к осуществлению их хитроумного замысла. Он набил сундуки серебряными и золотыми монетами, набрал множество нарядов, сам надел хорасанское платье, и в таком виде они пришли к Гуларской крепости. Стражникам у крепостных ворот Арташир сказал так:

— Я — хорасанец и прошу наделенного чудодейственной силой господина о милости допустить меня к службе при дворе.

Царя и двух братьев препроводили в крепость. Переговорив с пришельцами, Хафтобат решил, что их можно допустить к Дракону, чтобы они прислуживали ему — кормили, поили и чистили клетку.

Три дня Арташир служил мерзостному чудовищу — варил ему еду в котле и носил из реки воду. Серебряные и золотые монеты он щедро раздавал воинам Хафтобата. Все обитатели Гуларской крепости удивлялись этому и хвалили пришельца.

На четвертый день Арташир тайком послал одного из братьев к своему войску, которое стояло лагерем в горах, с приказанием быть наготове. Войско должно было напасть на Гуларскую крепость в тот день и час, когда дозорные увидят над крепостью дым.

Потом Арташир напоил вином охрану Дракона, так что все вповалку уснули.

Пришло время кормить чудовище. Дракон уже ревел от голода в своей клетке. Братья и Арташир произнесли молитвы Ахуре и Бессмертным Святым, Арташир взял в одну руку ведро с овечьей кровью, в другую — сосуд с расплавленной медью и пошел к Дракону. Почуввав запах крови, чудовище разинуло пасть, чтобы выпить ее, и Арташир влил туда расплавленную медь.

Дракон заревел так, что задрожала крепостная стена и из нее посыпались камни. Туловище его стало вздуваться, как пузырь; оно становилось все больше и больше, пока не лопнуло с треском. Арташир подхватил сосуд и выплеснул остатки меди на солому. Деревянная клетка загорелась, и над крепостью за клубился дым.

Армия Арташира увидела этот дым, прозвучал боевой клич, — и вскоре с Гуларской крепостью было навсегда покончено.

Сошествие во ад праведного Вирафа

Но религиозные смуты, лжеучения, чуждые верования, сомнения и беззакония, посеянные проклятым Искандаром, продолжали терзать иранскую землю. В делах веры царя путаница, людей одолевали сомнения.

Так продолжалось до тех пор, пока верховным жрецом не стал душебессмертный Атурпат, сын Махраспанда.

И вот жрецы решили, что пора положить этому конец и укрепить веру в народе. В храме огня Фарнбаг они созвали собрание, на котором держали долгий совет и порешили так: «Следует найти способ, чтобы один из нас отправился в иной мир и принес вести оттуда, а ныне живущие люди узнали бы, доходят ли наши молитвы, церемонии освящения хлеба, религиозные гимны, обычай омовения и очищения до язатов или до дэвов и спасут ли нас после смерти язаты или нет».

Получив согласие наставников веры, участники совета созвали всех людей к храму огня Фарнбаг и отобрали из них семь мужей, которые более других были праведны и привержены зороастризму. Этим мужам было сказано:

— Вас семеро. Выберите из семерых одного, самого достойного.

Семеро мужей долго совещались. Сначала они отобрали троих, а из тех троих — одного, по имени Вираф.

— О верующие в Мазду! — сказал Вираф, узнав о решении совета. — Я готов спуститься в загробный мир и поведать вам обо всем, что там увижу, но сперва пусть меня подвергнут испытанию копьем. Да бросят в меня копье трижды. Если копье попадет в меня, а я останусь жив, значит, я действительно достоин встречи с богами и отправлюсь в их

сопровождении в преисподний ад, чтобы принести вам оттуда ответы, которые разрешат все ваши сомнения.

Тотчас принесли копье, и ордалия началась. Трижды бросали копье в праведного Вирафа. И все три раза оно попадало ему в самое сердце, но не причиняло никакого вреда.

— Итак, — сказал Вираф, пройдя испытание, — я готов.

Праведный Вираф помнил наказ Заратуштры и Ахуры, что богу угоден кровнородственный брак: у него было семь сестер, и все они были его женами. Обливаясь слезами, они пришли на собрание в храм огня Фарнабаг, все семь, поклонились жрецам и запричитали:

— Не отправляйте Вирафа в загробный мир, о зороастрийцы! Каждая из нас — верная ему жена. Мы как семь потолочных балок в доме, опирающихся на одну колонну: если колонну уберут — балки рухнут. Пусть боги сами призовут его из этого мира в тот, когда наступит час. Вы без причины делаете нас вдовами!

— Успокойтесь, — сказали жрецы женам праведного Вирафа. — Только на семь дней он отправляется в потустороннее царство. Через семь дней он вернется к вам не только целым и невредимым, но будет прославлен и возлюблен богами за подвиг сошествия в преисподнюю.

Успокоились Вирафовы жены, утерли слезы и покинули храм огня. Тогда Вираф прочел предписанные молитвы, омыл голову и тело, облачился в чистые одеяния, выпил освященное вино, улегся на ложе и погрузился в сон.

Семь дней религиозные наставники и семь жен-сестер Вирафа у неугасимого алтарного пламени произносили молитвы, читали Авесту и пели гаты. Семь дней и ночей провели они у ложа Вирафа, погрузившегося в священный сон.

А душа Вирафа тем временем покинула тело и отправилась к мосту судейского разбора Чинват.

* * *

Минуло семь суток. Душа Вирафа вернулась из загробного мира и вошла в тело. Вираф встал, словно пробуждаясь после сладкого сна. Лицо его светилось от счастья.

Сестры, религиозные наставники и другие зороастрийцы, увидев Вирафа в полном здравии, обрадовались и воскликнули:

— Приветствуем тебя, праведный Вираф! Поведай же нам скорее, что ты видел и что узнал.

— Благословение вам от Господа Ахура Мазды и его Бессмертных Святых! — воскликнул Вираф. — Благословение вам от пророка Заратуштры, от небесных язатов и ото всех праведных обитателей Гаронманы!

Ему поднесли еду, воду, вино и освященный хлеб. Наевшись, праведный Вираф велел позвать писца. Писца привели; он сел перед Вирафом и приготовился записывать.

— В первую ночь, как только я погрузился в сон, ко мне пришли Сраоша и Атар, — начал Вираф свой рассказ. — Они молвили мне:

«Срок твоей жизни еще не истек, и время умирать тебе не настало, праведный Вираф. Почему же ты здесь, среди душ умерших?»

Я ответил, что я не умерший, а посланец. Тогда Сраоша и Атар взяли меня за руки, и при их поддержке, со словами «добрые помыслы — добрые речи — добрые дела», я вступил на мост Чинват. Глазам моим предстали души праведников, умерших за последние три дня; они сидели у мертвых тел в изголовье и пели гаты.

«Что они чувствуют?» — спросил я своих провожатых.

«Они блаженствуют, — был их ответ. — За три дня после смерти на праведную душу нисходит столько радости и блаженства, сколько она их за всю земную жизнь не испытывала».

«А что с ними будет на четвертый день?» — спросил я язатов.

«После третьей ночи, на рассвете, когда бессмертное солнце осветит все семь каршваров, — ответили они, — душу праведника овеивает благоуханный южный ветер, самый благоуханный и теплый из всех ветров. Сквозь заросли таких же благоуханных цветов праведная душа идет к мосту судейского разбора. Навстречу ему выходит та, которая олицетворяет его собственную веру, его мысли, слова и дела — его собственная Дазна в облике прекрасной, желанной девушки, воспитанной в добродетелях. “Кто ты? — спрашивает деву Дазну праведная душа. — Никогда я не видел девы более прекрасной, чем ты!” И слышит в ответ душа праведника: “Я ведь — твои деяния, о благонравный, благоречивый, благодетельный и благоверный юноша! Благодаря тебе я столь хороша собой. Это потому, что в земной жизни ты пел религиозные гимны, освящал чистую воду, чтил и берег огонь и никогда не отказывал в помощи тому, кто в ней нуждался. О праведник, тебя будут чтить в Гаронмане! Воистину ты вкусишь неземное блаженство!”»

— Мост Чинват сделался шире, — продолжал Вираф свой рассказ о загробном путешествии. — В девять копий стал мост Чинват шириной.

Я торжественно и победоносно прошел по нему, сопровождаемый благими язатами. Сраоша и Атар сопровождали меня; Митра, Рашну, благой Вайю и Хварна были мне защитой. Праведные души приветствовали меня поклонами. И вот увидел я Рашну, справедливейшего судью. В руках у него были золотые весы: он взвешивал поступки праведников и грешников.

Тут Сраша и Атар взяли меня за руки и сказали:

«Пойдем дальше. Твоему взору откроются бездна ада и величие рая, где каждый получает свое воздаяние. Мы покажем тебе мрак и холод, тяготы и лишения, страдания, болезни и пытки, которым подвергаются в царстве Ахримана дэвопоклонники и грешники. И мы покажем тебе обитель праведников и их блаженство в царстве Ахура Мазды и Бесмертных Святых».

— И вот достигли мы места, — продолжал Вираф, — где влачили свое существование души тех, чьи добрые и злые дела уравнивались на судейских весах Рашну. Атар и Сраоша поведали мне:

«Это чистилище. А эти души будут пребывать здесь до того дня, когда очистится мир и наступит будущее существование. Передай людям, чтобы не отвращались от добрых дел, пусть даже самых малых, ибо у кого благие поступки хоть немного перевешивают грехи, тот попадет в рай, а у кого больше грехов, попадет в ад. У кого же добрые поступки и злые уравниваются, тот будет пребывать в чистилище до последнего дня. Возмездие им определено сменой погоды — то холод, то тепло. Другого воздаяния им нет».

— Затем мы поднялись к сфере звезд, — продолжал Вираф, — туда, где пребывает Благая Мысль. Здесь я увидел души праведников, лучащиеся светом. Их обитель была полна благодати. Я спросил у своих провожатых:

«Что это за место и кто эти люди?»

«Это — сфера звезд, — ответили они. — А души, пребывающие здесь, принадлежат тем, кто в земной жизни не был знатен, не пел молитв и не соблюдал обычая кровнородственных браков. Все они были праведниками в других добрых делах».

С этими словами мы покинули сферу звезд и поднялись выше — в сферу Луны, где тоже пребывали праведные души.

«Чьи это души?» — спросил я.

«Души, обитающие в сфере Луны, — объяснили мне Сраоша и Атар, — это души праведников, чьи добрые дела не велики, но зато многочисленны. Их сияние подобно сиянию Луны в ночи».

Затем мы поднялись в сферу Солнца. Свет там был такой яркий, что пришлось зажмурить глаза. Я увидел души праведников на золотых тронах и спросил своих благочестивых провожатых:

«Что это за место и чьи это души?»

«Мы в сфере Солнца, — сказали мне ахуры, Сраоша и Атар. — Души, пребывающие здесь, это души благочестивых царей и правителей».

И наконец поднялись мы в царство Бесконечного Света Ахура Мазды — в Гаронману, благословенный рай. Навстречу нам вышли души праведников и приветствовали меня такими словами:

«Здравствуй, праведный Вираф! Вкушай блаженство и бессмертие. Ты воистину заслужил наслаждение в Гаронмане своими добрыми мыслями, речами и поступками».

«Входи, посланник маздаяснийцев, праведный Вираф! — сказал мне Атар. — Входи в Гаронману, хотя ты передо мною и грешен. Ведь ты клал в огонь сырые дрова».

Я удивился и ответил:

«О небесный язат Атар! В земной жизни я всегда подкладывал в пламя хорошо высушенные дрова. Почему же ты попрекаешь меня сырыми дровами?»

Тогда Атар показал мне озеро. Это озеро — а оно было очень большое — набралось из воды от тех сырых дров, которые я подкладывал в огонь. Так, оказывается, я оскорблял священные стихии.

Но тут навстречу мне поднялся со своего престола Воху Мана. Он провел меня к трону Ахура Мазды. Там, подле трона великого бога, пребывали Амеша Спента и души Заратуштры и Виштаспы. Я хотел было пасть перед Творцом ниц, но он промолвил:

— Привет тебе, Вираф праведный! Мне ведомо, зачем ты пришел. Пусть Атар и благочестивый Сраоша покажут тебе рай и ад.

Атар и Сраоша взяли меня за руки и повели от одной загробной обители к другой. Я видел души Гайомарта, Кави Каваты, Кави Усана, Хаосравы, Фрашаоштры, Джамаспы и многих прославленных царей и героев. Я видел души тех, кто был в жизни щедр и добр; тех, кто прилежно молился и соблюдал все ритуалы; тех, кто жил в кровнородственном браке; я видел души царей и властелинов. Я видел жрецов и вероучителей; видел воинов; ремесленников, которые верно служили своим господам; видел пастухов, которые надлежащим образом заботились о скоте; и пахарей я видел; и женщин, которые были верны мужу и соблюдали все

ритуалы; и тех, кто был защитником бедным и обездоленным. Все эти души испытывали несказанное блаженство — и не могли им пресытиться!

«Теперь, когда ты увидел рай и Гаронману, — сказали мне мои провожатые, — теперь посмотри, что такое ад. Ступай за нами».

Через некоторое время путь нам преградила могучая река. В той реке находилось множество душ. Одни из них не могли ее перейти, другие преодолевали с большим трудом, третьи счастливо переходили. Я спросил:

«Что это за река, что за бурный поток преградил нам путь?»

«Эта река — из слез, которые проливают люди, оплакивая покойников. Те, кто не может преодолеть реку, — это те, по кому друзья и родственники много горевали и кого долго оплакивали. А кого оплакивали мало, те легко преодолевают поток. Передай живущим, когда вернешься: грешно долго оплакивать мертвеца. Слезы принесут ему вред в царстве мертвых, ибо трудно ему будет преодолеть эту реку».

Я вернулся на мост Чинват, и глазам моим предстало ужасное зрелище: души грешников, восседающие в изголовьях мертвых тел. Это были грешники, издохшие за последние три дня. Печальными голосами они пели гату:

В какую землю мне направиться и кого получить в защитники?¹

Столько мучений и несчастий обрушивается на них в те три ночи, что они восседают подле мертвого тела, сколько несчастнейший из людей не испытывает за всю свою жизнь.

— Потом, — продолжал Вираф, — грешников встречает зловоннейший ветер с севера, где обиталище дэвов. И вот является их вера Даяна в облике обнаженной распутницы — опустившейся, грязной, с кривыми ногами, с проказой на теле. Она похожа на зловонную бородавчатую жабу. Душа грешника спрашивает:

«Кто ты? Никогда я не видел при жизни такого мерзкого создания!»

И распутница отвечает ему:

«Я — твои злые мысли, слова и дела! Я — то зло, которое ты в жизни совершил. Из-за твоих злых мыслей, слов и дел — именно из-за них я столь безобразна, дурна, грешна, растерзана, грязна и зловонна, раз-

¹ Перевод А. И. Колесникова.

бита и несчастна, какой тебе кажусь. Ты служил Ахриману и дэвам. Это ты сделал меня такой безобразной. О, сколь велики будут твои мучения!»

— Сраоша и Атар, благие язаты, — продолжал Вираф свой рассказ, — повели меня в Преисподнюю. Вскоре я ощутил пронизывающий холод. Передо мной простиралась бездна ада. Он был глубок, как самый страшный колодезь, уходящий вниз, в угрюмую теснину, во мрак. А смрад был столь сильным, что спирало дыхание. Грешные души толпились здесь, ожидая, когда их призовут к ответу. Много лет и веков им приходится стоять там в страшной тесноте, мучаясь от холода, голода и зловония.

Но я прошел в этот ад с легкостью — ведь меня вели за руки благие язаты, Сраоша и Атар. Вскоре я увидел человека, которого пожирала змея, а он кричал от боли.

«Чем провинился этот муж, что душа его так ужасно расплачивается за грех?» — спросил я моих божественных сопровождаемых, и они ответили мне:

«Это душа того грешника, который в земной жизни увлекался педерастией. Этому позорному греху искупления нет. Никаким наказанием, никаким искуплением нет ему очищения. Теперь его душа обречена на вечные муки».

— Потом, — продолжал Вираф, — я пошел дальше и увидел душу женщины, которую заставляли есть грязь и нечистоты. Я спросил:

«Чем провинилась она в земной жизни?»

«Это душа той грешницы, которая во время месячных прикасалась к воде и огню», — ответили мои сопровождаемые, Атар и Сраоша.

Затем я увидел убийцу праведника — с него живьем сдирали кожу.

Затем я увидел душу человека, страдающую от жажды и голода. Этот человек оскорблял Харватат и Амертат тем, что болтал во время еды, — и вот они наказали его голодом и жаждой. Тарви и Заири терзают его душу.

Еще я видел потаскуху — она была подвешена за груди, и гады-храфстра пожирали ее.

Осквернителей стихий, которые мочились на землю, тоже пожирали гады, да так, что тела их разваливались на несколько частей.

Женщина, которая не чтит своего мужа и ссорилась с ним, висела в воздухе с высунутым языком.

Душа жулика, который плутовал с гириями и разбавлял вино водою, обманывая людей, сидела и ела землю, смешанную с золой.

Видел я и несправедного царя, безжалостного тирана. Душа его висела в воздухе, и со всех сторон ее жалили ядовитые змеи.

А душу клеветника змеи жалили за язык.

Душу того, кто убивал домашний скот, ломали и рубили на части.

Душу скряги пытали ужасными пытками.

И еще я видел душу лентяя. Все его тело пожирали пауки и скорпионы — все тело, кроме правой ноги. Я удивился и спросил, что это значит. «Этот лентяй, — объяснили мне язаты, — никогда никакого благого дела не совершал, но однажды он правой ногой подбросил быку, запряженному в плуг, охапку травы».

— И много еще повидал я грешников, терпящих ужасающие муки! — воскликнул Вираф. — Это были еретики, жулики, лжецы, лжесвидетели, нарушители договоров — в их души стреляли из луков острыми стрелами, — осквернители стихий, и те, кто не соблюдал обряды, и перенесшие в одиночку труп, и прочие ритуально нечистые. Даже дети были в аду — младенцы, которых не признал их отец, и они остались незаконнорожденными. Этим детей не подвергали мучениям, но они плакали и стонали от горя. Зато отца, не признавшего собственных чад, рвали на куски собаки и дэвы. А мать, умертвившая собственного ребенка, распивала гору своей грудью.

Затем Сраоша и Атар провели меня под мостом Чинват. Там была тьма и тьма, а во тьме раздавались ужасные крики. Кровь застыла у меня в жилах от страха, и я закричал:

«Не ведите меня туда, в этот мрак! Давайте вернемся назад!»

Но благие язаты успокоили меня, что мне нечего бояться, и, сопровождаемый ими, я прошел в глубины Преисподней.

Там пытали грешников. Пытали их разными пытками: мокрым снегом, голодом, огнем, раскаленным металлом и удушьем. Видел я осквернителей священных огней и разрушителей храмов, видел души тех, кто не признавал веру маздаяснийскую, видел блудниц и непокорных жен, видел воров и разбойников, видел подвешенных вниз головами бунтовщиков, которым железными граблями раздирали тела, видел взяточников-судей, — все грехи, какие только есть, я видел в аду! И все грешники, совершившие их, подвергались невыносимым мучениям.

И наконец я увидел самого Ахримана. Он насмеялся и глумился над грешниками, говоря им:

«Почему вы называете себя приверженцами Заратуштры и Ахура Мазды, а выполняете мои желания и действуете по моей указке?»

И вот Сраоша и Атар, мои божественные проводники, вновь привели меня к престолу Ахура Мазды. И Творец Ахура Мазда дал мне такой наказ:

«Скажи, праведный Вираф, маздаяснийцам на земле: “Есть только один путь праведности — это путь учения Заратуштры, все прочие пути — беспутье. Изберите этот единственный путь и не сворачивайте с него ни в процветании, ни в нужде, ни в горе, ни в радости. Следуйте благим мыслям, благим словам и благим деяниям. Твердо держитесь веры, которую получил от меня Спитама Заратуштра и которую Виштаспа принес во все семь каршваров земли. Блюдайте благой закон и избегайте греха”. Ступай с миром, праведный Вираф, и расскажи маздаяснийцам все, что ты здесь видел».

— Услышав эти слова, я поклонился Ахура Мазде. Затем победоносный Сраоша подхватил меня и быстрее ветра перенес сюда, где лежало, погрузившись в священный сон, мое тело, — закончил свой рассказ праведный Вираф.

Кавад, Хосров Аноширван и еретик Маздак

Поздние пехлевийские сочинения изображают Маздака еретиком, лжепророком и обманщиком, однако фрагментов, посвященных учению Маздака, в них мало, и критика этого учения носит весьма абстрактный характер.

Арабские авторы, вслед за пехлевийской традицией, также изображают Маздака обманщиком и еретиком. Наиболее совершенным с литературной точки зрения арабским произведением о Маздаке является центральная из глав, посвященных борьбе с еретическими учениями, — «О появлении Маздака, его вероучении и о том, как Аноширван Справедливый убил Маздака» — в «Книге о политике», приписываемой Низаму аль-Мульку (XI в.) и являющейся своеобразным наставлением царям, как следует управлять государством и подданными. Ниже приводится пересказ этого фрагмента.

В правление царя Кавада верховным жрецом стал еретик по имени Маздак, который пожелал искоренить зороастрийскую веру, а вместо нее насадить нечестивую ересь и повести всю страну по дэвовскому пути.

Началось все с того, что этот Маздак был очень искусным астрологом. Из гороскопов и небесных знамений он узнал то, что было покуда сокрыто ото всех остальных. Звезды и светила говорили, что должен в скором времени прийти в мир славный муж¹, который провозвестит новую веру, и этой верой уничтожатся все прочие религии — зороастрий-

¹ Имеется в виду пророк Мухаммад (Магомет).

цев, евреев, христиан и язычников; и останется эта вера нерушима до дня восстания из мертвых. И пришло Маздаку желание самому быть таким мужем. Стал он раздумывать, как бы ему соблазнить людей и установить новую веру. И придумал.

А придумав, сразу взялся за дело. Он приказал своим рабам провести из потаенного места подземный ход, тайно проделать там скважину так, чтобы выход скважины, малый и узкий, пришелся бы на середину места, где возжигали священный огонь. Когда все было готово, Маздак возвестил о своей пророческой миссии.

— Я послан, — заявил он во всеуслышание на вечернем богослужении, — возродить веру Заратуштры, ибо люди забыли предписания Авесты, не исполняют повелений Ахуры и служат дэвам. Когда племя Израиля забыло данные повелителем в «Пятикнижии» заветы Моисея — да будет над ними благословение! — и начало поступать противу них, бог послал пророка, чтобы удалить противозаконие, утвердить каноны «Пятикнижия» и поставить народ на путь истины. Теперь пророк послан к вам. Это — я. Моиими устами говорят Заратуштра и Ахура.

Когда эти слова донесли царю Каваду, он собрал на следующий день благородных вельмож и жрецов, рассказал им все как есть и, призвав Маздака, спросил его перед лицом собравшихся:

— Ты называешь себя пророком Господа Ахуры?

— Да, — ответил Маздак, — и я пришел к вам. Мне было откровение от Ахуры. Мы нарушаем заветы Заратуштры и неправильно толкуем Авесту. Теперь я разъясню вам все сомнительное и растолкую истинный смысл Авесты.

— Как же ты докажешь, что ты божий пророк, а не наглый самозванец? — спросил Кавад.

— А вот как я докажу вам это: я заставлю говорить алтарный огонь. Я попрошу у великого бога, чтобы через огонь он засвидетельствовал мое пророческое достоинство, и при этом так, что услышишь и ты, царь, и все, кто будет рядом с тобою. Ахура Мазда так и сказал мне в вещем сне: «Если усомнятся, что ты мною послан, веди всех к алтарю и помолись огню, прося его подтвердить твои слова».

— Что молвите на это вы, вельможи и мудрые вероучители? — спросил царь Кавад.

— Прежде всего ясно, — ответили те, — Маздак следует нашему учению, нашему писанию и не отвергает Заратуштру. В Авесте же действительно есть фразы, которые можно понимать по-разному, и каждый

толкователь понимает их, как считает верным. Всякий мудрец приведет на эти фразы двадцать толкований. Возможно, что Маздак объяснит лучше, чем они... Но он заявляет, что заставит говорить огонь, которому мы поклоняемся. Это — сверхъестественно, это — не в людской власти. Царю же, впрочем, подобает лучше знать.

Тогда Кавад сказал:

— Если огонь заговорит, я уверюсь, что ты — пророк.

— Пусть назначит царь время, — попросил Маздак, — и прибудет вместе с вероучителями и благородными к святилищу. Там по моей просьбе великий бог повелит, чтобы огонь заговорил. Это можно сделать сегодня, даже сейчас.

— Постановим, — решил царь, — завтра всем вместе идти к храму огня.

Назавтра Маздак приказал своему верному человеку, служителю при храме, спуститься в подземный ход, встать под алтарем огня и в нужный момент давать ответы.

— Когда я буду обращаться громким голосом к Ахура Мазде, — ты приблизь лицо к скважине и произнеси: «Добродетель поклонников Заратуштры и Ахуры на земле состоит в том, чтобы следовать словам Маздака, дабы приобрести благо в этом и другом мире».

И вот Кавад и его свита пришли в святилище. Позвали Маздака. Тот явился, встал подле огня, громко воззвал к Ахуре, воздал хвалы Заратуштре и замолчал. Вдруг всем на изумление из пламени раздался голос:

— Добродетель поклонников Заратуштры и Ахуры на земле состоит в том, чтобы следовать словам Маздака, дабы приобрести благо в этом и другом мире.

Вернувшись из святилища, Кавад повелел позвать Маздака и с той поры что ни час — то более и более сближался с ним, пока совершенно не уверовал в его пророческую миссию. Он приказал построить для Маздака золотое кресло, украшенное драгоценными камнями, и поставить его у престола в тронном зале. При приемах Кавад сидел на престоле, а Маздак — на том золотом кресле, которое было гораздо выше царского престола.

Стали обращаться и придворные в Маздакову ересь, чтобы угодить Каваду. Из провинций, с далеких окраин шли в столицу люди поклониться говорящему огню. Из жрецов новую веру не принял никто. «Посмотрим, — говорили они, — каковы будут его дела и как он истолкует Авесту».

Ждать долго не пришлось. Маздак стал собирать народ на площади и проповедовать им свое учение.

— Богатство и собственность — это зло, — говорил он. — Да будут разделены блага между людьми в одном и том же. Да отдаст один другому свое богатство, чтобы не было нищеты, бедности, чтобы все были равно наделены житейскими благами!

Эти призывы очень даже по душе пришлись всем простолюдинам. Чем беднее был человек, тем яростней он отстаивал новое учение. Уже начали приступать к дележу имущества. Народ требовал открыть царские закрома и раздать все обездоленным. Кавад же, убежденный, что Маздак — божий посланник, во всем ему потакал. Но чем больше он ему потакал, тем большего Маздак требовал.

— Жёны — тоже ваше имущество, — говорил он, — да будет разрешено каждому познать женщину, какая ему приглянется. Пусть никто не будет в этом мире обделен удовольствиями и наслаждениями, двери желания да будут открыты перед всеми людьми.

Народ в считанные недели развратился от соблазна общности имущества и жен. Среди простого люда даже появился такой обычай: приводил кто к себе гостей, человек десять — двадцать, и все они, откушав яств с пиршественного стола и напившись вина, слушали музыку, а после этого шли один за другим в женские покои — и это не считалось зазорным. Было даже правило: вошедший к женщине оставлял у дверей помещения шапку; когда другой сластолюбец видел положенную шапку, он должен был дожидаться, пока его предшественник не выйдет из двери.

Хосров Аноширван был вне себя, видя, что творится в стране. Но разговаривать с отцом было бесполезно: царь во всем верил Маздаку. Тогда Аноширван обратился к жрецам и вероучителям:

— Почто вы молчите? Почему не подаете совета моему отцу? До чего мы дошли, покрывая проделки мошенника? Этот нечестивец разрушил наше благосостояние, обесчестил наших жен, поставил чернь у кормыла правления. Для чего все это? Кто велел? Будете молчать — останетесь без имущества и жен. Хварна Сасанидов покинет нас всех. Идите к отцу! Откройте ему глаза, подайте совет! Вступите в спор с Маздаком, пусть он предъявит доказательства своей правоты!

Затем с такими же словами Аноширван обратился к знати и благородным:

— Нечестивое безумие овладело моим отцом, привело в расстройство его разум, он перестал различать, где — польза, где — вред. Поможем

ему излечиться, пусть перестанет он слушать Маздака, поступать по его воле. Не обольщайтесь и сами, подобно моему отцу, ибо Маздак стоит не на правде, а на обмане, обман же — зыбок, назавтра уж не принесет вам пользы.

От этого увещания благородные встревожились, и если ранее некоторые из них думали обратиться в Маздакову ересь, то теперь отступились. Однако высказать в глаза царю правду, что Маздак мошенник и самозванец, они побоялись и решились только просить Кавада, чтобы Маздак явил новые доказательства своей правоты:

— Не читали мы ни в Авесте, ни в сказаниях с самых древнейших времен по сей день, не слышали и в преданиях, чтобы кто-то говорил и делал такое, как проповедует и приказывает Маздак. Великое нашло на нас сомнение.

— Поговорите с Маздаком, он объяснит, — сказал Кавад.

Позвали Маздака.

— Чем докажешь ты свои слова и дела? — спросил шах.

— Так повелевает Заратуштра, — ответил Маздак, — и так написано в Авесте. Люди просто не понимают этого. А если не верите мне, пойдем спросим у огня.

Снова пошли к святилищу, спросили, и опять из середины пламени раздался голос:

— Правильно то, что говорит Маздак, неправильно то, что вы говорите!

Опять жрецы и вероучители были посрамлены. На следующий день они пришли к Аноширвану и рассказали все, как было.

Прошло несколько недель. По всей стране прокатилась волна грабежей — это бедняки отбирали имущество у зажиточных и делили поровну.

Однажды Кавад с Маздаком отдыхали после трапезы на берегу пруда. И вздумалось Маздаку сказать, что народ-де повсюду принимает новую веру, было бы хорошо также Аноширвану воспылать благочестием и обратиться в Маздакову веру.

— Разве он не обратился еще? — спросил Кавад.

— Нет.

— Позовите его, пусть придет скорей.

Аноширван немедленно явился на зов. Отец сказал ему:

— Сын мой Аноширван, разве ты еще не принял Маздакову веру?

— Нет, слава богу.

— Почему же?

— А потому, что Маздак лгун и обманщик.

— Да как у тебя язык поворачивается говорить такие дерзости! Ведь огонь подтвердил его правоту!

— Кроме огня, есть еще три священных стихии — вода, земля и воздух. Прикажи, чтобы он заставил их говорить, как заставил огонь, тогда поверю, обращаюсь.

— Но ведь все, что говорит Маздак, написано в Авесте. Это слова самого Заратуштры, божьего пророка!

— Авеста не велит, чтобы были общими имущество и жены. Со времен Заратуштры не появлялось мудреца с такими толкованиями. Вера предписывает хранить богатство и беречь женскую добродетель. Если не так, то чем отличается человек от животного? Скоты питаются и сокупаются таким образом, а не люди, наделенные разумом.

— Да как ты смеешь перечить мне, своему родителю!

— Я научился этому от тебя, отец. Ибо при твоём отце не было такого. Ты идешь супротив заветов своего отца, я — супротив тебя. Ты откажись, и я буду повиноваться тебе.

Так они спорили очень долго, и наконец Кавад в гневе крикнул Аноширвану:

— Либо сам приведи убедительные доказательства, что Маздак самозванец и вера его — обман, либо приведи кого-нибудь, кто сумеет это доказать! А не сможешь — велю тебя казнить в назидание всем прочим! Ступай!

— Хорошо, — сказал Аноширван. — Дай мне сорок дней, и я сам найду доказательства. Либо приведу того, кто сумеет ответить вместо меня.

На том они и расстались. Вернувшись от Кавада, Аноширван послал гонца с письмом к одному прославленному вероучителю, старцу-мудрецу: «Приезжай как можно быстрее. Мы с отцом поссорились из-за Маздака. Через сорок дней назначен наш диспут по вопросам веры, и если я не посрамлю Маздака, меня казнят».

* * *

И вот минули назначенные сорок дней. Кавад созвал двор, сел на престол, Маздак — на кресло. Ввели Аноширвана.

— Спроси, с чем он явился, — сказал Маздак Каваду.

— Ну, каков твой ответ? — спросил Кавад.

— Я еще не готов.

— Возьмите его и предайте казни! — крикнул Маздак со своего золотого трона.

Кавад не сказал ни слова. Слуги кинулись к Аноширвану. Аноширван ухватился за узорчатую решетку и закричал отцу:

— Почему вы так торопитесь с моей казнью? Ведь положенное время еще не прошло!

— Как это не прошло? — спросил Кавад.

— Я ведь просил полных сорок дней. Сегодня, следовательно, еще мой день. Пройдет он — делайте дальше, что хотите.

— Он прав! Прав Аноширван! — закричали со своих мест жрецы и военачальники.

— Ладно, отпустите его еще на день, — приказал Кавад.

Слуги отступились. Маздак еле сдержался, чтобы не выругаться от досады.

Кавад встал и объявил, что все свободны до завтра. Аноширван вернулся к себе домой. А тот старец-вероучитель, которого Аноширван просил приехать, уже подъезжал ко дворцу на верблюде. Он слез, вошел в покои и приказал слуге:

— Пойди доложи, что прибыл вероучитель к Аноширвану.

Слуга быстро исполнил приказание. Аноширван, сам не свой от радости, выбежал из покоев и заключил старца в объятия.

— О всеумудрый учитель! Ведь сегодня я чуть не покинул этот мир! — воскликнул он и рассказал все, что было.

— Не тревожься, — ответил старец. — Если все так, как ты говоришь, правда за тобой, а не за Маздаком. Я отвечу за тебя и отвращу Кавада от дэвовской веры. Но для этого ты должен устроить так, чтобы прежде, чем Маздак узнает о моем приезде, я смог повидать царя.

— Это нетрудно, — пообещал Аноширван.

Он помолился Бессмертным Святым и отправился во дворец к отцу. Почтительно поприветствовав родителя, он сказал:

— Мудрый старец готов предстать пред Маздаком вместо меня, но до начала спора он просит тебя принять его и выслушать с глазу на глаз.

— Приведи его, — разрешил Кавад.

И когда стемнело, Аноширван отправился вместе со старцем к Каваду. Представ перед царем, вероучитель сначала воздал хвалу повелителю, потом его родителям и наконец сказал:

— Маздак впал в ересь. Никакой бог не поручал ему того, что он делает. Я знаю его. Он искушен в звездной науке. Светила и звезды ввели его в искушение. В грядущем веке должен явиться муж, наделенный пророческой властью, — он принесет миру изумительное писание, сотворит немислимые чудеса, призовет людей шествовать по праведному пути, провозвестит чистейшую веру, ею уничтожится вера зороастрийцев, евреев, христиан и всех прочих народов. Он привлечет сердце раем, устрасит преисподней, возведет в канон обладание богатством и женами, освободит людской род от дэвов, в содружестве со Сраошей разрушит храмы огня и капища идолопоклонников. Вера его распространится по всей земле и будет нерушима до дня восстания из мертвых. Земля и небо удостоверят его пророческий сан... И вот Маздак пожелал быть таким мужем. Но тот, грядущий пророк, будет иноземец, а Маздак — иранец; тот запретит обожествление огня, отвергнет Заратуштру, а Маздак — приверженец учения Заратуштры и велит поклоняться огню; тот запретит искать чужих жен, незаконно завладевать чужим добром, за грабеж он повелит рубить руки, а Маздак захватывает чужое имущество и жен; тот пророк будет получать веления от неба, из уст Сраоши, а Маздак их получает от огня. Маздакова вера — это обыкновенная ересь. Завтра посрамлю его перед тобой. Этого смутьяна надо уничтожить, ибо его стремление — изъять державу из рук твоего дома, истребить богатства, тебя самого, царь, сравнить с подлым людом. Маздак жаждет отобрать у тебя власть.

Слова старца прилились по душе Каваду.

Назавтра в назначенный час собрались вероучители и вельможи. Кавад воссел на трон, Маздак — на свое кресло. Аноширван встал перед престолом. Старец выступил вперед и обратился к Маздаку:

— Кто будет из нас задавать вопросы, а кто отвечать?

— Задавай ты. Я же буду отвечать.

— Тогда ты ступай на мое место, а я сяду на твое, — сказал старец.

— Сюда меня посадил шах, — возразил Маздак. — Задавай свои вопросы, я жду.

— Ты вот, — начал старец, — учишь, что имущество должно быть общим. Скажи-ка, разве не в надежде на воздаяние в будущей жизни строились караван-сарай, мосты, храмы и другие богоугодные заведения?

— Да, — ответил Маздак.

— Но раз ты поделил все добро между всеми, кто же будет теперь оплачивать расходы по этим постройкам?

Маздак не ответил.

— Ты велишь, чтобы женщины были общим достоянием; вот возьмем к примеру, двадцать мужчин имеют дело с одной женщиной, она беременеет, родит, — кто же отец ребенка?

Ни слова не проронил Маздак.

— Вот на троне сидит царь. Его держава — наследство отца, а отец получил власть в наследство от своего отца... Теперь, ежели десять мужчин будут иметь сношение с царицей, кто, скажи мне, должен считаться отцом? Таким образом пресечется древо рода, не будет отпрыска в правящем доме. Высокое и низкое положение человека в обществе зависит от богатства и бедности. Неимущий лишь в силу своей бедности служит имущему. Если все сравняются и не станет ни богатых, ни бедных, то исчезнет и сама царская власть. Вот ты и учишь о равенстве для того, чтобы уничтожить власть в роду иранских царей.

И на эти слова Маздак ничего не сказал.

— Отвечай же, — понудил его Кавад.

— Мой ответ таков, — произнес Маздак, — повели перерезать ему глотку.

Кавад возразил:

— Нельзя казнить без достаточных оснований.

— Тогда спросим у огня, — предложил Маздак, — я ничего больше не могу сказать.

Когда все разошлись, порешив завтра идти за ответом в святилище, и наступила ночь, Маздак призвал к себе двух священнослужителей, преданных его вере, одарил их золотом и взял клятву, что они будут хранить в тайне все, что он скажет. Затем он вручил каждому по сабле и приказал:

— Если завтра, когда все соберутся в храме, огонь повелит убить шаха, быстро обнажайте сабли и действуйте без колебаний. Отпор вам никто дать не сможет: ведь ни один человек не войдет в храм с оружием в руках.

— Повинуемся, — ответили те двое.

Но старец предвидел такой оборот событий и вечером сказал Аноширвану:

— Пусть тебя сопровождают десять телохранителей, скрыв оружие под платьем.

Маздак же, как всегда, научил своего доверенного, что именно надо говорить в скважину под алтарным огнем.

Наутро собрались жрецы и вельможи, пришли Кавад и Маздак. Маздак предложил старцу обратиться к огню с вопросом. Старец попытался, но не получил ответа. Тогда к огню воззвал Маздак:

— О огонь, рассуди нас, засвидетельствуй мою правоту!

— Я немощен со вчерашнего дня, — раздался голос из середины пламени. — Сначала накормите меня сердцем и печенью Кавада, тогда возведу, как надо действовать. Истинно, Маздак — ваш вождь на пути к вечному блаженству в будущей жизни.

— Дайте огню силу! — вскричал Маздак.

Это был сигнал. Двое убийц обнажили мечи и бросились на царя.

— Спасай отца! — крикнул старец Аноширвану.

Выхватив сабли, телохранители встали между Кавадом и убийцами.

— Таково веление Ахура Мазды! Так требует огонь! — командовал Маздак.

Все, кто был в храме, пришли в замешательство. Одни кричали, чтобы Кавада, живым или мертвым, бросили в огонь, другие стояли за то, чтобы повременить с решением. Разошлись из святилища, когда уже день был на исходе.

«Разве я совершил какой грех, — горевал Кавад, — что огонь требует меня в жертву? И как мне теперь быть? Уж лучше быть сожженным на этом свете, чем гореть в будущей жизни».

Когда стемнело, старец снова тайком ото всех пришел к Каваду, и они долго беседовали. Старец рассказал царю о бывших прежде царях и вероучителях, приводил примеры, доказывал, что Маздак — не пророк, а лютей враг царскому дому.

— Сначала, — говорил старец, — он вознамерился погубить Аноширвана, когда же не смог, то посягнул на твою кровь. Не постарайся я сегодня, так не было бы тебя в живых. О голосах же из пламени забудь: я знаю средство, как раскрыть эту плутню. Знай, что огонь ни с кем не говорил.

Настолько старец успел убедить царя, что тот даже устыдился содеянного.

— Ты не смотри, — уговаривал царя старец, — что Аноширвану всего семнадцать лет от роду. Его все уважают и чтут, все прислушиваются к его мнению. С Маздаком же не советуйся, не будь откровенным, если желаешь, чтобы царская власть принадлежала твоему роду.

И той же ночью старец поучал Аноширвана:

— Постарайся заполучить в союзники кого-либо из близких Маздаку. Прельсти подарками, пусть он откроет все эти хитрости с огнем.

Аноширван так и сделал. Одному из своих верных людей он поручил сдружиться с человеком, близким Маздаку, и тайком привести его. Когда это состоялось, Аноширван принял приведенного в уединенном покое, с глазу на глаз, положил перед ним тысячу динаров и сказал:

— С этих пор будь мне другом и братом, а я все для тебя сделаю, что могу. Скажешь правду — твои тысяча динаров, назначу тебя своим приближенным, поставлю на высшую должность, не скажешь — голова с плеч долой.

Тот испугался.

— А если расскажу, что требуешь, выдержишь ли обещание?

— Сдержу, сделаю более, чем обещал, только объясни: какую хитрость употребляет Маздак, чтобы заставить говорить огонь?

— Сохранишь ли все в тайне?

— Сохраню.

— Так вот, возле места, где возжигают священный огонь, есть подземелье, вокруг — высокая стена, в середину же огня оттуда проведена узкая скважина. Когда Маздак хочет, чтобы огонь говорил, он посылает в подземелье своего доверенного; тот говорит, приставляя рот к скважине, а тем, кто в храме, кажется, что голос идет от огня.

Возрадовался Аноширван, что узнал наконец правду. Он тут же отдал человеку обещанную тысячу динаров, а ночью отвел его человека к отцу, чтобы тот выслушал весь рассказ в подробностях.

Кавад изумился хитрости и дерзости Маздака. Сразу исчезли у него все сомнения. Он послал за старцем, воздал ему хвалы и почет и повел беседу о случившемся.

— Я ведь говорил царю, — сказал старец, — что Маздак — обманщик.

— Теперь-то все ясно для меня. Но как погубить его? Ведь у него столько сторонников! — спросил Кавад.

Старец на это посоветовал:

— Не подавай вида, что тебе все известно. Сзови опять всех, я вступлю с ним в спор, притворюсь побежденным, признаюсь в своем бессилии и уеду. А чтобы все это закончить, поступай так, как рассудит Аноширван.

Несколько дней спустя снова призвал к себе Кавад вельмож и жрецов на царский прием. Как всегда, он воссел на царский престол, а Маз-

дак — на свое золотое кресло. Старец поднялся и сказал, обращаясь к Маздаку:

— Поразился я, что огонь говорил.

— Нечему поражаться, — ответил Маздак, — разве ты не знаешь, что Моисей обратил палку в змея, а камень в двенадцать водяных источников? Он просил Господа, чтобы водяная пучина поглотила фараона и его воинство, и великий бог исполнил его просьбу. Иисус Христос, да будет благословенно его имя, возвращал к жизни мертвых. Эти все чудеса ведь не от человека, а от бога. Вот и меня послал Господь, дав мне власть над огнем. Что я скажу — огонь подтверждает. Подчиняйтесь мне, а не то Господний гнев вас накажет и всех погубит.

Тогда поднялся со своего места старец:

— Не перечу мужу, глаголящему от бога и огня, над которым дана ему богом власть, признаю себя немощным, не помышляю более о дерзости, ухожу.

И покинул собрание.

Кавад объявил, что все свободны. Маздак возликовал, ушел в храм огня и заперся там, объявив, что семь дней он будет молиться богам, дабы они наставили на истинный путь всех, кто еще заблуждается.

Кавад же ночью призвал к себе Аноширвана и спросил:

— Уезжая, старец вручил меня тебе. Ты и должен взяться за уничтожение этой ереси. Что надо делать?

— Если царь отныне доверяет мне, — ответил Аноширван, — и никому не скажет ни слова, я завершу это дело, сотру с лица земли и Маздака и его приспешников.

— Ни с кем не буду говорить, кроме тебя.

Тогда Аноширван сказал:

— Итак, старец уехал, Маздак торжествует, маздакиты потеряли голову от радости. Убить Маздака — дело самое легкое. Но у него несметное полчище сторонников. Убьем главаря — маздакиты рассеются по всей стране, возбудят смуту среди народа, наступят тяжелые времена для нас самих и для всего царства. Надо так устроить, чтобы убить всех сразу, ни один чтобы не остался в живых, никто не спас бы головы от нашего меча.

— Как же ты думаешь это совершить?

— Когда Маздак выйдет из храма и придет во дворец, умножь почести, которыми он окружен. Окажи ему еще больше внимания, чем прежде. А потом уединись с ним как-нибудь для беседы и скажи: «С того дня,

как приезжий старец признал себя побежденным, Аноширван уверовал в тебя и стыдится того, что говорил ранее».

Прошла неделя. Маздак покинул храм огня и пришел к Каваду. Тот оказал ему почести, выразил чрезвычайное смирение и сказал то, что посоветовал Аноширван.

— Много людей смотрят на Аноширвана и берут с него пример, — ответил Маздак. — Если он обратится в новую веру, ее следом за ним примут все. Я молил огонь, чтобы бог наставил его на истинный путь — и молитвы мои услышаны!

— Ты сделал хорошо, — сказал Кавад. — Ведь он — мой наследник, мой родной сын. В честь его обращения я велю выстроить каменную башню и покрыть ее золотом!

— Скажи Аноширвану, — сказал Маздак, — что я буду за него молиться.

Вечером Кавад передал Аноширвану разговор с Маздаком. Аноширван посмеялся и сказал:

— Выжди несколько дней, а потом снова позови Маздака и скажи ему: Аноширван, мол, вчера видел страшный сон, испугался, ни свет ни заря пришел ко мне, говорит: «Видел я, отец, во сне: идет на меня громадное пламя, и все ищу, где бы укрыться, смотрю — приближается некто с дивным лицом, спрашиваю его: “Что нужно огню от меня?” — “Сердится на тебя огонь за то, что обозвал ты его лжецом”. — “Ты-то откуда знаешь?” Отвечает: “Сраоше все известно”. Здесь, мол, Аноширван проснулся и хочет идти в храм огня, сжечь в жертву благоволия, молиться три дня, чтобы вымолить прощение у Ахура Мазды».

Еще больше обрадовался Маздак, когда услышал все это от Кавада и узнал, что Аноширван на самом деле выполнил свой обет.

Прошла неделя, за ней другая. И вот Аноширван сказал Каваду:

— Пора действовать! Скажи Маздаку, что я к тебе приходил и сказал такие слова: «Я уверился в истинности нового учения и в том, что Маздак — божий посланец и пророк. Одного только боюсь: очень много у Маздака врагов. Не восстали бы они да не захватили бы державы. Надо было бы узнать, сколько приверженцев новой веры да кто они. Если их много, сила, значит, с ними, я сейчас же приму Маздаково учение. А если не так — подожду, пусть возрастет их число. Тогда раздам им оружие, и, уже сильные и крепкие, мы, провозвестив новую веру, обратим в нее народ огнем и мечом». Если после этого Маздак ответит тебе,

что у него много сторонников, скажи ему: «Сосчитай и перепиши их имена, чтобы не осталось ни одного, который бы не попал в список».

Маздак исполнил все, что попросил Кавад. Он сосчитал своих приверженцев, внес их в список и передал список Каваду. Оказалось, что число маздакитов — двенадцать тысяч, среди них воины и простые горожане.

— Вечером я позову Аноширвана и все передам ему, — сказал Кавад Маздаку. — А когда Аноширван перейдет в нашу веру, я прикажу бить в барабаны и играть в рога. Когда услышишь эти сладостные звуки, знай, что свершилось долгожданное!

Вечером Кавад передал Аноширвану список и рассказал все, как было.

— Прекрасно! — одобрил Аноширван. — Распорядись, чтобы били в барабаны, а завтра, когда увидишь Маздака, скажи ему, что список положил предел сомнениям Аноширвана и он окончательно обратился в новую веру. Будь в списке пять тысяч человек, Аноширван нашел бы это число недостаточным, а вот двенадцать тысяч — другое дело. Теперь, мол, не страшно, если даже весь мир восстанет против нас.

...Вечером Маздак услышал бой барабанов, звуки рогов и воскликнул:

— Аноширван принял нашу веру!

Еще больше он обрадовался на другой день, когда на шахском приеме Кавад передал ему слова Аноширвана. После приема Кавад пригласил Маздака в отдельные покои. Туда же пришел и Аноширван, принес с собою в дар множество золота, драгоценностей и поросил у Маздака прощения за все, что произошло между ними ранее. Затем приступили к разрешению дел.

— Ты — повелитель мира, — сказал Аноширван отцу, — Маздак — пророк господень, отдайте мне командование над войском. Я устрою так, что не останется в мире ни одного противника нашей веры.

— Быть по сему, — решил Кавад.

— Для того же, чтобы начать действовать, — продолжал Аноширван, — Маздак должен разослать по всем городам и деревням, где есть наши сторонники, своих доверенных. Пусть они известят их, что через три месяца все они должны собраться у царского дворца, чтобы получить оружие и доспехи. А чтобы о наших намерениях никто не узнал до поры до времени, объявим, что это собрание — просто званый пир. Пусть всем прибывшим поднесут угощение и побольше вина. Пусть каждый осушит по семь кубков! После этого тайком, малыми отрядами — по пятнадцать — двадцать человек, они должны подойти к дворцу и разобрать

оружие и лошадей. Когда все будет готово, мы провозгласим новую веру. Кто примет ее — да спасется, кто не примет — будет нами убит.

Кавад и Маздак одобрили план Аноширвана. Маздак разослал послания, извещая своих приверженцев, что они должны через три месяца прибыть ко двору, чтобы получить одежду, доспехи, оружие и лошадей.

В назначенный день все двенадцать тысяч маздакитов собрались во дворце. Там уже было приготовлено для них роскошное угощение. Царь воссел на трон, Маздак на свое кресло, а Аноширван был в зале с гостями.

После еды перешли в другие покои. Здесь гостей ожидали кувшины, полные отборных вин. Музыканты услаждали слух прекрасными мелодиями, кравчие разносили кубки. Увидев, что гости уже порядком захмелели, Аноширван решил, что пора действовать.

— Ступайте теперь небольшими отрядами во дворец, — объявил он, — облачитесь в доспехи и выходите на площадь перед дворцом. Туда вам вынесут оружие и выведут лошадей.

Посреди той площади уже заранее был вырыт глубокий ров. А в роще, окружавшей дворец, ждали в засаде четыреста лучших воинов. Им был дан такой приказ: «Я буду высылать гостей по двадцать — тридцать человек. Хватайте их и, раздевши, каждого закопайте в ров до пояса — головою вниз, ногами вверх».

Отряд состоял из ненавистников Маздака и приказ исполнял с удовольствием. Гости приходили на площадь, их хватали и закапывали в ров вверх ногами. Когда все собравшиеся маздакиты были заживо погребены, Аноширван подошел к отцу и Маздаку.

— Всех одарил я роскошным платьем, — сказал он. — Убранные в одежды, они стоят на площади. Встаньте и посмотрите. Никто не видел более великолепных украшений!

Кавад и Маздак встали со своих мест, вышли из дворца, прошли на площадь, — и тут их глазам предстало незабываемое зрелище: на площади, от края до края, виднелись поднятые вверх ноги. Аноширван обернулся к Маздаку.

— Воистину ни одно войско еще не одаривали такими одеждami! — воскликнул он и повернулся к Маздаку. — Ты хотел развеять по ветру наше богатство, вырвать власть из рук Сасанидов. Приказываю и тебя одеть в такие же великолепные одежды!

Маздак заголосил что есть мочи. Но его схватили и закопали вверх ногами — точно так же, как его приспешников.

Аноширван, налюбовавшись этим зрелищем, сказал отцу:

— Итак, ты увидел исполнение совета мудрецов. Теперь же я считаю полезным запретить тебе некоторое время выходить к людям из дворца. Пусть утихнут волнения, пусть успокоится народ и воинство от всей этой смуты.

В «Шахнаме» толпа крестьян в неурожайный год умоляет верховного жреца Маздака о помощи: им грозит голодная смерть. Маздак велит толпе подождать, отправляется к Каваду и спрашивает его, какой приговор надлежит вынести человеку, который имел лекарство, но не дал его умирающему от укуса змеи. После ответа шаханшаха, что такой человек должен быть предан казни, Маздак задает еще один аналогичный вопрос-иносказание и, получив такой же ответ, как и в первый раз, возвращается к крестьянам и от имени шаханшаха разрешает безвозмездно брать хлеб из царских закромов. Охваченному негодованием Каваду на его вопрос, кто дозволил разграблять житницы, Маздак отвечает, что сам он, Кавад, и дозволил: ведь царь собственными устами назвал преступником того, кто не помог умирающему. Кавад признал правоту Маздака, посчитал его величайшим мудрецом, принял его веру и стал требовать того же от сына, Хосрова Аноширвана. Но Хосров с помощью старого жреца одерживает победу в диспуте с Маздаком, доказывает ложность его учения, красочно описывает бедствия, которые обрушатся на страну, если, как учит Маздак, супружества не будет и жены станут общими. Слова Хосрова убеждают шаханшаха. Всех сторонников Маздака закапывают в ров, а самого Маздака вешают вниз головой и расстреливают из луков.

По велению своего наставника, великого Ахура Мазды, Заратуштра совершил омовение в священном озере Кансава и оставил в водах этого озера свое семя. Это было нужно вот для чего. В назначенный судьбою срок в этом озере выкупаются три избранные девицы и родят трех сыновей — сыновей пророка, спасителей мира. Имена первых двух будут: Хушедар и Хушедар-мах, имя последнего — Астват-Эрета, сын Виспатаурвари, главный Саошьянт.

Через 1500 лет после смерти Заратуштры наступит Эра первого Спасителя — Хушедара.

В день, когда он придет к Ахура Мазде, солнце остановится в зените и простоит неподвижно в течение десяти суток, пока широкопастбищный Митра не взмолится:

— О Хушедар! Прикажи солнцу продолжить свой путь по небу, ибо во всех семи каршварах воцарилась на радость дэвам беспроглядная тьма.

По приказу Хушедара солнце вновь поплывет по небосводу с востока на запад. А сам Хушедар направится к Ахура Мазде.

Их встреча продлится пятьдесят лет. Все это время Хушедар будет получать наставления от великого бога, как некогда получал их пророк Заратуштра. Потом он пойдет в мир, к людям. Он разъяснит людям сокровенный смысл ритуалов и обрядов, правильно истолкует все тексты Авесты — и люди поймут, что это божий посланник. Все будут стараться жить по совести и блюсти заветы Заратуштры.

Ахриман кинет клич своим исчадиям — восстать из тьмы и идти в бой. Все храфстра-волки сбегутся со всей земли к подножию горы и

превратятся в одного гигантского волка — 415 шагов в ширину и 433 шага в длину будет туловище этого чудовища! Маздаяснийцы соберут армию и вступят с этим волком в сражение. Прежде всего они воспоют Ахуна Варью и Гаты и обретут такую силу, что станут непобедимыми. Затем, по призыву Хушедара, они убьют этого страшного гигантского волка плетями, кинжалами, копьями и стрелами. Яд дэвовского волка разольется по земле и отравит все растения вокруг. А из тела волка возникнут два дэва — в виде черной саранчи и в виде змея.

Через четыреста лет после прихода Хушедара хлынет проливной дождь с небес. За четыре года до того, как это случится, маздаяснийцы предупредят людей, что надо впрок запастись съестным. Люди поверят им, набьют закрома всяческой провизией — но дождь не прольется в тот год, и люди подумают, что поклонники Мазды их обманули. То же повторится и на второй год, и на третий; а на четвертый год люди скажут:

— Маздаяснийцы — лгуны! Они страцают нас понапрасну. Никакого дождя не будет ни в этом году, ни в следующем; его не будет вообще никогда!

Вот тут-то и хлынет дождь. Он будет лить почти непрерывно: прекратится лишь трижды летом и трижды зимой в первый год, дважды летом и дважды зимой на втором году и один раз летом и один раз зимой — на третьем году. А на четвертом году повалит снег.

Тогда маздаяснийцы вспомнят о Варе, что некогда построил Йима, и уведут всех людей туда, под защиту ограды. Все они будут телесно здоровы, все — работаючи и праведны, но у них не хватит съестных припасов, чтобы пережить страшную зиму: не поверив маздаяснийским пророчествам о дожде, они перестанут запастись провизию впрок. К концу зимы люди и звери будут истощены настолько, что чудом покажется, как это они еще держатся на ногах, а не падают тут же замертво.

С гор, из долин — отовсюду сбегутся дикие оголодавшие звери. Они придут к людям в надежде, что люди позаботятся о них. И с небес прозвучит голос Аша Вахишты:

— Отныне не смейте убивать животных, как вы убивали их до сих пор!

Маздаяснийцы внемлют голосу Святого Бессмертного и прекратят убивать животных.

Мало-помалу тела животных вновь нальются здоровьем и силой. Никто их больше не будет убивать, а состарившись, они сами будут приходить к людям и говорить:

— Убейте нас и съешьте наши тела, дабы их не пожрал дэв смерти!

Когда Эра Хушедара завершится, явится второй Спаситель — Хушедар-мах. Солнце простоит неподвижно в зените двадцать дней и двадцать ночей.

Как и его великий предшественник, Хушедар встретится с Ахура Маздой и получит от него благие наставления. Встреча продлится тридцать лет.

Явившись затем к людям, Хушедар-мах еще более укрепит их в праведной вере.

И опять Ахриман кликнет своих дэвов, чтобы восстали для борьбы с Добром. Подобно тому как при Хушедаре в одно место собрались все, какие только есть, волки, теперь сползутся змеи. Их тела срастутся в единое тело, и получится змей 833 шага шириной и 1666 шагов длиной. Маздаяснийцы опять соберут армию, сразятся с чудовищным змеем и уничтожат его.

И снова из тела поверженного змея возникнет дэв в виде черной саранчи.

Потом вырвется из оков Ажи Дахака. Он кинет клич дэвам, возглавит их и проревет:

— Я поглощу священные стихии — огонь и воду! Я поглощу все растения!

Тогда огонь, вода и растения придут к Творцу Ахура Мазде и скажут:

— Пробыл час! Пусть восстанет ото сна Керсаспа и уничтожит Змея Дахаку!

Ахура Мазда в сопровождении семерых Амеша Спента придет к спящему герою, и они прикажут ему:

— Восстань и уничтожь Дахаку!

Керсаспа откроет глаза, встанет и воздаст Ахуре хвалу. Ему вручат победное оружие, он вскочит на коня и ринется в бой. Несколько дней будут биться они без отдыха, и по всей земле все это время будет бушевать ураган. Наконец герой поразит Змея в сердце. Дахака перед смертью взревет так, что животные, люди и птицы разбегутся в ужасе и попрячутся кто куда.

Этим закончится Эра Хушедар-маха. Наступит Эра Саошьянта — последнего Спасителя. Тридцать дней и тридцать ночей золотая колесница солнца неподвижно простоит в зените небес.

Когда Саошьянт спустится из царства Бесконечного Света на землю, перед ним предстанет могучий Кави Хаосрава.

— Кто ты? — спросит его Саошьянт.

— Я — Кави Хаосрава, — ответит царь.

— Неужели ты тот Кави Хаосрава, который уничтожил капища идолов и истребил дэвопоклонников у озера Чайчапта? Тот самый Хаосрава, который еще при жизни был вознесен на небо? — воскликнет Саошьянт, и царь ответит ему:

— Да. Я тот самый Кави Хаосрава.

— Сколь благостное дело ты совершил! — воскликнет Спаситель. — Ибо, если бы не твой подвиг, Ахура Мазда и Святые Бессмертные не смогли бы теперь очистить этот мир от Зла.

После этого Спаситель спросит царя:

— Это ты уничтожил туранца Франграсьяна?

— Да. Это я уничтожил его, — ответит праведный царь.

— Сколь благостное дело совершил ты! — опять возрадуется Спаситель. — Ибо, если бы Франграсьян остался жив, мир не очистился бы от Зла и невозможна была бы грядущая счастливая жизнь для праведных. Так пойдем же, царь, и сотворим молитву согласно вере маздаяснийской!

Кави Хасорава станет земным царем. Царствование его продлится пятьдесят семь лет. А Саошьянт будет при нем верховным жрецом.

Маздаяснийцы преисполнятся любви друг к другу. Живые станут бессмертными, а мертвых Саошьянт воскресит. Для этого Ахура Мазда сперва сотворит из земли их кости, из воды — кровь, из растений — волосы, а души их будут сотворены из стихии воздуха — Вайю.

Когда тела будут созданы, Спаситель трижды пропоет Ахуна Варью и Гаты. После первой молитвы к жизни вернется пятая часть праведников, после второй — треть, а когда молитва будет сотворена в третий раз, все праведники воскреснут и обретут плоть. Мужья получают своих жен, жены — мужей. А кто в прошлой жизни не имел семьи, обретет семью теперь.

Восстанет Астват-Эрета из озера Кансава
 Гонец Ахура Мазды, сын Виспатаурвари,
 Размахивая грозно оружием победным,
 Которым Тразтаона убил Дахаку Змея;
 Которым Хаосрава Франграсьяна убил;
 Которое Виштаспа носил, когда сражался
 За Истину с врагами, —

И Ложь этим Оружьем из праведного мира
Навек он изведет.

Он разума глазами окинет все творенья...

<...>

И сделает бессмертным взгляд этот плотский мир.

За ним, за Асват-Эретой, придут победоносные,
С благими помышленьями и с добрыми словами,
И с добрыми делами, благие, добронравные,
Лжи не произносившие ни разу языком.
Преклонится пред ними и Ярость кровожадная,
Преодолеет Истина Ложь злую, безобразную
Пришедшую из Тьмы.

Благая Мысль одержит победу над Злой Мыслью,
Речь лживая правдивой будет побеждена,
А Целость и Бессмертие осияют Голод с Жаждой,
И Голод злой, и Жажду они сразят навек,
А злобный Ахриман, своей лишившись власти,
Бессильный убежит¹.

После этого умрут все воскресшие грешники и злодеи. Спустя три дня воскреснут те из них, чьи грехи не очень велики и подлежат искуплению; а кто мыслью, словом или делом чинил вред язатам, забудутся мертвым сном. Во сне они увидят благости рая и ужасы ада и раскаются, что не соблюдали заветов маздаяснийской религии. Потом явится Спента Армайти и скажет:

— Все они подлежат наказанию!

Тогда Хшатра Варья, Дух металлов, изольет на землю поток расплавленной меди. Но для праведников огнекипящий металл будет словно теплое молоко — медь не причинит им вреда; грешные же тела в мучениях сгорят и навсегда сгинут во всеочищающем пламени.

¹ Перевод И. М. Стеблин-Каменского.

Дополнения

Древнеперсидская и «зороастрийская» календарные системы

Древнеперсидский календарь

Официальный гражданский календарь Древнего Ирана; в качестве религиозного не употреблялся.

Год по древнеперсидскому календарю формально начинался с «вхождения Солнца в созвездие Овна» (22 марта, день весеннего равноденствия) и состоял из 12 месяцев. Названия восьми месяцев впервые засвидетельствованы в «Бехистунской» надписи Дария I, остальные четыре (5-й, 6-й, 8-й и 11-й) восстановлены по эламским источникам:

1. Адуканиш — «чистка оросительных каналов» (март — апрель)
2. Туравахара — «сильная весна» (апрель — май)
3. Тайграчиш — «сбор чеснока» (май — июнь)
4. Гармапада — «стояние жары» (июнь — июль)
5. Дрнабазиш — «сбор налога с урожая» (июль — август)
6. Харапашийа — «вязка колючек [на топливо]» (август — сентябрь)
7. Багаядиш — «поклонение богу [Митре]»; по другим толкованиям — «уход за садами», «праздничные подношения» (сентябрь — октябрь)
8. Варказана — «волчья охота» (октябрь — ноябрь)
9. Ашийадйа — «поклонение огню» (ноябрь — декабрь)
10. Анамака — «безымянный»; возможно, посвященный верховному боже-
ству, не называемому ввиду запрета произносить его имя (декабрь — январь)
11. Гваяхва — «лютый» (январь — февраль)
12. Вияхна — «вскапывание» (февраль — март)

Месяцы соответствовали двенадцати сменам всех фаз Луны в течение 355 суток; начало каждого месяца совпадало с «рождением новой Луны». Четные

месяцы состояли из 29, нечетные — из 30 дней. Дни названий не имели и обозначались числительными.

Для приведения годового цикла календаря в соответствие с продолжительностью «солнечного» года (365 $\frac{1}{4}$ суток) трижды в течение восьми лет после двенадцатого месяца вводился дополнительный «високосный» месяц (не имевший специального названия). Таким образом, день весеннего равноденствия реально совпадал с началом календарного года раз в восемь лет.

Первый год правления нового царя официально начинался в первый день календарного года, следующего за годом смерти царя-предшественника; остаток дней предыдущего года считался «годом вступления на престол» нового царя.

После 459 г. до н. э. данных об использовании древнеперсидского календаря нет.

«Зороастрийский», или «младоавестийский», религиозный календарь

Общее условное название для различных вариантов религиозных календарей, употреблявшихся в древнем и раннесредневековом Иране в разные исторические периоды и в разных регионах. Известны древнеиранский («ахеменидский»), парфянский, хорезмийский, согдийский и среднеперсидский («сасанидский») варианты. Время и место создания «зороастрийской» календарной системы неизвестны, предположительно — начало 1-го тысячелетия до н. э., северо-восточный Иран (совр. Афганистан и Таджикистан). В Западном Иране самый ранний, древнеиранский вариант календаря появился не позднее периода царствования Дария I (522—486 гг. до н. э.) и использовался только в культовых целях; при Артаксерксе I (465—424 гг. до н. э.) он был официально введен и для гражданского летоисчисления. Парфянский вариант календаря существовал с III в. до н. э. по III в. н. э., хорезмийский — со II по VIII в. н. э., согдийский — с IV по IX в. н. э., среднеперсидский — с III в. н. э., существовал еще в арабскую эпоху.

Как и в древнеперсидском календаре, во всех вариантах «зороастрийского» календаря начало года соответствовало «вхождению Солнца в созвездие Овна» (22 марта, день весеннего равноденствия). Год состоял из двенадцати месяцев, названных по именам авестийских божеств и посвященных им (в согдийском варианте календаря названия месяцев не отражали пантеон Авесты). Ниже приведены названия месяцев соответственно в древнеиранском, парфянском (транслитерации с парфянского языка I в. до н. э.) и среднеперсидском вариантах календаря. Названия месяцев грамматически совпадают с родительным падежом русского языка: месяц (почитания) такого-то божества. Вопросительный знак означает, что в сохранившихся текстах название месяца не засвидетельствовано.

Меся- цы	Древнеперсидский календарь	Парфянский календарь	Среднеперсидский календарь	Период
1	Фравашей	Фравардин	Фравардин	март — апрель
2	Аша Вахишты	Арта Вахишты	Артавахишты	апрель — май
3	Харватат	Ауртат	Аурват	май — июнь
4	Тиштрии	?	Тира	июнь — июль
5	Амертат	?	Амертат	июль — август
6	Хшатра Вайрьи	Хшахревара	Шахревара	август — сентябрь
7	Митры	?	Михра	сентябрь — октябрь
8	Апама	?	Абана	октябрь — ноябрь
9	Атара	Атара	Адура	ноябрь — декабрь
10	Датуша	?	Дайя	декабрь — январь
11	Воху Маны	?	Вохумана	январь — февраль
12	Спента Армайти	?	Спандармат	февраль — март

Каждый месяц состоял из 30 дней, также посвященных авестийским божествам; главным праздником месяца был день, посвященный тому же божеству, что и весь месяц. Ниже приведены названия дней соответственно в древнеиранском, парфянском (транслитерации с парфянского языка I в. до н. э.) и среднеперсидском вариантах календаря. Названия дней, как и месяцев, грамматически совпадают с родительным падежом русского языка: день (почитания) такого-то божества. Вопросительный знак означает, что в сохранившихся текстах название дня не засвидетельствовано.

Дни	Древнеперсидский календарь	Парфянский календарь	Среднеперсидский календарь
1	Ахура Мазды	?	Ормазда
2	Воху Маны	?	Вохумана
3	Аша Вахишты	?	Артавахишты
4	Хшатра Вайрьи	?	Шахревара
5	Спента Армайти	?	Спандармат
6	Харватат	Ауртат	Аурват
7	Амертат	Амертат	Амердад
8	Датуша	Датуша	Дайя
9	Атара	Атара	Адура
10	Апама	Апхуни	Абана
11	Хварны	Хварны	Фарра
12	Маха	Маха	Маха
13	Тиштрии	Тира	Тира

Дни	Древнеперсидский календарь	Парфянский календарь	Среднеперсидский календарь
14	Геуп	Гош	Гош
15	Датуша	Датуша	Дайя
16	Митры	Михра	Михра
17	Сраоши	Сруша	Сроша
18	Рашну	?	Рашна
19	Фравашей	?	Фравардин
20	Вертрагны	?	Варахрана, Бахрама
21	Рамана	Рама	Рама
22	Вайю	?	Вада
23	Датуша	Датуша	Дайя при дне Дэн
24	Даэны	?	Дэн
25	Аши Воху ¹	?	Ард
26	Аши (Арты)	?	Лрты, Аштад
27	Асмана	?	Асмана
28	Зам	?	Замйад
29	Мантра Спента	?	Мараспанд
30	Анагранам Раучама	?	Анагран

Пять «дополнительных» дней — «ангардах» (в согдийском варианте календаря они считались особым месяцем) были посвящены фраваше. В разных вариантах календаря эти дни назывались по-разному (в среднеперсидском — «благая пятёрка») и прибавлялись к разным месяцам: в древнеиранском и согдийском вариантах — к концу года; в среднеперсидском одно время — к восьмому месяцу, затем — к концу года; в хорезмийском отсутствовали, относительно парфянского сведений нет. Ввиду разницы между продолжительностью календарного годового цикла (365 суток) и реального астрономического (365 ¹/₄ суток), начало «зороастрийского» года сдвигалось каждые четыре года на один день; за 120 лет, следовательно, на месяц — поэтому, для приведения календарного и астрономического годовых циклов в соответствие, в среднеперсидском варианте календаря один раз в 120 лет вводился дополнительный «високосный» месяц. Бируни (973 — ок. 1050 г.) сообщает: «Итак, совокупность дней года достигала у персов трехсот шестидесяти пяти. А четвертью дня они пренебрегали, пока из этих четвертей не накапливалось дней на целый месяц — это происходило один раз в сто двадцать лет — и тогда прибавляли лишний месяц к месяцам данного года, так что в году оказывалось тринадцать месяцев. Такой год называли високосным, а дни добавочного месяца именовали так же, как дни прочих месяцев. <...> Что же касается причины, мешавшей персам вставлять четверти

¹ «Аши благой».

дня каждые четыре года в виде одного целого дня, который они прибавляли к какому-нибудь месяцу или к андаргаху, то персы говорили, что дополнение падает на месяцы, но не на дни, ибо им не нравилось увеличивать число дней, и это было невозможно из-за замзамы [молитвы], так как по религии персов предписывалось называть ангела того дня, когда произносишь замзаму, чтобы замзама была действительной, и замзама не была бы действительной, если бы число дней [в месяце] увеличилось бы на один день»¹. Сейчас, однако, установлено, что в некоторых областях Ирана одно время вводили дополнительный день один раз в четыре года.

Таким образом, из-за отсутствия единого способа введения «високосного» месяца и учета андаргах — пяти дней, «дополнительных» к тремстам шестидесяти, зороастрийские религиозные празднества, совпадая по дням месяца во всех календарных вариантах, в действительности приходились на разные даты. Более того, даже один и тот же вариант календаря мог быть не полностью идентичным в разных областях империи и в разные периоды. Поэтому датировки исторических событий, основанные на упоминаниях в древнеиранских источниках дат этих событий по «зороастрийскому» календарю, во многих случаях не являются абсолютно надежными.

¹ Перевод с арабского М. Салье.

**Предметно-именной
справочник-указатель**

Статьи Справочника содержат разъяснения терминов, географических названий, информацию о древнеиранских реалиях, краткие сведения о мифологических и легендарных персонажах и указывают номера страниц в книге, где они упоминаются. Объемы статей, посвященных тому или иному мифологическому персонажу или реалии, пропорциональны ни в коей мере не значимости этого персонажа (реалии) в зороастрийской религии, а только объему известных автору сведений, которыми располагает по данному персонажу (реалии) современная иранистика.

Слова, выделенные курсивом, являются отсылочными к соответствующей статье справочника.

Ударения в древнеперсидских, авестийских и среднеперсидских именах, топонимах и этнонимах проставлены в соответствии с их предполагаемой реконструкцией — в отличие от большинства мифологических словарей, где ударения проставляются в соответствии с традиционным (зачастую неправильным) произношением древнеиранских слов в русской передаче: Апа́оша, Даэ́на, Ха́ома, Аша Ва́хишта и др. Русифицированные огласовки в значительной степени условны.

Авзэрд. Фарси; среднеперс. *Авзав*. Отец *Лохраспа*.

191

Аграэра́та. Авест.; среднеперс. *Агрерат*, фарси *Агрерас*, *Агрир*. Тура-нец (см.: *Туры*), выступающий на стороне арийцев, брат *Франграсьяна*. В пехлевийских источниках — один из бессмертных *Рату*, оберегающих землю, связанный с *Гопатшахом*.

149, 156, 158, 187, 188

Агрера́с. Фарси.; авест. *Аграэрата* (см.).

156

Агри́р. Фарси; авест. *Аграэрата* (см.).

156

А́жи Даха́ка. Авест. «змей Дахака»; среднеперс. *Дахак*, фарси *Заххак*. Образ восходит к эпохе индоиранской общности; в *Ведах* *Ажи Дахаке* соответствует *А́хи-Бу́дхня* («змей глубин») — водное божество с неясными функциями. В авестийской традиции *Ажи Дахака* — трехглавый змей, «сильнейший дэвовский *друдж*», созданный *Ахриманом* «на гибель праведности и мира». Свергнув и убив царя *Йиму*, *Ажи Дахака* становится четвертым царем в династии властителей-первозаконников *Парадата*. Земля пребывает под властью *Зла*, откуда *Ажи Дахаку* не убивает *Тразтаона*. В сасанидскую эпоху образ *Ажи Дахаки* начинает

подвергаться историзации. Дахак ассоциируется с нападениями иноземцев — *туров* и других кочевых племен, отождествляется с *Айшмой*, разделяется чертами иноземного царя, противника зороастрийской веры, завоевавшего Иран. В поздних источниках Дахак — араб по происхождению, узурпатор иранского престола, его тысячелетнее «царство Зла» ассоциируется с арабским завоеванием. К образу Ажи Дахаки восходят представления о злом демоне Аджарха в мифологии тюркоязычных народов и о драконе Аждахаке в армянской мифологии.

126, 127, 130—133, 137, 140, 150, 167, 224, 232, 234, 310

Ази. Авест. «алчность»; среднеперс. Аз. В Авесте — один из второстепенных *дэвов* мужского пола, дэв жадности. В среднеперсидской традиции Аз — дэвовское существо женского пола со множеством функций: воплощение жадности, морального растления, похоти и соращения человека с праведного пути на путь Зла.

72

Айвисрутрама. Авест. «крадущийся» (возможно, эпитет ночи). Одно из временных подразделений суток и соответствующее ему божество-*гах*.

61

Айшма. Авест.; среднеперс. Эшм, «ярость», «буйство». Один из верховных *дэвов*. Первоначально, в *Гатах*, олицетворял набеги кочевников и связанные с ними бедствия и противопоставлялся *Сраоше* и *Аша Вахшште*. В Младшей Авесте Айшма выступает как дэв разнузданности, недисциплинированности, греховного своеволия, антагонист Сраоши; эту традицию наследуют и пехлевийские источники. Некоторые исследователи полагают, что к образу Айшмы восходит Асмодей апокрифических библейских текстов (от «Айшма-даэва», т. е. «дэв Айшма»).

21, 22, 49, 50, 53, 70, 71, 98, 99, 105—107, 122, 131, 134, 176, 204, 230, 232—234, 240, 253, 255

Ака Мана. Авест. «злая мысль»; среднеперс. Акоман. В системе зороастрийского дуализма один из верховных *дэвов*, антагонист *Воху Маны*. В *Гатах*, по-видимому, — нарицательная абстракция, собирательное обозначение греховных мыслей и побуждений Злого Духа (на космологическом уровне) и людей (в практической жизни). В Младшей Авесте

иногда наделяется антропоморфными чертами. В пехлевийских сочинениях обычно отождествляется с *Ахриманом*.

49, 50, 71, 131, 201

Акаташа. Авест.; среднеперс. Акаташ. Дэв упрямства и упорства в грехе. Образ сложился как персонификация соответствующего людского порока и в дальнейшем не переосмыслился. Имя «Акаташа» иногда употребляется в качестве эпитета *Ахримана*.

71

Амергát. Авест. «бессмертие»; среднеперс. Амердад. Одно из божеств *Амеша Спента*. Представление восходит к индоиранской эпохе, ведийское соответствие — Амрита («бессмертие»), напиток бессмертия богов, приготовляемый из сомы (авест. *хаома*), и аллегория жизненной силы. В *Гатах* — олицетворение благого качества *Ахура Мазды*; в Младшей Авесте — самостоятельное божество с функциями покровителя растений. Упоминается, как правило, в паре с *Харватат*, покровителем воды. В системе зороастрийского дуализма противопоставляется *дэву Тарви*.

19, 26, 48, 49, 59, 67, 71, 99, 243, 289

Амéша Спéнта. Авест. «бессмертные святые», среднеперс. Амахраспáнд(ы). Высшие божества зороастрийского пантеона, обычно числом шесть, составляющие ближайшее окружение *Ахура Мазды*: *Воху Мана*, *Аша Вахишта*, *Хиатра Варья*, *Спента Армайти*, *Харватат* и *Амертат*. Соответствующие понятия существовали уже в индоиранской религии. Теологическая значимость Амеша Спента выдвигается на первый план в учении *Заратуштры*. Младшая Авеста приписывает Амеша Спента функции покровителей человека, людей и стихий. В среднеперсидской традиции к Амахраспандам относят *Сраошу* и самого *Ахура Мазду*, отождествляемого со *Спента Манью*, в поздней — всех наиболее почитаемых *язатов*.

19, 20, 25, 26, 28, 37, 48, 49, 75, 77, 85, 99, 111, 176, 177, 197, 202, 214—216, 218, 237, 240, 242, 244, 251, 252, 271, 287, 310

Анахíд. См.: *Ардвисура Анахита*.

57, 234

Анахита. См.: *Ардвисура Анахита*.
12, 29, 31, 93, 94, 117, 121, 164

Аноширван. Среднеперс. и фарси «бессмертная душа»; араб. Ноширван. Частично мифологизированный образ царя династии Сасанидов Хосрова I, вошедший в легендарно-исторические сочинения, описывающие движения маздакитов (см.: *Маздак*) и воспринятый впоследствии арабскими авторами, в том числе Фирдоуси. В поздних пехлевийских текстах Аноширван выступает как праведный зороастриец, дающий наставления в вопросах веры и благочестия. В арабскую эпоху имя «Аноширван», обычно в сопровождении эпитета «справедливый», стало нарицательным обозначением мудрого справедливого царя (подобного библейскому Соломону).

33, 230, 232, 292, 295—307

Анхра Маныю. См.: *Ахриман*.
19, 29, 30, 43

Апам Напат. Авест. «внук вод», «потомок вод»; среднеперс. Абан, Аван. В индоиранскую эпоху почитался как водный бог (возможно, у некоторых племен олицетворял конкретный источник или реку) и персонафикация грозовой молнии. В *Гатах* не упоминается. В Младшей Авесте причисляется к наиболее почитаемым *ахурам*, однако культ этого бога постепенно был оттеснен на задний план культом *Анахиты*. Инкарнация в сасанидском искусстве — лилия.

28, 132, 150

Апаоша. Авест. «иссушающий», «отвращающий [воду]»; среднеперс. Апаош. Дэв засухи, в системе зороастрийского дуализма антагонист *Тистрии*. Ведийского соответствия не имеет, но образ и мифологема, бесспорно, восходят к индоиранской эпохе.

8, 12, 14, 29, 58, 59, 67, 68, 71, 105

Апивоха. См.: *Кави Апивоха*.
171, 173—175

Араска. Авест. «зависть»; среднеперс. Рашк. В Авесте фигурирует нарицательно как обозначение грехов зависти, злобы и недоброжелательства.

В среднеперсидской традиции персонифицируется в качестве соответствующего *дэва* и одновременно воспринимает ряд других отрицательных функций.

71

Арватáспа. Авест. «быстроконный»; среднеперс. и фарси *Лохрасп*. Отец *Кави Виштаспы*; в среднеперсидской традиции один из царей династии *Кавиев*.

192, 250

Áрдви. Авест. «влага [?]». В индоиранской религии — река, отождествляемая с Амударьей, и божество этой реки. В зороастрийской мифологии образ полностью переосмысливается: Ардви — мифический «пречистый» источник, местонахождение которого обычно локализуется в *Гаронмане*, на вершине мировой горы *Хукарья*; от этого источника берет начало река Ардви (Амударья); иногда говорится, что Ардви — исток *Вахви Датии*, *Ранхи* и других мировых рек.

12, 60, 92, 150, 250

Ардвису́ра Анахи́та. Авест. «Ардви могучая, чистая [также в значении «непорочная»]»; среднеперс. Анахид, фарси Нахид. Относительно происхождения культа выдвигаются три основные гипотезы: 1) представление восходит к индоиранской эпохе, когда Ардвисура Анахита почиталась как водное божество, связанное с плодородием, и олицетворяла мировые воды; 2) чисто иранское божество; 3) представление возникло в результате проникновения в Иран через Лидию культа греческой богини вод и плодородия Анаит (по другой гипотезе — наоборот, культ Анаит возник из культа Ардвисуры Анахиты). *Заратуштрой* Ардвисура Анахита, наряду с *Митрой* и другими старыми индоиранскими богами, была отвергнута как дэвовское (см.: *дэвы*) божество, но почитание всех этих богов очень быстро восстановилось. В Младшей Авесте Ардвисура Анахита, сохраняя черты водного божества, приобретает также функции богини-покровительницы иранских героев и царей — *Парадата* и *Кавиев*. В селевкидскую и парфянскую эпохи, когда в Иране повсеместно распространяется греческая культура и происходит слияние античной и восточных мифологий, Ардвисура Анахита отождествляется с *Деметрой*, *Кибелой* и другими богинями плодородия из различных религиозных систем, при парфянских царях начинает также соотноситься с *Афиной Палладой* и приобретает черты воинственной богини. Во все эпохи

Ардвисура Анахита — единственное иранское божество, которое описано как человекоподобное (хотя, как и другие божества, имеет инкарнации: тюльпан, плоды граната, куропатка, фазан). При первых Сасанидах она иконографически отождествляется с царицей.

12, 15, 21, 29, 38, 92, 93, 112, 113, 127, 128, 133, 150, 151, 157, 158, 163, 187, 250

Арджа́сп. См.: *Ареджатаспа*.
39, 265, 266

Ареджата́спа. Авест. «имеющий ценных коней» или, возможно, «обретший коней»; среднеперс. и фарси Арджасп. Предводитель *хионитов*.
233, 252, 253, 255—258, 260, 261, 265

Арма́йти. См.: *Спента Армайти*.
242, 244

Арна́вак. Авест.; в пехлевийских источниках не упоминается, фарси Эрнаваз. Одна из жен *Йимы*.
128, 138, 140, 143

А́рта. См.: *Аша*.
7, 246—248

Артаба́н. Парфян. и среднеперс. Последний царь Аршакидов, свергнутый *Арташиром I*.
276—278

Арташи́р. Среднеперс. В пехлевийских источниках полулегендарный образ первого царя династии Сасанидов Арташира I (ок. 224 — ок. 242 г. н. э.), приемного сына *Папака*.
33, 232, 275—282

А́рья. Авест. «арийский»; среднеперс. *Аири́к*, фарси *Иредж*. Один из сыновей *Траэтаоны*; имя, вероятнее всего, восходит к названию мифической прародины иранских арийцев *Арьяна Вэджа*. Сказание о праведном добром царе, убитом завистливыми братьями, — «бродячий» сюжет в мировом фольклоре и мифах. Легенда, по-видимому, существо-

вала в древнейшие времена; в зороастрийской традиции постепенно была переосмыслена и связана с реальными историческими событиями — войнами оседлых иранцев с саками и, позднее, с тюркскими племенами.

143, 144, 146, 171, 183

Арьяман. Авест. «арийское дружелюбие, гостеприимство [?]». В индоиранскую эпоху почитался, по-видимому, как покровитель племени. В *Гатах* не упоминается. В Младшей Авесте — персонификация достоинств оседлого образа жизни, антагонист *Айшмы*, целитель. В среднеперсидской традиции Арьяман практически отсутствует: его культ полностью вытесняется культом *Сраоши*.

106, 107

Арьяна Вэджа. Авест. «арийский простор»; среднеперс. Эранвэж — «иранский простор». Мифическая прародина иранских арийцев; в поздней традиции иногда отождествляется с «обетованной землей», земным раем. Относительно ее отождествления выдвигаются разные гипотезы: Хорезм; одна из долин Памиро-Гиндукушского региона; Ариана (Ария) греков; в «мидийской» теории — долина Аракса.

66, 93, 105, 124, 131, 137, 143, 144, 149, 150, 152, 154, 182, 183, 214

Арьяхшута. Авест. Название горы. Локализация затруднительна; возможно, тождественна горе *Демавенд*.

152, 153

Асман. Авест. «небо». См. в статье: *Зам.*

11

Асмо-хванва. Авест. «небосолнечный»; среднеперс. Асмок-Хванва́то. Один из первопоследователей *Заратуштры* из окружения *Кави Виш-таспы*. Подробности неизвестны.

253, 262

Аснава́нд. Среднеперс.; авест. Аснавау. Название горы. В Авесте упоминается в числе первосотворенных гор. Отождествлению с реальной горой не поддается.

243

А́стват-Э́рета. См.: *Саошьянт*.
308, 311, 312

А́тар. Авест. «огонь»; среднеперс. Адур. Поклонение огню (при различии верований, обрядов и ритуалов, связанных с культом огня) зафиксировано с древнейших времен у всех народов индоиранского региона. В *Ведах* зороастрийскому Атару соответствует бог огня Агни, занимающий одно из высших положений в пантеоне. В *Гатах* Атар мыслится как одна из священных стихий и одновременно нематериальная субстанция, разлитая по всему Космосу и связанная с понятием «Аша». В Младшей Авесте Атар выступает уже как самостоятельное божество с антропоморфными чертами, сын *Ахура Мазды*. Древнейший известный храм огня датируется ранней ахеменидской эпохой (IX—VIII вв. до н. э.); огню был посвящен один из месяцев древнеперсидского календаря; Дарий I и другие ахеменидские цари изображали себя совершающими служение алтарному пламени. Первый царь династии Сасанидов Арташир I Папакан в 227 г. н. э. основал родовой коронационный храм огня в местности Накш-и-Раджаб (близ Истахра); последующие Сасаниды также сооружали храмы огня для коронации. Три сакральных огня зороастрийской религии — огонь *Кави Виштаспы* Адур-Виштасп (позднее Адур-Гушнасп) в Мидии (в иранском Азербайджане, в районе Шиза); огонь *Хварны* Адур-Фарнбаг (позднее: *Фробак*) (букв.: «преуспевающий [благодаря] Фарру» в Истахре (Персия); и огонь *Митры* Адур-Бурзин-Михр в Хорасане (Парфия) — были посвящены: первый — царю и воинам, второй — жречеству, третий — общинникам — скотоводам и земледельцам. Вместе эти три огня символизировали три сословия иранского общества — воинов, жрецов и скотоводов. Храмы огня более низкого ранга возводились повсеместно, важнейшие из них посвящались *Вертрагне* (Адур-Варахран, позднее Адур-Бахрам); как правило, их основывали в честь военных побед.

19, 61, 62, 67, 69, 71, 83, 113, 122, 131, 132, 139, 150, 166, 173, 201, 223, 252, 285—287, 289

А́твия. Авест. «водяной»; среднеперс. Аспйа, фарси Атибин. В индоиранскую эпоху считался водным божеством или, может быть, божеством дождя. В Авесте Атвия — второй человек, выжавший сок хаомы, отец *Траэтаоны*. Пехлевиийские тексты упоминают имя этого персонажа только как родовое.

134, 137, 139, 141

Атиб́ин. Фарси; авест. *Атвия* (см.).

136, 141

Аурва́йто-данг. Среднеперс. «дружественный [по отношению] к области [?]». В Авесте не упоминается; происхождение образа неизвестно. В пехлевийских текстах — персонаж с неясной смысловой нагрузкой: описывается как праведник, но в то же время является предком многочисленных врагов *Заратуштры* и выступает то как оппонент пророка, то как его защитник.

213, 237, 238

Афраси́аб. Фарси; среднеперс. *Фрасияк (Тур)*, авест. *Франграсьян* (см.).

148, 156, 167, 168, 171, 172, 180, 184, 185, 189—191

Ахримáн. Среднеперс. и фарси; авест. Анхра Манью — «злой дух». В зороастрийских религиозных системах всех эпох — воплощение мирового Зла, антагонист *Ахура Мазды*. Представление об Ахримане как о главе злых сил существовало уже в индоиранскую эпоху; ведийское соответствие — Манью, бог гнева, ярости и разрушения. В Гатах по имени не называется и фигурирует нарицательно, как «злой дух», противостоящий *Ахура Мазде*, тождественному *Спента Манью*; их борьба совершается непосредственно в материальном мире, она осязаема, однако *Ахура Мазда* участвует в ней лишь на уровне чистой духовности (в Младшей Авесте и затем в пехлевийских источниках действия *Ахура Мазды* также переносятся в материальный мир). В «Шахнаме» и еще в большей степени у аль-Бируни Ахриман наделяется антропоморфными чертами, а в некоторых фрагментах ему приписывается телесное воплощение.

30, 43—47, 49, 50, 52, 53, 55, 57, 58, 61, 63—65, 67, 71, 72, 75, 90, 94, 97, 99, 105-107, 109, 113, 118—120, 124, 125, 127—133, 135, 138, 149, 162, 165, 166, 177, 189, 192, 199, 201, 202, 205, 208, 209, 216, 223, 226, 229, 230, 232, 236—241, 272—274, 280, 286, 289, 290, 308, 310, 312

Ахт. Среднеперс.; авест. *Ахтия*. Колдун, противник *Явишта*, персонаж пехлевийского текста на бродячий сюжет: «Эдип разгадывает загадку сфинкса». Происхождение образа неясно.

269—273

Аху́на Ва́рья. Авест. «как Господь наилучший»; среднеперс. Ахунвар. Название главной зороастрийской молитвенной формулы.

33, 46, 47, 58, 99, 202, 215, 217, 220, 236, 239, 240, 244, 245, 309, 311

Аху́ра Ма́зда. Авест. «Господь мудрый»; древнеперс. Аурамазда, среднеперс. Ормазд. Верховный бог зороастрийского пантеона, в системе дуализма тождественный мировому Добру и противостоящий *Ахриману*. Представление восходит к культу *ахуров* в индоиранской религии; по одной из гипотез уже в то время Ахура Мазда почитался у многих племен как верховный бог, связанный с небом и иногда олицетворяющий «небесную твердь»; согласно другой гипотезе, культ ахуров был переосмыслен в монотеистический культ Ахура Мазды *Заратуштрой*. В Авесте Ахура Мазда часто называется просто «Мазда»; первоначально считалось, что это эпитет или составная часть имени, употребляемые в качестве сокращенного именованя; позднее было высказано предположение, что слово «Мазда» выделяет среди ахуров главное божество, а оба слова вместе — «Ахура Мазда» — являются не собственным именем, а эвфемизмом — «заменителем» имени верховного бога, которое либо запрещалось произносить вслух, либо считалось «непостижимым», неизвестным (то есть объективно не существовало); в пользу такого предположения, однако, убедительных доказательств не найдено. Зороастрийские тексты всех эпох обычно называют Ахура Мазду «духом», но как чистая абстракция он выступает только в *Гатах*; Младшая Авеста и пехлевийские источники наделяют Ахура Мазду чертами, свойственными языческому божеству (хотя, как и другие зороастрийские боги, он не имеет антропоморфного облика): он — отец *Амеша Спента*, *Аши*, *Даэны* и других богов, сам принимает непосредственное участие в борьбе со Злом, обращается за помощью к *язатам* и молится им, беседует с *Заратуштрой* — обучает его правилам отправления культа и излагает зороастрийские заповеди. Вплоть до сасанидской эпохи Ахура Мазда — небесный прототип жречества. Греками отождествлялся с Зевсом.

19, 20, 22, 23, 25—30, 32, 37, 43—45, 47—55, 57—61, 63—71, 75—79, 83—86, 89—93, 95, 96, 99, 101, 105—107, 111, 112, 117, 121, 123—125, 127, 131, 133, 137, 138, 140, 143, 146, 149, 151—154, 158, 162, 166, 167, 171, 176—178, 187—189, 192, 196, 197, 200—203, 207—209, 211—244, 246—253, 256—

258, 263, 270, 272, 274, 278, 280, 281, 284—287, 290, 291, 293, 294, 301, 304, 308, 311

Аху́ры. Авест. «боги». Класс благих божеств, выступающих на стороне *Ахура Мазды* и противопоставляемых *дэвам*. Представление восходит к индоиранской эпохе. В учении *Заратуштры* ахуры и дэвы однозначно противопоставляются. С восстановлением культов старых богов, отвергнутых *Заратуштрой*, и введением в зороастрийскую теологию понятия «язаты», из числа ахуровских божеств первое время выделяются наиболее почитаемые — собственно ахуры: *Митра* и *Апам Напат* (иногда к ахурам причисляется и сам *Ахура Мазда*), но в дальнейшем слово «ахуры» становится общим названием для всех благих божеств, синонимом слова «язаты».

8, 17—19, 21, 28, 29, 49, 57, 59, 60, 64—66, 70, 73, 81, 87, 90, 91, 93, 96, 98, 99, 101, 111, 113, 116, 121, 122, 124, 138—141, 192, 287

А́ша. Авест. «истина»; среднеперс. Арта. Вселенский закон, регулирующий природные процессы, общественные отношения, мораль и этику (в личностном и социальном плане). Представление восходит к доиндоиранскому времени; ведийское соответствие — аналогичный вселенский закон Рта. В Авесте Аша иногда персонифицируется как божество Арштат.

7—9, 11, 15, 19, 20, 53, 61, 65—67, 90, 117, 118, 121, 249

А́ша Вахи́шта. Авест. «лучшая истина», среднеперс. Артвахишт. Одно из божеств *Амеша Спента*, олицетворяющее нравственные, этические и социальные аспекты понятия «Аша». В *Гатах* — персонификация благого качества *Ахура Мазды* и «благих дел» в триаде главных зороастрийских добродетелей («благие мысли, благие речи, благие дела»). В Младшей Авесте Аша Вахишта — самостоятельное божество с функциями покровителя *Огня* и хранителя добрых законов и праведности в мире, в зороастрийской общине, в семье; ассоциировался с «духовной сущностью» главного жреца общины. В системе зороастрийского дуализма противопоставляется (наряду с *Хиатра Варьей*) *Друджу*.

19, 21, 26, 48—50, 61, 89, 197, 198, 203, 242, 309

А́ши. Авест.; среднеперс. Арти. Понятие, вероятнее всего, введено *Заратуштрой*; в *Гатах* упоминается нарицательно в значении «награда»,

«воздаяние [за добродетель]», «удача». В Младшей Авесте — самостоятельное женское божество с антропоморфными чертами, дочь *Ахура Мазды*, персонификация удачи, успеха, изобилия и процветания, покровительница иранских царей и героев. В эллинистическую эпоху отождествлялась с греческой Тихэ — богиней судьбы и случая, позднее — с римской Фортуной.

77, 78, 86, 93, 99, 112, 113, 138, 149, 153, 187, 234, 250

Барсман. Авест.; среднеперс. барсóm. В индоиранских религиозных обрядах — соломенная подстилка, на которой, как считалось, восседает божество, призванное молитвой *кави* и присутствующее при жертвоприношении. У зороастрийцев барсман — пучок тамарисковых ветвей в строго определенном количестве, жрец держит их в руке во время возлияний *хаомы*. Современные *парсы* используют в качестве барсома металлические проволочные прутья.

10, 93, 101, 164, 220

Баств́ар. Среднеперс.; авест. Баств́ари, фарси Нестур. В пехлевийской традиции сын *Заривари* и мститель за его гибель; аналогично в «Шахнаме».

259, 260, 265

Бермай́е. Фарси. В «Шахнаме» волшебная корова, вскормившая *Фаридуна*. В Авесте и пехлевийских источниках не упоминается. Высказывалась гипотеза, что легенда о корове-кормилице опосредованно связана с неизвестным древнейшим мифом о сыне быка.

136, 141

Берси́ава. Авест. «[огонь] высокой пользы»; среднеперс. Березисаванг. Одна из ипостасей *Огня*.

62

Бессмертные Святые. См.: *Амеша Спента*.

19, 37, 48, 99, 153, 198, 199, 211, 214—216, 222, 223, 228, 234, 237, 242, 245, 248, 253, 269, 270, 273, 280, 281, 285, 286, 298, 309, 311

Бидре́фш. Фарси; среднеперс. *Видрафш* (см.).

265

Братарва́хш. Среднеперс. Один из поздних пехлевийских вариантов имени противника и убийцы *Заратуштры*. Историчность образа неясна.

23, 204, 207—210, 230, 262

Бу́йти. Авест.; среднеперс. Бут. Образ возник как обозначение Будды — иноверческого божества, зороастрийской традицией причисленного к *дэвам*. В Авесте конкретных функций не исполняет, характеризуется неопределенно: «гибель коварная, злобная». В пехлевийских источниках дэв Бут воплощает в себе «неправедную» веру, идолопоклонство, ересь и т. п.; иногда ему приписываются функции дэва смерти.

72, 105, 111, 239, 240

Бу́рзин-Михр. См. в статье: *Атар*.

114, 189, 234, 235, 263, 275

Бушья́ста. Авест. «лень», «леность»; среднеперс. Бушасп. *Дэв лени*. Образ сложился как персонификация соответствующего человеческого порока.

29, 70, 71, 99

Вазй́шта. Авест. «очень быстрый»; среднеперс. Вазишт. Одна из ипостасей *Огня*. В Авесте и пехлевийских источниках иногда выступает как антагонист *дэва Спенгагры*.

62, 71

Вайю. Авест. «ветер», «воздух»; среднеперс. Вай. В индоиранской религии бог ветра, наделенный также чертами божества войны, победы и удачи. Наряду с Вайю, у индоиранских племен также почитался бог ветра Вата (авест. «веять», «дуть»), представление о котором, по-видимому, уже в то время было дуалистическим: различали «доброе» и «злого» Вату — соответственно южный и северный ветра. *Заратуштрой* Вайю характеризуется отрицательно и не признается за божество, но впоследствии культ Вайю как бога восстанавливается, он причисляется к *язатам*, причем Младшая Авеста переносит дуалистическое представление о Вате и на Вайю: благой язат, Вайю в то же время выступает как божество двуединой природы с двумя противоположными ипостасями: Бесконечный Свет принадлежит *Ахура Мазде*, Бесконечная

Тьма — *Ахриману*, а Вайю — «воздух» — земной мир, пространство, где совершается битва Добра и Зла, есть область их «смешения», и, таким образом, часть Вайю принадлежит Злому Духу, а часть — Благому (*Спента Манью*). В ходе формирования зороастрийской ортодоксии это различие между двумя ипостасями Вайю становится четким, и двуединый образ распадается на два: благой Вайю — язат, и злой Вай — бог смерти.

96, 97, 113, 117, 121, 164, 166, 187, 224, 240, 286, 311

Вáнант. Авест. «та, что сокрушает [дэвов]»; среднеперс. Ванáнд. Звезда, персонифицируемая как божество. Подавляющим большинством исследователей отождествляется с Вегой (альфа Лиры).

51, 56, 57, 101

Вáра. Авест. «ограда», «крепость», «усадьба»; среднеперс. Вар. В Авесте — обитель, построенная *Йимой*. Судя по описанию, Вара состояла из трех концентрических кругов стен, во внешнем из которых было девять проходов, в среднем — шесть и во внутреннем — три. Мифологический образ Вары, по-видимому, восходит к представлению некоторых индоиранских племен об обители праведников в загробном мире, обнесенной оградой, — наподобие «земных» поселений крепостного типа. Уже в доахеменидское время обитель *Йимы* внутри Вары переосмыслиется как «земной рай», а в раннеахеменидскую эпоху образ Вары по неясным причинам распадается на два: собственно Вару *Йимы* и Кангху — горную крепость и страну на востоке Ирана. Пехлевийские источники локализуют местонахождение Вары на земле, на небесах и в загробном мире.

124, 125, 225, 309

Вáрагн. Авест. Священная птица бога *Вертрагны*, вероятнее всего — ворон (птица бога войны у других индоевропейских народов, например у древних германцев и скандинавов, у которых ворон, птица, питающаяся трупами, посвящена богу войны и смерти *Одину*).

80, 82, 84, 125, 128, 139, 140

Варахра́н. См.: *Вертрагна*.

57

Варéна. Авест. «желание [плотское]»; среднеперс. Варено. В Авесте нарицательное обозначение греха похоти и любострастия. В среднеперсидской традиции персонифицируется как *дэв*.

72

Вáрна. Авест. Одна из иранских областей. Предполагаемые локализации: юго-западная прикаспийская область; греч. Кармания; совр. Керман на юге Ирана. В Авесте упоминается как родина *Траэтаоны*.

111—113, 137, 138

Вас. См.: *Васим*.

67

Вáсим. Авест.; среднеперс. *Вас*. Мифическая рыба. Образ, возможно, индоиранского происхождения. В Авесте упоминается единственный раз в числе других благих творений *Ахура Мазды*; в пехлевийских текстах описывается достаточно подробно.

67

Вáхви Дáтия. Авест. «благая Датия»; в среднеперсидских источниках — Дантíк, Даитíх. Мировая река, протекающая через *Арьяна Вэджа*. Большинство исследователей отождествляется с Амударьей.

60, 93, 124, 198, 214, 242, 243, 250

Ведвóйшт. Среднеперс. В пехлевийских источниках один из оппонентов *Заратуштры*. Происхождение образа неясно.

238

Вéды. Санскр. «знания». Священные книги брахманизма, восходящие к так называемой «ведической» религии — религии индоариев конца 2-го — начала 1-го тысячелетия до н. э.

6, 7, 10, 32

Вертра́гна. Авест. «побивающий защиту»; среднеперс. Варахран, в поздней традиции и фарси Бахрам. Бог войны и победы. Образ восходит к индоиранской эпохе; ведийское соответствие — виртрахан («поражающий [змея] Виртру») — эпитет верховного бога *Индры*. В племенные пантеоны иранских арийцев Вертрагна вошел как божество примерно

в X—IX вв. до н. э. *Зартуштрой* Вертрагна — наряду с *Митрой*, *Ардвисурой Анахитой* и другими старыми божествами — был отвергнут и причислен к *дэвам*, однако почитание всех этих богов вскоре восстановилось. В Младшей Авесте и пехлевийских источниках Вертрагна/Варахран/Бахрам — божество войны и победы. В селевкидскую эпоху отождествлялся с Гераклом. Инкарнации: ветер, бык, белый конь, верблюд, вепрь, птица *Варагн*, горный баран, возможно, медведь. Отождествлялся с планетой Марс.

17, 21, 29, 31, 57, 80—82, 84, 86, 100, 139, 234

Вех-Шапур. Верховный жрец при шаханшахе Хосрове I *Аноширване*.
33, 34, 36, 37

Вива́хвант. Авест. «сверкающий»; среднеперс. Вивангх. В индоиранской религии у разных племен — первый человек или один из солярных богов; ведийское соответствие — Вивасват, отождествлявшийся с Мар-тандой (см. в статье: *Гайомарт*), — прародитель смертных на земле, впоследствии ставший богом восходящего солнца (с неясными функциями). В Авесте Вивахвант — первый человек, выжавший *хаому*, отец *Йимы*. В пехлевийских источниках упоминается повсеместно, но только косвенно — в словосочетании «Йима, Вивантхов сын».

90, 116, 117, 121—125, 128, 225

Видевдát. Раздел Авесты.
29, 37, 219

Видра́фш. Среднеперс.; фарси Бидрефш. В Авесте не упоминается. В парфянской поэме «Предание о Зареридах» и в «Шахнаме» один из сторонников *Арджаспа* в войне с *Виштаспой*.

255, 256, 258—261, 265

Виза́рш. Среднеперс.; авест. Виза́реша. Один из *дэвов* смерти, обычно фигурирующий совместно с другими дэвами, имеющими аналогичные функции.

72, 227, 228

Висé. Фарси; авест. *Ва́эсака*. Родоначальник одного из знатных туранских (см.: *Туры*) родов, выходцы из которого фигурируют в Авесте как

противники *Тусы*. По некоторым поздним источникам, потомки Ваэсаки занимали верховные должности при дворе *Афрасиаба*. В «Шахнаме» Ваэсака/Висе — брат *Пешенга* и отец *Пирана*, один из предводителей туранской армии; сыновья Висе — противники иранских богатырей.

156, 157, 185

Виспатаурв́ари. Авест. «всепобедительница». Одно из имен матери *Астват-Эреты*.

308, 311

Виспóбиш. Среднеперс. «всеисцеляющее». В пехлевийской традиции эпитет *Древа Всех Семян*, отождествлявшегося с другими мифическими деревьями — «*Рату* лекарственных трав».

67

Виштáспа. См.: *Кави Виштаспа*.

23, 24, 26, 39, 192, 232—234, 250—253, 255—263, 269, 287, 291, 311

Ворукáша. Авест. «с широкими заливами»; среднеперс. Варкаш. В зороастрийской космологии мировое море, или мировой океан, фундаментальная основа мирового круговорота вод. Предполагается, что образ сложился в индоиранскую эпоху как мифологическое осмысление Аральского и Каспийского морей, возможно, также и озера Балхаш (ср. топонимы «Балхаш» и «Ворукаша»).

12, 15, 59, 60, 67, 69, 70, 89, 92, 101, 108, 122, 132, 150, 151, 163, 164, 173, 198

Во́ху Ма́на. Авест. «благая мысль», «благой помысел»; среднеперс. Вохумán, в поздней традиции и фарси Бахман. Одно из божеств *Амеша Спента*, в системе зороастрийского дуализма антагонист *Ака Маны*. Имя этимологически соответствует ведийскому Васу (букв.: «добрый», «благой») — сословию добрых богов, возглавляемых *Индрой*. У персов имена в честь Воху Маны зафиксированы начиная с IX в. до н. э. В *Гатах* Воху Мана — аллегория одного из благих качеств *Ахура Мазды*, небесный образ общины оседлых скотоводов и персонификация «благих мыслей» в главной триаде зороастрийских добродетелей («благие мысли, благие речи, благие дела»). В Младшей Авесте и затем в пехлевийской

традиции Воху Мана/Вохуман — самостоятельное благое божество с функциями покровителя скота и оседлых скотоводческих племен.

19, 21, 26, 48—50, 61, 89, 115, 197, 198, 201, 202, 207, 208, 211, 212, 214, 228, 242, 246, 287

Вохуфрйана. Авест. «доброприятный»; среднеперс. Вохуфрйан. Одна из ипостасей Огня.

61, 62

Га́ва. Авест. «коровья», «бычья». Одна из областей, упоминаемых в Авесте; большинством исследователей отождествляется с греч. Согдианой.

18

Га́йа Ма́ртан. См.: *Гайомарт*.

15

Га́йомарт. Среднеперс.; авест. Га́йа Ма́ртан — «жизнь смертная», фарси Каюмарс. В зороастрийской мифологии обычно первый человек и родоначальник человечества. Образ в основных чертах сложился в индоиранскую эпоху; ведийское соответствие — Марттáнда (букв.: «мертво-рожденный»), отождествляемый с Вивасватом (авест. *Вивахвант*). Подробных сюжетов о Га́йа Ма́ртане в сохранившихся текстах Авесты не содержится. Существует предположение, что в Младшей Авесте этот персонаж воспринял функции первого праведника и заменил в этом качестве первопредка человечества *Йиму*, которого *Заратуштра* объявил греховным. В пехлевийской традиции *Ормазд* создает Га́йомарта и Первобыка в начале творения. В поздней традиции («Меног-и Храт») к Га́йомарту полностью отходят функции первого праведника и первого царя, однако к династии *Пишдадидов* он не причисляется.

15, 52—55, 57, 63, 75, 76, 108, 109, 111, 113, 117, 141, 143, 150, 182, 188, 287

Гандарва. Авест.; среднеперс. Гандарéп. Этимология имени восходит к индоиранской эпохе; ведийское соответствие — гандхарвы, небесные духи-демоны, стерегущие *сому*. В Авесте Гандарва — гигантской водяной змей-дракон; образ в целом типичный для змееборческого сюжета в мифологиях многих народов. В среднеперсидской традиции миф об убий-

стве Гандарвы Керсаспой существенных смысловых изменений не терпел, но оброс множеством сюжетных подробностей и деталей.

162—164, 166, 222, 223

Гаронма́на. Авест. «место песнопений». В *Гатах*, по-видимому, одно из метафорических именовании *Дома Хвалы*. В Младшей Авесте и пехлевийской традиции — обитель *язатов* в Доме Хвалы, локализуемая обычно на вершине *Хукарьи* и часто отождествляемая со всем Домом Хвалы.

60, 223, 224, 228, 231, 285, 287, 288

Гарсива́з. Фарси; авест. *Керсевазда* (см.).

156, 185

Гарша́сп. Фарси; авест. *Керсаспа* (см.).

147, 167

«**Гатический**» зороастризм. Вследствие особенностей зороастрийского похоронного обряда и запрета на изображение богов, «гатический» зороастризм не представлен ни археологическими памятниками, ни изобразительным искусством Древнего Ирана.

21, 38

Га́ты. Раздел *Ясны*. В настоящей книге принято написание термина с прописной буквы для обозначения соответствующего раздела Авесты и со строчной — если имеются в виду отдельные гимны.

19, 21, 22, 25—29, 37, 38, 78, 81, 99, 129, 228, 284, 285, 288, 309, 311

Га́хи.

1. Авест. и среднеперс. Временные подразделения суток, числом 5, и одноименные этим подразделениям божества-*Рату*, стражи времени.

61

2. Раздел Авесты, посвященный божествам-гах.

38

Га́бры. Араб., букв.: «неверные». В Иране первоначально — мусульманское презрительное прозвище зороастрийцев; позднее слово перешло в другие языки, утратив при этом презрительный оттенок, и стало

употребляться как термин для обозначения иранских зороастрийских общинников. До начала XX в. гебрами в Европе нередко называли и *парсов*.

35, 36

Гéуш Ё́рван. Авест. «душа быка»; среднеперс. Гошурун. В индоиранской религии — божество-покровитель стад, с которым «соединяются» души всех быков, закланных при жертвоприношениях. В *Гатах* — олицетворение самого скота; в Младшей Авесте — женское божество, одно из божеств-покровителей скотоводства, обычно именуемое по эпитету *Дрваспа*, наделенное также функциями покровительницы царей и героев. В среднеперсидской традиции Гошурун обычно отождествляется с душой Первозданного Быка.

10, 21, 58, 95, 112, 113, 121, 134, 187, 224

Гив. Фарси. В «Шахнаме» один из иранских богатырей.

190, 191

Гопатша́х. Среднеперс. Божество-быкочеловек. Представление о боже-стве — быке с человеческим торсом, возможно, сложилось еще в эпоху индоиранской общности.

66, 67, 158

Гору́й. Фарси. В «Шахнаме» брат *Афрасиаба*, туранский воин, казнивший *Сиявуша*. Этимология имени восходит к авестийскому корню, однако в зороастрийских текстах соответствующий персонаж не зафиксирован.

185, 191

Горша́х. Новоперс. «Горный царь». По одной из новоперсидских легенд — праведный властитель, ниспосланный на землю небом; в новоперсидском эпосе отождествлялся с *Каюмарсом* и *Гопатшахом*. Образ восходит к образу *Гайомарта* поздней зороастрийской традиции.

109

Гостехém. Фарси. Один из потомков *Фаридуна*, упоминается эпизодически. В «Шахнаме» фигурируют и другие персонажи с именем Гостехем.

159

Гудёрз. Фарси. В «Шахнаме» один из иранских богатырей.
190, 191

Гудха. Авест. Приток *Ранхи*; отождествлению с реальным топонимом не поддается.
164

Гузак. Среднеперс. В среднеперсидской традиции сестра-жена Хушанга (авест. *Хаошьянха*), родоначальница арийцев.
111

Гулар. Среднеперс. Город-резиденция и крепость *Хафтобата*. Локализация затруднительна.
279, 281

Гушнáсп. См. в статье: *Атар*.
114, 188, 189, 234, 235, 275

Гуштáсп. Фарси; авест. Виштаспа, см.: *Кави Виштаспа*.
263—266

Дáви. Авест. «обман». Один из дэвов, олицетворяющих *Ложь* вообще или некое ее конкретное проявление.
240

Даха́ка. См.: *Ажи Дахака*.
128, 129, 132—135, 137—141, 143, 167, 173, 310, 311

Даэна. Авест. «вера», «религия» (зороастрийская); среднеперс. Дэн. В *Гатах* — олицетворение благочестивой приверженности культу *Ахура Мазды* и морально-нравственных качеств человека. В Младшей Авесте фигурирует одновременно как обозначение зороастрийской религии и как женское божество с антропоморфными чертами, дочь *Ахура Мазды*, олицетворяющая зороастризм и иногда отождествляемая с индивидуальной «верой» (т. е. моралью и образом поведения — «мыслями, словами и делами») человека: праведнику после смерти его *Даэна* является в виде прекрасной юной девы и сопровождает его в *Дом Хвалы*, *Даэна* же грешника встречает его в облике отвратительной старухи и низвергается

вместе с ним в преисподнюю. В пехлевийских источниках под «Дэн» обычно подразумеваются догма, зороастрийский ортодоксальный канон, Авеста и «правильное знание» всего перечисленного.

77—79, 86, 99, 131, 227, 240, 285, 288

Демавэнд. Среднеперс. Гора вулканического происхождения близ совр. Тегерана, высочайший пик в горном хребте Эльбурс (5604 м). Среднеперсидское название «Демавенд» («ветренная», «холодная»; по другому толкованию — «хвостатая»: над вершиной в ветреную погоду поднимается «хвост» снежной пыли) сохранилось до наших дней. Возможно, тождественна упоминаемой в Авесте горе *Арьяхшута*.

134, 135, 140, 142, 167

Дестан. Фарси. В «Шахнаме» одно из именовании *Заля*.

148, 171

Дети Заратуштры. По преданию, *Заратуштра* был дважды или трижды женат и имел трех сыновей и трех дочерей. Сыновья Заратуштры упоминаются в Авесте в следующем порядке: Исад-вастра (среднеперс. Исадвастр), Урватат-нара (авест. «повелитель мужей»; среднеперс. Аурвад-нар), Хвара-читра (авест. «солнцерженный»; среднеперс. Хуршэд-чихр); нет достаточных оснований полагать, что они перечисляются по старшинству, но еще менее вероятно, что их старшинство соответствует порядку перечисления в пехлевийских источниках или последовательности «жрец — воин — скотовод» (три сословия, каждое из которых соотносится с одним из сыновей). Из трех дочерей Заратуштры, перечисляемых в Авесте в следующем порядке: *Френи* (среднеперс. Френ, в поздней традиции Френо), Трити (среднеперс. Срит, в поздней традиции Срито) и *Поручиста* (авест. букв.: «многообученная» — т. е. получившая множество наставлений; среднеперс. Поручист) последняя достоверно является младшей. В зороастрийской теологии мифологизированные образы детей Заратуштры, особенно дочерей, разработаны слабо.

Упоминания см. в отдельных статьях.

Джамáспа. Авест. «имеющий тощих, мышинового цвета [или, возможно, клейменных] коней»; среднеперс. и фарси Джамасп. Один из первопоследователей *Заратуштры*, приближенный *Кави Виштаспы*.

23, 253—255, 257, 260, 262, 265, 287

Джамшэд. См.: *Йима*.

128

Джамши́д. Фарси; авест. *Йима* (см.).

120, 126, 128, 130, 135, 155

Джехэн. Фарси. В «Шахнаме» один из братьев *Афрасиаба*.

191

Дивы. Фарси, авест. даэва; см.: *Дэвы*.

109, 126, 129, 130, 179, 180, 265

Дом Хвалы. Обитель *Ахура Мазды*, тождественная Бесконечному Свету; в системе дуализма противопоставляется царству Бесконечной Тьмы *Ахримана*; Дом Хвалы также место посмертного пребывания праведных душ. Часто отождествляется с *Гаронманой*.

52, 165

Дрв́аспа. Авест. букв.: «здоровоконная» — т. е. та, благодаря которой здоровы лошади. Эпитет *Геуш Урван*. Иногда фигурирует как самостоятельное божество — покровительница скота.

95

Древо Всех Семян. С точки зрения теории религии, по-видимому, вырожденный (т. е. сохранивший лишь частные второстепенные функции) образ Мирового древа, существовавший в индоиранской религии, частично воспринятый *Ведами*, но практически отсутствующий в зороастризме. В Авесте Древу Всех Семян соответствует целебное «древо орла» (т. е. орлоподобной птицы *Саэны*), отождествляемое с «*Рату* лекарственных растений» — *Хаомой*. В пехлевийских источниках это отождествление сохраняется, но некоторые фрагменты различают собственно Древо Всех Семян — *Виспобиш* и другие мифические деревья.

67

Др́иви. Авест. «нищета». *Дэв* нищенства, олицетворение нищеты. На протяжении истории зороастризма образ изменений не претерпел.

240

Друдж. Среднеперс. «ложь»; авест. Друг, древнеперс. Др́ауга. В индоиранской религии абстрактная сущность, отрицательная сила мироздания, противопоставляемая понятию Истины в космологическом, социальном и личностном плане; у некоторых племен, возможно, антипод клятвы митра (см. в статье: *Митра*). В *Гатах* также абстрактное понятие, однако его нравственно-этическое содержание выдвигается на первый план. Младшая Авеста персонифицирует Ложь как одного из верховных дэвов, но, в отличие от многих других дэвов, Друг/Друдж не наделяется антропоморфными чертами и во все эпохи фигурирует в теологии как чистая абстракция (исключения очень редки). В Авесте слово «друг» (в настоящей книге в пересказах — «друдж») употребляется и нарицательно, в качестве синонима слова «дэв» для обозначения дэвовских существ женского пола.

11, 20, 22, 49, 50, 53, 71, 75, 93, 106, 107, 111—113, 118, 126, 133, 134, 140, 164, 167, 239, 248, 249

Друджв́ант. Среднеперс.; авест. Другвант — «приверженец лжи».

21, 22, 53, 71, 72, 77, 96, 117, 134, 141, 188, 197, 200, 216, 221

Дукда. Среднеперс. Дукхда. Имя матери *Заратуштры*. Происхождение и смысл имени неясны; этимологически это авестийское слово «девица».

195, 197—202, 205—207

Дураср́об. Среднеперс.

1. Один из сыновей *Манушчихра*.

195

2. *Карпан*, противник *Заратуштры*. Образ, возможно, восходит к реальному племенному жрецу, враждебному *Заратуштре*, но в пехлевийских источниках он уже полностью мифологизирован.

205—207, 209, 210

Душа Быка. См.: *Геуш Урван*.

10, 21, 22, 58, 95, 134, 224

Дэвы. Русифицированная передача авест. даэва; древнеперс. дайва; фарси дивы. В системе зороастрийского дуализма — силы *Зла*, противопоставляемые благим *ахурам*. Зороастрийские представления о дэвах трансформировались в представления о дивах в новоперсидском эпосе и в фоль-

клоре иранских народов (где к дивам также причисляются джинны и шайтаны): дивоборческими сюжетами изобилует «Шахнаме».

8, 17, 18, 21, 22, 29, 30, 37, 49, 53—55, 57—59, 61, 63—65, 67—72, 75, 76, 78, 80, 85, 86, 88, 90—92, 94, 97—99, 105, 106, 111, 112, 116, 118, 119, 124—127, 133, 134, 138, 141, 143, 147, 162—166, 175, 178, 182, 192, 196

Зáири. См.: *Тарви и Заири.*

71

Зам. Авест. «земля». В индоиранской религии божество Мать-Земля, составляющее вместе с Отцом-Небом Асманом великую пару прародителей; наряду с этим — персонификация священной стихии земли (вероятно, плодородной почвы). В зороастризме все функции Зам отходят к божеству *Спента Армайти*; Асман и Зам хотя и олицетворяют небо и землю, но обычно не причисляются к *язатам*, часто употребляются как нарицательные понятия.

11, 12

Зáотар. Авест. В индоиранскую эпоху — главный жрец на богослужении у иранских арийцев (у индоариев — *хотар*); позднее — главный жрец на зороастрийском богослужении.

10, 19

Зарату́штра. Авест.; среднеперс. Заратушт, в поздней традиции и фарси Зардушт; в греческой передаче Зороастр. Пророк и основатель зороастрийской религии и его мифологизированный образ. Историчность Заратуштры не доказана, однако практически все исследователи считают его реальным историческим лицом.

18—29, 37, 38, 43, 45, 46, 50, 53, 58, 66, 67, 76, 81, 84, 89, 90, 93, 103, 106—109, 113, 115, 118, 121, 123, 125, 129, 135, 139, 141, 145, 147, 150—153, 163, 165, 167, 169, 177—179, 181, 185, 187, 191, 192, 195—202, 204—212, 214—217, 219—234, 236—255, 262, 267, 274, 284, 285, 287, 290, 291, 293, 294, 296, 297, 299, 308

Зарду́шт. Среднеперс. в поздней традиции и фарси; авест. *Заратуштра* (см.).

110, 148, 265

Заривари. Авест.; среднеперс. Зарер, фарси Зерир. Брат Кави Виш-таспы и один из первопоследователей Заратуштры. По-видимому, в индоиранскую эпоху существовал целый цикл героических сказаний о Заривари, но через пехлевийские тексты дошло только «Предание о Зареридах». Известна греческая интерпретация (или версия) легенды о Зарере.

23, 192, 253, 256—261, 263

Заурва. Авест. «старость»; среднеперс. Зарман. Дэв старости. В Авесте упоминается и как нарицательное обозначение старости, и как соответствующий дэв; образ Заурвы — антропоморфного дэвовского существа, олицетворяющего телесное старение, сложился на «младоавестийской» стадии. В среднеперсидской традиции Зарман сохраняет функции, которые ему приписываются в Авесте.

72, 240

Заххак. Фарси; авест. Ажи Дахака (см.).

126, 129, 130, 135, 136, 141, 142, 148

Зерир. Фарси; авест. Заривари (см.).

263

Зов. Среднеперс. в поздней традиции и фарси; среднеперс. Узава (см.).

156, 160, 167

Зороастр. См. Заратуштра.

24, 35, 36

Изэд. Или Йездан. Фарси. В новоперсидском эпосе о легендарной истории Ирана именование верховного бога (*Ормазда*). Этимология имени восходит к авестийскому «язат».

126, 141, 142, 147, 148, 155

Индра. Авест.; среднеперс. Андár. В индоиранской религии, по-видимому, бог победы и войны, верховный бог племенных пантеонов индоариев. Впервые упоминается в надписи, датированной приблизительно 1400 г. до н. э. После разделения индоиранцев в ведийской религии Индра остался верховным божеством; иранской же традицией и затем Заратуш-

трой, напротив, был отвергнут и причислен к *дэвам*. В Младшей Авесте и среднеперсидской традиции Индра/Андар — один из наиболее злотворных дэвов без ясно выраженных функций: он «внушает злые мысли», «сбивает с пути праведности» и т. п.

11, 17, 21, 28, 49, 105, 111, 240

Ирédж. Фарси; авест. *Арья* (см.).

144, 145, 147, 172, 185

Йсад-ва́стра. Авест. См.: *Дети Заратуштры*.

254

Искандáр. Фарси. В зороастрийской легендарной истории Александр Македонский, враг зороастризма, порожденный *Ахриманом*. «С распространением ислама и превращением его в господствующую религию легенды иранских народов превратили Александра Македонского в идеализированный персонаж. Классическая литература на фарси (Фирдоуси, Низами, Джамии и др.) изображает его справедливым шахом иранской крови»¹.

30, 32, 35, 234, 253, 274, 281

Истина. См.: *Аша*.

7—9, 11, 14, 15, 19—22, 36, 44, 46, 47, 49, 53, 58, 61, 63—67, 69, 75, 85, 87, 90, 96, 100, 105, 108, 118, 121, 140, 143, 144, 189, 202, 208, 209, 216—218, 220, 236, 239, 240, 242, 247, 249, 251, 252, 255, 311, 312

Исфандиáр. Фарси; авест. *Спентадата* (см.).

265, 266

Йáгу. Авест. «колдуны». По-видимому, обозначение сословия служителей культа иноверческих религий, связанного с исполнением магических ритуалов. Позднее стали причисляться к *дэвам*. В Авесте обычно упоминаются в паре с *паурика*. В среднеперсидской традиции также приравниваются к *дэвам*.

72, 91

¹ Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х тт. / Под ред С. А. Токарева. М., 1991—1992. Т. 1. С. 570.

Йездан. См.: *Изд.*

126, 145, 180, 263, 265, 266

Йима. Авест.; среднеперс. Йим, в поздней традиции Джам, Джамшед, фарси Джамшид. Образ восходит еще к индоевропейской эпохе. Первоначальное значение имени — «пара», «близнецы» — свидетельствует о связи образа с древнейшим общиндоевропейским мифом о братьях-близнецах — сыновьях Солнца. В скандинавской мифологии Йиме соответствует персонаж Имир (этимологически «двойное [существо]» — то есть «близнецы» или, возможно, «гермафродит») — первое живое существо, получившее телесное воплощение, великан, из плоти которого впоследствии был сотворен мир. Ведийское соответствие Йимы — Яма («близнец»), вместе со своей сестрой Ями составляющий первую человеческую пару, сын бога солнца Вивасвата (авест. *Вивахвант*), впоследствии — царь загробного мира, в обители которого усопшие праведники вкушают блаженство. В индоиранскую эпоху у разных племен существовали совершенно разные представления о Йиме: солярный бог, верховное божество пантеона, владыка загробного мира, царь «золотого века» человечества, культурный герой, податель плодородия и др. Из этих никак не взаимосвязанных представлений «младоавестийская» традиция выработала цельный, по-своему логичный миф, где Йима изображается первым земным царем. Во всех остальных зороастрийских текстах при перечислении царей *Парадата* Йима упоминается третьим.

16, 90, 121—126, 128, 129, 131, 137—139, 141, 150, 225, 226, 309

Кава. Фарси. В «Шахнаме» кузнец — организатор восстания против *Заххака*. Образ существовал уже в парфянскую эпоху: к Каве возводили свою родословную знатные роды, эта традиция продолжалась и при Сасанидах, — однако культивировался, по-видимому, только в фольклоре, религиозной же традицией воспринят не был; в Авесте и *пехлевийских* источниках имя Кавы не упоминается. Сопоставление имени Кавы с названием династии *Кейсв* большинство исследователей считает необоснованным.

39, 141, 142, 147

Кавад.

1. Среднеперс.; авест. *Кави Кавата* (см.).

171

2. Царь династии Сасанидов (448—531).

33, 34, 230, 232, 292—307

Кáви. Авест. «чутья»; среднеперс. и фарси *Кей*. У древних арийских (протоиндоиранских) племен и ранних индоиранцев кавием, по-видимому, назывался племенной вождь, который был одновременно и главным жрецом при отправлении культов и ритуалов. В индоиранскую эпоху термин «кави» означал «стихотворец-прорицатель». В значении «племенной князь» (враждебный культу *Ахура Мазды*) слово «кави» употребляется *Заратуштрой* в *Гатах*, а Младшая Авеста и пехлевийская традиция механически причислили кависев к *дэвам*, но одновременно слово «кави» было переосмыслено как царский титул и, соответственно, потеряло негативную окраску. Таким образом, к началу сасанидской эпохи существовало два омонима: кавии — правители, придерживающиеся «дэвовских» религий (т. е. не зороастрийцы), и Кавии (среднеперс. и фарси *Кейи*, *Кейаниды*) — цари древней полулегендарной династии. Династию Кавиев иногда подразделяют на «старших» (до *Кави Виштаспы* включительно) и «младших» (*Спентадата*, *Заривари*, *Пешотану*) Кавианидов.

10, 23, 29, 72, 80, 86, 91, 97, 137, 167—169, 171, 173, 174, 176, 182, 183, 187, 189, 196, 234, 236—238, 247, 248, 254, 263, 277, 278, 280

Кáви Апивóха. Авест.; среднеперс. *Кей Апивох*. В Авесте и пехлевийских источниках второй царь династии *Кавиев*, сын *Кави Каваты*. Легенды, связанные с его царствованием, неизвестны. В «Шахнаме» не фигурирует.

173, 174

Кáви Áршан. Авест.; среднеперс. *Кей Арш*, фарси *Кей Арéш*. В Авесте один из сыновей *Кави Апивохи*, наряду с *Кави Бияршаном*, *Кави Пишиной* и *Кави Усаном*. О царствованиях Аршана, Бияршана и Пишины ничего не известно; судя по «Шахнаме», правили они не всей державой, а «удельными княжествами» — в качестве наместников *Кави Усана*.

174

Кáви Бия́ршан. См. в статье: *Кави Аршан*.

174

Кáви Виштáспа. Авест. «Кави, имеющий необъезженных [букв.: распущенных] коней»; среднеперс. Виштасп, фарси Гуштасп. Последний царь династии *Кавиев* («старших»), сын и престолонаследник *Арватаспы*, первопоследователь и покровитель *Заратуштры*. В *Гатах* Кави Виштаспа — идеальный земной правитель, набожный, благочестивый и справедливый, царствование которого есть воплощение понятия «*Хиатра Варья*», и в то же время — сильный правитель, способный защитить оседлых скотоводов от кочевников и обеспечить им мир (*Спента Армайти*) и «мирную пастьбу». Младшая Авеста также подчеркивает прежде всего религиозно-нравственные качества Кави Виштаспы; пехлевийские же источники, основываясь на традициях древнеиранского героического эпоса, выдвигают на первый план его воинскую доблесть и способность победоносно отстоять зороастрийскую веру оружием.

24, 84, 169, 192, 208, 230, 234, 250—254, 262, 263

Кáви. См. *Кави*.

Кáви Кавáта. Авест.; среднеперс. Кей Кавад, фарси Кей Кубад. Первый царь династии *Кавиев*.

84, 168, 171, 173, 192, 287

Кáви Пишáна. См. в статье: *Кави Аршан*.

174

Кáви Ёсан. Авест.; среднеперс. Кей Ус, фарси Кей Кавус. Царь династии *Кавиев*.

174—178, 182, 183, 188, 189, 233, 287

Кáви Хаосрáва. Авест.; среднеперс. Кей Хосров, фарси Кей Хусрбу. Царь династии *Кавиев*.

84, 176, 183, 186—189, 192, 310, 311

Камрúд. Среднеперс. Вариант названия одного из заливов *Ворукаши*.

59

Канг. Фарси; авест. *Кангха*; см. в статье: *Вара*.

184

Кангха. Авест.; среднеперс. и фарси Кангдэж; см. в статье: *Вара*.
157, 158, 234

Кансава. Авест.; среднеперс. разночтения: Кансу́, Кеянси́х, в поздней традиции Канса́й. Название священного озера, из которого родится *Ас-тват-Эрета*. Уверенно отождествляется с озером Хамун в Систане.
152, 154, 308, 311

Капуд. Мифический волк, убитый *Керсаспой*. Подробности сюжета неизвестны.
166

Ка́ра. Авест.; среднеперс. Кар. Мифическая рыба.
67, 69, 89, 242

Карапа́ны. Авест. Жрецы иноверческих — «дэвовских» (см.: *Дэвы*) религий. Этимологически слово происходит от глагола «бормотать».
23, 29, 72, 80, 204—210, 230, 236—238, 247, 248, 251, 252, 255, 256

Каршва́р. Авест., среднеперс. кешвар. Представление о каршварах восходит, очевидно, к вавилонскому учению о «семи ветрах». Первоначально, в индоиранской религии, каршвары, судя по всему, мыслились как семь кругов, отделенных друг от друга лесами, пустынями, горами и морями, — такое представление складывалось постепенно, по мере продвижения арийских племен через земли с разными климатическими и природными условиями. В результате контактов иранских арийцев с Вавилоном картина деления мира на каршвары была переосмыслена в соответствии с учением о «семи ветрах»: шесть окраинных необитаемых каршваров являются секторами круга-Земли; седьмой, населенный людьми, находится в центре. Парные названия шести каршваров-секторов: Савахи — Арзахи (среднеперс. Арзах) (восток — запад), Фрададафшу — Видадафшу (северо-восток — северо-запад) и Ворубарешти — Вуруджарешти (юго-восток — юго-запад; среднеперс. Ворубаршт и Вуруджаршт) даны по направлениям ветров. Помимо соответствующих направлений горизонта, каршвары соотносились также со временем суток и годовыми сезонами. Согласно пехлевийским текстам, два северных каршвара простираются от точки восхода Солнца до точки его захода в день

летнего солнцестояния, два южных соответственно — между точками восхода и захода в день зимнего солнцестояния, восточный — между точками восходов в дни солнцестояний и западный — между точками заходов. Суммарная площадь окраинных кешваров равна площади центрального — *Хванираты*. Этимология названия каршвар/кешвар неясна; автор одного из пехлевийских текстов объясняет ее через созвучие: кешвары расположены по отношению друг к другу «бок о бок» — «каша-каш»; в другом тексте название «кешвар» объясняется тем, что один кешвар от другого отделен бороздой — «кеш». Учение о «семи ветрах» трансформировалось у греческих авторов в представление о семи климатических поясах Земли, которое также распространилось в Иране. Понятия «семь земель» и «семь климатов» стали смешиваться; некоторые источники описывают кешвары в соответствии с древней традицией — как семь кругов. Мифы об окраинных землях постепенно обрастают противоречивыми версиями и концепциями: шесть земель именуются необитаемыми, недоступными для человека, и в то же время возникают легенды об их заселении; уже в Младшей Авесте иранские цари именуются «правлящими во всех семи каршварах». В «Шахнаме» понятия «семь земель» и «семь климатов» полностью сливаются.

60, 63, 65, 66, 68, 87, 89, 99, 101, 108, 111, 112, 114, 118, 128, 133, 140, 141, 144, 151, 164, 175, 176, 188, 208, 231, 239, 242, 252, 253, 275, 285, 291, 308

Карши́пта. Авест.; среднеперс. Каршипт. Божество в облике птицы. Наиболее убедительной представляется гипотеза И. М. Стеблин-Каменского, согласно которой имя «каршипта» толкуется как «чернокрылый» и Каршипта отождествляется с сорокой. По другой гипотезе Каршипта — «быстролетающий», божество в виде утки или другой водоплавающей птицы; образ его восходит к древнейшим индоевропейским представлениям об изначальном водном Хаосе, из которого бог-демиург, возникший в облике водоплавающей птицы, сотворил мир. В индоиранскую эпоху Каршипта олицетворял священную реку ариев Ригvedы Сарасвати, водную стихию вообще и, возможно, одновременно воду, небо и землю — три стихии мироздания, где обитает водоплавающая птица. Непосредственного соответствия в *Ведах* Каршипта не имеет, однако утка в системе образов ведийской религии ассоциировалась с богиней, персонифицирующей реку Сарасвати.

71, 242

Кáсви. Авест. «скудость», «нехватка». *Дэв* — противоположность изобилия и богатства.

240

Каюма́рс. Фарси. В «Шахнаме» — первый царь, к династии *Пишдадидов* не причисляющийся. В новоперсидском эпосе отождествлялся с *Горшахом*. Фигурирует во многих таджикских народных сказках. Образ восходит к образу *Гайомарта* поздней зороастрийской традиции.

108, 109, 114

Кей, Кейаниды, Кéйи. Среднеперс. и фарси; авест. *Кави* (см.).

142, 168—170, 180

Кей Каву́с. Фарси; авест. *Кави Усан* (см.).

179—181, 183, 184, 190, 191, 263

Кей Куба́д. Фарси; авест. *Кави Кавата* (см.).

168, 171, 172, 174, 179

Кей Ус. Среднеперс.; авест. *Кави Усан* (см.).

184

Кей Хусру́у. Фарси.; авест. *Кави Хаосрава* (см.).

185, 189—191

Кереса́ни. Авест. Персонаж — противник бога *Хаомы*. Подробности неизвестны.

91

Керса́спа. Авест. «имеющий стройных лошадей»; среднеперс. Керсасп, фарси *Гаршасп*. Героический персонаж древнеиранского эпоса, отождествляемый с *Самой*.

131, 147, 161—167, 222—224, 310

Керсева́зда. Авест.; среднеперс. *Карсеваз*, фарси *Гарсиваз*. Один из братьев *Франграсьяна*.

149, 156, 183, 188

Кетаюн. Фарси. В «Шахнаме» дочь римского кесаря, жена *Гуштаспа*.
264, 265

Кешмак. Дэв смерча и ураганного ветра.
199

Кунда. Авест.; среднеперс. Кундак. В Авесте дэв с неясными функциями, характеризуемый как «без питья пьяный», антагонист *Сраоши*, связанный с «тучами». Имя, по-видимому, означает буквально: «бочка» — метафорическое обозначение дождевой тучи. В пехлевийской традиции образ полностью переосмысливается, дэв Кундак выполняет функции совершенно иного свойства.

72

Ложь. См.: *Друдж*.

11, 17, 20—22, 43, 49, 53, 61, 69, 87, 91, 100, 108, 111, 127,
135, 137, 138, 143, 164, 241, 247, 248, 258, 260, 261, 312

Лохрасп. Среднеперс. и фарси; авест. *Арватаспа*.
263—266

Маги. Латинизированная форма от древнеперсидского этнонима «магуш» — названия мидийского племени. В селевкидскую эпоху античные авторы называли «магами» жрецов всех религий иранского происхождения, в том числе жрецов *Митры* в митраизме; по мнению И. Дьяконова, в эллинистический период под именем «учений магов» ходили различные религиозные и мистические сочинения, не имевшие отношения к зороастризму; второе значение слова «маг» — «чародей», «астролог» — связано с легендами о Заратуштре как об астрологе и также не имеет реального отношения к иранскому жречеству. В позднепарфянскую и сасанидскую эпохи «магами» называли всех зороастрийских священнослужителей, иногда также жрецов зороастрийских сект. С исламского времени «маг» — приверженец зороастризма, «неверный», огнепоклонник.
25—28, 30

Мазанские дэвы. Постоянно упоминаемые в Авесте и пехлевийских источниках дэвы, населяющие Мазанские земли — область на юге Каспийского моря, совр. Мазендаран. Образ восходит к одному из враж-

дебных зороастрийцам «дэвопоклоннических» племен. В пехлевийских текстах мазанские дэвы иногда описываются как идолопоклонники, но это, очевидно, уже позднейшее осмысление. Уничтожение «двух третей» мазанских дэвов приписывается *Хаошьянхе*. В «Шахнаме» мазанские дэвы — дивы Мазендарана.

112, 113, 137, 179

Мáзда. См.: *Ахура Мазда*.

22, 23, 26, 46, 50, 52, 53, 58, 66, 68, 70, 78, 87, 89, 95—97, 106, 107, 112, 113, 118, 122, 133—135, 152, 159, 162, 166, 202, 217, 218, 220, 223, 239, 240, 242, 246, 247, 249, 253, 283, 309

Мазда́к. Среднеперс. Верховный жрец в период царствования *Кавада* (488—496 и 499—531 гг. н. э.), реформатор зороастризма и политический предводитель повстанческого (так называемого «маздакитского») движения крестьян и городской бедноты против феодальной знати.

33, 34, 232, 292—307

Маздаяснiзм. Традиционная русифицированная передача авестийского «даэна мазда-ясна» — («вера чтущих *Мазду*» — одного из названий зороастрийской религии).

26, 86, 93, 113, 114, 133, 139, 166, 171, 216, 225, 232—234, 239, 240, 253

Мáнтра Спéнта. Авест. «святое [воздействующее] слово»; среднеперс. Мараспáнд. Представление, что сказанные вслух слова могут обладать сакральной силой и оказывать воздействие на окружающий мир, возникло в глубокой древности и существовало в том или виде (заговоры, заклинания, проклятия, благопожелания и др.) у всех народов на протяжении всей истории — вплоть до наших дней. В индоиранской религии Мантра Спента соответствуют заклинания, произносимые *кави*. В *Гатах* Мантра Спента — воздействующее Слово *Ахура Мазды*, на уровне «земного» мира иногда тождественное «благим речам» в основной триаде зороастрийской этики («благие мысли, благие речи, благие дела») и «праведному учению» — т. е. зороастрийской религии; применительно к *Заратуштре* под Мантра Спента, видимо, понимается дар убеждения, способность пророка своим «истинным» словом обращать людей

в зороастрийскую веру. В Младшей Авесте и среднеперсидской традиции к Мантра Спента/Мараспанд относятся также молитвы и заклинания, произносившиеся жрецами при отправлении ритуалов. Иногда понятие «Святое Слово» персонифицируется как абстрактное божество-гений.

10, 98, 106, 247

Ману́ш. Авест. «человечья [?]». Название одной из гор в хребте *Хара Березайти*. Отождествлению с реальным топонимом не поддается; вероятнее всего, мифическая гора.

144

Манушч́ихр. Среднеперс.; авест. Ману́ш-ч́итра — «рожденный на [горе] Мануш», фарси Менучéхр. Один из царей династии *Парадата*.

144—146, 148—150, 152—154, 157, 173, 183, 195, 204

Ма́шья и Машьóи. Среднеперс. «смертный и смертная»; в поздней традиции Махлия и Махлияна. Первая человеческая пара, потомки *Гайомарта*.

63—65, 105, 108, 111

Медйóма́х. Среднеперс.; авест. Мад́йо-мо́нгха — «среднемесячный», т. е. рожденный в середине месяца. Двоюродный брат *Заратуштры* и его первопоследователь. Впервые упоминается в *Гатах* как потомок *Спитамы*.

247

Менучéхр. Фарси; среднеперс. *Манушчихр* (см.).

145, 147, 148, 155, 165, 172, 185

Мердас́. Фарси. В «Шахнаме» отец *Заххака*.

129

Мехра́б. Фарси. В «Шахнаме» царь Кабулистана, отец *Рудабе*, потомок *Заххака*; по другим источникам — потомок мифического родоначальника арабов *Таза* от дочери *Фарилуна*. Образ, по-видимому, восходит к реальному историческому лицу — властителю Кабулистана.

148, 156

Митохт. Среднеперс.; авест. Митао́хта. В Авесте — дэв-персонификация «лживого слова», противопоставляемого «благим речам» в триаде зороастрийских добродетелей («благие мысли, благие речи, благие дела»). В среднеперсидской традиции Митохт — один из первосотворенных дэвов, причисляемый к верховным силам мирового Зла и иногда отождествляемый с *Друджем*.

71

Митра. Авест. «договор», «согласие»; среднеперс. Михр. В индоиранской религии божество клятвы и соблюдения договора. *Заратуштрой* культ Митры был отвергнут, но, как и культы других старых богов, он вскоре восстановился. В религии ранних Ахеменидов (до Дария I) Митра, по-видимому, является официальным верховным божеством пантеона; засвидетельствовано множество имен в его честь. С этого времени Митра начинает отождествляться с греческими Аполлоном и Гелиосом, о чем свидетельствует наличие у Митры солярных функций, которые в результате такого отождествления получили дальнейшее развитие в эллинистическую (селевкидскую) эпоху. В парфянскую эпоху на базе зороастрийской дуалистической теологии и культа Митры как одного из наиболее почитаемых *язатов* возникает новая религия — митраизм, в которой Митра всецело воспринимает функции *Ахура Мазды* и мыслится как верховный бог света и Добра, противостоящий *Ахриману*. По митраистскому космологическому мифу Митра был рожден скалой, его нашли и вырастили пастухи; впоследствии Митра вступил в борьбу с Солнцем за власть, вражда закончилась заключением мира и священным договором. Затем Митра убил Первого Быка, созданного *Ахура Маздой*; из тела Быка произошли все полезные растения, из мозга — пшеница, из крови — виноград и т. д.; таким образом, земля благодаря ритуальному закланию Быка стала плодородной. Во время военных походов Помпея в 66—63 гг. до н. э. митраизм распространился среди его легионеров и был занесен в Рим. В III в. н. э. митраизм серьезно соперничал с христианством; с IV в. он исчезает полностью. Самые ранние из известных изображений Митры датируются ахеменидской эпохой. Инкарнации Митры: белый конь, фиалка. Римский Митра изображался в виде человека с головой быка или в виде юноши, убивающего быка. Младшая Авеста приписывает Митре также функции загробного судьи, эту традицию наследуют и пехлевийские источники.

11, 21, 28, 29, 31, 38, 85—88, 90, 99—101, 114, 131, 153, 227, 234, 240, 286, 308

Муш. Авест. *Муш-паирика* — «пайрика-мышь»; среднеперс. *Мушпár*. В Авесте характеризуется как «воровка» и упоминается наряду с другими силами Зла при их перечислении; функции ее неясны (высказывалось предположение об отождествлении Муш с мышью — носительницей чумной заразы). В среднеперсидской традиции *Мушпар* — небесная пайрика, «имеющая хвосты»; отождествление ее с кометой или метеором не вызывает сомнений, однако неясно, связано ли представление о *Мушпар* с конкретным небесным объектом или же она является неким «собирательным образом» метеоров и комет — т. е. персонификацией отрицательного, с точки зрения зороастрийской космологии, астрономического явления.

56, 63

Намхáст. Фарси; среднеперс. *Намхваст* (см.).

265

Намхвáст. Среднеперс.; фарси *Намхаст*. В Авесте не упоминается. В пехлевийских текстах и литературе на фарси один из сторонников *Арджаспа* в войне с *Виштаспом*.

255, 256, 265

Наотáра. Авест.; среднеперс. *Нотár*, фарси *Новзёр*. Один из сыновей *Манушчихра*.

148, 154, 155, 157—159

Нáрья Сáнха. Авест. «хвала мужей [огню ?]»; среднеперс. *Нерьясáнг*. Представление и культ восходят к индоиранской эпохе; судя по этимологии имени, образ возник как персонификация молитв, обращаемых к жертвенному пламени. Указание на тесную связь и, возможно, даже отождествление *Нарья Санхи* с огнем содержится в *Ясна*: он прославляется в одном ряду со всеми пятью ипостасями *Атара* (по-видимому, как божество-посредник между огнями на алтарях локальных храмов и главным огнем *Адур-Варахран* — см. в статье: *Атар*). *Нарья Санха* был известен на западе Ирана при Ахеменидах, но в ахеменидских надписях не упоминается. Главная роль *Нарья Санхи* в Авесте — посланник и вестник *Ахура Мазды*, эту функцию в среднеперсидской традиции сохраняет *Нерьясанг* (она также приписывается *Сраоше*).

11, 107, 146, 176, 177, 234, 252, 272

Наск. Среднеперс. Группа авестийских текстов, объединенных по тематическому принципу в ходе последней кодификации Авесты. Единственным наском, сохранившимся полностью, у *парсов* считается *Видевдат*.
33, 37, 38

Нáсу. Авест. «труп»; среднеперс. Нас. Дэв осквернения, заключенного в мертвой плоти. Представление о «нечистоте» мертвого тела возникло у иранских арийцев в конце индоиранской эпохи. Впоследствии эта «нечистота» персонифицировалась как женское дэвовское (см.: *Дэвы*) существо в виде трупной мухи (в Авесте обычно — *Друхш-йа-Насу* — «скверна трупная»). Иногда Насу приписывается способность умертвлять человека.
29, 55, 57, 69, 72, 75, 141, 219, 220

Нахáтъя. Авест.; среднеперс. Накахéd, Накиáш. В индоиранской религии — Насатья, небесное божество или пара божеств; впервые упоминается, наряду с *Индрой* и *Варуной*, в надписи, датированной приблизительно 1400 г. до н. э. В *Ведах* Насатья — эпитет небесных богов-близнецов *Ашвинов*; *Заратуштрой*, напротив, это божество было отвергнуто и причислено к *дэвам*. В Младшей Авесте Нахатъя — один из злейших дэвов, как правило, без определенно выраженных функций. В среднеперсидской традиции фигурирует под именами Накахед и Накиаш — один из первосозданных верховных дэвов, антагонист *Сраоши*.
70, 71, 99, 105, 111, 240

Нашáк. Среднеперс. Одно из предположительных прочтений имени жены *Сиямака*, мифической прародительницы народов и рас.
108

Неремáн. Фарси. В «Шахнаме» предок *Рустама*, упоминается косвенно. Имя восходит к авестийскому эпитету *Керсаспы* «нарьямана».
148, 162

Нестúр. Фарси; среднеперс. *Баствар* (см.).
265, 266

Нивéтиш. Среднеперсидское позднее предположительное прочтение имени одного из братьев *Заратуштры*.
204

Новзёр. Фарси; авест. *Наотара* (см.).

148, 155, 156, 159

Нихаг. Среднеперс. Одно из разночтений имени туранца (см.: *Туры*), ранившего *Саму* (*Керсаспу*).

167

Нэрэман. Авест. Одно из предположительных прочтений имени противника *Кави Хаосравы*. Подробности мифа неизвестны.

187

Огонь. См.: *Атар*.

19, 61, 83, 131, 132, 166, 167, 201, 220, 222—224, 240, 249, 251, 252

Ормáзд. Среднеперс.; авест. *Ахура Мазда* (см.).

19, 30, 33, 43, 57, 110, 234

Падирагтарáсп. Среднеперс. в поздней традиции; среднеперс. разночтение: Паитирасп. Один из предков *Заратуштры*, отец *Порушаспы*. В дошедших текстах образ почти не разработан.

195, 197, 198

Паири́ка. Авест.; среднеперс. паи́. Класс дэвовских (см.: *Дэвы*) существ женского пола. В Авесте, как правило, упоминаются в паре с *йату*. Образы паирика подразделяются на три разновидности: персонификации отрицательных явлений природы — неурожая, засухи, «падающих» (и тем нарушающих порядок мироздания) звезд, комет и т. п.; злые паирика без определенных функций, иногда в облике *храфстра*; очень редко — обольстительницы людей, совращающие их с пути праведности, описываемые как блудницы или сладкоречивые женщины. К зороастрийским представлениям о паирика восходят образы пери в средневековой классической персидской поэзии и в преданиях тюркоязычных народов: пери выступают как добрые или злые духи; добрые пери описываются в виде фей, миловидных девушек, птиц; злые — в виде змей, лягушек, хищных зверей, — однако преобладают положительные образы пери.

29, 56, 63, 112, 167, 178, 179, 257

Папак. Среднеперс. Исторически — удельный правитель в аршакидском Иране. В пехлевийской литературе — приемный отец *Арташира*.
232, 275, 276, 280

Парадáта. Авест. «данные первыми»; среднеперс. и фарси Пишдáды, Пишдадиды. Легендарная династия. В Младшей Авесте к династии Парадата иногда причисляются *Митра* и *Хаома*.
110—114, 117, 121, 126—128, 131, 133, 137—140, 144, 150, 158, 159, 167, 169, 187, 189

Парéнди. Авест. «богатство», «изобилие». Образ восходит к индоиранской эпохе; ведийское соответствие — Пурáмдхи (букв.: «щедро дающий»), божество щедрости и исполнения желаний. В *Гатах* — нарицательная абстракция, одно из благ, сопутствующих «праведной вере». В Младшей Авесте образ переосмысливается как женское божество с антропоморфными чертами — т. е., по сути, восстанавливается индоиранское представление.
8, 21, 68, 86, 153

Пародáрш. Авест. «видящая вперед». Авестийское стилистически возвышенное название петуха (в отличие от «народного» звукоподражательного названия «Кахркатас»), который считался птицей бога *Сраоши*.
70, 99

Пáрсы. Современные индийские зороастрийцы.
35—37

Пáтиш. Авест. «противоборство [*Ахура Мазде*]». Один из дэвов, олицетворение деяний *Ахримана* и злой силы, которой он наделен.
240, 241

Пашáнг. Среднеперс.; фарси Пешéнг. В зороастрийской легендарной истории отец *Фрасияка* (авест. *Франграсьян*), *Керсезазды* и *Аграэраты*.
149

Пехлевийская литература. Принятое общее наименование для религиозных, правовых, светских, научных, назидательно-моралистических

и всех других (в том числе переводных) сочинений на среднеперсидском языке. Понятие религиозной пехлевийской литературы охватывает среднеперсидские переводы Авесты, толкования и комментарии к авестийским текстам («Зенд»), богословские труды сасанидского времени и произведения, созданные (либо воссозданные) в VIII—IX вв. — в период «зороастрийского завоевания ислама». Почти все теологические пехлевийские сочинения датируются IX в., однако их содержание в большинстве случаев восходит к религиозно-мифологическим представлениям III—IV вв.

35, 39, 45, 110, 129, 156, 159, 161, 162, 169, 292

Пешéнг. Фарси; среднеперс. *Пашанг* (см.).

156, 167, 172

Пешиянсáй. Среднеперс. Название равнины; большинством исследователей локализуется в Кабулистане.

167, 223, 224

Пешотáну. Авест. и среднеперс.; фарси Пешутéн. Сын *Кави Вишталпы*. Этимология имени, возможно, восходит к названию мифической реки Петак-мийан. Иногда причисляется к «младшим» *Кавиям*.

234, 235, 252, 263, 265

Пешутéн. Фарси; авест. и среднеперс. *Пешотану* (см.).

265, 266

Пира́н. Фарси. В «Шахнаме» сын *Висе*, один из предводителей *туранцев*, воспитавший *Кей Хусроу*.

185, 189—191

Пишдад́иды. Среднеперс. и фарси; авест *Парадáта* (см.).

110, 114, 120, 126, 167, 168

Поруч́иста. Авест. См.: *Дети Заратуштры*.

254

Поруш́аспа. Авест.; среднеперс. *Порушасп*. Отец *Заратуштры*.

18, 90, 192, 195, 198, 199, 202—210, 212, 222, 241

Пу́тика. Авест.; среднеперс. Пути́к. Один из заливов океана *Ворукаша*.
59

Пуш. Среднеперс. «скупость». *Дэв* скупости. Образ, по всей видимости, сложился на «младоавестийской» стадии как олицетворение соответствующего греха, однако в Авесте *дэв* Пуш не упоминается.
71

Ра́га. Авест.; среднеперс. Рей. Город или область в Древнем Иране. Ряд зороастрийских текстов подчеркивает особую роль Раги в биографии *Заратуштры*, однако ничего конкретного об этой роли не говорится.
24

Рангуштар. Среднеперсидское позднее предположительное прочтение имени одного из братьев *Заратуштры*.
204

Ра́нха. Авест. «роса»; в пехлевийских источниках Рах, Ара́г, Аре́нг и др. Одна из мировых рек; вероятно, мифологическое осмысление Сырдарьи или Волги; вторая гипотеза является более распространенной, поскольку топоним «Рах», вероятно, соответствует названию Волги — «Ра», засвидетельствованному у Птолемея. В *Ведах* Ранхе соответствует река Раса, находящаяся «на краю света» — ср. авестийское выражение: «у истоков Ранхи» — синоним максимальной удаленности. Иногда в Ранхе локализуется остров *Хаомы* и отождествляемых с *Хомой* священных деревьев.
60, 88, 133, 164

Рапитви́на. Авест. «полуденный»; среднеперс. Рапитвин. Одно из временных подразделений суток и соответствующее ему божество-*гах*.
61

Ра́ту. Авест. «глава», «судья»; среднеперс. Рат.
66, 89, 196, 218, 236, 252, 263

Ратуштар. Среднеперс. Позднее предположительное прочтение имени одного из братьев *Заратуштры*.
204

Рахш. Или Рехш. Фарси. «свет», «сияние». Конь *Рустама*. Образ Рахша вошел в персидские и таджикские сказки.

168, 179, 266

Ра́шну. Авест. «правда», «справедливость»; среднеперс. Рашн. В *Гатах* не упоминается. Имена в честь Рашну впервые засвидетельствованы при Дарии I. В Младшей Авесте — божество с антропоморфными чертами, бог справедливости и правосудия, связанный также с Загробным судом; в *Видевдате* и книге *Яшт* обычно фигурирует совместно с *Митрой* — божеством договора, связанным с ордалиями, а в *Ясне* почти всегда упоминается вместе с Арштат — на основании чего можно предположить, что образ сложился в «младоавестийский» период как персонификация одной из ипостасей *Истины* и функции Митры по поддержанию справедливости. Среднеперсидская традиция приписывает Рашну в целом те же функции, что и Младшая Авеста.

87, 99—101, 234, 286

Рудабé. Фарси «стройная», «высокая». В «Шахнаме» дочь *Мехраба*, мать *Рустама*.

148, 156

Рустáм. Или Ростем. Фарси. Восходит к среднеперс. «ротастахм» — «богатырь». Самое раннее сохранившееся упоминание относится к V в. н. э. — согдийский фрагмент о битве Рустама с дэвами. В «Шахнаме» — один из главных персонажей.

148, 161, 167, 168, 171, 172, 179—181, 183, 184, 190, 191, 266

Са́йрима. Авест.; среднеперс. Салм, фарси Сельм — от арабского корня «сalm» («безопасность», «благополучие»). Один из сыновей *Тразтаны*.

143, 144, 146, 147, 149, 233

Са́ки. Древнеперс. Общее название ираноязычных кочевых племен так называемой «скифской» ветви. Первоначально саки тождественны авестийским *турам*; в пехлевийских источниках под турами понимаются уже тюркские племена. В ахеменидских надписях «саками» называются все скифы. Саки делились на три группы: «большие саки», или массагеты, — предки аланов, населявшие степи на востоке за Сырдарьей; саки хаума-

варга (букв.: «саки, хаому чтущие» — в греческих источниках амиргийские скифы, населявшие районы от Памира и Гиндукуша до долины Инда; и саки тиграхауда, обитавшие в приграничных районах среднеазиатских владений Ахеменидов.

162, 180

Сам. Среднеперс. и фарси; авест. *Сама* (см.).

147, 148, 155, 156, 161, 168

Сáма. Авест.; среднеперс. и фарси **Сам.** Героический персонаж древнеиранского эпоса, отождествляемый с *Керсаспой*.

147, 161, 162, 166, 167, 223

Саошьáнт. Авест. причастие будущего времени от глагола «спасать» — т. е. «грядущий спаситель»; среднеперс. *Сошйанс*. В зороастризме эсхатологический мессия.

158, 234, 235, 308, 310, 311

Сарсаóк. Один из пехлевийских вариантов имени мифического быка.

108, 111, 113, 118, 123, 188

Сатава́эса. Авест. по разным толкованиям: «с сотней рабов», «обладающий силой ста мужей»; среднеперс. *Садвес*. Звезда, персонифицируемая как божество. Идентифицируется либо с Антаресом (альфа Скорпиона), либо с Канопусом (альфа Киля, вторая по яркости звезда после Сириуса). Большинство исследователей склоняются к первой гипотезе, поскольку звезда Канопус видна лишь в южной части территории Ирана, да и то теоретически: над горизонтом она поднимается очень невысоко, так что ее скрывают любые неровности рельефа — холмы, горы и т. д.

51, 56, 57, 59, 68, 69, 76

Сахна́вак. Авест.; в пехлевийских источниках не упоминается, фарси *Шехрназ*. Одна из жен *Йимы*.

128, 138, 140, 143

Сáэна. Авест. *Саэна мервгхо* — букв.: «птица-орел». Мифическая орлоподобная птица. В сохранившихся текстах Авесты упоминается эпизодически. Обитает на целебном древе; связь *Саэны* с целебным

деревом — отголосок древнейшего индоевропейского мифа об орле, принесшем на землю растение бессмертия. К представлению о Саэне восходит образ *Сенмурва*.

101

Сельм. Фарси; авест. *Сайрима* (см.).

144, 145, 147, 172

Сенмурв. Среднеперс. Образ и этимология имени восходят к авестийской орлоподобной птице *Саэна* мервгхо. Дальнейшее развитие образа — вещая птица Симург в «Шахнаме» и многих персидских легендах. В новоперсидских источниках Симург иногда фигурирует в двух ипостасях — «благой» и «демонической» либо обладает двумя натурами — доброй и злой. В арабскую эпоху изображение Симурга одно время было официальной эмблемой Ирана наряду с государственным гербом. С представлениями о Сенмурве также связаны представления о грифонах в изобразительном искусстве сако-массагетов (см.: *Саки*) и кочевых племен Алтая.

67

Сиява́хш. Среднеперс.; авест. *Сьяваршан* (см.).

184

Сияву́ш. Фарси; авест. *Сьяваршан* (см.).

183—185, 190, 191

Сияма́к. Среднеперс. и фарси. Потомок *Гайомарта*, мифический пра-родитель народов и рас.

108, 109, 111

Сनावи́дка. Авест. В Авесте каменнорукий великан-богоборец; убийство Сनावидки — один из подвигов *Керсаспы*. Происхождение мифа о Сनावидке неясно; ср. с образами *Отоса* и *Эфиальта* в греческой мифологии («Одиссея» 11.308—319). В пехлевийских источниках Сनावидка не упоминается.

162, 165

Со́ма. Ведийск.; авест. *Хаома* (см.).

10, 91

Спáзга. Авест. «клевета», «злословие»; среднеперс. Спазг. В Авесте упоминается нарицательно как обозначение соответствующего греха. В среднеперсидской традиции персонифицируется в качестве *дэва*.

71

Спандармáт. Среднеперс.; авест. *Спента Армайти* (см.).

140

Спаситель. См.: *Саошьянт*.

152, 308, 310

Спенга́гра. Авест.; среднеперс. Аспенгарга́к. Один из *дэвов*; в Авесте упоминается как антагонист огня *Вазишта* — грозовой молнии; в связи с этим можно предполагать, что Спенгагре приписывались и функции антагониста дождевых туч, т. е. *дэва* засухи. В среднеперсидской традиции Аспенгаргак — второстепенный *дэв* засухи, дублирующий функции *Апаоши*.

71

Спени́шта. Авест. «святейший»; среднеперс. Спеништ. Одна из ипостасей *Огня*.

62, 222

Спéнта Арма́йти. Авест. «святое благочестие»; среднеперс. Спандармат. Одно из божеств *Амеша Спента*. Образ восходит к индоиранской мифологеме о великой Матери-Земле *Зам*; имеет лингвистическое соответствие в *Ведах*. В *Гатах* — олицетворение благого качества *Ахура Мазды*, аллегория набожности и, кроме того, социальное понятие — антипод *Айшмы* как кочевого образа жизни, олицетворение мирного, преуспевающего пастушеского общества. В Младшей Авесте образ Спента Армайти подвергается сильной антропоморфизации: она становится богиней-покровительницей земли (и одновременно персонифицирует землю, полностью вытесняя в этом качестве *Зам*), именуется дочерью *Ахура Мазды*, сестрой *Даэны* и др. В пехлевийской традиции Спандармат — женское божество, персонифицирующее землю.

19, 26, 48, 58, 61, 77, 99, 123, 152, 240, 242, 244, 245, 312

Спентада́та. Авест. «дарованный святостью, благочестием [т. е. *Спента Армайти*]»; среднеперс. Спендида́д, Спанда́тт, фарси Исфанди́яр.

В Авесте — сын *Заривари*. В пехлевийской традиции сын *Вишtasпы* и один из его сторонников в войне с *хионитами*.

258, 261, 265

Спента Манью. Авест. «святой дух». Дух-демиург, олицетворение созидающей мощи и благой сущности *Ахура Мазды*, с которым Спента Манью часто отождествляется как антипод *Ахримана*. В *Ведах* соответствия не имеет. Из-за сходства образов Спента Манью и библейского Святого Духа неоднократно выдвигалась гипотеза об их исторической взаимосвязи, однако более убедительной представляется версия о том, что образ Спента Манью — теологическое нововведение *Заратуштры*, к которому пророк пришел в результате собственных религиозно-философских исканий. В космогонии *Гат* Спента Манью тождествен *Ахура Мазде* — изначальный брат-близнец *Злого Духа*. В пехлевийских источниках Спента Манью упоминается редко, обычно он тождествен *Ормазду*.

26, 48, 85, 97, 131, 162, 165

Спитама. Авест. «беловатый», «белесый»; среднеперс. Спитам. В Авесте и пехлевийских источниках упоминается в сочетании с именем *Заратуштры* как родовое имя пророка. По одному из текстов, Спитама — потомок *Манушчихра* в пятом поколении и предок *Заратуштры* в четырнадцатом.

18, 19, 150—152, 192, 195, 197, 198, 203, 205, 211, 214, 215, 217, 233, 237, 239, 245, 248, 251, 252, 291

Спитьюра. Авест.; среднеперс. Спитур, в поздней традиции Спедур. Брат *Йимы*. См. в статье: *Тура*.

117, 128, 129, 131

Сраоша. Авест. «послушание»; среднеперс. Срош, фарси Сурүш. В *Гатах* — нарицательная категория благочестивого набожного послушания, противопоставляемая своеволию — *Айшме*. По одной из гипотез, понятие «послушание» было введено *Заратуштрой* в его теологическую систему в качестве «замены» соответствующей функции одного из старых индоиранских богов, отвергнутых пророком (предположительно — *Митры*). В Младшей Авесте «послушание» персонифицируется как божество с антропоморфными чертами: дух дисциплины и самообладания, один

из загробный судей. Эти функции Срош сохраняет и в среднеперсидской традиции, одновременно воспринимая и функции *Нарья Санхи* как посланника и вестника *Ахура Мазды*; Срош также отвращает заблуждения, спасает верующих от соблазнов.

70, 71, 87, 98, 99, 107, 109, 137, 167, 189, 207, 208, 215, 234, 240, 270, 285—287, 289—291, 299, 304

Сраоша-чарана. Авест. «делающая послушными». Эпитет ритуальной конской плети, предназначенной для наказаний за различные грехи. Определенное количество ударов плетью Сраоша-чарана назначалось во искупление греха наряду с другими «епитимьями» — уничтожением большого количества *храфстра*, изготовлением *барсманов*, заготовкой сухих дров для огня и др.

101, 221

Сритó. Среднеперс. в поздней традиции. Один из приближенных *Кей Уса*.

178, 179

Судабé. Фарси. Жена *Кави Усана* (см.).

180, 184, 190

Судья. Авест. *Рату* (см.).

66, 220

Сурúш. Фарси; авест. *Сраоша* (см.).

109, 142

Сьявáршан. Авест. «черный самец»; среднеперс. *Сиявáхш*, фарси *Сиявúш*. Отец *Кави Хаосравы*. В мифах некоторых народов Средней Азии — умирающее и воскресающее божество, обладающее солярными функциями.

177, 182, 183, 186—188, 234

Сэрвára. Авест. «рогатый [?]»; среднеперс. *Сровáр*, в поздней традиции также *Сробовáр*. В Авесте гигантский змей, убитый *Керсаспой*; в пехлевийских источниках убийство Сровара приписывается *Керсаспу* и *Саму*. Образ Сэрвары типичен для змееборческого сюжета в мифологиях многих народов. Вероятно, убийство Сэрвары первоначально

приписывалось герою индоиранской религии Саме керсаспе найрьяману, в дальнейшем, после раздвоения образа, — соответственно Саме и Керсаспе. На протяжении всей истории зороастрийского Ирана миф существенных смысловых изменений не претерпел, лишь в сако-согдийском цикле незначительно изменился в сюжетных деталях — и в таком виде вошел в «Шахнаме», где Сровар фигурирует уже безымянно.

162, 163, 166, 222, 223

Таз и Тазák. Среднеперс. В среднеперсидской традиции потомки *Фравака* и *Фравакиен*, мифические родоначальники арабов.

111

Тáрви и Зáири. Авест. «голод» и «жажда»; среднеперс. Тарв и Зариг. Дэвы голода и жажды, в системе зороастрийского дуализма противопоставляемые паре божеств *Амеша Спента* — *Амертат* и *Харватат*. Образы исторически восходят к одноименным мидийским божествам, с распространением зороастризма отвергнутым и причисленным к дэвам. В среднеперсидской традиции Тарв и Зариг — дэвы, созданные в начале творения *Ахриманом*, входящие в его ближайшее окружение и причисляемые к верховным силам мирового Зла.

49, 71, 240, 289

Таромáнти. Авест.; среднеперс. Таромát. Дэв греховного неповиновения. Впервые упоминается в *Гатах* — нарицательно, как один из грехов. На «младоавестийской» стадии персонифицируется в качестве дэва. В среднеперсидской традиции дэв Таромат сохраняет прежние функции, иногда отождествляется с Накахедом (авест. *Нахатья*).

71

Тáхма Уру́пи. Авест., по разным толкованиям: «отважный [или: хитрый], в лисий мех одетый», «отважная [или: хитрая, лукавая] лиса [или: волк], носящая шкуру»; среднеперс. Тахморúp, фарси Тахмурás. Третий царь *Парадата*. Происхождение образа и легенд, связанных с ним, неясны.

115, 117—121, 125, 188

Тахмурás. Фарси; авест. *Тахма Урупи* (см.).

115, 120, 126

Техмасп. Фарси; авест. *Тумаспа* (см.).

160

Тиштрия. Авест., от общеиндоевропейск. «относящийся к [созвездию] трех светил [Поясу Ориона]»; среднеперс. *Тиштар*, другое название: *Тир*. Божество дождей и персонификация звезды Сириус; ведийское соответствие — *Тишья*, Сириус и божественный стрелок из лука. Представлении о Тиштрии не претерпело существенных изменений за всю историю зороастризма.

12, 14, 15, 51, 56—59, 67, 68, 71, 76, 81, 85, 86, 101, 153, 198

Траэтаона. Авест.; среднеперс. *Фретон*, фарси *Фаридун*. Царь династии *Парадата*, культивировался главным образом как победитель *Ажи Дахаки*, ассоциировавшимися с *турами* и другими кочевыми племенами, а после арабского завоевания — с арабами.

131, 137—142, 144, 146, 149, 233, 311

Трити. Авест. См.: *Дети Заратуштры*.

254

Тумаспа. Авест.; среднеперс. *Тумасп*, фарси *Техмасп*. Один из сыновей *Наотары*.

157, 158

Тур.

1. Среднеперс. и фарси; авест. *Тура* (см.).

39, 148

2. Среднеперс. В пехлевийских источниках родовое имя *Фрасияка*.

144, 145, 147, 151, 156, 172

Тура. Авест. «бык [?]»; среднеперс. и фарси *Тур*. В зороастрийской традиции один из сыновей *Траэтаоны*, родоначальник племени *туров* (туранцев), враждебного иранцам. Представление, возможно, восходит к реальному историческому лицу или собирательному образу вождя кочевников, но в Авесте *Тура* — полностью мифологизированный персонаж. Выдвигалась гипотеза, что первоначально *Тура*, во всяком случае у некоторых племен, считался сыном *Йимы*, но впоследствии сказания о нем наложились на «бродячий» сюжет «близнечного» мифа (о братоубийстве);

отсюда можно сделать вывод об общих истоках мифа о Туре с мифом о Спителье и об изначальной тождественности этих персонажей. Уже в Авесте все функции главного врага иранцев, «злейшего из туров», полностью отходят к Франграсьяну. Имя Тура/Тур часто употребляется как топоним — название туранских земель, однако неясно, по топониму ли первоначально было дано имя мифологическому персонажу, или наоборот — от имени персонажа образован топоним.

143, 144, 146, 149, 150, 156, 160, 177, 183—191

Туранцы. См.: Туры.

144, 145, 147—150, 154, 156, 157, 160, 167—169, 171, 177, 180, 182, 184, 186, 188, 190, 213, 234, 265, 281, 311

Ту́ры. Авест., среднеперс. и фарси «быки [?]»; в русифицированной передаче туранцы. Кочевое племя, враждебное иранским арийцам, из ветви саков; в среднеперсидской традиции под турами понимаются уже тюркские племена. В зороастрийской легендарной истории туры — потомки Туры; предводитель туров — Франграсьян. «Трудно предполагать во Франграсьяне реальное историческое лицо — в крайнем случае лишь имя могло бы оказаться историческим. Скорее всего, как обычно и бывает в эпической традиции, произошло сжатие исторического времени и соединение в одном эпическом герое целой исторической эпохи. Этой эпохой гипотетически представляется нам век существенного перелома в истории Средней Азии — перехода части населения к собственно кочевому хозяйству и смены среднеазиатских степных полуземледельческих культур культурой верховых саков, чистых кочевников. Подобно тому как за созданием конно-кочевой культуры в степях Причерноморья последовали дальние завоевания киммерийцев и скифов, так и в Средней Азии аналогичный процесс должен был сопровождаться приблизительно между IX и VIII в. до н. э. временным завоеванием оседлых областей, не готовых к обороне против новой конно-стрелковой стратегии и тактики... Образ Франграсьяна как варвара вполне вяжется с тем, как должен был представляться житель Хорезма в Маргиане, Харии или Дрангиане, в отличие от Хорезма уже достигшего уровня “городской” цивилизации»¹.

¹ Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира: К возможности новых постановок вопроса // История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. М., 1971. С. 143—144.

Борьбе иранцев с турами посвящены многие фрагменты книги *Яшт* и значительная часть «Шахнаме». Несомненно, что их антагонизм служил наглядной иллюстрацией к зороастрийским представлениям о борьбе Добра и Зла. См. также: *Хиониты*.

84, 151, 186

Туса. Авест.; среднеперс. и фарси Тус. Один из сыновей *Наотары*.

157—159, 190, 191

Уда. Среднеперс. Дэв словоблудия и болтливости.

71

Узава. Авест.; среднеперс. Узобо, Заб, Зов, фарси Зов. Царь династии *Пишдадидов*.

156, 158, 159, 167, 171

Узайерина. Авест. «вечерний», «относящийся к концу дня». Одно из временных подразделений суток и соответствующее ему божество-*гах*.

61

Урвазишта. Авест. «быстрейший»; среднеперс. Урвазишт. Одна из ипостасей *Огня*.

62

Урватат-нара. См.: *Дети Заратуштры*.

254

Урвахшайа. Авест.; среднеперс. Урвахш. Праведный законодатель, убитый *Хитаспой*. Подробности неизвестны.

164

Ушахина. Авест. «предрассветный», «относящийся к заре». Одно из временных подразделений суток и соответствующее ему божество-*гах*.

61

Фаридун. Фарси; авест. *Траэтаона* (см.).

135, 136, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 159, 168, 172, 183

Фарнбаг. Один из среднеперсидских вариантов названия сакрального огня зороастрийской религии; см. в статье: *Атар*.

114, 275, 283, 284

Фархáng. Авест. Фрэни (?). В Авесте упоминается как праведная жена Усенеманха. В среднеперсидской традиции мать *Кави Апивохи*. В «Шахнаме» именем Феранек (среднеперс. Фарханг) названы два персонажа: мать Фаридуна (авест. *Траэтаона*) и мать Кей Кавуса (авест. *Кави Усан*).

173

Феранэк. Фарси; авест. *Френи* (см. статью: *Фарханг*).

141, 179

Ференгис. Фарси; среднеперс. Виспán-фрйа. В «Шахнаме» дочь *Афрасиаба*, жена *Сиявуша* и мать *Кей Хусроу*. В пехлевийских текстах Виспан-фрйа упоминается эпизодически.

184, 185, 190

Ферибóрз. Фарси. В «Шахнаме» сын *Кей Кавуса*.

190

Фравák и Фравáкиен. Среднеперс. В пехлевийских источниках — потомки *Сиямака* и *Нашак*, мифические родоначальники народов и рас.

108, 111

Фравáши. Авест., этимология неясна, возможно, слово образовано от корня «вар» — «доблесть»; древнеперс. и среднеперс. фравáрти. (Мифоним женского рода; по традиции в единственном числе не склоняется, во множественном правомерны склоняемый и несклоняемый варианты употребления.) На ранней стадии формирования представлений у протоиндоиранцев фраваша мыслились, по-видимому, как духи предков и связывались с природными циклами: в «зороастрийском» календаре им посвящена декада перед весенним равноденствием и первый месяц года; авестийское описание фраваша как крылатых существ в доспехах и с оружием также, вероятнее всего, восходит к древнейшим временам. Объекты окружающей природы — горы, озера, леса и др. также обладали фраваша. Несомненно, существовало и представление о фраваша как о божествах-демиургах: в одном из фрагментов Авесты имеющим фраваша

(т. е. сотворенным) назван и сам *Ахура Мазда* — бесспорно, отголосок этого представления. Все эти представления без существенных изменений восприняла индоиранская религия и затем религия иранских арийцев. *Заратуштрой* культ фраваша был отвергнут, но уже в ранних западных модификациях зороастризма их почитание официально восстанавливается (вероятно, на практике оно вообще не прерывалось). Младшая Авеста механически восприняла представления о фравашах, складывавшиеся в разное время и в разных племенах, в том числе и все древние, дозаратуштровские. Зороастрийские тексты упоминают только «фраваша праведных». В среднеперсидской традиции фраварти созданы *Ормаздом* в начале творения как грядущее праведное человечество; они помогают отразить нападение *Ахримана* на мир и затем получают телесное воплощение. Иногда фраваша ассоциировались со звездами.

15, 16, 53, 55, 57, 58, 61, 65, 67, 75, 76, 84, 87, 89, 124, 167, 176, 178, 197, 198, 215

Франгрáсьян. Авест.; среднеперс. Фрасияк Тур; фарси Афрасиáb. В зороастрийской легендарной истории предводитель *туров*, злейший враг иранских арийцев. Образ, очевидно, восходит к древнему собирательному образу вождя кочевых племен (см. в статье: *Туры*). Первоначально, возможно, фигурировал в предполагаемом цикле сказаний о Туре и *Йиме* (см. в статье: *Тура*); во всяком случае, указания, позволяющие предположить связь представлений о Франгрáсьяне с образом *Йимы*, содержатся во многих источниках: в среднеперсидской и поздней традициях Фрасияку присущи черты культурного героя: он возводит свой подземный дворец в недрах той же самой горы Бакуир, в долине которой *Йима* построил «множество несметное селений и городов»; Афрасиáб строит крепость, которая, как и *Вара Йимы*, служит убежищем от горя и смерти, и др. Некоторые источники изображают Фрасияка/Афрасиáба ревностным огнепоклонником, строителем храма *Огня*, освободителем Ирана от злого колдуна, обладателем *Хварны*. Представления о положительных качествах Франгрáсьяна отразились уже в Младшей Авесте: Франгрáсьян убивает колдуна *Зайнигу* оружием *Саошьянта*. В то же время имена *Фрасияка*, *Дахаки* и *Искандара* — синонимы *Зла*. Обе эти тенденции существовали параллельно на протяжении всей истории зороастрийского Ирана. После арабского завоевания Фрасияк стал ассоциироваться с арабским нашествием. В «Шахнаме» Афрасиáб уже всецело

отрицательный персонаж. Образ Афрасиаба в переосмысленном виде вошел в мифологию турок, азербайджанцев, узбеков, туркменов.

147, 149, 150—152, 154, 156, 157, 159, 170, 177, 182, 183, 186—
189, 233, 234, 255, 281, 311

Фрасияк (Тур). Среднеперс.; авест. *Франграсьян* (см.).

39, 148

Фрахимрав. Среднеперс. Один из вариантов имени деда *Заратуштры* по матери, отца *Дукды*.

195—198

Фрашаоштра. Авест.; среднеперс. *Фрашоштáр*. Один из первопоследователей *Заратуштры*.

23, 253, 262, 287

Фрашкард. Авест. *Фрашо-керéти*. Конец мировой истории. Эпоха очищения мира от зла и воскрешения праведников.

267, 308

Фрэни. Авест.

1. Одна из дочерей *Заратуштры*; см.: *Дети Заратуштры*.

254

2. См.: *Фарханг*.

137, 141

Фрифтар. Среднеперс. «обманщик». В среднеперсидской традиции *дэв* обмана. Образ, очевидно, сложился лишь в начале сасанидской эпохи: в Авесте Фрифтар как *дэв* не упоминается, его функцию исполняют другие *дэвы*.

72

Фробак. См. статью: *Атар*.

189, 234, 235

Хавани. Авест. «относящийся к хаоме». Одно из временных подразделений суток и соответствующее ему божество-*гах*. Этимология имени связана с тем, что хаому полагалось готовить утром.

61

Хаома. Авест. «то, что выжимают»; среднеперс. Хом. В зороастрийской традиции триединый образ: наркотический ритуальный напиток; растение, из которого его изготавливали; и божество — персонификация растения и напитка. Культ хаомы и обычай ее ритуального употребления восходит, по-видимому, к доиндоиранским временам; ведийское соответствие — сома. В. Н. Топоров полагает, что «один из галлюциногенных эффектов хаомы состоял в изменении (или даже “перевернутости”) пространственно-временных и субъектно-объектных отношений. На мифологическом уровне этому могли соответствовать такие парадоксы, как одновременное нахождение хаомы на небе и на земле и особенно совмещение в хаоме ипостасей бога, <...> жреца, приносящего ему жертву, и самой жертвы»¹.

Заратуштра отвергает хаому как «омерзительное зелье» и осуждает ее употребление. Но если с распространением зороастризма в Иране первое время предпринимались попытки изжить культы старых божеств, отвергнутых пророком, то культ хаомы и обряды, связанные с ее употреблением, по-видимому, не преследовались никогда. В дальнейшем, очевидно, наступает расцвет культа; Младшая Авеста приписывает Заратуштре восхваление и прославление хаомы. В селевкидскую и парфянскую эпохи культ хаомы постепенно утрачивает свое значение и к началу царствования Сасанидов сохраняется лишь на окраинах империи в вырожденном виде. Пехлевийские источники упоминают Хом лишь как «дерево бессмертия» и «*Рату* над целебными растениями» и отождествляют его с другими мифическими деревьями, чаще всего с *Древом Всех Семян*.

Согласно Авесте и Ригведе, хаома/сома — золотистого или желтого цвета, имеет побеги, растет в горах. Относительно того, какое реальное растение соответствует хаоме/соме, выдвигалось множество гипотез: *Salvia Persepolitana* (растение, встречающееся только в окрестностях Персеполя), вереск, белена, конопля, мухомор, ревень, молочай, эфедра и др. «Попытки точно определить, какое же именно растение предки индоиранцев называли сомой, вряд ли могут привести к бесспорной идентификации. На протяжении своей многовековой истории предки авестийских иранцев и индийских ариев расселялись по обширным территориям с различными географическими условиями, климатом, растительностью. Следуя своим культовым традициям, они изготавливали ритуальные

¹ Топоров В. Н. Хаома // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С. А. Токарева. Т. 2. М., 1992. С. 579.

напитки, находя пригодные для этого растения; в разных географических зонах ими являлись, очевидно, различные “плоды земли”, дававшие необходимый культовый эффект. Еще в ранних индийских сочинениях зафиксировано положение, по которому разрешалось заменять традиционный вид “сомы” некоторыми другими растениями — травами, злаками, кустарниками. Но все они должны были обладать сходными свойствами, оказывать эйфорическое воздействие. Уже ранний комментатор “Ригведы” Саяна писал, что если невозможно добыть точно ту сому, о которой говорит священное писание, то следует взять “путику” — определенный вид вьющегося растения; если нет и ее, то темную траву “арджунани”. Ритуальные тексты разрешают в качестве “заменителей” сомы применять зерна ячменя, некоторые сорта пахучих трав и т. д.»¹. Парсы и гебры используют для приготовления ритуального напитка эфедру — хвойный кустарник, растущий на севере Индии, в Иране и в Афганистане.

10—12, 14, 21, 26, 27, 67, 69, 77, 89—91, 101, 116, 125, 134, 137, 164, 177, 192, 197—199, 211, 213, 224, 240, 242, 252

Хаошья́нха. Авест. «добронаселяющий», «благожительный»; среднеперс. и фарси Хушанг. Первый царь династии *Парадата*. Происхождение образа неизвестно; некоторые исследователи допускают иноземное заимствование. В «Шахнаме» Хушанг Пишдадид — сын Сиямака.

109, 111—114, 116, 117, 138

Ха́ра. Авест.

1. «Единорог [?]». Мифический «пречистый осел». Образ восходит к индоиранской эпохе. Происхождение его неясно; вероятнее всего, первоначально это собирательная персонификация различных погодных явлений, однако непонятно, почему образ Хары, хоть и в переосмысленном виде, удержался в зороастризме вплоть до поздней традиции. В пехлевийских текстах фигурирует безымянно как «трехногий осел».

69

2. Мифическая гора; см.: *Хара Березайти*.

112

Ха́ра Береза́йти. Или: Ха́райти, Ха́ра. Авест. «высокая Хара [рог ?]»; среднеперс. Харбурз, фарси Албурз, отсюда совр. Эльбурс — горная

¹ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983. С. 116.

цепь на севере Ирана (протяженность ок. 900 км, высота до 5604 м — гора *Демавенд*). Мифическая горная цепь, мировые горы. Исторически — мифологическое осмысление гор от южного Кавказа до западной Индии. В среднеперсидской зороастрийской космологии Харбурз связывался с горной цепью Эльбурс.

60, 61, 69, 85, 91, 96, 99, 112, 119, 133, 175, 189

Харватát. Авест. «целостность», «здоровье»; среднеперс. Аурвát, в поздней традиции Хордád. Одно из божеств *Амеша Спента*. Понятие существовало уже в индоиранскую эпоху; ведийское соответствие — Сарасвати, богиня молитвы и благой деятельности и персонификация священной реки ариев Ригведы. В *Гатах* — олицетворение одного из благих качеств *Ахура Мазды*, позднее — самостоятельное божество с функциями покровителя воды. Упоминается обычно в паре с *Амертат*. В системе зороастрийского дуализма противопоставляется *дэву Заури*.

19, 26, 48, 49, 61, 71, 99, 243, 289

Хафтаринга. Авест. «семизначный»; среднеперс. Хафторэнг. «Ковш» Большой Медведицы (звезды альфа — дзета); созвездие, персонифицируемое как благое божество.

51, 56, 57, 61, 68, 101

Хафтобát. Среднеперс. Противник *Арташира*.

279—281

Хванавánt. Авест. «солнечный». Название горы, предположительно локализуемой в Бактрии. До Хванавант долетает стрела *Эрехша*.

154

Хванирáта. Авест. «обладающая поющими колесами» — т. е. обильная колесницами; среднеперс. Хванирác. *Срединный каршвар*.

60, 66—68, 71, 76, 78, 87, 89, 91, 93, 97, 98, 101, 105, 108, 111, 113, 118, 119, 127, 133, 134, 138, 141, 143, 144, 162, 164, 171, 175, 177, 192, 225

Хвára-чítра. Авест. См.: *Дети Заратуштры*.

254

Хварна. Авест. «добро», «богатство»; парфянск. и среднеперс. Фарр. Судя по этимологии слова, первоначально, по-видимому, — персонификация счастья и благополучия. В раннеахеменидскую эпоху Хварна уже мыслится как абстрактная божественная сущность, добрая судьба. Имена в честь Хварны впервые засвидетельствованы при Дарии I, к этому же времени относится самое раннее (предполагаемое) изображение Хварны. В Младшей Авесте Хварна — абстрактная божественная сущность, харизма, сакральная сила, связанная с *Огнем* и олицетворяющая высшее неземное начало. В зависимости от контекста, словом «Хварна» могут передаваться понятия «счастье», «добрая судьба», «величие», «слава», «божье благословение и поддержка» и т. д.; для богов Хварна — символ их могущества, для царей *Парадата* и *Кавиев* — знак богоизбранности, царственной принадлежности, власти (в этом значении обычный эпитет Хварны — «Хварна Кавиев», «кавианская Хварна»), для героев — залог их славы и победоносности, для «простых смертных» — изобилие, удача, богатство. В Авесте упоминаются и люди, обладающие «плохой Хварной». Свою Хварну имеют семьи, роды, племена, территориальные подразделения. В зороастрийской догматике сасанидского времени Фарр — символ могущества шаханшаха и незыблемости его власти; по-видимому, Фарр как богоизбранность, царственную принадлежность и власть символизирует венец Сасанидов — нимб вокруг головы. Наиболее распространенная инкарнация Фарра — горный баран.

83, 84, 86, 113, 117, 118, 121, 122, 125, 128, 131, 132, 139, 143, 146, 150, 151, 158, 159, 162, 167, 171, 173—176, 182, 183, 188, 196, 198, 201, 207, 225, 234, 257, 278, 280, 286, 295

Хво́ва. Авест. и среднеперс. Древний иранский полулегендарный род, выходцы из которого (в частности, *Фрашаоштра* и *Джамаспа*) были последователями *Заратуштры*.

23, 253

Хио́нйты. Среднеперс. Среднеазиатский кочевой народ, враждебный иранцам. В парфянскую и сасанидскую эпохи хиониты постоянно совершали набеги на восточные окраины империи. Пехлевийские источники отождествляют хионитов с упоминаемым в Авесте народом хьяона — очевидно, одним из туранских (см.: *Туры*) племен, враждебным иран-

ским арийцам. В зороастрийской легендарной истории предводитель хионитов/хьяона — *Ареджатасна*.

23, 233, 252—254, 256—259, 261

Хита́спа. Авест. Дэвопоклонник (см.: *Дэвы*), убийца *Урвахшайи*.

164

Хнафа́йти. Авест. В Авесте одна из *паурика*. Происхождение и содержание образа неясно.

167

Хра́фстра. Авест. Животные и насекомые, считавшиеся «вредными», «порождениями *Ахримана*»; в системе зороастрийского дуализма противостоят благим животным. В «младоавестийской» традиции к храфстра причисляются волки, черепахи, змеи, практически все земноводные, мухи и все бескрылые насекомые. Самое раннее свидетельство об обычае уничтожения храфстра относится к ахеменидскому времени, однако восходит этот обычай, по-видимому, еще к индоиранской эпохе. Происхождение его неясно. Авеста в числе «епитимий» во искупление тяжких грехов предусматривает в том числе уничтожение определенного количества храфстра. В среднеперсидской ортодоксии храфстра причисляются к *дэвам*; в поздней традиции к храфстра приравниваются чернокожие люди и некоторые мифические народы-монстры — своеобразные «дэвовские расы».

27, 29, 55, 56, 59, 61, 66, 67, 70, 71, 82, 89, 96, 111, 127, 133, 152, 198, 207, 217, 262, 289, 308

Хука́рья. Авест.; среднеперс. Хугар. Мифическая мировая гора, высочайшая в хребте *Хара Березайти*. В иранской мифологии образ Хукарья как мировой горы развит слабо, поскольку многие космологические функции мировой горы приписываются другим элементам мироздания: хребту *Хара Березайти*, другим горам, окраинным *каршварам* и др.

12, 60, 91, 92, 121, 234, 242

Хута́оса. Авест.; среднеперс. Хутос. Царица, жена *Кави Виштаспы*, одна из первопоследователей *Заратуштры*. По-видимому, имя жены Дария I — Хутауса (греч. Атосса) — было дано ей в честь авестийской Хутаосы.

23, 24, 250, 252

Хуфр́их. Среднеперс. В легенде о *Явиште* — сестра Явишта и жена *Ахта*.

271

Хуша́нг. Среднеперс. и фарси; авест. *Хаошьянха* (см.).

109, 114, 115, 120

Хушеда́р(-мах). См.: *Саошьянт*.

234, 235, 308—310

Хша́тра Ва́рья. Авест. «власть желанная», «благое царствование»; среднеперс. Шахрева́р. Одно из божеств *Амеша Спента*. Понятие восходит к индоиранской эпохе; ведийское соответствие — кшатра, одна из групп в социальной иерархии общества. В *Гатах* — аллегория благого качества *Ахура Мазды*: олицетворение небесного единовластия Ахура Мазды и его соответствия в «земном» социуме: сильной власти, обеспечивающей оседлой скотоводческой общине процветание и защиту от набегов кочевников. В Младшей Авесте — самостоятельное благое божество с функциями покровителя металлов и неба (состоящего из металла). В системе зороастрийского дуализма, наряду с *Аша Вахиштой*, противопоставляется *Друджу*. Ахеменидские цари отождествляли с Хшатра Варьей свое правление.

19, 26, 48—50, 58, 61, 242, 248, 312

Чайча́ста. Авест.; среднеперс. Чечаст. Название озера, в окрестностях которого *Кави Хаосрава* уничтожает храмы идолопоклонников. В Авесте характеризуется как «глубокое» и «благое, созданное *Маздой*»; в пехлевийских источниках локализуется в *Атропатакане*, описывается как «теплое», «противостоящее вреду», «никакая тварь в нем не живет». Большинство исследователей отождествляют Чайчаству с озером Урмия в иранском Азербайджане; некоторые исследователи, однако, полагают, что локализация Чечаст в *Атропатакане* восходит к традиции, сложившейся при Селевкидах, и авестийской Чайчасте соответствует не озеро Урмия, а озеро на востоке Ирана, возможно, в средневековой местности Чан (район совр. Ташкента).

187—189, 311

Чин. Фарси. Название Китая и Китайского моря, находившегося, по представлениям времен Фирдоуси, на краю земли.

130, 144, 145, 190

Чинвát. Авест. Чинвáто-перéто — «переход-разлучитель»; среднеперс. Чандвар. Мост в потуготоронний мир. Некоторые исследователи полагают, что представление о Чинвате существовало уже в индоиранскую эпоху (по одной из гипотез — как мифологическое осмысление радуги). По мнению И. М. Стеблин-Каменского, Чинват — собственное теологическое нововведение *Заратуштры*.

112, 227, 228, 284, 285, 288, 290

Чíста. Авест. «ученье», «ученость», «наставление на путь истинный». В *Гатах* нарицательное понятие: праведный выбор между Добром и Злом, постижение Истины. В Младшей Авесте переосмысливается как женское божество с антропоморфными чертами — богиня праведного выбора, отождествляемая с *Дазной*. Мифы о Чисте не сохранились, однако на их существование указывают многочисленные эпитеты Чисты: «знаменитая», «далеко прославленная», «обладающая благими путями» и т. д. В честь Чисты названа одна из дочерей *Заратуштры* — *Поручиста*.

77, 79, 87

Шáру. Авест.; среднеперс. разночтения: Шовáр, Совáр. В Авесте — один из наиболее злотворных дэвов, функции которого неясны. В среднеперсидской традиции — дэв анархии и развала власти, созданный *Ахриманом* в начале творения как один из антагонистов *Амеша Спента*. Имя «Шару» этимологически соответствует ведийскому Шарва — эпитету бога грома и молнии *Рудры* (индуистск. Шива).

49, 71, 105, 240

Шáхи-бун. Среднеперс.; в других написаниях: Гехáн-бун, Гáхи-бун. Один из заливов океана *Ворукаша*.

59

Шедáспих. Среднеперс. Дэв — персонификация христианства.

233, 234

Шехрнáз. Фарси; авест. *Сахнавак* (см.).

128, 130, 135, 142, 144

Эрезу́ра. Авест. «прямая», «отвесная»; среднеперс. Арезур. Одна из гор в хребте *Хара Берзайти*, предположительно высочайшая на севере.

Вероятнее всего — мифическая гора. В пехлевийских источниках Арзур иногда — горный кряж, иногда — гора.

61, 241

Эрэхш(а). Авест.; среднеперс. и фарси Арахш. Иранский герой. В новоперсидской традиции имя Арахша — синоним патриотического самопожертвования.

153, 154

Эрнавáz. Фарси; авест. Арнавак (см.).

128, 130, 135, 142, 144

Явишт. Среднеперс., авест. Йойшта, сын Фрияны. Противник колдуна Ахта. Поздние источники иногда причисляют Явишта к Рату.

269—273

Язаты. Авест. «достойные почитания»; фарси Изэд, Йездан (эпитеты верховного бога, тождественного Ормазду). См. также: Ахуры.

26, 28, 29, 33, 60, 66, 73, 81, 87, 90, 91, 93, 97, 99—101, 107, 122, 124, 126, 149, 153, 176, 187, 222, 234, 240, 250, 263, 283, 285—287, 289, 290, 312

Яшт. Раздел Авесты. Иногда «яштами» также условно называют две главы Ясны: 9 (так наз. «Хом-яшт» и 57 (так наз. «Срош-яшт») — поскольку по содержанию эти тексты примыкают не к литургическим молитвам, а к гимнам божествам.

29, 36-38, 161

<i>Введение</i>	5
СКАЗАНИЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРОУСТРОЙСТВЕ	41
Ахура Мазда и Ахриман	43
Эра Творения	48
Начало битвы	55
Каршвары, горы, реки и огонь	60
Первые люди	63
Мир после первой битвы	66
АХУРЫ И ЯЗАТЫ	73
Фраваша	75
Аши, Даэна и Чиста	77
Вертрагна и птица Варагн	80
Хварна	83
Митра	85
Хаома	89
Ардвисура Анахита	92
Геуш Урван	95
Вайю	96
Сраоша	98
Рашну	100
МИР ДО ЗАРАТУШТРЫ	103
Арийцы-дэвопоклонники	105
Миссия Арьямана	106
Потомки первых людей	108
Династия Парадата	110

Хаошьянха Парадата	111
Вивахвант	116
Тахма Урупи	117
Царствование Йимы	121
Ажи Дахака	127
Борьба за обладание Хварной	131
Царствование Ажи Дахаки	133
Траэтаона	137
Потомки Траэтаоны	143
Манушчхир	146
Манушчхир и Франграсьян	149
Наотара	155
Туса	157
Узава	159
Сама и Керсаспа	161
Династия Кавиев	169
Кави Кавата	171
Кави Апивоха и его потомки	173
Кави Усан	175
Сьяваршан	182
Кави Хаосрава	186
Арватаспа	192
ПРОРОК АХУРА МАЗДЫ	193
Его родословие	195
В преддверии его прихода	196
Его чудесное рождение	201
Братья и противники Заратуштры	204
Заратуштру пытается убить карапан Дурасроб	205
Заратуштра в детстве	209
Заратуштра встречается с Воху Маной	211
О праведности юного Заратуштры	212
Первая встреча с Бессмертными Святыми	214
Сокровенный смысл Ахуна Варьи	217
О ритуальной чистоте и об изгнании трупной скверны	219
О ценности Огня и о прощении Керсаспы	222
Прощение греха Йимы	225
О посмертных судьбах праведников и грешников	227
Заратуштра просит Ахуру о бессмертии	230
Ахура Мазда пророчит о грядущем	232
Первые проповеди Заратуштры	236
Испытание Заратуштры	239
Шесть встреч с Бессмертными Святыми	242

Заратуштра и лже-Армайти	244
Изгнание	246
Обращение Виштаспы	250
Последователи и потомки Заратуштры	254
Великая битва с хионитами	255
После Заратуштры	262
Пешотану	263
ОТ ЗАРАТУШТРЫ ДО ФРАШКАРДА	267
Явишт Фриян и колдун Ахт	269
Проклятый Искандар	274
Арташир Папакан	275
Сошествие во ад праведного Вирафа	283
Кавад, Хосров Аноширван и еретик Маздак	292
Фрашкард	308
ДОПОЛНЕНИЯ	313
Древнеперсидская и «зороастрийская» календарные системы	315
<i>Предметно-именной справочник-указатель</i>	<i>321</i>